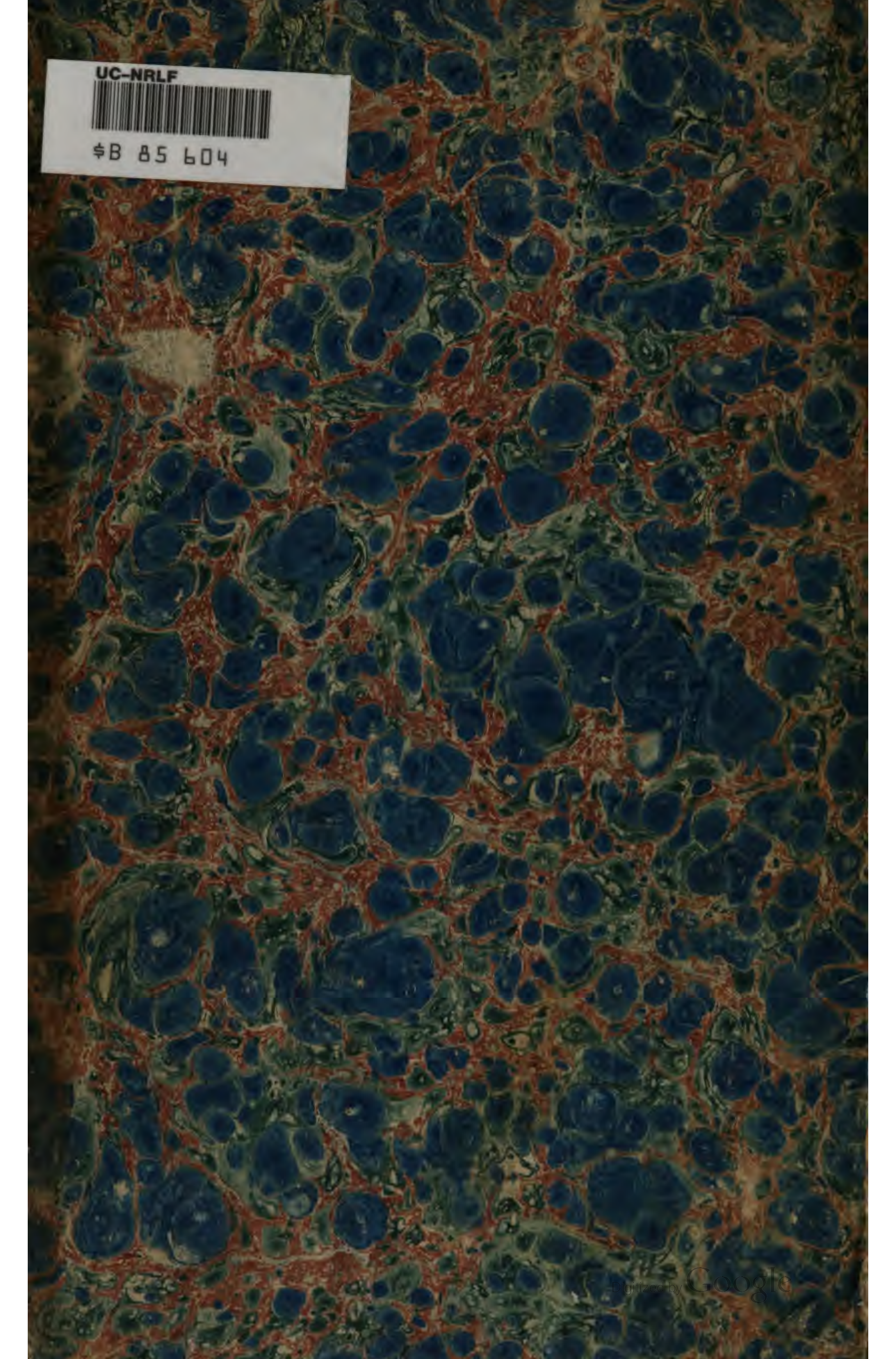
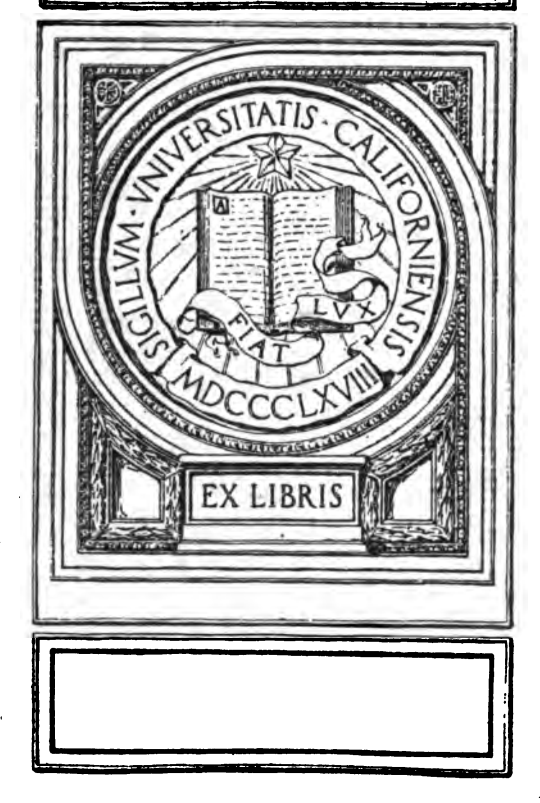

SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Kulin, V

ВИЛЕНСКІЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАЛЪ

В. КУЛИНЪ.

V Kulin

I.

ВИЛЬНА.

Печатня А. Сыркина,
на углу Нѣмецкой улицы, д. Здановича, напротивъ театра.

1869.

Дозволено цензурою. 16 Декабря 1868 г. Вильна.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Сѣверо-западныя наши губерніи до послѣднихъ польскихъ смутъ весьма мало были извѣстны русскому обществу; но событія текущаго десятилѣтія вывели этотъ край изъ тумана, въ какой онъ былъ облеченъ,—и общество съ живѣйшимъ сочувствіемъ отнеслось и къ настоящему положенію дѣлъ и къ минувшимъ судьбамъ несчастной страны. Отечественная публицистика усердно и добросовѣстно занялась разработкою многихъ вопросовъ, долгое время лежавшихъ подъ спудомъ, и проводила въ общественное сознаніе идеи исторической правды; явились–и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ и въ журнальныхъ статьяхъ – почтенные труды по археографіи, исторіи и этнографіи края; мало по малу, и въ Вильнѣ стала возникать мѣстная, русская, ученая и литературная дѣятельность. Мы не имѣемъ намѣренія перечислять этихъ трудовъ, но позволяемъ себѣ упомянуть хотя о нѣкоторыхъ изъ нихъ, для того, чтобы указать на серьезность направленія и важность работъ, принимаемыхъ здѣсь русскими людьми, съ неутомимымъ усердіемъ и любовію къ дѣлу. «Археографическій сборникъ», издаваемый при Виленскомъ учебномъ округѣ, и заслужившій сочувственные отзывы со стороны ученыхъ нашихъ учрежденій: Академіи наукъ и С-петербургской археографической коммисіи, представляетъ для историка сѣверозападной Руси новый, богатый матеріалъ. Этого сборника въ продолженіе

одного года вышло четыре тома. Искренней признательности каждаго русскаго заслуживаетъ также громадный трудъ В. Ѳ. Ратча: *«Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ», составляемыя имъ, на основаніи источниковъ, изъ коихъ многіе недоступны для большинства изслѣдователей, раскрываютъ передъ нами картину польской интриги, во всемъ ея объемѣ и даютъ намъ средства къ ея изученію. Это изданіе, котораго вышелъ нынѣ второй томъ, продолжаемое В. Ѳ. Ратчемъ съ рѣдкою добросовѣстностію и усердіемъ, къ сожалѣнію, многими еще не оцѣнено у насъ по достоинству. Въ настоящемъ же году явился въ Вильнѣ 1-й выпускъ «Достопримѣчательностей сѣверозападной Руси», исполненный подъ наблюденіемъ академика* И. П. Трутнева, *а въ Петербургѣ вышли въ свѣтъ два первые выпуска монументальнаго учено-художественнаго труда, предпринятаго* П. Н. Батюшковымъ, *подъ названіемъ: «Памятники старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи». И мы нимало не сомнѣваемся въ дальнѣйшемъ успѣшномъ развитіи ученой и литературной дѣятельности по дѣламъ сѣверозападнаго края, ибо сила вещей направляетъ неотразимо интелегентныя наши силы на этотъ путь. Теперь сдѣлалось яснымъ для всѣхъ, что окончательная роль въ дѣлѣ сліянія западныхъ губерній съ остальными частями имперіи принадлежитъ не матеріальнымъ, но нравственнымъ цивилизующимъ русскимъ силамъ. Наука и литература должны занять при этомъ принадлежащее имъ мѣсто. Интересы края необходимо вызовутъ на всестороннее его изученіе новыя силы, явятся новые труды; мы убѣждаемся въ томъ тѣмъ охотнѣе, что для любознательности русскаго ума западный край представляетъ самую благодарную почву; здѣсь—сокровищница не только для русскаго археолога, историка и этнографа, но и для русскаго романиста, драматурга и художника.*

Желая съ своей стороны содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, распространенію въ русскомъ обществѣ полезныхъ свѣдѣній о сѣверозападныхъ губерніяхъ, я предпринялъ изданіе «Виленскаго Сборника». Сотрудники нашлись на мѣстѣ и портфейль издателя наполнился въ скоромъ времени значительнымъ количествомъ статей, посвященныхъ исключительно интересамъ западныхъ губерній. Обязательное дозволеніе д. с. с. Алексѣя Петровича Стороженко доставило мнѣ возможность напечатать принадлежащія ему любопытныя записки русскаго чиновника Добрынина, служившаго въ Могилевской и Витебской губ. въ концѣ прошедшаго и въ началѣ настоящаго вѣка. Не могу однако не выразить сожалѣнія, что по обстоятельствамъ, какъ записки Добрынина, такъ и большая часть другихъ статей, не могли быть напечатаны въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были написаны.

При этомъ считаю непремѣннымъ своимъ долгомъ съ особою благодарностію упомянуть о томъ участіи и матеріальномъ пособіи, какое мнѣ было оказано, при настоящемъ изданіи, б. попечителемъ Виленскаго учебнаго округа Иваномъ Петровичемъ Корниловымъ.

Запасъ статей, имѣющихся въ моихъ рукахъ, и заявленная нѣкоторыми почтенными сотрудниками готовность доставить мнѣ новые свои труды дозволяютъ мнѣ приступить ко 2-му тому «Виленскаго Сборника» въ слѣдующемъ году.

П. Кулинъ.

Вильна
12 Декабря 1868 г.

ЗАПИСКИ ДОБРЫНИНА.

(Предисловіе).

Записки Добрынина, озаглавленныя имъ *Истинное повѣствованіе или жизнь Г. Д., имъ самимъ написанная*, сохранились въ подлинникѣ, переплетенномъ въ двѣ толстыя тетради. Авторъ раздѣлилъ свои записки на три части: первая обнимаетъ время съ половины прошлаго столѣтія до пріѣзда автора на службу въ Бѣлоруссію въ 1777 году. Вторая часть закончена 1810 годомъ. Весь этотъ промежутокъ времени авторъ служилъ въ Бѣлоруссіи, сперва въ Рогачевѣ, потомъ 20-ть лѣтъ въ Могилевѣ и наконецъ въ Витебскѣ. Третью часть авторъ написалъ въ 1822 году; она посвящена преимущество нашествію французовъ на Витебскъ.

Записки Добрынина писаны, по словамъ его, не для печати. Онъ говоритъ въ предувѣдомленіи:

«Нѣтъ, думаю, ни одного человѣка изъ могущихъ мыслить, которому бы не приходила когда нибудь мысль: кто я? гдѣ я? откуда я пришелъ? что вижу я? и куда пойду? и подобныя сему задачи. Но всѣ мыслящіе такъ и желающіе постигнуть и разрѣшить сію сокрытую отъ смертныхъ тайну остаются по прежнему въ глубокомъ о ней невѣденіи.

«Послѣ сего, осталось ли мнѣ мѣсто писать на тотъ конецъ, чтобы другіе читали? Намѣренье мое состоитъ въ томъ, чтобъ писать сущую правду для собственнаго въ настоящее и будущее время приведенія на память прошедшихъ моихъ лѣтъ и приключеній; писать такъ какъ пишутся дневныя записки. Слѣдовательно писать небылицы или выдумки было бы тожъ самое, что обманывать самаго себя. Во избѣжаніе сего и тонъ моей повѣсти и порядокъ въ ней всего безпорядка основалъ я на пословицѣ покойника моего дѣда: «мѣшай дѣло съ бездѣльемъ—лучше, съ ума не сойдешь.»

«Сродное однако жъ человѣку любочестіе заставило меня примкнуть сію пословицу, дабы блеснуть, что я мудраго дѣда внукъ.»

Быть можетъ, дѣйствительно Добрынинъ началъ писать записки для себя, но потомъ, какъ бы яснѣе оцѣнивъ общій интересъ вспоминаемыхъ яркихъ картинъ онъ сталъ тщательнѣе обработывать свой разсказъ, очевидно, имѣя уже въ виду читателей; наконецъ онъ прямо обращается къ нимъ съ разъясненіями. Такъ напр. усиленную откровенность нѣкоторыхъ мѣстъ, касающихся лично до него, авторъ оговариваетъ тѣмъ, что подражаетъ запискамъ Руссо.

При иномъ развитіи литературы, нежели какое было въ то время и при болѣе прочномъ образованіи, Добрынинъ легко бы могъ стать весьма примѣтнымъ писателемъ. Вся первая часть записокъ и большая половина второй останавливаютъ вниманіе художническою наблюдательностію и чуткостью автора. Нѣсколькими чертами, твердою рукой, воскрешаетъ передъ нами Добрынинъ цѣлыя картины тогдашняго быта. Множество лицъ, какъ напр. епископъ Кириллъ Фліоринскій

и Анатолій Мелесъ, извѣстный архимандритъ Карпинскій, Кіевскій митрополитъ Гавріилъ Кременецкій, помѣщики Касаговъ, Сафоновъ, Тютчевъ и другіе, Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ Пассекъ, ученикъ Вольтера чиновникъ Полянскій и многіе другіе обрисованы авторомъ типически.

Чтобы дать понятіе собственно о манерѣ Добрынина приведемъ нѣсколько небольшихъ отрывковъ.

Вотъ описаніе помѣщичьяго дома на тогдашнюю модную ногу.

«Двуэтажный домъ, хотя деревянный, однако жъ, выгоденъ и огроменъ, меблированъ богато и со вкусомъ, а при свѣчахъ показался онъ мнѣ еще великолѣпнѣе, нежели былъ на самомъ дѣлѣ. Расположеніе покоевъ, ихъ многочисленность, обои, картины, комоды, шкафы столики, бюро краснаго дерева, все сіе въ надлежащемъ порядкѣ и чистотѣ, а за тѣмъ уже слѣдуютъ по порядку вмѣсто подсвѣчниковъ шандалы, вмѣсто занавѣсъ гардины, вмѣсто зеркалъ и паникадилъ — люстра, вмѣсто утвари—мебель, вмѣсто приборовъ—куверты, вмѣсто хорошаго и превосходнаго—требіень и сюпербъ, вездѣ вмѣсто размѣровъ—симетрія, вмѣсто серебра—аплике, а слугъ зовутъ: ляке.»

«Камеръ-динеръ, который былъ въ шелку и въ натяжкѣ, показалъ мнѣ покой, назначенный для архіерея, со всѣми принадлежностями.

«Я, перешедъ покоя съ три отъ архіерейской спальни, увидѣлъ изъ дверей послѣдней горницы въ залѣ гостей, коихъ было персонъ болѣе 50-ти, обоего пола, сидящихъ за великолѣпнымъ ужиномъ, а въ первомъ мѣстѣ хозяина въ халатѣ и въ колпакѣ. Его старость, богатство и дружба гостей давали ему на сію вольность привилле-

гію, несмотря на то, что онъ имѣлъ чинъ выпущеннаго изъ гвардіи армейскаго поручика.»

Вотчинную контору графа Чернышева, въ которую Добрынина посылали въ дѣтствѣ для укрѣпленія въ письмѣ, онъ описываетъ такъ:

«Конторы сей образованіе было въ надлежащемъ порядкѣ, а именно: вотчинный управитель капитанъ Як. Иван. Макрушинъ, прикащикъ и бурмистръ были присутствующіе члены; земскій писарь въ качествѣ секретаря. Прочіе рядовые приказные были,— какъ и всѣ кромѣ управителя,— изъ собственныхъ его домовыхъ людей. Контора состояла изъ двухъ чистыхъ горницъ и раздѣлялась на столы или повытьи. Судейской столъ въ первомъ мѣстѣ горницы, за нерилами, покрытъ краснымъ сукномъ. На немъ уложеніе царя Алексѣя Михайловича, также повелѣнія и формы графскія о управленіи вотчиною. Стѣны конторы уставлены изображеніями царской фамиліи въ эстампахъ и генеральная всей вотчины ландкарта. Напротивъ конторы, чрезъ большія сѣни, кладовая для храненія государственныхъ сборовъ и караульня съ комплектомъ сторожей и разсыльщиковъ и въ особомъ отдѣленіи архивъ. По возрастѣ моемъ, увѣрился я изъ опыта, что порядокъ по всякой части между большими боярами исключительно принадлежалъ роду графовъ Чернышевыхъ и графа Шереметева.»

Автору особенно удаются комическія черты и комическія сцены. Съ неподдѣльнымъ юморомъ, но въ тоже время ярко и выпукло описываетъ Добрынинъ дикій разгулъ и безнаказанное своеволіе тогдашнихъ богатыхъ и сильныхъ людей. Къ сожалѣнію, здѣсь не совсѣмъ удобно привести подобныя мѣ-

ста, хотя они безспорно принадлежатъ къ лучшимъ въ запискахъ Добрынина.

Ограничиваемся выпиской небольшой картинки, которая слегка напомнила намъ извѣстную страницу изъ *Мертвыхъ Душъ*,—курьера, скачущаго по большой дорогѣ.

Епископъ уѣхалъ впередъ и за нимъ тянется обозъ спутниковъ.

«Въ числѣ оставшагося позади обоза находился и я, пишетъ Добрынинъ. Въ обозѣ нашемъ случилось напереди ѣхать поварнѣ, подъ которою что то повредилось. Пьяный поваръ Степанъ хотѣлъ слѣзть для поправки, но силы ему измѣнили. Онъ упалъ головою внизъ къ лошадямъ, а ноги остались на оглоблѣ и въ семъ положеніи пребылъ спокойно на долго. По сей причинѣ весь обозъ остановился и разъѣхался въ безпорядкѣ по дорогѣ.

Въ самую ту пору усмотрѣли мы сзади у себя скачущихъ вдалекѣ по дорогѣ двѣ кибитки тройками, во весь опоръ, съ которыхъ всѣ пассажиры, будучи еще въ самой дальности, машутъ руками и кричатъ, повторяя безпрерывно: «съ дороги, съ дороги! право— право!» Я понялъ ясное требованіе, свернулъ не только съ дороги, но и убрался въ сторону, саженей на 10, съ моею кибиткою. А прочіе хотя и не всѣ были пьяны, однако жъ возneрадѣли исполнить требованіе скоробѣгущихъ, которые наскакавши, въ одинъ мигъ выскочило изъ кибитокъ 4 человѣка съ толстыми калмыцкими плетьми. Пьяный поваръ покоился еще въ прежнемъ положеніи и лежа между колесъ кричалъ: «государева дорога широка.» Но какъ неизвѣстные наши прыгачи накрыли его толстыми своими плетьми, то онъ, мгновенно встрепенувшись, началъ бѣгать въ обѣ сто-

роны дороги, а они вдогонку не переставали подгонять его въ измѣреніи широты дороги, приговаривая за каждымъ ударомъ: «курьеру давай дорогу! курьеру не указывай.» Изъ сей поговорки я узналъ объ ихъ званіи, если только правду они говорили. Удовольствовавъ такимъ образомъ повара, бросились къ ближайшей кибиткѣ, въ которой сидѣлъ молодой бѣловолосый Степанъ Лукьяновъ. Онъ былъ болѣнъ лихорадкою, отъ которой, въ прибавку къ бѣлымъ его волосамъ, поблекъ цвѣтъ его лица, по сему они сочли его за сѣдаго старика и за господина всего обоза, кричатъ на него: «для чего ты, сѣдой хрѣнъ, не училъ своихъ подкомандныхъ.» Съ сими словами выдергиваютъ его вдругъ за руки изъ кибитки. Степанъ Лукьяновъ уже былъ на готовѣ къ измѣренію въ свою очередь широты дороги, однако жъ, великодушные курьеры придержавъ его на одномъ мѣстѣ и влѣпивъ ему въ спину съ полдюжины нагаекъ, ускакали въ свой путь. Они, безъ сомнѣнія, были бы дальше, если бы не останавливались для такихъ дракъ, безъ которыхъ всякому курьеру обойтиться можно. Изъ сей трагедо—комедіи вышла польза та, что съ повара соскочилъ хмѣль, а Степана Лукьянова покинула лихорадка.»

Описанія тогдашняго быта составляютъ самую сильную сторону записокъ, хотя въ нихъ разсѣяно множество болѣе или менѣе любопытныхъ историческихъ свѣдѣній, а особенно біографическихъ очерковъ многихъ примѣчательныхъ людей. Обучившись самоучкой, преимущественно на чтеніи произведеній изящной словесности, Добрынинъ развилъ въ себѣ чрезвычайную «чувствительность» или, правильнѣе сказать, гуман-

ность, которая укрѣпляла врожденную его наблюдательность, но сама по себѣ не могла дать автору ясныхъ политическихъ возрѣній и научить его понимать проходившія передъ его глазами явленія политической жизни — недостатокъ, отъ котораго впрочемъ начали освобождаться образованные русскіе люди. У насъ бывало не рѣдко, что такъ называемое гуманное настроеніе какъ то по неволѣ отчуждало человѣка отъ участія въ интересахъ и задачахъ общественной и государственной жизни, а долгое отчужденіе въ свою очередь приводило къ весьма одностороннему взгляду на вещи. Къ счастію, въ Добрынинѣ этотъ недостатокъ не былъ слишкомъ силенъ.

Добрынинъ родился 20-го марта 1752 года въ селѣ Радогожѣ, близь Сѣвска. Нѣсколько поколѣній предковъ Добрынина, и дѣдъ его и отецъ, служили священниками въ Радогожѣ, но автору записокъ суждена была другая участь. На шестомъ году отъ роду онъ лишился отца, и въ это время дѣдъ его уже не могъ жить въ Радогожѣ. Судьба, заставившая Добрынина провести почти весь его вѣкъ въ Бѣлоруссіи, играла важную роль въ его дѣтствѣ, въ лицѣ смоленскаго шляхтича Краевскаго.

«Радогожъ, пишетъ Добрынинъ, принадлежавшій съ деревнями графу Петру Григорьевичу Чернышеву, управляемъ былъ смоленскимъ шляхтичемъ Іосифомъ Краевскимъ. Сей, не помню за что злобствуя на моего дѣда, захватилъ его насильно, затащилъ въ конюшню и мучилъ тамъ на смерть. Я, по возрастѣ моемъ, видѣлъ заросшія знаки тиранства на тѣлѣ моего дѣда. Смерть жены священника, по духовнымъ правиламъ, обязывала вдовца идти въ монастырь, дабы тѣмъ сох-

ранить святость сана отъ грѣхопаденія. Симъ правомъ и вмѣстѣ съ симъ дѣда моего несчастіемъ пользуясь, его потащили по монастырямъ. Первая вышесказанная тяжкая обида и другія, почти ей подобныя, сдѣлали ему тяжбу на половину жизни. Во дни безсмертныя Екатерины II, ея дѣянія и ея законы: «не бить дворянина, священнослужителя, гражданина, не бить безъ суда мѣщанина и простолюдина,» ежели не истребили, по крайней мѣрѣ, поколебали, ослабили и уменьшили насиліе и варварство сильныхъ и богатыхъ.»

Почти все дѣтство Добрынина прошло въ скитаніи по монастырямъ,—изъ Сѣвскаго Спасскаго въ Николаевскій Столбовской; изъ Столбовскаго въ Рагодожскую пустынь и пр.; эти переходы дѣлались тѣмъ чаще, что въ то время упразднялось большинство монастырей и въ томъ числѣ поименованные.

«Народныхъ училищъ, говоритъ Добрынинъ, тогда не было въ Россіи, изъ семинарій самая ближняя въ 500 верстахъ, то есть, въ Москвѣ. Да и оныя тѣмъ только хороши, что лучше ихъ не было.»

Все обученіе автора ограничилось чтеніемъ, письмомъ и «пѣніемъ по нотѣ.» Для усовершенствованія въ письмѣ, Добрынина послали въ вотчинную Чернышевскую контору и въ этой «академіи незнающихъ правописанія» онъ оказалъ такіе успѣхи, что о немъ услыхалъ сѣвскій архіерей Тихонъ Якубовскій и потребовалъ къ себѣ, «ибо я, говоритъ авторъ, по общему гласу и мнѣнію, долженъ принадлежать къ штату архіерейскому».

Тихонъ Якубовскій опредѣлилъ Добрынина въ пѣвчіе, но отдалъ подъ особенное попеченіе іеромонаху Палладію «человѣку съ латынью; этотъ то Палладій

успѣлъ отрекомендовать способности и усердіе Добрынина «ученымъ, домовымъ и другимъ чиновникамъ, яко-то: катихизатору, экзаменатору, казначею, консисторскимъ членамъ, ризничему и пр.» Благодаря этой рекомендаціи, автора опредѣлили къ прописанію дьяконскихъ и другихъ печатныхъ грамотъ, что дало ему до 60 руб. годоваго дохода, «безъ лишенія пѣвческихъ прибылей съ титуломъ того званія.»

Въ 1768 г. прибылъ на Сѣвскую каѳедру епископъ Кириллъ Фліоринскій, который имѣлъ громадное вліяніе, какъ на умственное развитіе, такъ и на судьбу автора. Фліоринскій, прекрасно описанный въ запискахъ автора, принадлежитъ безспорно къ числу замѣчательныхъ духовныхъ лицъ того времени.

Родомъ малороссіянинъ, Кириллъ Фліоринскій былъ взятъ изъ Кіева студентомъ въ пѣвчіе ко двору но «не пожелалъ продолжать сей должности, ходилъ на лекціи экспиupементальной физики къ профессору Модраху.» Оттуда взятъ Новгородскимъ митрополитомъ Дмитріемъ Сѣченовымъ въ учители 4 класса Новгородской семинаріи и постриженъ въ монахи. Потомъ его послали въ Парижъ для отправленія при русскомъ полномочномъ послѣ священнической должности. Въ Парижѣ Фліоринскій пробылъ 5 лѣтъ и по возвращеніи въ Россію сдѣланъ сперва архимандритомъ Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря, а вскорѣ Сѣвскимъ епископомъ.

Фліоринскій, какъ и многіе его современники, вывезъ изъ Парижа французскій языкъ, раболѣпіе предъ иностранными обычаями, нѣкоторое знакомство съ тогдашними философскими ученіями, но за то всецѣло сохранилъ въ себѣ всѣ привычки личнаго произвола.

Фліоринскій, пишетъ Добрынинъ, «былъ чрезмѣрно пылкаго, высокомѣрнаго и горячаго свойства, твердаго духа и остраго разума, даръ слова и присутствіе памяти были первыми его дарованіями, а латинскій и французскій языки, которые онъ хорошо зналъ, придавали ему со стороны другихъ хорошее мнѣніе».

Новый епископъ примѣтилъ способности юноши Добрынина и вообще послѣдній пришелся ему по нраву. Добрынинъ дѣлалъ замѣтки при проповѣдяхъ епископа и это очень нравилось послѣднему. Благодаря наконецъ письму а также рекомендаціи Карпинскаго, Добрынину поручили приготовлять ставленниковъ т. е. обучать посвящаемыхъ въ церковно и священно-служители чтенію, письму и церковному уставу. Эти занятія дали Добрынину до 200 руб. годоваго вознагражденія.

При учрежденіи особой ставленнической конторы Добрынинъ опредѣленъ въ нее письмоводителемъ, и затѣмъ онъ долженъ былъ принять тяжкую должность келейника и вмѣстѣ съ тѣмъ кабинетнаго секретаря. Въ теченіи трехъ лѣтъ девять келейныхъ были смѣнены. Добрынину приходилось и печи топить, и полы мести, и ножи чистить, и участвовать въ земляныхъ и строительныхъ работахъ епископа, но за то онъ также переписывалъ Фліоринскому проповѣди и письма, читалъ ему книги, ѣздилъ съ нимъ въ объѣзды по епархіи и въ Кіевъ. Чего только и кого только не пришлось автору видѣть въ этихъ объѣздахъ! Изъ его записокъ живьемъ встаетъ передъ нами бытъ дворянъ и духовныхъ Екатерининскаго времени. Добрынину нерѣдко приходилось быть свидѣтелемъ долгихъ и го-

рячихъ споровъ Фліоринскаго обо всемъ на свѣтѣ съ людьми образованными и въ особенности съ побывавшими за границей. Письма, книги, пренія епископа, замѣчательное дѣло, которое завелось у него съ сунодомъ изъ за ставленнической конторы, безчисленныя столкновенія Фліоринскаго то съ властями, то съ дворянами, то съ раскольниками, то съ духовными, все это до конца разшевелило впечатлительную натуру Добрынина. Не смотря на всю тяжесть обстановки, авторъ вынесъ изъ нея прежде всего страсть къ чтенію и вскорѣ такъ навострился въ словесной наукѣ, что помогалъ епископу въ сочиненіи кантовъ, большею частію сатирическихъ и даже нажилъ себѣ хлопоты за кантъ на воеводу.

Невыносимость положенія заставила автора просить увольненія отъ должностей и начать почти отшельническую жизнь. Сдѣлавъ небольшую поѣздку на Бердичевскую ярмарку, авторъ почти на 2½ года затворился въ отведенныхъ ему покояхъ и сполна предался книгамъ.

«Пользуясь свободою времени,— пишетъ Добрынинъ, читалъ я разныя книги, которыми уже давно запасся. Я сердился на тиранство древней Греческой и Римской исторіи, но былъ доволенъ переводившимъ оныя господиномъ Тредіаковскимъ, который на отечественномъ языкѣ много просвѣтилъ своихъ единоземцевъ. Употребленныя изрѣдка въ переводѣ сего достопамятнаго мужа словянскія слова придаютъ много важности и силы чисто римскому смыслу, не смотря на злословіе, истекающее изъ зависти тѣхъ славныхъ насѣкомыхъ, кои ни строкою полезною отечеству не услужили.

«Квинтъ Курцій не меньше плѣнилъ меня, какъ на девяти-лѣтнемъ моемъ возрастѣ Бова Королевичъ.

«Изъ россійскихъ творцовъ, ни котораго я не читалъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ Сумарокова. Я столько къ нему привыкъ, что могъ различать его стихотворенія и узнавать ихъ безъ надписи, хотя ихъ еще и не читывалъ прежде. Въ нѣкоторыхъ романическихъ сочиненіяхъ, мѣста чувствительности и самопожертвованія меня поражали. Но описанія обыкновеннаго волокитства приставали ко мнѣ, какъ горохъ къ стѣнѣ. Чувства мои, говоритъ въ подобномъ случаѣ Фридрихъ Великій, не въ совершенствѣ къ тому сотворены.

«Прочитавъ нѣкоторые переводы Лесажа и Мотескю, мнѣ внушилось, что сочиненія сихъ лицъ суть явленія, отверзающія умственный глазъ подобныхъ имъ человѣковъ и оживотворяющія ощутительно душу мыслящаго существа.»

Въ своихъ запискахъ Добрынинъ очень часто цитируетъ «славнаго Лафонтена», «славнаго Руссо», «славнаго Сумарокова» и пр.; иногда онъ слегка полемизируетъ съ ними.

Двухгодовое непрерывное чтеніе, кажется, опредѣлило на всегда нравственный складъ Добрынина; оно не бросило его, однако жъ, въ вольтеріанизмъ, но придало сужденіямъ автора своеобразный отпечатокъ свободомыслія, развило въ немъ врожденную «чувствительность,» сдѣлало его чрезвычайно гуманнымъ. Необычайная гуманность или «чувствительность» автора проникаетъ не только всѣ дѣй-

ствія, всѣ отношенія, но и философскія измышленія автора.

«Споровъ и умозаключеній на свѣтѣ много, а чувствительность сердца одна—одна и столь благородна, что она не любитъ, когда ее съ пути сбиваютъ.»

Долго бился Добрынинъ, что бы освободиться; напрасно просилъ увольненія, угрожая даже лишить себя жизни—Архіерей упорно не отпускалъ автора, но наконецъ увидѣлъ, что Добрынинъ ему «не слуга, не собесѣдникъ, не секретарь, не истопникъ» и приказалъ выдать автору паспортъ изъ консисторіи. Фліоринскій все еще расчитывалъ, что Добрынинъ не уйдетъ безъ особаго отъ него аттестата, но тотъ спѣшилъ бѣжать безъ оглядки, благо у него было нѣсколько сотъ рублей, скопленныхъ за одинадцатилѣтнее пребываніе въ архіерейскомъ домѣ.

Добрынинъ отправился искать службы въ Бѣлоруссіи и путешествіемъ его въ этотъ край оканчивается первая часть записокъ. Изъ печатаемаго ниже начала второй части, читатели узнаютъ, что авторъ поступилъ на службу въ Рогачевъ и за тѣмъ переведенъ былъ въ Могилевъ.

Добрынинъ прослужилъ въ Могилевѣ до 1797 г. сперва стряпчимъ верхней расправы, потомъ верхняго земскаго суда уголовныхъ дѣлъ и наконецъ губернскимъ стряпчимъ казенныхъ дѣлъ. Кромѣ прямыхъ служебныхъ обязанностей, Добрынинъ, благодаря довѣрію къ нему генералъ-губернатора Пассека, исполнялъ многочисленныя, частныя, его порученія, которыя заставляли нашего автора путешествовать въ Москву, Тамбовъ, Пензу, Владиміръ, Таганъ-Рогъ, Бахмутъ, Бѣлгородъ и пр. Тутъ опять находимъ мы въ запис-

кахъ Добрынина любопытныя очерки тогдашняго быта и замѣтки о разнаго званія людяхъ (отъ Державина до подрядчиковъ), съ которыми авторъ имѣлъ дѣло по порученіямъ Пассека.

Вскорѣ по восшествіи на престолъ императора Павла, при тогдашнихъ многочисленныхъ перестройкахъ и перемѣнахъ, Добрынина перевели земскимъ коммисаромъ въ Витебскъ. Съ болью оставилъ авторъ сколоченный имъ на трудовыя деньги въ Могилевѣ домикъ и усердно отдался новой, трудной должности «хозяина уѣзда.» Въ началѣ 1800 г. Добрынинъ заболѣлъ и губернаторъ Сѣверинъ хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы имѣть на мѣстѣ автора человѣка болѣе угодливаго. Добрынинъ нашелъ однако заступничество за себя въ мѣстномъ русскомъ землевладѣльцѣ генералъ лейтенантѣ Боборыкинѣ.

«Бросился я съ письмомъ,—пишетъ онъ,—къ генералъ лейтенанту Петру Ивановичу Боборыкину, обвѣшенному орденами и почтенному лѣтами и службою. Онъ жилъ въ разстояніи отъ города версты на двѣ, въ пожалованномъ ему имѣніи. Близость разстоянія требовала изъясниться лично; но я изъяснился письмомъ, извиняясь, что послѣ болѣзни не могу еще выходить и пр. Онъ отвѣчалъ, что давно искалъ случая быть мнѣ полезнымъ и даже сердитъ на меня за то, что будучи въ моемъ несчастіи, не употребилъ его до сихъ поръ въ мою пользу и что онъ теперь все то для меня радъ сдѣлать, къ чему я подамъ ему свою мысль.

«Будучи безъ помощи, оживился я отвѣтомъ сего благодѣтельнаго мужа; когда я къ нему явился, онъ повторилъ лично свои слова, сказанныя мнѣ чрезъ посланнаго.

«Послѣ сего приступили къ дѣлу. Я предложилъ ему мою мысль вопросомъ: «угодно ли будетъ в. п. письмо мое, адресованное къ особѣ вашей третьяго дня, вложить въ свой пакетъ при своемъ письмѣ къ генералъ прокурору Обольянинову? Мы тѣмъ избѣжали бы многихъ изъясненій, которые уже тамъ помѣщены.»

—«Да вѣдь онъ мнѣ внучатый братъ, вскричалъ мой заступникъ, я вѣдь его зналъ, какъ онъ былъ еще ассесоромъ въ N... казенной палатѣ, а я и тогда уже былъ тотъ же, какъ ты теперь меня видишь, кромѣ Александровскаго ордена. Напиши къ нему отъ меня письмо объ себѣ. Вотъ тебѣ,—указывая на бюро—и всѣ тутъ потребности.

«Показавши, самъ пошелъ въ баню, которая тутъ же была въ покояхъ и въ который онъ, по причинѣ величайшаго гемороидальнаго припадка, обыкновенно, леживалъ на полку, безъ одѣянія.

«Написавши, понесъ ему въ баню и прочиталъ. Онъ взялъ письмо, прочиталъ его самъ и сказалъ:

—«Оно хорошо! да только ты не изъяснилъ, что Сѣверинъ человѣкъ дурной.

«Дважды я выправлялъ, перебѣливалъ и ни одно не годилось для того, что я Севѣрина мало бранилъ. Я употребилъ всю возможность на соглашеніе его, чтобы онъ не писалъ, что Сѣверинъ человѣкъ безсовѣстной и пр.

—«Довольно и того, говорилъ я, если мы, объясняя его чудотворенія, выставимъ его человѣкомъ не меньше дурнымъ, какъ смѣшнымъ, не говоря ни слова, хорошъ ли онъ или худъ, честенъ или безсовѣстенъ.

«И хотя онъ во многомъ меня послушалъ, однакожъ напослѣдокъ требовалъ, чтобы я непремѣнно вмѣстилъ

собственныя его къ генералъ-прокурору Оболънянинову слова: «если ваше высокопревосходительство не удовлетворите Добрынина возвращеніемъ службы, то я радъ пасть передъ моимъ монархомъ во удостовѣреніе, что Добрынинъ человѣкъ честной, благородной и исправной по должности, а Сѣверинъ человѣкъ дурной, безсовѣстной, который Добрынина не терпитъ для того, чтобъ ему не пришлось съ нимъ сидѣть въ губернскомъ правленіи за однимъ столомъ.» Между тѣмъ, каково мнѣ было въ банѣ—то быть одѣтому, если ему въ пору только было лежать раздѣтому?

«Окончивъ наше письмо, приложили къ нему въ одинъ пакетъ и мое съ распечатаннымъ пакетомъ, писанное къ Боборыкину, и запечатавъ отправили на почту къ генералъ-прокурору въ С. Петербургъ.»

Приведемъ кстати двѣ—три страницы, въ которыхъ авторъ очерчиваетъ Боборыкина.

«Сей старый генералъ не говорилъ иностранными языками, а службу хорошо зналъ, служа по гвардіи съ самыхъ нижнихъ чиновъ. Онъ не танцовалъ, а имѣлъ инструментальную музыку; охочь былъ принимать у себя гостей и у него плясали. У него не было иностраннаго повара, а столъ былъ хорошъ; для него же онъ тѣмъ вкуснѣе, чѣмъ больше гостей. Онъ былъ вдовъ, а сына, одного и послѣдняго, потерялъ сражавшагося противъ Шведа.—Не должно пропустить одного его дѣйствія, знаменующаго черту его характера и патріотизма, о чемъ въ его время зналъ весь Петербургъ.

«Онъ, будучи гвардіи маіоромъ и армейскимъ генералъ-маіоромъ, когда узналъ, что сынъ его убитъ на сраженіи, потребовалъ полковую музыку, собралъ гостей и ну пировать цѣлые сутки. Государыня Императрица,

замѣтивъ безпрерывный звукъ бубновъ, литавръ, барабановъ, съ пѣсенниками, спросила, что это за торжество, у кого оно? Ей донесли, что Боборыкинъ торжествуетъ потерю сына.

—«Видно, старику припалъ сердечный смѣхъ, сказала монархиня съ жалостію.

«Нѣтъ, отвѣтствовали ей, онъ здоровъ и въ такомъ присутствіи духа каждому въ слезахъ говоритъ: «Для благороднаго человѣка нѣтъ славнѣе мѣста умереть, какъ сражаясь за отечество.» Государыня Императрица послала тотчасъ увѣрить его, что она хотя не можетъ возвратить ему сына, котораго вмѣстѣ съ нимъ оплакиваетъ, однакожъ пріемлетъ на себя попеченіе помнить и награждать его потерю во всѣ остатки дней своихъ.

«Я узнавши эту исторію, когда напомнилъ ему объ ней, онъ мнѣ отвѣчалъ: «да! потеря сына чуть ли бы не вогнала меня въ гробъ, если бы не оживила меня своею милостью покойная императрица. А какъ послѣ того умерла моя жена, то я два года въ церковь не ходилъ и не хотѣлъ ничего признавать за святое. Богъ однако жъ милостивъ, не далъ мнѣ погибнуть въ отчаяніи. А если ты хочешь знать, я тебѣ скажу случай, когда чуть не былъ задушенъ радостью и удовольствіемъ. Могу побожиться,—продолжаетъ старый воинъ—что ни одинъ генералъ россійской не былъ столько счастливъ, какъ я. Ты, я думаю, и самъ знаешь, что никогда столько по гвардіи не пережаловано Россійскаго благороднаго юношества въ унтеръ-офицеры и сержанты, какъ за бытность мою въ гвардіи маіоромъ. Изъ унтеръ-офицеровъ и сержантовъ, обыкновенно выпускались въ полевые полки порутчиками и капитанами.

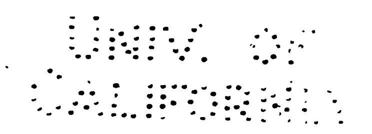
Я дѣлалъ это не изъ корыстолюбія, хотя и могъ набогатиться также, какъ другіе въ другихъ полкахъ набогащались. Я дѣлалъ это изъ охоты не отказывать, когда меня просятъ. Сама Государыня Императрица знала, что я не корыстуюсь. Преемникъ мой по гвардіи Александръ Мих. Римскій-Корсакъ удивился, когда я сдалъ ему съ рукъ на руки огромное количество полковой, экономической, денежной суммы, которую я могъ бы себѣ присвоить, не боясь ни кого. И когда одинъ изъ добрыхъ генераловъ сказалъ Корсаку предъ Государынею Императрицею, что «вамъ де Боборыкинъ оставилъ не полное число лошадей въ полку,» тогда Корсакъ отвѣчалъ: «лошадей купить не мудрено, когда Боборыкинъ накопилъ и мнѣ отдалъ огромную экономическую сумму».

—«Ваше превосходительство, сказалъ я, хотѣли сказать, какую вы чувствовали радость и удовольствіе, какихъ ни одинъ россійскій генералъ....

«Да!.... случилось мнѣ быть въ Москвѣ. Я вошелъ въ театръ и сѣлъ въ партерѣ. Черезъ минуту по всему театру пошелъ гулъ,—далѣ больше, далѣ больше и вдругъ въ ложахъ и въ партерѣ ударили въ ладоши и закричали: Петръ Ивановичъ Боборыкинъ! Петръ Ив. Боборыкинъ! а г-жи княгини, графини и другихъ знаменитыхъ фамилій, будучи бабушки, тетушки, матушки, сестрицы, во всю мочь кричатъ со всѣхъ мѣстъ: дайте намъ Боборыкина! покажите намъ благодѣтеля нашихъ дѣтей! нашихъ внуковъ! нашихъ братьевъ! племянниковъ! Иныя вскакиваютъ на стулья, на парапетъ и кричатъ: «на руки его! на руки его!».... Въ жизни моей, я, ни прежде, ни послѣ, не былъ пораженъ такою радостію и удовольствіемъ, какъ тогда.»

Благодаря вмѣшательству Боборыкина, представленіе губернатора объ отрѣшеніи Добрынина было возвращено въ Витебскъ и вскорѣ снова отправилось въ Петербургъ, уже въ видѣ представленія дать Добрынину высшее мѣсто, а именно выбранное имъ совѣтническое во 2-мъ департаментѣ Витебскаго губернскаго суда; безъ большихъ промедленій Добрынинъ получилъ эту должность и на ней читатели застаютъ автора въ началѣ третьей (не большой) части, помѣщаемой ниже почти вполнѣ.

В * * *

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ДОБРЫНИНА.

I

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЪ БѢЛОРУССІИ

ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМЪ И НАМѢСТНИКѢ ГРАФѢ З. Г. ЧЕРНЫШЕВѢ.

(1777 — 1781.)

XXXI — XXXIV (*).

Въѣздъ въ Бѣлоруссію.— Дорога.—Полномочія гр. Чернышева.— Рогачевъ и другіе бѣлорусскіе города послѣ польскаго владычества.— Звягинъ.— Таможенная служба.— Алѣевцевъ.—Киселевскій.— кн. А. И. Горчаковъ.—Цолнеръ Хамкинъ.—Уѣздный Коммиссаръ Вязмитиновъ.— „Благодѣтель" и опредѣленіе Добрынина на службу въ Рогачевъ.— Поѣздка въ Могилевъ.—Губернская канцелярія въ праздничный день.— Воевода Малѣевъ.—Опредѣленіе Добрынина на службу въ Могилевъ.— Отъѣздъ изъ Рогачева.— Дорога.

Перевалившись въ возвращенный бѣлорусскій край, мы удивились, увидя безконечную аллею, по которой ѣхали, усаженную съ обѣихъ сторонъ по два ряда березками, и спѣшили добѣжать ея конца; но къ большему нашему удивленію и путевой радости, узнали, что это была большая почтовая до-

---

*) Первыя XXX главъ составляютъ первую часть записокъ Добрынина.

рога, прорѣзанная правильно по распоряженію и повелѣнію бѣлорусскаго тогдашняго Главно-командующаго, а потомъ бѣлорусскаго Государева намѣстника Графа Захара Григорьевича Чернышева.

Теперь извѣстны уже во всей Имперіи бѣлорусскія большія дороги; и хотя они въ послѣдующія времена довольно измѣнились, однакожъ вида и основанія своего не потеряли. Сей, златыхъ для Россіи временъ, вельможа и патріотъ, доказалъ, что ему легче было созидать, нежели другимъ созданное поддерживать. А можетъ-быть это и потому, что онъ, имѣя отъ Государыни Императрицы полную довѣренность, имѣлъ силу не допускать ни кого вмѣшиваться въ его распоряженія.

Смотря на проѣзжаемый нами сосновый лѣсъ, на новопостроенные почтовые дома, на исправную почтовую упряжку и хорошихъ лошадей, которыхъ намъ вездѣ запрягали расторопно, не говоря напередъ даже ни о прогонахъ, ни о подорожной, на обмундированныхъ въ куртки зеленаго сукна почталіоновъ, съ мѣдными на каскахъ со лба гербами, а съ затылка номерами, на прочные и даже красивые, во всю широту дороги, мосты, я столько былъ простъ, что даже и не помыслилъ, что все видимое нами есть плодъ дѣятельности и образованнаго вкуса Главнокомандующаго Россійскаго, Графа Чернышева.— Напротивъ, я изъ сихъ видимыхъ предметовъ заключалъ, что по пріѣздѣ въ первый бѣлорусскій городъ Рогачевъ, мы увидимъ великолѣпныя зданія. Доказательство, что я ни малѣйшаго не имѣлъ свѣдѣнія о политическомъ состояніи польской республики. Слѣдовательно и не зналъ, что я въѣхалъ въ край, бывшій не давно *подъ владѣніемъ* — какъ одинъ свѣту извѣстный писатель сказалъ— *ста тысячь королей*, кои просвѣщены монахами и укрѣплены союзами съ народомъ Іудейскимъ.

Съ 1797 года зеленыхъ куртокъ и касокъ съ гербами уже нѣтъ. А въ 1804 году случилось мнѣ видѣть съ балкона нашего департамента, какъ Бѣлорусскій Военный Губернаторъ Михельсонъ, возвращаясь изъ Могилева, ѣхалъ по Витебску. Въ большую его карету множество нацѣплено было малыхъ

мужичьихъ лошадей, какъ овецъ;— почтальоны въ крестьянскихъ зипунахъ.

Приблизившись къ городу, мы увидѣли обыкновенную деревню, а въѣхавши въ него, нашли лучшее изъ всѣхъ строеній: новый почтовый домъ, выстроенный по новому общему плану. Но какъ обстоятельства дѣлъ нашихъ требовали здѣсь пріостановиться, то мы едва нашли у одного изъ жидовъ квартиру, въ которой можно было укрыться отъ дождя, но не отъ смраду и таракановъ. Я прошелъ и обошелъ раза три городъ, и всегда видѣлъ тѣ же мужицкія хижины и жидовскія корчмы, погруженныя въ вѣчную грязь и навозъ. Въ пустомъ замкѣ, заросшемъ высокою травою, одна уніатская церковь, а среди города на песчаномъ бугру другая; на возвышенномъ берегу Днѣпра, базиліанскій, деревянный, старый, бѣдный кляшторъ и баталіонная малая церковь. Всѣ сіи публичныя зданія, бѣдныя и ветхія, кромѣ баталіонной церкви, построенной вновь скорою рукою, которая кромѣ новости ничего не имѣла. Храмы сіи дополняются прихожанами изъ деревень, а для жидовской синагоги, довольно городскихъ іудеянъ.

Уже въ теченіи долголѣтней моей въ Бѣлоруссіи службы узналъ я изъ опыта, что въ двухъ бѣлорусскихъ губерніяхъ пять только городовъ: Могилевъ, Полоцкъ, Витебскъ, Невель и Велижъ; прочіе всѣ довольно похожи на Рогачевъ, кромѣ Орши и Мстиславля.

Одни только воды даютъ Рогачеву преимущество предъ многими городами. Съ одной стороны Днѣпръ, а съ другой Друць слилися вмѣстѣ, и при самомъ соединеніи образовали изъ твердой земли острый клинъ, или по географически *мысъ*, по русски *носъ*, по бѣлорусски *рогъ*, отъ чего вѣроятно и городъ, поселившійся на сей многоимянитой земли, получилъ названіе Рогачева. Понеже время сіе было еще до открытія губерній по образу учрежденія Екатерины Великія, то гражданское правительство состояло изъ провинціальной канцеляріи, въ которой чиновники: воевода, товарищъ, прокуроръ и два секретаря съ канцелярскими служителями. Въ особой канцеляріи уѣздный Коммиссаръ, отправляющій должность полицейскую

въ городѣ и въ уѣздѣ, таможня съ чиновниками и служителями, и комендантъ съ семействомъ и малою командою, а баталіонъ по деревнямъ.

Узнавъ, что весь городъ состоитъ на казенномъ жалованьѣ, слѣдовало по порядку видѣть кого нибудь изъ сихъ благородно-кочующихъ, а особливо упомянутаго мною въ первой части г-на Звягина. Мы пошли на другой день послѣ полудни, около 5-го часа, въ его квартиру и Луцевинъ долженъ былъ принять на себя первенство. При началѣ свиданья съ Звягинымъ, онъ напомнилъ о своемъ малолѣтствѣ, о своей фамиліи и знакомыхъ потому, что Звягинъ давно уже съ своей родины отлучился. Потомъ наименовалъ своего товарища. Звягинъ принялъ насъ довольно пріятно, и мы всѣ трое вступили въ рѣчь. Хозяинъ пожелалъ знать причину путешествія посѣтителей своихъ. Мы объявили, что ищемъ службы и проч.

—«Вы благоразумно дѣлаете отвѣчалъ онъ, вы еще люди молодые (*), всего можете надѣяться и все еще передъ вами. Чего досидишся дома? Я, такъ же какъ вы, пустился на волю Божію. Благодарю Бога, случай нашелъ мнѣ знакомаго благодѣтеля Сергѣя Козмича Вязмитинова, онъ еще будучи въ пансіонѣ, зналъ меня, какъ я былъ повытчикомъ. Онъ теперь будучи при Главнокомандующемъ Бѣлорусскими губерніями, Генералъ-Фельдмаршалѣ Графѣ З. Г. Чернышевѣ, Генералъ-Адъютантомъ, доставилъ мнѣ теперешнее мѣсто.»

—Позвольте, перервалъ я, не изъ Рыльскихъ ли онъ помѣщиковъ? Я тамъ знаю подпоручика Ивана Козмича Вязмитинова, не свои ли они?

—Это братъ его младшій, отвѣчалъ Звягинъ. Онъ теперь маіоромъ и находится здѣсь въ Рогачевѣ уѣзднымъ коммиссаромъ,— и потомъ продолжалъ, какъ будто желая упредить

---

*) По моему разсудку, молодой человѣкъ въ нашемъ климатѣ лѣтъ отъ 17-ти до 24-хъ. Къ удивленію, меня даже и тогда называли молодымъ человѣкомъ, когда мнѣ было за 35-ть лѣтъ. Ежели это по моложавому лицу, то не худо,— а ежели жаловали меня молодымъ изъ снисхожденія къ молодому разсудку, то не ловко.

наши вопросы,— «Наши таможенныя должности, какъ всѣмъ извѣстно, могутъ подкрѣпить состояніе человѣка, знающаго долгъ службы и важность присяги; человѣка имѣющаго честь, но, для жаждущаго набогатиться, наши должности скользки и пагубны. Благодарю Бога, я, держась моихъ правилъ, не былъ во всю службу ни подъ судомъ, ни подъ отвѣтомъ, да уповаю, что и никогда себя до того не допущу.»

Мнѣ весьма понравилась мысль и бесѣда Звягина. Луцевичъ мой спросилъ: «Полонъ ли при васъ положенный комплектъ?»

—«Полонъ», отвѣчалъ г. Звягинъ, «но будетъ ли онъ полонъ завтра, будетъ ли онъ завтра тотъ же, или на мѣсто его другой? Не ручаюсь. Опредѣленіе въ таможню чиновниковъ и служителей зависитъ отъ Губернатора. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ цолнеръ мой лишился мѣста; ему велѣно явиться въ Могилевъ для опредѣленія его въ другой, неизвѣстно какой должности. На мѣсто его пріѣхалъ вашъ одноземецъ, сѣвскій уроженецъ г. Хамкинъ; а теперь говоритъ, что и на мѣсто его назначенъ уже другой.»

— Отчего же такъ? спросилъ я. «Отъ того, отвѣчалъ г. Звягинъ, «что Губернаторъ по новости края и разныхъ заведеній, отъ каковыхъ внутреннія губерніи свободны, обремененъ несказаннымъ множествомъ бумагъ. Ему едва стаетъ время на выслушаніе ихъ и на подписаніе исполненій по своимъ приказаніямъ. А правитель его канцеляріи г. Алѣевцевъ подноситъ Губернатору къ подписанію между бумагами, что хочетъ, и даже говорятъ,носитъ въ карманѣ подписанные ордера на секретарскіе чины и на таможенныя должности.

— Неужели это не доходитъ до Губернатора?

— Жаловаться на него ни кому не полезно. Губернаторъ самъ говоритъ, что Алѣевцевъ огорчитъ его единожды, а десять разъ ему надобенъ. Случалось, что этотъ способный къ дѣлу гуляка посыланъ бывалъ на гауптвахтъ для содержанія на хлѣбѣ и водѣ, но на другой день опять оттуда требовался къ должности, потому что Губернаторъ не находитъ кѣмъ его замѣстить, хотя и много при немъ секретарей.»

— Стоитъ ли онъ этаго мнѣнія, какъ Губернаторъ объ немъ изъясняется?

— «Стоитъ. Человѣкъ способный къ дѣлу, уменъ и добрый человѣкъ, пока не загуляетъ.»

Я спросилъ Звягина, кто таковъ изъ Сѣвска Хамкинъ? Мнѣ давно случалось тамъ видѣть, какого-то купца Хамкина, не молодаго уже человѣка, который охотникъ еще и пѣть въ церкви громкимъ голосомъ—теноро басистымъ.

— Да онъ-то и есть, отвѣчалъ Звягинъ — онъ и здѣсь неумолкаемъ. Теперь онъ Губернскимъ Секретаремъ по милости Алѣевцева.

При семъ вошелъ человѣкъ, лѣтъ почти равныхъ директору, благообразенъ и пріятнаго оборота. Это былъ таможенный кассиръ г. Киселевскій. Звягинъ, показывая ему на насъ, сказалъ: это наши одноземцы, одинъ изъ Сѣвска, другой изъ Рыльска, оба господа канцеляристы.

Кис. Радуюсь, хоть и не имѣю чести знать. Да какъ намъ другъ друга знать? Они люди молодые, а я семнадцать уже лѣтъ какъ Сѣвскъ оставилъ. Слыхали ль вы про воеводу Николая Юрьевича Ржевскаго?

Я. Я его видѣлъ, но очень слабо помню за моимъ малолѣтствомъ...

Кис. Я у него былъ камердинеромъ и дядькою при дѣтяхъ, потомъ по милости его получилъ вольность, и чрезъ Императорскій воспитательный домъ—шпагу. Теперь, какъ видите, я здѣсь при должности (*).

Я. Хотя разстояніе времени не позволило намъ знать васъ въ Сѣвскѣ, однакожъ мы тѣмъ не меньше счастливы, что теперь на чужой сторонѣ находимъ себя между своими. Просимъ насъ полюбить, а мы это будемъ заслуживать.

---

*) Этотъ Киселевскій былъ человѣкъ очень хорошій, пріятный, скромный, вѣжливый; я для того не могъ обойтися безъ сей объ немъ ремарки, что познакомнвшись съ нимъ дружески, находясь уже при должности въ Могилевѣ, смерть его, послѣдовавшую вскорѣ, не могъ я перенесть безъ чувствительной горести.

Послѣ сихъ искреннихъ и для насъ очень нужныхъ изъясненій, мы всѣ трое перецѣловались—какъ водится въ мірѣ—и тотчасъ увидѣли человѣка входящаго въ двери, во фракѣ свѣтлосѣраго камлота, волосы у него закручены въ пучекъ съ полъ фунтомъ пудры, лѣтъ и росту среднихъ, хорошо раскормленнаго, лица бѣлокураго и не сухаго.

Онъ поклонился нѣсколько мѣховато и съ нерадѣніемъ.

— Милости просимъ, князь, сказалъ хозяинъ. Гдѣ жъ погуляли Ваше Сіятельство?

— Во славномъ во городѣ Рогачевѣ, отвѣчалъ избаловано—образный человѣкъ.

Что за дьявольщина— подумалъ я, и взглянулъ на Луцевина—городъ похожъ на скотный дворъ, а въ немъ гнѣздятся князья.

— Это мои земляки, сказалъ хозяинъ, указывая князю на насъ.

— Что не къ намъ ли пріѣхали? вопросилъ князь.

— Куда трафится, отвѣчалъ за насъ хозяинъ.

Между тѣмъ подали чай и мы, выпивши по чашкѣ, откланялись.

Хорошая погода заохотила насъ пошататься еще нѣсколько времени по берегу Днѣпра и непримѣтно завернуться и проходить опять квартиры Звягина. Тутъ намъ встрѣтился выходящій князь.

— Что г-да пріѣзжіе?— остановилъ онъ насъ вопросомъ—знаете ль вы князя Алексѣя Ивановича Горчакова? Онъ здѣсь Прокуроромъ и съ вами теперь говоритъ.

— За честь почитаемъ, отвѣчалъ я.

Кн. Я слышалъ, вы хотите опредѣлиться къ мѣстамъ. Да что вы тутъ сыщете въ провинціальной канцеляріи? тутъ, братъ, за чинки—то надобно кланяться воеводѣ, а въ Могилевѣ будешь ты дарить Алѣевцева. А ежели вы опредѣлитесь къ моимъ Прокурорскимъ дѣламъ, такъ я прямо объ васъ напишу къ Генералъ Прокурору и вамъ Сенатъ пришлетъ патенты на чины. Вы подлѣ моей квартиры остановились? Я знаю. Приходите завтра ко мнѣ обѣдать.»

Послѣднія его слова похожи были на дѣло. Мы поблагодарили его сіятельство и разстались.

— Какъ ты думаешь объ увѣреніяхъ этого князя? спросилъ я Луцевина. Луцевинъ отвѣчалъ: мнѣ кажется, что на слова его полагаться нельзя.

— Такъ по этому всего лучше, сказалъ я, что мы завтра будемъ у него обѣдать.

За симъ и вечеръ и ночь протекли.

По утру, вѣжливость требовала быть у князя съ почтеніемъ. Онъ повторилъ намъ приглашеніе къ обѣду. Отъ него разсудили пойти къ цолнеру Хамкину единственно для того, что онъ одноземецъ. Хамкинъ, старикъ здоровый и крѣпкій, при первомъ взглядѣ вскричалъ:

— А, здорово, молодцы! Я васъ вчера не много не засталъ у Петра Савича Звягина; вы только что передо мною ушли.

Мы рекомендовались ему, какъ пришлось. Онъ жилъ съ семействомъ и скоро спросилъ насъ: «вы канцеляристы? У насъ бывало въ Россіи канцеляристы люди умные, дѣловые, старики, а вы люди молодые.»

Мы не знали, какъ думать объ этомъ неясномъ смыслѣ: хвалитъ ли онъ насъ, или бранитъ? Можетъ-быть, подъ другое мы, по справедливости, ближе бы подходили; но мы на ту пору не расположены были выслушивать ни лжи, ни правды, ни грубости, ни лести. Онъ объявилъ о себѣ, что онъ имѣетъ чинъ губернскаго секретаря, и, что «сынъ его Егоръ также благородный человѣкъ, провинціальный секретарь. Потомъ, протянулъ онъ руку къ картинѣ, вытащилъ изъ за рамы пакетъ и читаетъ: Его Благородію Ивану Семеновичу Хамкину».

— «Это отъ Василія Яковлевича Алѣевцева», прибавилъ онъ.

Потомъ вытянулъ тѣмъ же порядкомъ другой и то же повторилъ. Намъ не разсудилось у него пробыть больше, откланялись и пошли.

Луцевинъ по выходѣ меня спросилъ: какъ я думаю о цолнерѣ Хамкинѣ? Я отвѣчалъ: онъ на эту пору счастливый скотъ, — и мнѣ кажется, что онъ съ теперешняго овса и сѣ-

на скоро сядетъ, по долгу службы и присяги, на ржаную солому; Луцевинъ отвѣчалъ: «Да, ему надобно этого ожидать.» Пророчествуя такимъ образомъ о чужихъ судьбахъ и не зная о своей, добрались мы до квартиры Уѣзднаго Коммиссара, маіора Вязмитинова; время было около 10-ти часовъ утра. Мы нашли его еще не причесанаго. Послѣ первыхъ нашихъ ему привѣтствій, онъ тотчасъ узналъ во мнѣ знакомое ему лице и припомнилъ бытность въ домѣ его отца, сѣвскаго Преосвященнаго со всѣмъ штатомъ. Потомъ сказалъ: «да вы уже третій день здѣсь!», а къ Луцевину: «вы вѣдь самый меньшій изъ братьевъ? Кажется я васъ видалъ маленькаго еще, въ Рыльской канцеляріи» и проч. Потомъ онъ видя, что мы хотимъ откланяться сказалъ: „вы здѣсь люди заѣзжіе, не отобѣдаете ль у меня запросто, что Богъ послалъ?» Я, поблагодаря, отвѣчалъ, что очень жалѣемъ, что принуждены лишиться на этотъ разъ нашего удовольствія. Насъ пригласилъ князь Алексѣй Ивановичь Горчаковъ?— «Какъ вы такъ скоро познакомились?» спросилъ Вязмитиновъ съ перемѣною лица. А мы, обращая все въ свою пользу, вышедши порадовались, что нами дорожатъ, если ревнуютъ.

Мы отсель пошли на квартиру и соображая пашими разсужденіями все видѣнное нами въ Рогачевѣ и такъ же слышанное отъ г-на Звягина, истребили на вѣчныя времена охоту къ должностямъ таможеннымъ.

Между тѣмъ, чѣмъ ближе приходило время къ обѣду, тѣмъ чаще мы посматривали въ окно, и напослѣдокъ увидѣли князя, проходящаго изъ канцеляріи домой, и за нимъ выскочили вмѣстѣ съ поклонами.

Князь дома показался намъ лучшимъ, нежели вчера на улицѣ; можетъ-быть и обѣдъ не мало въ этомъ участвовалъ. На столъ поставлено было только четыре кушанья, но въ наилучшемъ вкусѣ, въ изобильномъ количествѣ, и столовый приборъ вообще былъ самый чистый, за который и бояре Царя Владиміра не нашли бы причины къ упрекамъ.

Спустя два часа послѣ обѣда, мы откланялись и пошли на квартиру. Луцевинъ по молодости и по натурѣ крѣпко за-

снулъ, а я, по моей натурѣ, пошелъ по городу, по окружавшему его лѣсу, по берегамъ Друци и Днѣпра, и возвращаясь около 6-го часа по полудни зашелъ къ Вязмитинову. Онъ уже слышалъ отъ Звягина о причинѣ нашего странствованія, а теперь пожелалъ слышать отъ меня самаго и былъ благосклоненъ сказать мнѣ:

— »Я охотно бы вамъ помогъ, но при мнѣ нѣтъ мѣста выгоднаго по штату, кромѣ одного сто рублеваго, которое на прошедшей недѣлѣ очистилось смертію бывшаго при мнѣ канцелярскаго служителя. Ежели жъ вамъ нуженъ больше оберъ-офицерскій чинъ нежели жалованье, то я вамъ обѣщаю его выпросить. Ежели бы не сдѣлали для меня, сдѣлаютъ для брата, который, какъ вы уже знаете, при графѣ Генералъ-Адъютантомъ.»

По всеобщему мнѣнію, первымъ счастіемъ браковать не надобно потому, что оно, мстя за себя, въ другой разъ не является; по чему и отвѣтъ мой былъ: «извѣстно вашему высокоблагородію, что въ Россіи человѣкъ безъ чина можно сказать— человѣкъ безъ званія; ежели будетъ ваша ко мнѣ милость, то я другаго мѣста и пособія не ищу.»

— Ну-такъ-дѣло сдѣлано! сказалъ Вязмитиновъ, напиши просьбу по формѣ, завтра подадимъ ее въ Провинціальную канцелярію. Она нашлетъ ко мнѣ указъ о опредѣленіи тебя на имѣющуюся при мнѣ вакансію, а между тѣмъ я упрежду о семъ воеводу.

— Позвольте намъ, сказалъ я Вязмитинову, съѣздить послѣ подачи просьбы въ Могилевъ.

— Что тебѣ тамъ дѣлать?...

— Только, чтобы знать свой губернскій городъ и, если случится въ періодъ туда за чѣмъ, чтобъ онъ былъ знакомѣе, а къ тому же мы съ товарищемъ, хотя и намѣрены были служить при одномъ мѣстѣ, однако жъ для него здѣсь повидимому ничего не случится, то надобно ему постараться о себѣ въ Могилевѣ...

— Да что ты объ немъ суетишься? Знаешь ли ты его поближе? Я слыхалъ въ Рыльскѣ и въ Путивлѣ, что онъ о сю пору успѣлъ уже заниматься ябедническими дѣлами . . . . .

— Я этаго не слыхалъ, однако жъ это можетъ быть и правда, и быть можетъ, что онъ имѣетъ своихъ недоброжелателей. Впрочемъ, мы еще оба съ нимъ не устарѣли. Время научитъ, какъ съ людьми жить на свѣтѣ.

— Да ты ему не говори— сказалъ мой благодѣтель съ благоразумною предосторожностью—можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ не все правда, что люди врутъ. Ну, такъ ѣдешь въ Могилевъ?

— Надобно съѣздить . . . . .

— Хорошо.

Напившись вечерняго чаю, поблагодарилъ я чувствительно моего благодѣтеля, и, пришедъ на квартиру, пересказалъ все моему сопутнику, что случилось со мною во время его сна, исключая мнѣнія объ немъ Вязмитинова.— Онъ все слушалъ съ довольнымъ равнодушіемъ, но предположенное путешествіе завтра въ Могилевъ одобрилъ горячо.

На завтра я пошелъ къ Вязмитинову съ заготовленною просьбою. Онъ мнѣ сказалъ, что воевода упрежденъ отъ него вчерашняго же вечера. И такъ, одѣвшись, взялъ онъ меня съ собою часу въ 10-мъ въ Провинціальную канцелярію, гдѣ принялъ отъ меня воевода просьбу, сидя на своемъ мѣстѣ, и прочитавъ сказалъ: «Очень хорошо! намъ добрые люди надобны.»

Не тратя времени, мы, взявши подорожную, сегодня же выѣхали въ Могилевъ и вездѣ по дорогѣ видѣли тѣ же почтовые дома, упряжку, обмундированныхъ почталіоновъ и ту же дорогу. Уже мы знали, что все это есть плодъ труда и вкуса графа Чернышева, а потому изъ одной ошибки впали въ другую. Намъ казалось, что гдѣ графъ Чернышевъ, тамъ непремѣнно долженъ быть другой свѣтъ, имъ самимъ образованный или по штату ему положенный.

Въ Могилевѣ на силу мы нашли квартиру, не многимъ чѣмъ почище Рогачевской потому, что лучшія жилища заняты

были графомъ со штатомъ, губернаторомъ, статскими чиновниками, канцелярскими служителями, воинскими чинами, наѣзжими польскими помѣщиками и просителями; въ отдаленныхъ же отъ центра города домахъ намъ останавливаться не хотѣлось.

Мы, по обыкновенію моему, предприняли обозрѣть мѣсто, чтобы знать, гдѣ мы находимся; однакожъ одного утра для насъ, по причинѣ обширности селенія, было мало, и мы, не кончивши своего курса, почувствовали надобность возвратиться къ заказанному нашей хозяйкѣ обѣду, а послѣ-обѣденное время употреблено было на окончаніе нашего обозрѣнія. На другой день мы, одѣвшись, хозяйкѣ обѣда готовить уже не заказывали потому, что онъ показался намъ мѣщановатъ; но походивши, пошли въ трактиръ, гдѣ за супъ, за дурной соусъ изъ вчерашняго жаркаго и за жаренаго цыпленка съ салатомъ взяли съ насъ тридневное наше содержаніе. Обжогшись платою за обѣдъ дурной, мы уже не кидали мѣщанскаго обѣда.

Сей день послѣ-обѣденное время употреблено на размышленіе. Три задачи подлежали нашему рѣшенію, три точки были нашими предметами: 1-е, Луцевину нужно было въ настоящее время вступить въ службу, 2-е, при открытіи намѣстничества попасть обоимъ въ росписаніе не на низкія канцелярскія мѣста въ губернскомъ городѣ, а между тѣмъ 3-е, стараться не упускать случаевъ къ пріобрѣтенію чиновъ.

Губернатору для привлеченія въ новый край къ должностямъ людей, дана была власть жаловать въ статскіе оберъ-офицерскіе чины включительно до губернскаго секретаря.

До открытія въ Бѣлоруссіи намѣстничествъ, вице-губернаторы имѣли 4 классъ, хотя бы и за урядъ. — Они присутствовали вмѣстѣ съ губернаторомъ и имѣли подъ своею дирекціею и распоряженіемъ канцелярскихъ чиновъ. По сему и поискъ счастья надлежало начать съ вице-губернатора.

Слѣдующій за тѣмъ день былъ воскресный. Мы, одѣвшись сколь можно по чище, причесавшись и припудрившись во всю моду, направили путь свой къ квартирѣ вице-губернатора

Воронина, куда, по вчерашнему еще нашему плану, Луцевинъ долженъ взойти съ прочими поклонниками и дать себя примѣтить, а ежели трафится, то и представить себя и изъясниться. Исполняя сіи намѣренія, Луцевинъ взошелъ во 2-й этажъ, а я пошелъ шататься по городскому валу и ожидать его тамъ по сдѣланному условію. Онъ вскорѣ появился.

— Я нетерпѣливо хочу знать, сказалъ я, есть ли что доброе?

Луц. Все хорошо случилось. Дѣло въ шляпѣ!

Я. По этому все сдѣлано?

Луц. Лишь только я выступилъ и поклонился, то вице-губернаторъ, взглянувъ на меня, спросилъ: вы не имѣете ль ко мнѣ дѣла? Я ищу службы статской, отвѣчалъ я.

Виц. губ. Какъ вы по фамиліи?

Луц. Луцевинъ.

Виц. губ. Луцевинъ? Такъ вы изъ внутренней Россіи? А не знаете ль вы подполковника Луцевина, Петра Алексѣевича?

Луц. Это мой дядя родной.

Виц. г. Гдѣ жъ онъ теперь? Здравствуетъ ли онъ?

Луц. Въ Таганъ-Рогѣ, при должности, здравствуетъ.

Виц. г. Мы съ нимъ однополчане и пріятели. Да чтожъ онъ обо мнѣ позабылъ?

Луц. Я поѣхалъ сюда изъ Сѣвска, который отъ Таганъ-Рога въ дальнемъ разстояніи. Отъ сего времени, я надѣюсь, что онъ по увѣдомленію моему, будетъ имѣть честь писать къ Вашему Высокородію. (*)

Виц. г. Служилъ ли ты гдѣ? Имѣешь ли абшитъ отъ команды?

Луц. Я канцеляристъ, имѣю аттестатъ.

Виц. г. Хорошо, подай просьбу, будешь принятъ. А къ дядѣ напиши, что я для него взялся тебѣ помогать при всякомъ по службѣ случаѣ.

*) Луцевина послѣ сего добрые люди остерегли, чтобы онъ впередъ не говорилъ высокородіе, а превосходительство; ибо хотя Воронинъ и бригадиръ, однакожъ за урядъ генералъ-маіоръ. Почему онъ крайне не любитъ, если его кто величаетъ по чину, а не по мѣсту.

Выслушавъ удачу неожиданную такъ скоро, повторилъ и я съ восторгомъ: дѣло въ шляпѣ!

Между тѣмъ прозвонили уже давно и мы пошли къ обѣднѣ въ каѳедральную архіерейскую церковь. Отъ обѣдни прямо на квартиру, гдѣ отобѣдали тѣмъ съ большимъ вкусомъ, что одну задачу рѣшили уже. Послѣ обѣда опять по городу и по рядамъ ходить, и зашли въ губернскую канцелярію, посмотрѣть только ея расположеніе въ чаяніи, что тамъ въ праздничный день никого нѣтъ. Вмѣсто того, нашли тамъ множество приказныхъ и большею частію новопожалованныхъ въ оберъ-офицеры. Секретарей различать было можно по позументамъ на камзолахъ, а протоколистовъ по пуговицамъ на обшлагахъ. Не многіе изъ нихъ писали, другіе сидѣли праздно, а большая часть шатались какъ на рынкѣ, шумѣли, хохотали, бросали другъ на друга пескомъ изъ песочницъ, другъ друга схватывали за воротникъ, одинъ за другимъ гонялись и вскакивали на скамейки. Оставя смотрѣть маневры статской службы, надобно было на завтрашній день мнѣ возвратиться въ Рогачевъ, а Луцевину остаться въ Могилевѣ и стараться въ свою пору о рѣшеніи послѣднихъ двухъ предположеній нашихъ, дѣлая между тѣмъ при случаѣ надобности взаимныя сношенія. Я не сомнѣвался, что онъ въ силахъ будетъ себя отличить. Онъ былъ малый съ способностью къ приказному дѣлу, зналъ хорошо канцелярскій порядокъ и много помнилъ узаконеній; зналъ часть счетную, но былъ впрочемъ безъ свѣдѣній и почти безъ нравственности, любилъ опрятность, но былъ бѣденъ. Я ссудилъ его ста рублями, пока разбогатѣетъ, а по возвратѣ въ Рогачевъ, отослалъ къ нему въ Могилевъ вещи съ его человѣкомъ на наемной повозкѣ.

Уже изъ Провинціальной канцеляріи получилъ мой благодѣтель указъ, о опредѣленіи меня къ нему на вышесказанное праздное мѣсто канцелярскаго служителя. Вслѣдствіе чего, іюля 20, 1777 года присягнулъ я на вѣрность службы въ баталіонной церкви.

Воевода Малѣевъ былъ человѣкъ честный, порядочный, трудолюбный, знающій службу, и при всей своей чрезъ-мѣрной

вспыльчивости благотворителенъ и добръ. И хотя онъ слишкомъ пространно писывалъ, но сей пространный недостатокъ былъ ни что иное какъ тогдашнее канцелярское обыкновеніе, и знакъ граматѣя тогдашнихъ временъ. Впрочемъ, ежели все къ чему нибудь полезно, то долгое его въ канцеляріи сидѣнье удерживало нѣсколькихъ безпорядочныхъ канцелярскихъ служителей въ порядкѣ, которые обязаны были службою не выходить преждевременно изъ канцеляріи, когда начальники ихъ тамъ.

(Здѣсь выпущенъ разсказъ автора о службѣ его въ Рогачевѣ и опредѣленіи на должность въ Могилевъ. По утвержденіи въ первомъ офицерскомъ чинѣ, Добрынинъ съѣздилъ въ отпускъ на родину. Вскорѣ за тѣмъ, озабочиваясь, чтобы не остаться безъ мѣста при предстоявшемъ тогда открытіи новыхъ губернскихъ учрежденій, Добрынинъ отпросился въ Могилевъ, гдѣ схлопоталъ себѣ назначеніе въ намѣстническое правленіе, съ производствомъ прямо въ губернскіе секретари. Однако, авторъ долженъ былъ вернуться въ Рогачевъ и тамъ его чуть не задержали, не совсѣмъ довольные быстрымъ повышеніемъ подчиненнаго. Открытіе намѣстничества «по образу учрежденія Императрицы Екатерины II» приближалось и Добрынина, если бы онъ не явился къ сроку, могли замѣстить другимъ; потому авторъ усиленно хлопоталъ о разрѣшеніи на выѣздъ. Наконецъ, благодаря заступничеству воеводы Малѣева, Добрынинъ получилъ разрѣшеніе ѣхать, которымъ тотчасъ и воспользовался.)

Не теряя времени, поблагодарилъ я г-на Малѣева и пустился подъ вечеръ въ Могилевъ на долгихъ, имѣя при себѣ вольнаго слугу.

Майская пріятная вечерняя погода, при настоящемъ моемъ положеніи, удобна была произвести во мнѣ полное внутреннее удовольствіе и заставить меня проходить мысленно важнѣйшія въ моей жизни мѣста, которыя, хотя и со мною вмѣстѣ, не слишкомъ громки на земномъ шарѣ, но меня они больше интересовали, нежели дѣйствія Греческой и Римской исторіи; вслѣдствіе чего, покоясь въ коляскѣ, философствовалъ я такъ:

«Осиротѣлъ я пяти лѣтъ; дѣдъ открылъ мнѣ путь къ азбукѣ, другой научилъ читать и писать; горькая его судьба таскала его изъ монастыря въ монастырь. Но для меня монастыри: Сѣвской, Столбовской и Радогожской были, съ помочью его, моею колыбелью, ежели можно такъ называть мѣста, не имѣющія нянекъ. Вездѣ въ нихъ, хотя сопровождала меня

непрерывная бѣдность, а наука хотя ограничивалась чтеніемъ церковныхъ книгъ, и писаніемъ исповѣдныхъ росписей; но въ тотъ вѣкъ лучше и полезнѣе для моего сиротскаго состоянія нигдѣ ничего не было. Счастливы дѣтскія лѣта, коимъ не дано чувствовать въ полной мѣрѣ всего! Потомъ, Сѣвскій архіерейскій домъ былъ уже для меня нѣкоторою степенью образованія. Тогда же нужда и бѣдность моя ощутительно уменьшились. Второй Сѣвскій Архіерей, Кириллъ Фліоринскій посланъ для меня судьбою изъ Барышевки, чрезъ Кіевъ, Петербургъ, Новгородъ, Парижъ, Тверь и Торжокъ, въ Сѣвскъ. Его даръ слова лаконическій былъ первымъ въ мой слухъ удареніемъ. Онъ имѣлъ даръ въ короткихъ словахъ объяснять, просвѣщать, убѣждать, удивлять. Онъ познакомилъ меня съ Пиѳагоровою таблицею, которая открыла мнѣ таинство то, что я не могъ бы познакомиться съ тройными, обратными, раздробленіями, товарищества, квадратами и кубиками, если бы не узналъ на передъ дважды два. Долговременная же переписка проповѣдей и партикулярныхъ его къ разнымъ особамъ писемъ и чтеніе отъ нихъ получаемыхъ имъ, а между тѣмъ и собственные по сей части упражненія увѣряютъ меня, что я уже знаю больше нежели тѣ, которые знаютъ меньше. Классическія же науки, преподанныя мнѣ моими дѣдами, каковы бы ни были,— однакожъ, тѣмъ не меньше благодарность моя къ нимъ потому, что они отдали мнѣ все, что имѣли и проч. Потомъ, взглянувши нечаянно на 1752 годъ, въ которомъ я родился. . . увидѣлъ его мысленно, вздохнулъ, поболѣлъ, что мнѣ уже кончилось 26 лѣтъ, а я только что начинаю считаться въ обществѣ людей! Но мысль, что я уже офицеръ 12 класса и мѣсто въ царской службѣ, меня снова успокоили. Мнѣ теперь,—размышлялъ я — остается только вести себя по службѣ и по нравственности такъ, какъ благородному, чтобы не дать причины подозрѣвать, что я вчера только сдѣлался благороднымъ. (*)

*) Такъ я разсуждалъ въ тогдашній мой вѣкъ, но въ дальнѣйшее теченіе жизни испыталъ, что доказательства благороднаго суть: 1) французскій языкъ съ худымъ выговоромъ, безъ знанія правилъ грам-

Одѣться по приличію я въ возможности больше нежели другіе мои будущіе сослужители Могилевскіе. Могилевъ мнѣ уже знакомъ. Я видѣлъ тамъ людей приготовленныхъ ко вступленію въ должности; они для меня не опасные соперники, а далѣе служба сама собою потечетъ и отдастъ каждому принадлежащее.— Между тѣмъ, я уже офицеръ въ такомъ классѣ, до котораго въ Сѣвскѣ и старики еще не дослужились. Надобно мнѣ отпроситься въ Сѣвскъ и тамъ вторично обрадовать мать мою. Ежели тщету людскую обморочиваетъ наружность, то положенные по камзолу позументы, которыхъ еще въ Сѣвскѣ не видали, будутъ свидѣтелями моего достоинства, словомъ: мечта, гоняясь за мечтою, увѣрили меня, что я еще никогда не бывалъ благополучнѣе и въ семъ пріятномъ себя упоеніи я приказалъ ѣхать шагомъ, и заснулъ.

Понеже я пишу мою исторію для собственнаго приведенія на память прошедшихъ лѣтъ моей жизни и такихъ приключеній, которыя сколь ни маловажны сами по себѣ, но сердцу или малодушію моему стоили много, то и долженъ сказать по порядку повѣствованія, что пріятный мой сонъ прерванъ былъ самымъ лютѣйшимъ для меня ударомъ и не меньше смѣшнымъ для тѣхъ, которые могутъ убивать животныхъ. Меня разбудилъ при восходѣ солнца безпрерывный крикъ дикой утки, но разбудилъ уже поздно. Слуга мой съ извощикомъ объявили мнѣ, что утка эта пробиралась съ маленькими утенятами чрезъ дорогу, а они побили утенятъ и поклали въ ящикъ. Сіе варварство меня поразило. Я растерзанъ былъ зрѣлищемъ, какъ она

матики; 2) танцы, съ объявленіемъ поединка за даму; 3) стыдъ говорить по русски и обязанность неумѣть правильно читать и писать на своемъ языкѣ; 4) презирать каждаго, кромѣ себя и молодыхъ женщинъ; 5) быть невѣжливу предъ старшими. и дерзновенну предъ начальниками; 6) забыть скромность, стяжать многословіе, а въ поступкахъ наглость; 7) говорить всегда тономъ рѣшительнымъ, хотя и повелительнымъ;— такихъ благовоспитанныхъ людей не всякій любитъ, но они вездѣ все скорѣе для себя сыщутъ. Можетъ быть, скажутъ, я въ моей ремаркѣ изобразилъ превратно благородное воспитаніе. Не спорю, потому что нѣтъ ничего безъ исключенія.

около моей коляски летала и чуть объ нея не билась, испуская жалобный безпрерывный крикъ. Мнѣ казалось, что она въ горести своей справедливо меня упрекаетъ и жалуется, что я заснулъ для ея несчастія. Мнѣ казалось, что она на своемъ языкѣ изъяснялась: «люди твои кровопивцы, лишили меня дѣтей! Раздираютъ на мелкія части мою утробу и я, къ большему мученью, умереть не могу. Единое и наивеличайшее изъ утѣхъ, данное природою намъ, бѣднымъ тварямъ, у меня уже отнято! Мнѣ не надобно ни золота, ни чиновъ. Тѣмъ ли я виновна предъ моими варварами, что не имѣю языка изъясняться? и не имѣю львиныхъ челюстей и когтей, чтобъ ихъ растерзать въ куски?» Я столько пораженъ былъ жалостью, что не могъ людямъ моимъ ничего порядочнѣе сказать кромѣ, что: «вы изверги, вы канальи; такихъ должно сѣчь кнутомъ, которые противъ закона Петра Великаго, бьютъ дичину прежде Петрова дня.»

Сострадая наимучительнѣйше несчастной уткѣ, я почувствовалъ во внутренности ощутительную перемѣну, на подобіе колики или конвульсій; я позабылъ, какъ во время побѣга изъ Россіи шестьдесятъ тысячь кибитокъ Калмыковъ, конвоющій маіоръ былъ ими заколотъ въ глазахъ жены, а жена, имѣя уже въ грудяхъ смертоносный кинжалъ и, забывая собственную мучительную смерть, простирала руки къ трилѣтнему своему сыну и кричала: «Иванюша! Иванюша!», видя въ послѣдній разъ, какъ его Калмыки убивали объ колесо головою. Это самая истина. Я позабылъ даже и то славное дѣяніе, которымъ украсилъ свое царствованіе порфироносный христіанинъ Карлъ IX, въ XVI столѣтіи въ ночь Святаго Варѳоломея. Я позабылъ многія, подобныя въ исторіи дѣянія, которыя обнаруживаютъ человѣка больше злымъ, нежели его участь на земномъ шарѣ. Несчастіе, въ настоящее время, при моей коляскѣ, утки съ утенятами, было для меня чувствительнѣе, нежели паденіе градовъ и царствъ отдаленныхъ временъ и мѣстъ.

XXXV.

Въ ожиданіи открытія Намѣстничества.— Ген. ад. Вязмитиновъ.— Гамалѣя. — Ключаревъ. — Ген. ад. Нагаткинъ. — Шляхта гуляетъ.— Алѣевцевъ.— „Масонія“ заведенная имъ.— Объясненія данныя Алѣевцевымъ губернатору Коховскому. — Открытіе Намѣстничества. — Балы и маскарады. — Книга имянныхъ повелѣній Екатерины II графу Чернышеву.— Объ архивѣ гр. Чернышева.— Открытіе новыхъ присутственныхъ мѣстъ въ уѣздахъ. — Паны. — Неопрятность въ польскихъ домахъ.— Полянскій.— Могилевскіе порядки.— Посѣщенія гр. Чернышевымъ присутственныхъ мѣстъ.— Щвейцары.— Несогласія между гр. Чернышевымъ и Коховскимъ.—Новый губернаторъ Пассекъ.—Вице-губ. Энгельгардтъ.

Тако мнѣ шествующу, въ спокойствіи и тревогѣ чрезъ разстояніе ста верстъ, напослѣдокъ показались возвышенныя мѣста и зданія града Могилева. Уже великія, каменныя новосдѣланныя врата, называемыя Быховскія, предстали при концѣ почтовой аллеѣ и при началѣ города моему взору; уже вмѣстили они въ свои стѣны проѣзжавшую мою колесницу, произвели съ нею глухой стукъ и открыли улицу. Уже я почти забылъ горестное приключеніе утки и началъ мечтать, что я древній римлянинъ, которому при въѣздѣ въ Римъ позволенъ по крайней мѣрѣ «такой тріумфъ;» хотя въ досаду мнѣ ни одинъ изъ проходящихъ по улицамъ не интересовался знать существую ли я на свѣтѣ.

Я достигъ квартиры Луцевина. Онъ принялъ меня по дружески; мы вселились въ одну комору и составили одинъ столъ изъ двухъ половинъ.

Къ открытію Намѣстничества, собрано уже въ городъ со всей губерніи шляхетство.

Графъ уже пріѣхалъ и я увѣдомилъ, по условію, Рогачевскаго коменданта.

Уже вышелъ отъ Государева Намѣстника графа Чернышева церемоніалъ, вездѣ его читали и каждый день ожидали открытія Намѣстничества, но не знали: когда?

Поелику и Луцевинъ былъ назначенъ по росписанію на протоколистскую вакансію въ намѣстническое же правленіе,

то и ежедневный нашъ путь туда и оттуда былъ совмѣсщенъ.

Хотя присутствіе Намѣстническаго Правленія не было еще открыто, однакожъ чиновники и канцеляріе переведены уже были въ новый корпусъ строенія и тамъ отправляли дѣла по старому еще обряду губернской канцеляріи, а въ ожиданіи новаго все уже уставлено было на своихъ мѣстахъ.

Наша опрятность,— ежели не больше что— привлекала намъ знакомство со многими, и мы старались показаться того достойными. Все въ городѣ шумѣло, многіе суетились и никто ничего не дѣлалъ, выключивъ не многихъ, напримѣръ:

Графъ Чернышевъ занимался трудомъ достойнымъ цѣли великія Государыни.

Генералъ-адъютантъ Вязмитиновъ старался неусыпно, и по службѣ и безъ службы угождать вспыльчивости графа и самонравію графини; за этотъ трудъ и терпѣніе, ни кого они столько не гоняли, какъ его, ни къ кому столько не имѣли довѣренности, какъ къ нему, и ни въ кого столько влюблены не были, какъ въ него.

Г. Гамалѣя, правитель канцеляріи по части гражданской, сидѣлъ непрерывно надъ бумагами, и будучи латинскій грамматикъ, старался не пропустить ни коммы, ни точки, ни запятой.

Секретарь Ключаревъ занимался усовершенствованіемъ наклонности своей къ театральному таланту и часто являлся къ Вязмитинову на пробу.

Г. Нагаткинъ, генералъ-аудиторъ-лейтенантъ, не боялся крика и гнѣва ни графа ни графини, вездѣ гдѣ хотѣлъ шатался, у себя съ другими и самъ у другихъ обѣдывалъ, ужинывалъ, а больше того пивалъ,— и отрабатывалъ въ мигъ письменныя дѣла, по части воинской, разговаривая и балагуря со всѣми приходящими къ нему.

Дворянство же, исключая магнатовъ, разсыпавшись по корчмамъ и трактирамъ ѣло, пило, гуляло и въ карты играло.

А прежней эпохи правитель канцеляріи Алѣевцевъ пилъ, сидя дома.

Не будетъ лишнимъ, если я приведу себѣ на память шалости сего не глупаго шалуна, бывшія во время управленія его губернаторскою канцеляріею. Онъ былъ охотникъ гулять, но пилъ мало, потому что скоро обезсиливалъ отъ вина; его въ такихъ случаяхъ сопровождало общество секретарей, и другихъ находившихся при канцеляріи въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Тотъ, на счетъ котораго сіе братство попировало, обыкновенно привѣтствовалъ: «сдѣлайте меня счастливымъ.» Алѣевцевъ на ту пору другаго вина не пивалъ, кромѣ шампанскаго. Тогда оно дешево было въ Могилевѣ — 1 р. 60 к. бутылка; щеголяли искусствомъ отбивать горло отъ бутылки объ край стола, или объ столовую ножку; Алѣевцевъ видѣлъ, что онъ для сего имѣетъ въ секретаряхъ своихъ, хорошихъ сотрудниковъ; а по службѣ худыхъ помощниковъ....

Объ этихъ пирушкахъ губернаторъ былъ извѣщенъ, что Алѣевцевъ завелъ масонію и продолжаетъ въ собраніи сей злокозненной секты цѣлыя ночи. Губернаторъ велѣлъ позвать Алѣевцева.

— Алѣевцевъ является.

Губернат. Какую ты заводишъ масонію?

Алѣевц. Мнѣ нѣтъ ничего легче какъ говорить правду. У меня въ канцеляріи хотя нѣтъ пьяницъ, однакожь шалуновъ и самовольниковъ не мало. Ваше превосходительство, по своему добродушію ни чьему свидѣтельству и просьбѣ не охотники отказывать, и надѣлали столько секретарей и протоколистовъ, что у насъ ими полна канцелярія, а къ дѣлу живой души нѣтъ. Многіе изъ нихъ были бы дѣловыми людьми, еслибъ не были такъ легко офицерами. Ваше превосходительство часто гнѣваетесь, что канцеляріе не успѣваетъ исполнять ващихъ приказаній и что часто въ ней разстраивается общій канцелярскій порядокъ... Я былъ бы дурной человѣкъ и худой правитель канцеляріи, если бы не видалъ того же. Да что же мнѣ прикажете съ ними дѣлагь? Они слушаютъ меня только тогда и подражаютъ мнѣ исправно, когда бываютъ со мною въ гостяхъ на пирушкахъ, а трудиться по должности и быть благодарными за полученныя не по заслугамъ чины, дѣло для нихъ совсѣмъ по-

стороннее. Посадить кого въ караульню? У него и квартира не лучше; на хлѣбъ да на воду? у него еще желудокъ не исправился, какъ уже пора его выпустить къ работѣ.

Губер. Вы жалуетесь на канцелярію, а васъ не о томъ спрашиваютъ.

Алѣевц. Меня спрашиваютъ, какую я завожу масонію?— Такую, чтобы исправить шалуновъ.— Когда они увяжутся за мною въ гости — къ чему никогда ихъ приглашать не нужно и отъучить нельзя — то я, среди пирушки провозглашу, что «мы здѣсь всѣ братья, масоны»; тѣ, которые по умнѣе и знаютъ уже къ чему дѣло идетъ, закричатъ: «любезный братъ! прими отъ насъ лобзаніе.» И шалуны тоже кричатъ, не зная къ чему дѣло идетъ и всѣ другъ-друга цѣлуютъ. Между тѣмъ какъ продолжаютъ безпрерывно во всю мочь: «любезный братъ, прими отъ насъ лобзаніе», шалуна уже раздѣли и ему нашептываютъ, что, по правиламъ масонства, надобно испытать его твердость духа и кладутъ на скамейку— тѣмъ для него хуже, если онъ не желаетъ. За тѣмъ приготовленные пука два ельника начинаютъ свое дѣло. Кричи, сколько и какъ ему угодно, его никто не слышитъ потому, что всѣ безпрерывно кричатъ: «любезный братъ! прими отъ насъ лобзаніе», а другіе сидя спокойно по мѣстамъ воспѣваютъ: «ельникъ мой ельникъ, частый мой березникъ» и проч., простонародныя пѣсни. По испытаніи такимъ образомъ твердости духа, братъ путеводитель и наставникъ нашептываетъ ему, что это есть масонскій обрядъ исправленія нравовъ и что послѣ этаго, надобно всегда быть опрятну и заниматься такимъ трудомъ, за который жалуютъ насъ въ оберъ-офицеры и проч. Потомъ пьютъ всѣ за здоровье новопринятаго въ порядокъ брата шампанскимъ виномъ, и онъ долженъ благодарить. Извольте ваше превосходительство переступить въ канцелярію, вы увидите сидящихъ сряду трехъ молодыхъ людей въ позументахъ, въ бѣльѣ, причесанныхъ и подъ пудрою. Они съ недѣлю не ходили въ канцелярію, а только показывались тамъ, куда меня попросятъ въ гости. Съ позавчерашняго вечера масонское просвѣщеніе поставило ихъ въ настоящій порядокъ,— теперь они какъ макъ цвѣтутъ. На будущую ночь, снова

мнѣ приниматься за трудъ. Двухъ благородныхъ шалуновъ давно уже пора озарить свѣтомъ масонства. Кстати и оказія готова,— Торопецкій купецъ Хабаровъ получилъ по наслѣдству 5000 руб. и проходу мнѣ не даетъ, прося «сдѣлать его счастливымъ.» Пойдемъ къ нему, и мы будемъ имѣть тамъ трехъ счастливыхъ.

Губернаторъ, насмѣявшись довольно, послѣ такого объясненія, сказалъ: «я ничего не знаю и знать не хочу. Ты самъ »долженъ будешь отвѣчать, не вмѣшивая меня, ежели бы что »случилось съ тобою непріятное въ этихъ сумазбродныхъ дѣй»ствіяхъ.»

Сію сказку слыхалъ я отъ многихъ по открытіи уже намѣстничества; обстоятельнѣе же и вѣрнѣе, отъ порядочныхъ секретарей и другихъ чиновниковъ, которымъ и самимъ случалось пѣть, но не испытывать: «ельникъ мой ельникъ» и проч. Бѣдный Алѣевцевъ помѣщенъ былъ въ казенную палату ассесоромъ. Его всѣ почитали и желали имѣть въ немъ надобность, но онъ, будучи обезкураженъ незавидною для него вакансіею, и находясь на свободѣ, не могъ самъ собою управлять, отолстѣлъ и вскорѣ умеръ.

Четвертаго числа іюня 1778 года, былъ день открытія намѣстничества, но ни кто этого не предузнавалъ, даже до тѣхъ поръ пока, въ назначенный по церемоніалу осьмой предъ полуднемъ часъ, на всѣхъ колокольняхъ зазвонили, по улицамъ забарабанили, на башнѣ магистратской затрубили, и все пришло въ движеніе.

Всѣ чиновники приготовленныхъ къ открытію присутственныхъ мѣстъ, со своими канцеляріями и все знаменитѣйшее дворянство собирались къ Государеву Намѣстнику въ большую залу, сколько ихъ могло вмѣститься. Прочіе по многочисленности были по другимъ комнатамъ и даже на крыльцѣ и на площади остановились, къ чему содѣйствовала и прекрасная погода.

Оттуда въ предшествіи Государева Намѣстника со штатомъ, по достоинству генералъ-фельдмаршала, шли въ церковь

по отдѣленіямъ, каждое присутственное мѣсто и каждый уѣздъ, а по обѣимъ сторонамъ шествія, стояли полки въ ружьѣ.

Я не пощадилъ бы себя описаніемъ послѣдовавшихъ за церемоніаломъ баловъ и маскарадовъ... Но на балахъ и маскарадахъ, каждому извѣстно, чѣмъ занимаются. Развѣ то только припомнить, что графъ самъ игралъ въ вистъ по десяти копѣекъ партія. Церемоніалъ можно читать въ подлиннинкѣ подъ дѣлами въ архивахъ генералъ-губернатора и губернатора того года.

По прошествіи уже лѣтъ около 12-ти отъ открытія намѣстничества случилось мнѣ видѣть и читать въ канцеляріи генералъ-губернатора Пассека, книгу имянныхъ въ копіи повелѣній Императрицы Екатерины Великія къ бѣлорусскому Государеву Намѣстнику графу З. Г. Чернышеву, насыланныхъ съ самаго возвращенія Бѣлоруссіи до окончанія бытности его бѣлорусскимъ Государевымъ Намѣстникомъ. Книга сія дошла къ Пассеку слѣдующимъ порядкомъ. Пассекъ, по прибытіи своемъ на генералъ-губернаторство бѣлорусское, требовалъ отъ графа Чернышева, который былъ уже главнокомандующимъ въ Могилевѣ чрезъ нарочно посланнаго, всѣхъ имянныхъ повелѣній, дабы изъ оныхъ видѣть и знать по сему краю волю Монаршую. Графъ ему отвѣчалъ, «что онъ по всѣмъ »имяннымъ повелѣніямъ давалъ свои предписанія бѣлорусскимъ »губернаторамъ, въ томъ числѣ отчасти и ему Пассеку, »слѣдовательно и можетъ онъ таковыя найти въ канцеляріяхъ: »Могилевскаго и Полтавскаго губернаторовъ, однакожъ между »тѣмъ, сообщаетъ къ его превосходительству книгу въ пере»плетѣ, съ копіями всѣхъ имянныхъ повелѣній.» Сія книга есть наилюбопытнѣйшій памятникъ и практическій образецъ для повелѣвающихъ и исполняющихъ, и не меньше въ ней исторической истины о бѣлорусскомъ краѣ тогдашнихъ временъ. Но съ нею случилось такъ, какъ иногда и съ людьми, которые не живутъ дома. По соединеніи 1797 года Павломъ 1-мъ Могилевской и Полотской губерній въ одну Бѣлорусскую, то есть въ одну Витебскую истребована она губернаторомъ Жегулинымъ отъ Пассека въ Витебскъ, по совѣту Витебскаго

Главнаго суда 1-го департамента совѣтника Путимцова, который прежде былъ при Пассекѣ секретаремъ. Жегулинъ ее получилъ, но куда она послѣ того дѣвалась, неизвѣстно. Нѣтъ сомнѣнія, что сего великаго патріота графа З. Г. Чернышева собственный домовой архивъ наполненъ подобными бумагами, изъ которыхъ можно бы воспользоваться и собственною его исторіею, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что она должна имѣть связь съ внутренними и внѣшними государственными дѣлами, а можетъ быть и съ семилѣтнею въ Европѣ войною, во время которой графъ былъ взятъ въ полонъ Фридрихомъ Великимъ. Но сей полезный архивъ ежели не пожертвуетъ собою, по общему порядку вещей, огню или моли, то можетъ быть родитъ книгу въ такую пору, когда настоящія наши времена, сдѣлавшись глухою и темною стариною, не столько будутъ интересовать нашихъ потомковъ, сколько бы книга сія интересна была для насъ, которые счастливы были знать его и служить подъ его начальствомъ.

Послѣ первыхъ въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ засѣданій, назначены графомъ и командированы отъ намѣстническаго правленія во всѣ уѣздныя города чиновники, для открытія и въ оныхъ присутственныхъ мѣстъ по новому учрежденію о губерніяхъ.

Мнѣ досталось ѣхать при совѣтникѣ намѣстническаго правленія Полянскомъ, въ города: Мстиславль и Климовичи.

По пріѣздѣ въ оные, открыты нами присутственныя мѣста, съ наблюденіемъ при томъ церковныхъ, воинскихъ и гражданскихъ обрядовъ. (*) Въ Мстиславлѣ угощаемы были мы и вся, какая была изъ дворянъ публика, знатнѣйшимъ тамошнимъ помѣщикомъ Иваномъ Голынскимъ. Онъ съ братомъ имѣлъ тогда около 4000 душъ. У него видѣлъ я въ покояхъ никогда не мытый полъ, не вытераныя стекла, которыхъ время и нечистота столько закоптили, что на нихъ

---

*) 1. Всенощная, обѣдня и молебенъ.
2. Штатныя команды при городничихъ.
3. Цѣхи городскія и проч.

множество было разныхъ фигуръ, написанныхъ въ разныя времена по изволенію пальцами, ногтями и спичками; иныя изъ сихъ фигуръ похожи были на китайскія литеры, на египетскіе іероглифы, ежели въ самомъ дѣлѣ были это они, то вѣроятно писаны были учеными іезуитами. Вмѣсто стульевъ были скамеечки съ дирками по срединѣ, одного колибра съ тѣми, какія въ его корчмахъ и мужичьихъ избахъ. Прочая мебель или утварь соотвѣтствовала окнамъ, полу и скамейкамъ. Между множествомъ блюдъ кушанья были и хорошія, но неопрятность вездѣ играла героическое лице. При такомъ изобиліи и непорядкѣ, ласковость хозяйская къ шляхетству того уѣзда подбита была гордою благосклонностью и снисхожденіемъ. Совѣтника Полянскаго почиталъ онъ всеуниженнѣйше, кланялся ему и искалъ его дружбы. У Мстиславльскаго мѣщанина Карпиловича приняты были чище.

Въ городѣ Климовичахъ угощены были тѣмъ же порядкомъ, понеже онъ былъ и Климовицкій помѣщикъ.

Вездѣ въ проѣздъ нашъ ничего я не видалъ лучшаго, какъ дороги, мосты, почтовые дома, обмундированные почталіоны, лошади сытыя, упряжка прочная и проч. Мой Полянскій часто повторялъ: «это прекрасно, и въ иностранныхъ государствахъ не лучше.»

Онъ, проѣзжая дорогою, не пропущалъ ни какой земли, лѣса, деревни, дома, горы, болота, корчмы и проч., о которыхъ бы не спросилъ у проходящихъ, проѣзжающихъ, живущихъ, работающихъ, какъ сіи виды называются? Кому они принадлежатъ? Гдѣ помѣщикъ? и проч.... Мнѣ не понятно было для чего онъ себя столько озабочиваетъ. По пріѣздѣ же въ какой нибудь помѣщичій домъ, въ который бывалъ запрашиванъ, или въ городъ, или же при случайномъ свиданіи на почтѣ съ какимъ либо бѣлорусскимъ помѣщикомъ, онъ вступалъ въ разговоръ съ такимъ свѣдѣніемъ о качествѣ бѣлорусскаго грунта земли, о хорошихъ видахъ, и о самыхъ помѣщикахъ, именуя ихъ по фамиліямъ, какъ будто онъ родился въ тѣхъ мѣстахъ, которыя проѣзжалъ. Тутъ уже и мнѣ понятно стало, для чего онъ ничего того не пропускалъ безъ вопросовъ

и замѣчанія, что съ нимъ встрѣчалось. Я началъ понимать, что онъ все то прочиталъ, что видѣлъ.

Въ Кричевѣ, мѣстечкѣ пожалованномъ съ деревнями отъ Императрицы князю Потемкину, осмотрѣлъ вновь заведенные симъ княземъ заводы парусинные, канатные, винокуренные, кожевенные, и прочіе, бывшіе тогда подъ смотрѣніемъ и управленіемъ полковника Нефедьева.

Возвратясь въ Могилевъ, нашли въ намѣстническомъ правленіи и другихъ посыланныхъ чиновниковъ съ донесеніями объ открытіи ими въ уѣздныхъ городахъ присутственныхъ мѣстъ по обряду учрежденія Государыни Императрицы. Такимъ образомъ вся губернія воспріяла въ шесть дней новый видъ правленія.

И такъ, губернія открыта, каждый занялъ свое мѣсто. Вновь выстроенныя каменныя присутственныя мѣста, чистотою своею и выгоднымъ расположеніемъ, облегчали должность трудящагося въ нихъ; по крайней мѣрѣ, я такъ чувствовалъ. Каждый день съ половины 12-го часа до половины 1-го по полудни, кромѣ субботы и воскресенья, на магистратской башнѣ по заведенію и повелѣнію графскому, на счетъ городскихъ доходовъ, играли на трубахъ и валторнахъ, что было знакомъ приближенія часовъ отдохновенья.

Графъ часто самъ присутствовалъ въ намѣстническомъ правленіи. Онъ въ хорошую лѣтнюю погоду прихаживалъ пѣшой, предшествуемъ штатомъ по достоинству генералъ фельдмаршала, и сопровождаемъ военными чиновниками и знатнѣйшимъ шляхетствомъ губерніи, такожъ молодыми благородными людьми, какихъ каждому генералъ губернатору и учрежденіемъ позволено имѣть при себѣ, по два съ каждаго уѣзда.

Въ небольшемъ разстояніи предъ крыльцемъ правленія, ожидали его придверники или швейцары отъ намѣстническаго правленія, отъ трехъ палатъ, отъ совѣстнаго суда, отъ приказа общественнаго призрѣнія и отъ обоихъ департаментовъ верхняго земскаго суда по одному. Они были въ перевѣзяхъ малиноваго цвѣта, по мундиру синяго цвѣта и, держа передъ собою мѣдныя булавы, предходили штату Государева намѣстни-

ка до дверей намѣстническаго правленія, гдѣ графъ входилъ въ присутствіе, а прочіе всѣ оставались въ залѣ и другихъ покояхъ. Равномѣрно всѣ швейцары обязаны были, въ небытность въ губерніи генералъ-губернатора, дѣлать такую же честь и губернатору. Предъ прочими же судьями, шелъ только одинъ швейцаръ того мѣста, котораго былъ судья и для того всѣ швейцары обязаны были быть на большомъ нижнемъ крыльцѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ судьи каждой во свое мѣсто соберутся, и такимъ же образомъ предходить, при выходѣ судей изъ присутствія. Таковъ былъ заведенъ графомъ порядокъ, который сверхъ пристойнаго вида, внушалъ каждому зрителю: что, «это идетъ членъ присутственнаго мѣста.»

Съ 1797 года швейцары и булавы не въ употребленіи.— Мнѣ, будучи уже совѣтникомъ, часто случалось всходить на лѣстницу въ присутствіе, смѣшавшися вмѣстѣ съ заслуженными инвалидами, съ криминальными преступниками, сопровождаемыми блестящими тесаками. Меня эта пестрота и равенство всегда забавляли; но порядокъ всегда оскорбляется тамъ, гдѣ шутки не кстати.

Вмѣстѣ съ открытіемъ намѣстничества открылось и несогласіе между генералъ-губернаторомъ гр. Чернышевымъ и губернаторомъ Коховскимъ. Графъ хотя былъ человѣкъ искренной и охочь дѣлать добро, но былъ горячаго свойства и непобѣдимый слуга и любитель своего отечества; а отъ сего драгоцѣннаго источника, изливалось иногда то, что онъ во время службы и на губернатора прикрикнетъ. Губернаторъ былъ скроменъ и чувствителенъ. Уже онъ пересталъ присутствовать, и послалъ къ Императрицѣ просьбу о возвращеніи его къ воинской службѣ.

Помню, какъ графъ единожды во время присутствія, посылалъ изъ судейской каморы протоколиста Луцевина въ домъ къ губернатору, не уважая его болѣзни, спросить его о какихъ то бумагахъ, но медицинскіе чины, сидѣвшіе у дверей губернаторской спальни, посланнаго не допустили, говоря ему, что они имѣютъ долгъ донесть чрезъ него его сіятельству, что

больной губернаторъ не спавши цѣлую ночь теперь только приуснулъ.

Графъ отъѣхалъ во свое подмосковное владѣніе Ярополчь, а на мѣсто Коховскаго, отправившагося въ члены въ военную коллегію, опредѣленъ въ губернаторы дѣйствительный камергеръ, генералъ поручикъ и кавалеръ Пассекъ. Мы скоро его увидѣли. Онъ былъ бояроватъ, представлялъ вельможу, но былъ въ долгахъ неоплатныхъ въ разсужденіи своихъ доходовъ; и былъ такой же вояжиръ, какъ и совѣтникъ Полянскій. Они скоро свели дружбу. Связь ихъ тѣмъ была крѣпче, что Полянскій имѣлъ способность и не меньше того горѣлъ честолюбіемъ управлять, ежели не всѣмъ свѣтомъ, по крайней мѣрѣ Могилевскою губерніею. Чѣмъ болѣе они каждый своимъ склонностямъ угождали, тѣмъ болѣе другъ другу нравились потому, что одинъ въ другомъ имѣли нужду. И такъ, Пассекъ, желая пользоваться перемѣною воздуха, разъѣзжалъ, а Полянскій схватилъ въ руки весло правленія. Вице-губернаторъ Воронинъ почувствовалъ оскорбленіе спѣси, тѣмъ, что вице-губернаторство его значило меньше совѣтничества. Онъ не заводя ссоры съ губернаторомъ, попросился благоразумно въ отставку,— а Полянскій, почитая его благоразуміе, помогъ ему чрезъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго, у котораго онъ былъ прежде секретаремъ, получить пенсіонъ по смерть.

На мѣсто Воронина присланъ, съ предсѣдательскаго въ Полоцкой казенной палатѣ мѣста, статскій совѣтникъ Николай Энгельгардтъ; мужъ, ростомъ высокородный, собою видный, здоровый, брюнетъ, любящій до безумія собственную пользу; труду и должности, въ которую опредѣленъ, не большой другъ. На повѣрку выходитъ, что Полянскій въ губерніи самый большой человѣкъ, хотя ростомъ не выше двухъ аршинъ и 2 вершковъ съ каблуками и съ тогдашнимъ высокимъ тупеемъ.

XXXVI — XXXVIII.

Могущество Полянскаго.— Учрежденіе Масонской ложи.—Пріѣздъ Іосифа II. — Нарушеніе Пассекомъ инкогнито императора. — Бесѣды Потемкина съ Іосифомъ.— Въѣздъ Екатерины.— Евреи.— Екатерина въ церкви.— Заложеніе храма во имя Іосифа.— Судьба постройки храма.—Пожалованіе чинами выборныхъ отъ дворянства.—Общее уныніе.— Отъѣздъ Императрицы.— Екатерина въ Шкловѣ у Зорича.—Зоричь.— Перемѣны.—Перемѣщеніе Чернышева главнокомандующимъ въ Москву.— Генералъ-губернаторъ Пассекъ.

1779 годъ прошелъ въ полной Полянскаго славѣ, или лучше сказать въ полномъ его желаніи. Италіанскій и французскій языкъ, которые онъ зналъ, какъ природный свой, литература, танцы, карты, свѣдѣніе о вещахъ, даръ слова, скорая мысль, счастливая память, ловкость отдѣлывать по бумагамъ все скоро, неограниченное его любочестіе или честолюбіе и недѣятельность губернатора Пассека давали ему право поступать самовластно. Онъ сажалъ дерзкихъ и глупыхъ въ караульню, неисправныхъ секретарей и канцелярскихъ служителей посылалъ туда же, а съ невѣжами мѣщанами не хотѣлъ и словъ терять, повелѣвая имъ исполнять безмолвно всѣ ихъ обязанности; многіе отвѣдывали съ нимъ поспорить, но всегда оставалися въ дуракахъ, ибо на сей случай шутливыя его и вмѣстѣ язвительныя критическія и дѣльныя приказанія, безъ потери важности— тѣмъ не снойснѣе были тому. къ кому они касались, что всѣ сторонніе, кто бы тутъ не случился, со смѣха животы надрывали. По чему, всѣ его боялись и почитали, и, къ чести его сказать, порядокъ не нарушился, какъ въ намѣстническомъ правленіи, такъ въ губернскомъ городѣ и во всей губерніи,— и за сей порядокъ ни кто его не любилъ. Его злословили, проклинали, ему желали зла. Его досужество находило для себя праздное время, которое нужно было дополнять упражненіемъ.

Найдено за нужное установить ложу братства вольнаго каменьщичества, но со всѣмъ не такого, какое было при Алѣевцевѣ.— Всему тогдашнему, а можетъ быть и теперешнему

свѣту извѣстно существованіе ордена масоновъ, но ни что столько и не темно, какъ сія извѣстность; почему и я, сказавъ по порядку моей исторіи о сей закрытой ясности и не распространяясь дальше, обязанъ умолкнуть.

Въ 1780 году въ маѣ мѣсяцѣ Государыня Императрица Екатерина II и подъ именемъ графа Фалкенштейна, Императоръ нѣмецкій или римскій Іосифъ II, посѣтили Могилевъ.

Мнѣ надлежало бы начать сіе мѣсто подробнымъ описаніемъ приуготовленій, къ принятію вѣнценосныхъ посѣтителей, но какъ нѣтъ сомнѣнія, что мѣсто сіе написано будетъ историческимъ перомъ вѣка Великія Екатерины, то разсудилъ я коснуться ихъ столько, сколько придутъ оні мнѣ въ мысль, по моей исторической матеріи.

Императоръ прибылъ за день прежде Императрицы. Извѣстно уже, что онъ имѣлъ обыкновеніе всѣ свои путешествія продолжать инкогнито. Въ Могилевѣ уже это знали и всякій заботился узнавать время пріѣзда Императора и его особу, однакожъ никто не могъ примѣтить, а также ни время его пріѣзда, ни мѣста его проѣзда, или входа въ городъ, -и каждый, видя между народомъ офицера въ зеленомъ гарнизонномъ мундирѣ, безъ компаніона и слуги, росту средняго, лица нѣмецкаго, больше темно-красноватаго нежели бѣлаго, причесаннаго въ одну пуклю съ косою,— ни кто не могъ догадываться, чтобъ это былъ Императоръ; почему и ни кто не былъ любопытенъ его разсматривать. Нечаянный случай открылъ его публикѣ. Онъ взошелъ на башню магистратскую, которая выше всѣхъ въ городѣ строеній и, скоро съ нея сошедши, шелъ къ замку, гдѣ квартира нашего губернатора; многіе изъ бывшихъ тогда въ намѣстническомъ правленіи при должностяхъ, въ первую половину дня смотрѣли въ окна со втораго этажа на народъ, ходящій во множествѣ по площади, на пирамиды, фестоны или приборы изъ ельника и на прозрачныя символическія картины и проч. и, завидя губернатора Пассека, выходящаго изъ замка съ нѣсколькими чиновниками, ожидали его въ присутствіи; но мы противъ чаянія увидѣли, что онъ вдругъ сдѣлалъ на своемъ пути скорое и не обыкновенное движеніе въ

сторону, и вдругъ, идущему противъ его офицеру, поклонился очень низко. (*) Офицеръ сдѣлалъ знакъ рукою, приподнялъ свою шляпу и, пріостановясь съ губернаторомъ на одну секунду, пошелъ въ свой путь. Сіе явленіе открыло всѣмъ Императора, а губернаторъ, пришедши въ правленіе, сказалъ, что »онъ сдѣлалъ ошибку, произшедшую отъ нечаянности; не на»добно было кланяться Императору, поелику не угодно Его »Величеству, чтобы кто его узнавалъ, а надлежало бы вмѣсто »сего, пойти на квартиру, и то одному.»

Квартира отведена была въ каменномъ двухъэтажномъ домѣ гражданина Оноско.

Императоръ хозяину у котораго квартировалъ, подарилъ портреты: свой, и своей родительницы, императрицы Маріи Терезіи.

Я присмотрѣлся къ Императору очень близко, какъ онъ того же дня послѣ полудни болѣе часу съ княземъ Потемкинымъ, стоя одинъ противъ другаго на одномъ мѣстѣ и держа въ рукахъ шляпы, разговаривалъ въ саду Могилевскаго Архіерея, при углу архіерейскихъ келій, въ которыхъ квартировалъ князь Потемкинъ. Тогда я съ другими лавировалъ по городскому валу, съ котораго въ садъ все было видно чрезъ низкую деревянную ограду и не болѣе отъ вала до нихъ было растоянія, какъ саженей восемь.

Не разсуждая полнымъ смысломъ о качествахъ и жребіи царей, разсуждалъ я тогда по своему: возможно ли, думалъ я, чтобы встрѣтяся съ нимъ можно было замѣтить, что онъ глава 26-ти милліоновъ знатнѣйшаго на земномъ шарѣ нѣмецкаго народа? Но потомъ, въ теченіе моей жизни, читая вошедшія въ печать его письма къ Императрицѣ, его родительницѣ, къ Фридриху Великому и другимъ важнымъ особамъ, видѣлъ, что всесильная непостижимость, опредѣлила ему высочайшую между смертными степень по достоииству и достоинства даровала по степени.

---

*) Пассекъ зналъ лично Императора.

Государыня Императрица Екатерина II на другой день прибытія Императора Іосифа II, часу въ 12, въ полдень, изволила прибыть въ Могилевъ.

Въѣздъ ея въ городъ былъ съ конвоемъ эскадрона кирасирскаго, не помню какого, полка. Предъ городомъ за полъ версты на тріумфальныхъ деревянныхъ, выкрашенныхъ воротахъ, сдѣланы были золотыми литерами приличныя надписи, съ пріѣзда: Felici Adventui, а на другой сторонѣ Patent Superis, съ означеніемъ времени пріѣзда, римскимъ счетомъ, MDCCLXXX. (*).

Шествіе было мимо присутственныхъ мѣстъ, при которыхъ стояли всѣ мы должностные отъ губернатора и судьи до канцелярскаго служителя, придверника и сторожа, отдѣльно каждое присутственное мѣсто, — прямо въ соборную въ церковь, гдѣ преосвященный Могилевскій Георгій Конискій, встрѣтивъ Монархиню съ духовенствомъ и клиромъ по чиноположенію Греко-восточной церкви, и, ставъ на проповѣдническомъ мѣстѣ, провозгласилъ приличную сему случаю рѣчь; изъ церкви въ казенный генералъ-губернаторскій домъ.

Ихъ Величества пробыли въ городѣ семь дней — включительно пріѣздный и выѣздный — въ продолженіе которыхъ было нѣсколько театральныхъ представленій, воинскихъ внѣ города маневровъ, каждо-ночныя освѣщенія, а евреи воздвигнули среди площади между фестонами изъ ельника и пирамидами оркестръ съ надписью со входа: «торжествуемъ, якоже во времена Соломона», гдѣ и играли на разныхъ инструментахъ, по перемѣнно, почти денно-ночно.

Государыня Императрица посѣтила первыя четыре присутственныя мѣста: намѣстническое правленіе и три палаты. Ея окружали: Министръ Императора при Россійскомъ дворѣ — графъ Кобенцель, генералъ фельдмаршалъ графъ Румянцевъ-Задунайскій, графъ З. Г. Чернышевъ, князь Потемкинъ, князь С. Ѳед. Голицынъ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, губернаторъ Пас-

---

*) Сіи ворота по смерти Императрицы, въ первый годъ, сломаны.

секъ и прочіе. А въ праздникъ Вознесенія и въ день Воскресный— слушала обѣдню въ соборной церкви при отправленіи священно служенія Могилевскимъ Епископомъ Георгіемъ Конискимъ.

Съ какимъ достойнымъ зрѣнія благочестіемъ и нравственною простотою Государыня Императрица предстояла тогда священному алтарю и при важнѣйшихъ дѣйствіяхъ, заключающихъ въ себѣ таинство греко-восточной церкви, изображала на себѣ полный крестъ, и поклонялась столь низко, сколь позволяетъ сложеніе человѣческаго корпуса! Сіе примѣтно было всѣмъ тогда и единовѣрцамъ и католикамъ.

Во всю бытность Императрицы въ Могилевѣ, царствовала въ ея дворцѣ и въ квартирѣ Императора тишина; видно, что двое на земномъ шарѣ владыкъ имѣли чѣмъ заниматься, кромѣ народныхъ шумныхъ забавъ. «Великимъ особамъ—сказалъ негдѣ великій духъ — потребны великія замыслы», дѣйствіе которыхъ открылось противъ падишаха Турецкаго. Россія взяла отъ него Крымъ, за который потомъ возгорѣлась война, и миръ увѣнчалъ Россію пріобрѣтеніемъ Очакова съ землями въ 1788 году.

Ихъ Величества заложили въ Могилевѣ церковь во имя *Св. Іосифа*. При заложеніи, видѣлъ я подъ однимъ шатромъ двухъ коронованныхъ главъ и всѣхъ вышесказанныхъ лицъ.

Кромѣ сего мѣста, Императора нигдѣ не видно было совмѣстно съ Императрицею и на маневрахъ онъ былъ одинъ.

По окончаніи заложенія, епископъ Могилевскій Георгій Кониской сказалъ предъ Императрицею краткую рѣчь, безъ сомнѣнія приготовившись, а Императрица отвѣтствовала ему еще короче, безъ сомнѣнія не готовившись, ибо не слыхавши вопроса, нельзя приготовиться съ отвѣтомъ. Мнѣ въ тѣснотѣ воинской и губернской благородной знати, хотя очень близко досталось стоять, однакожъ не слыхалъ я ни одного слова, ни царскаго, ни пастырскаго, ибо зазвонили во всѣ колокола тогда, когда надлежало умолкнуть всему, что мѣшаетъ слуху. Но ежели неизвѣстныя мѣста можно дополнять догадкою, то матерія безъ сомнѣнія состояла, съ одной стороны въ священныхъ или

церковныхъ, а съ другой, въ царскихъ словахъ, приличныхъ случаю заложенія храма, назначеннаго пѣть имена создателей своихъ до неизвѣстныхъ временъ.

А Императоръ Іосифъ взаимно у себя заложилъ и сдѣлалъ церковь во имя Св. Екатерины. Въ два года отъ заложенія, какъ говорили, отправлялось уже въ ней богослуженіе, а въ нашей Могилевской чрезъ 18 лѣтъ. Церковь оставалась въ чернѣ лѣтъ 15, да отдѣлывалась на чисто года три, и освящена уже по смерти Императрицы и по отставкѣ Павломъ I Пассека. Таково было во всѣхъ частяхъ правленіе генералъ-губернатора Пассека, который будучи по природѣ тяжелъ, поддерживалъ себя угожденіемъ сильному князю Потемкину и князю Вяземскому, сильному тогда генералъ-прокурору. Впрочемъ Пассекъ былъ мужъ не слабомысленный и не злой, хотя и не слишкомъ строгихъ добродѣтелей.

Государыня Императрица приказала главнокомандующему Бѣлоруссіею графу Чернышеву подать къ себѣ списокъ всѣхъ служащихъ по выбору отъ дворянства, новыхъ своихъ подданныхъ, и пожаловала ихъ чинами тѣхъ степеней, какія они по выбору за урядъ занимали. Такимъ образомъ, ни одному хорунжему, или простому шляхтичу досталось въ рангъ подполковника, то есть въ надворные совѣтники.

Выѣздъ Государыни Императрицы изъ Могилева былъ предъ полуднемъ, при колокольномъ звонѣ, при пушечной пальбѣ и при вяломъ стеченіи городскаго народа, ибо не долженъ я пропустить, что Бѣлорусскіе жители почти всѣхъ состояній, исключая любопытныхъ Евреевъ, когда у нихъ не саббасъ,—смотрятъ на великій и малый предметъ, на печальный и радостный съ равнодушіемъ, и со всѣмъ не имѣютъ той пріятной наружности, которая рождается отъ внутреннихъ движеній, при случаѣ отличныхъ предметовъ.

Съ Государынею въ каретѣ сѣли: Императоръ, министръ его графъ Кобенцель, придворная дама, ежели не ошибаюсь, графиня Браницкая, сестра князя Потемкина, Ал. Дм. Ланской и Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Очень понятно, что карета была не меньше моего кабинета, въ которомъ я теперь пишу.

А графъ Чернышевъ, яко хозяинъ губерніи, скакалъ предъ окномъ верхомъ. По выѣздѣ же за ворота—ахъ нѣтъ! за шлагъбаумъ!—Государыня позволила ему сѣсть въ его карету.

Мнѣ хотя нельзя было пѣшему догонять экипажей, чтобъ быть очевидцемъ, когда графъ садился въ карету, однакожъ сказали мнѣ тѣ, которые тамъ были и имъ можно вѣрить.

30 верстъ отъ Могилева, въ извѣстномъ бѣлорусскомъ мѣстечкѣ Шкловѣ, владѣлецъ онаго генералъ-маіоръ Зоричь готовъ уже былъ давно принять вѣнценосныхъ гостей торжественно. Облагодѣтельствованный и получившій все, что имѣетъ отъ щедрыя Императрицы, не щадилъ онъ ничего. Обѣдъ, ужинъ, маскарадъ, театръ, фейерверкъ, кадетскій корпусъ, основанный и содержанный его иждивеніемъ, многочисленный съѣздъ во всемъ Шкловѣ дворянства, — словомъ, все было у хозяина одушевлено. Государыня имѣла въ его домѣ ночлегъ, а графъ Чернышевъ не участвовалъ въ зрѣлищахъ; онъ тотчасъ выѣхалъ впередъ въ городъ Копысь, къ чему должность хозяина губерніи, была для него предлогомъ; въ самомъ же дѣлѣ ссора съ Потемкинымъ мѣшала его удовольствіямъ.

По смерти Императрицы, Зоричь былъ потребованъ въ службу, пожалованъ генералъ-лейтенантомъ и возвращенъ въ Шкловъ. По возвращеніи, театръ его велѣно разломать; Зоричь разбитъ, Зоричь боленъ и вскорѣ умеръ, имѣя лѣтъ около 60 своего вѣка, не бывъ никогда дряхлымъ, ни скучнымъ. Кадетскій корпусъ его велѣно перевести изъ Шклова въ Гродно, изъ Гродно въ Смоленскъ, изъ Смоленска въ Кострому. И имя Зорича достойное вѣчной памяти, изгладилось на вѣки. Какъ бы-то ни было, чувствительные люди говорятъ, что сердце имѣетъ свою математику, которая также вѣрна, какъ и классическая. Сія то сердечная математика сдѣлала Зоричу, давно уже покоившемуся въ землѣ, приличное погребеніе; ибо, лишь только извѣстно стало, что корпусъ переводится изъ Шклова въ Гродно, родители и сродники воспитывающихся въ немъ, изъ разныхъ губерній наводнили пріѣздомъ своимъ цѣлый Шкловъ.

Насталъ день выхода, всѣхъ кадетовъ было болѣе двухъ сотъ, которымъ надлежало выйдти въ церемоніальномъ маршѣ.

Пошли прежде въ церковь; каждый сродникъ, сродница, родители, пріятели родителей и родственниковъ туда же тѣснились, не желая спускать съ глазъ столь близкихъ къ ихъ сердцу. Всѣ растроганы и приготовлены были къ слезамъ. Въ такомъ располохѣ является протоіерей Александръ Старинкевичъ; онъ восходитъ на каѳедру, говоритъ приличное сему случаю слово и—возглашаетъ: «возстани Зоричь! воззри на вертоградъ тобою насажденный! ты въ жизни своей говаривалъ, что не имѣешь кому оставить дѣтей твоихъ! се монархъ пріемлетъ ихъ подъ свой покровъ и ввѣряетъ ихъ руководству избраннаго имъ мужа», указывая на генералъ-маіора Кетлера.—Тутъ природа явила себя въ собственномъ видѣ, безъ прибавокъ и безъ украшеній театральныхъ Родители, сродники, друзья ихъ схватили юныхъ за головы и всѣ до единой души мущины, женщины, малолѣтніе, молодые зарыдали въ голосъ. Много стоило труда кончить проповѣдь останавливающемуся по сей причинѣ проповѣднику, а больше того выдти всѣмъ изъ церкви. Маршъ съ музыкою и съ барабаномъ всѣ слышали, но никто не исполнялъ, и г. Кетлеръ имѣлъ благоразуміе уступить на долгое время движенію сердецъ. Потомъ во весь остатокъ дня и цѣлую лѣтнюю ночь слышанъ только былъ непрерывный громъ экипажей по большой дорогѣ въ оба пути, подобно какъ въ столичномъ городѣ, по улицамъ, чрезъ шесть верстъ отъ Шклова до деревни Каменки-мураванки, гдѣ остановился корпусъ на кантониръ-квартирахъ. Чрезъ все сіе время и разстояніе, имя Зорича переносилось громогласно отъ одного къ другому, сопровождаемо выраженіемъ нѣжныхъ чувствованій и благодарности. (*)

Вѣчная тебѣ память благодѣтель Зоричь, долженъ и я отрыгнуть сердцемъ! прими слезы чувствительной благодарности, пролитыя невольно надъ моими строками; быть можетъ, что въ чувствительности сей участвуетъ и собственный мой интересъ, но что же въ родѣ смертныхъ есть безъ интереса?

*) Все сіе написалъ я по словамъ одного самовидца сего происшествія, который имѣлъ въ корпусѣ двухъ племянниковъ.

Зоричь, и изъ моихъ четырехъ питомцевъ, одного воспиталъ на своемъ иждивеніи, который теперь служитъ съ похвалою отъ начальниковъ и получаетъ отъ Государя Императора благоволѣніе, и который мнѣ собственной работы, занимающей его иногда по охотѣ, сверхъ службы, прислалъ картину съ такими символами, которыхъ достоинъ Зоричь отъ многихъ губерній Россійской Имперіи; ибо, хотя Голицынъ, Шереметьевъ, Разумовскій и другіе многіе даже превосходятъ его въ благотвореніяхъ человѣческому роду, но при немъ преимущественно то, что онъ почти всѣхъ ихъ упредилъ. Миръ твоему праху, благодѣтель бѣдныхъ и сиротъ Зоричь! Уже по препровожденіи Императрицы изъ Бѣлоруссіи въ Смоленскую губернію, графъ возвратился.

По семъ вскорѣ графъ выѣхалъ въ Бѣлорусское свое имѣніе Чечерскъ, а оттуда въ Подмосковное, Ярополчь. Пассекъ губернаторъ пожалованъ и взятъ въ сенаторы,— на мѣсто его поступилъ вышесказанный вице-губернаторъ Энгельгардтъ, а на мѣсто его сѣлъ директоръ экономіи Черемисиновъ, въ директоры же совѣтникъ Веревкинъ, а на мѣсто его братъ его, Веревкинъ же, отставной флота капитанъ-лейтенантъ. Пассекъ, самъ для себя нацѣлилъ въ Бѣлорусскіе генералъ-губернаторы, что вскорѣ и получилъ.

Прошлаго еще 1781 года въ сентябрѣ мѣсяцѣ, я по представленію намѣстническаго правленія, опредѣленъ Сенатомъ въ Верхнюю расправу стряпчимъ, а Луцевинъ въ намѣстническое правленіе секретаремъ. Графъ Чернышевъ какъ будто дожидался нашей перемѣны, переведенъ по именному повелѣнію въ Москву главнокомандующимъ, а сенаторъ Пассекъ, бывшій нашъ губернаторъ, получилъ по преднамѣренію своему, Бѣлорусское генералъ-губернаторство съ пособіемъ князя Потемкина.

Удивительно, какъ уже и сердца человѣческія соединяются въ одну точку, ежели гдѣ зрится неоспоримая истина; въ продолженіе начальства графа Чернышева, всякій съ любочестіемъ при надобномъ случаѣ говорилъ: «у насъ Государевъ Намѣстникъ графъ Чернышевъ», при перемѣнѣ же его, всякое состояніе единодушно заговорило унылымъ тономъ: «уже у насъ

не будетъ втораго графа Чернышева.» Помню я, какъ одинъ старый служивый подполковникъ, который былъ тогда совѣтникомъ въ гражданской палатѣ г. Квасниковскій, сказалъ: «Слава жъ Богу, что къ намъ Петръ Богдановичь Пассекъ; еще мы не все теряемъ.» Но не было ни кого, кто бы сказалъ, что мы ничего не теряемъ. Время показало, что общій народный голосъ не ошибался.

II

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ВЪ ВИТЕБСКѢ.

НАШЕСТВІЕ ФРАНЦУЗОВЪ.

(1810—1813.)

XXXXVI—XXXXVII.

Генералъ-губернаторъ герцогъ Александръ Виртембергскій.—Сумароковъ.—Тургеневъ— Старинкевичь.—Витебская квартирная коммисія.— Бѣгство при приближеніи Французовъ.—Отправленіе архивовъ въ Невель. Поѣздка Добрынина изъ Невеля въ Витебскъ.— Грабежи и убійства, производимые французскою арміей.— Скитаніе Добрынина по лѣсамъ.— Крестьяне.— Возвращеніе Добрынина въ Витебскъ.— Видъ города.— Представленіе французскому генералу. — Наполеонъ въ Витебскѣ — Грабежи.— Бѣгство Французовъ.— Погода въ Октябрѣ.— Погребеніе непріятельскихъ тѣлъ.

Всеблагому провидѣнію угодно было продолжить жизнь мою до 71 года отъ моего рожденія, на которомъ я снова принимаюсь за перо — 1822 года въ сентябрѣ мѣсяцѣ—для продолженія моихъ предположенныхъ записокъ и съ ними вмѣстѣ исторіи моей жизни.

Въ 1810 году, по Всевысочайшему именному повелѣнію, прибылъ въ Витебскъ для управленія обѣими Бѣлорусскими губерніями, въ достоинствѣ Бѣлорусскаго военнаго губернатора, Его Королевское Высочество Герцогъ Александръ Виртембергскій.

Губернаторъ Сумароковъ далъ для Его Высочества гостепріимный обѣденный великолѣпный столъ и пригласилъ всѣхъ губернскихъ чиновниковъ. Мнѣ случилось сѣсть подлѣ адъютанта герцогскаго г. Тургенева. Благородная фамилія Тургеневыхъ извѣстна мнѣ была еще отъ временъ мѣстопребыванія моего въ Сѣвскѣ, при дядѣ моемъ тамошнемъ епископѣ Кириллѣ Флоринскомъ, по стеченіи иногда къ нему, по сану его, дворянства съ визитомъ, также и по временной потомъ моей бытности въ Москвѣ въ 1785 году. Онъ занялъ меня краткимъ разговоромъ и порадовалъ, что Его Высочество предваренъ обо мнѣ съ хорошей стороны въ Петербургѣ, особенно же отъ статскаго совѣтника Поглиновскаго. Поглиновскій, Дмитрій Моисѣевичъ, знакомъ мнѣ отъ самаго вступленія моего 1777 г. по статской службѣ въ Бѣлорусскій городъ Рогачевъ, гдѣ обучался онъ въ партикулярномъ пансіонѣ, а потомъ въ Могилевѣ, въ которомъ я служилъ 20 лѣтъ.

Правитель канцеляріи Герцога, г. Старинкевичъ, знакомъ мнѣ еще отъ Могилева, и бывалъ у меня съ дѣтства при любомудромъ своемъ отцѣ шкловскомъ протопопѣ, занявшемъ витійство отъ Кіевской академіи и остроумномъ по натурѣ. Качества отца удачно перелились и въ сына, который сверхъ домашняго и кадетскаго въ Шкловскомъ корпусѣ воспитанія былъ летучаго ума, а потомъ изъ Петербурга достался уже къ Герцогу въ теперешнюю должность отъ знаменитаго князя Лопухина.

Тургеневъ имѣлъ счастливый смыслъ съ нравственностію; послѣ уже я узналъ, что онъ почерпнулъ много для себя полезнаго въ Геттингенскомъ, извѣстномъ въ Европѣ, университетѣ. Онъ былъ нѣсколькими годами постарше двадцати-осьми лѣтняго Старинкевича. Сіи два мудреца не были мнѣ лиходѣями. Они при избраніи иногда кому, что, гдѣ препоручить, выставляли меня Его Высочеству на шкловскомъ и гетингенскомъ языкѣ.

Его Высочество возлагалъ на меня многія коммисіи по Витебску и уѣздамъ, за исполненіе которыхъ былъ мною доволенъ.

Въ началѣ 1812 года былъ счастливъ получить по представленію Его Высочества орденъ Св. Анны второй степени при Вы-

сочиненіемъ собственноручно подписанномъ рескриптѣ. Тогда ордена жалованы были очень рѣдко и я съ горяча писалъ къ одному пріятелю въ Петербургъ, что «теперь уже меня не постигнетъ ни какое зло». Въ самомъ дѣлѣ я тогда такъ думалъ и вѣрилъ, забывшись, что «ни кто прежде смерти счастливымъ назваться не можетъ.»

Въ одну пору изъ моихъ домашнихъ рукописей показалъ я Старинкевичу записку. Она была трактатъ или разсужденіе о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ Витебской квартирной коммисcіи, которая бѣдныхъ и посредственныхъ гражданъ отягощала постоемъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ, даже прокормленіемъ постояльцевъ и подводами подъ проходящихъ, по требованіямъ городовой полиціи. На имущихъ же и значительныхъ гражданъ, хотя положенъ былъ денежный годовой отчетъ, но сборъ онаго зависилъ отъ произвола, и коммисія никому вѣрнаго отчета не давала, хотя велѣно ей давать отчетъ губернатору.

Я къ перемѣнѣ сего порядка сдѣлалъ такое математическое годовое разчисленіе, такое равновѣсіе, что всѣ обитатели города были бы довольны, если бы оно состоялось.— Евклидъ въ своихъ выкладкахъ, Невтонъ въ своихъ небесныхъ разрядахъ и Неккеръ въ статистикѣ и финансахъ не могли быть вѣрнѣе; и это такая неоспоримая правда, которую я самъ пишу!

Старинкевичъ, прочитавши мою записку, заложилъ ее подъ паху, и не сказавъ мнѣ ни слова, улетѣлъ, а чрезъ нѣсколько дней получилъ я отъ Его Высочества предписаніе, привести ее въ исполненіе. Такимъ образомъ попался я въ лабетъ; ибо видѣлъ, что скорѣе можно было на досугѣ обдумать и написать, нежели написанное привести во всѣхъ подробностяхъ въ исполненіе въ такомъ городѣ, въ которомъ слишкомъ двѣ тысячи домовъ не столько достаточныхъ, сколько посредственныхъ, и не столько посредственныхъ, сколько бѣднѣйшихъ; однакожъ милость и довѣріе Его Высочества меня облегчали и трудъ мой дѣлали удобовозможнымъ. Уже я истребовалъ отъ квартирной коммиссіи и отъ другихъ мѣстъ къ предлежащему мнѣ предмету матеріалы, но неумолимое время съ нами не согласилось.

Уроженецъ изъ Корсики, по имени Наполеонъ Бонапарте, по счастью и дѣятельности императоръ Французовъ, по проворному властолюбію покоритель Германіи, Италіи, Голландіи, по стеченію обстоятельствъ увѣнчанный честію и славою быть зятемъ императора Нѣмецкаго — приближался уже къ Бѣлоруссіи. Не досугъ было думать о нашихъ гражданскихъ занятіяхъ, а надлежало скорѣе схватить на плечи котомку по примѣру Троянца Энея, который въ подобномъ случаѣ вынесъ изъ Трои на плечахъ отца своего.

Слухъ о приближеніи Французовъ къ Витебску навелъ страхъ и ужасъ на всѣхъ мирныхъ жителей. Россіяне начали прежде всѣхъ высылать свое имѣніе изъ домовъ и изъ лавокъ, куда кто могъ, а потомъ и сами удалились. Чиновники находившіеся въ статской службѣ имъ послѣдовали, а нѣкоторые и упредили. Въ короткія среди-лѣтнія ночи, скрыпъ и стукъ по улицамъ повозокъ, заколачиваніе въ домахъ ящиковъ, вопли и гулы рабочихъ и хозяевъ наводили на мой томный духъ уныніе, когда я не имѣя ни сна, ни аппетита ходилъ по дорожкамъ въ моемъ саду, не зная что думать и что начать; разсуждая, самъ не знаю, кстати иль нѣтъ, говорилъ я самъ себѣ и каждому: «я человѣкъ устарѣвшій въ статской службѣ, сражаться мнѣ ни съ кѣмъ не придется. Останусь въ Витебскѣ, здѣсь у меня домикъ съ садомъ, а за городомъ садъ и огородъ съ постоялымъ домикомъ. Все это совокупно приноситъ мнѣ нажитаго въ мой вѣкъ годоваго дохода до 500 руб. Ктожъ для меня въ замѣнъ этого что гдѣ приготовилъ? Лучше остаться здѣсь нежели бѣжать неизвѣстно куда, неизвѣстно для чего. 35 лѣтъ уже какъ я въ Бѣлоруссіи и проч. Останусь, ибо быть не можетъ, чтобы достояніе Россіи досталось языку чуждому, дѣтищу мгновенно преходящаго случая.»

Въ ночи противъ 7 іюля, стучатся ко мнѣ въ двери... кто тамъ?.... Бумага отъ губернатора. Читаю: «въ 10 часовъ, съ полученія сего, выбраться совѣтнику Д. и слѣдовать въ городъ Невель съ дѣлами и архивою своего присутственнаго мѣста.»

На разсвѣтѣ прихожу въ свой департаментъ и нахожу почти уже все готовымъ и все разрушеннымъ. На столахъ нѣтъ ни суконъ, ни зерцала, на стѣнахъ ни портрета, ни часовъ, ни зеркала; внезапное зрѣлище и отъѣздъ поразили меня. Я уже давно страдалъ ревматическимъ въ ногахъ припадкомъ, а въ семъ случаѣ онъ меня тронулъ на подобіе паралича. Какъ бы то ни было, онъ тронулъ меня не въ пору, потому что я уже имѣлъ предписаніе. Когда никто изъ канцелярскихъ служащихъ не хотѣлъ со мною ѣхать, питомецъ мой, г. Кунцевичъ, объявилъ желаніе не отставать отъ меня и беречь архивъ.

Собравшись наскоро, я поѣхалъ и повезъ на 14 подводахъ дѣла. По дорогѣ и потомъ въ Невелѣ нашелъ я весь Витебскъ съ подобными транспортами; также гимназію, семинарію, бѣлое и черное духовенство; нѣкоторые же, выѣхавшіе съ женами и съ грудными дѣтьми едва имѣли насущные сухари, приправленные горькою судьбою. Все это составило такой унылый маскарадъ, на которомъ танцовать никто не охотился.

По прошествіи 4 дней, которые пробылъ я въ Невелѣ, получено изъ Витебска губернаторское предписаніе, чтобы приказъ общественнаго призрѣнія возвратился въ Витебскъ со всѣми бумагами. Изъ сего не трудно было расчесть, что и мнѣ еще можно съѣздить въ Витебскъ, и возвратиться въ Невель, при случаѣ нужды. Я, оставя при архивѣ вышеупомянутаго Кунцевича, спѣшилъ забрать послѣднія изъ Витебска вещи и видѣть оставленнаго при смерти въ домѣ моемъ друга моего, или уже обнять его могилу. Но, не доѣзжая до Витебска 10-ти верстъ, захватили меня, въ домѣ помѣщика Энькн, человѣкъ съ 30 конныхъ Французовъ, часу въ 11 предъ полуднемъ. Прежде всего, потребовали они отъ хозяина вина, водки; насандаливши носы, бросились разбивать въ глазахъ его сундуки, шкафы, комоды, бюро; потомъ въ амбары, въ конюшню, въ каретный сарай, взяли лошадей, коляску, которую запрягли и нагрузили всѣмъ что легче и дороже, съ помощью нашихъ людей, побуждая ихъ къ тому по плечамъ,—и мой кучеръ Малаховъ никогда такъ проворно не работалъ. Взяли моихъ лошадей съ упряжью, изъ чемодана побрали бѣлье, бритвы съ

приборомъ, столовый на одну персону серебрянный приборъ, и 1500 руб. ассигнаціями. Прочее все, что было въ чемоданѣ, оставили.

Одинъ изъ побѣдоносцевъ, посмотря на мой орденъ, снялъ его съ шеи, и уже ладился спрятать. Тогда у меня потемнѣло въ глазахъ; но начальникъ ихъ, взявъ отъ него, возвратилъ мнѣ. Я, перешедши мгновенно отъ удара въ радость, чуть не палъ изъ благодарности на колѣни предъ великодушнымъ начальникомъ грабительства.

Въ тотъ день случились у хозяина въ гостяхъ сосѣди съ женами и съ малолѣтними дочерьми; у нихъ также отобраны лошади и дрожки, а со всѣхъ насъ сняты сапоги.

Я предполагалъ уйти изъ дому, но они по перемѣнно, вездѣ разбѣгались верхами, слѣдственно вездѣ бы я къ нимъ попался въ руки.

Находившійся при мнѣ одинадцатилѣтній друга моего сынъ, учившись въ гимназіи и наслышавшись отъ разговоровъ, что Франція произвела многихъ великихъ людей и что она упредила насъ въ наукахъ, слѣдственно и въ нравственности, смотрѣлъ на все безбоязненно; но одинъ изъ великихъ въ нравственности треснулъ его кулакомъ въ високъ, такъ что онъ ударился другимъ о край двернаго замка и пробилъ голову. Малолѣтній, ощутивъ кровь, сказалъ мнѣ: «не тревожтесь, мнѣ не больно, только что кровь течетъ.» Я удалилъ его, а самъ скрылся въ темный уголъ каретнаго сарая и тамъ въ полуразломанной каретѣ просидѣлъ до самой ночи, пока они уѣхали.

Всѣ ограбленные и устрашенные, когда я къ нимъ показался, сказали мнѣ, что герои обо мнѣ спрашивали разъ тридцать «гдѣ тотъ баронъ, который съ крестомъ? Отданъ ли ему крестъ?» (*); нѣтъ сомнѣнія, что они въ другой разъ хотѣли

*) Они всякаго благороднаго или помѣщика называли барономъ; ограбляя и разоряя все и каждаго, они пропасть надѣлали босыхъ бароновъ.

его отъ меня взять, и что начальника ихъ на ту пору уже не случилось.

Несчастный хозяинъ и помѣщикъ отъ насъ скрылся, а мы, въ числѣ человѣкъ 12 съ служителями препроводили ночь въ овинѣ. На разсвѣтѣ по общему совѣту положено пробраться къ одному изъ сонесчастныхъ витебскому гражданину Симоновичу, версты чрезъ три. За неимѣніемъ нигдѣ лошадей, я едва могъ найти въ мою брику быка; а сами всѣ босикомъ, достигли при восходѣ солнца пристанища, состоящаго изъ одной горнички съ амбаромъ и сарая предъ овиномъ, въ которомъ я скрылся съ брикою моею. Въ тотъ же еще день посѣтили насъ другіе воины. Мы удалились въ кустарники, въ лѣса и куда кто умѣлъ, а они забрали у хозяина весь хлѣбъ печеный, одежду сколько нашли, лошадей, большой и мелкой скотъ, домашнихъ птицъ, взрыли вездѣ полы и сожгли нѣсколько ульевъ пчелъ. Изъ брики моей взяли на сей разъ съ половину оставшихся вещей, состоявшихъ въ одеждѣ; прочее все разломали, разодрали, разбросали и удалились. По удаленіи ихъ сказали мнѣ многіе единогласно, что хозяинъ Симоновичь, самъ французамъ указалъ мою брику. (*) Какъ бы то ни было, Симоновичь, желая спасти себя, совѣтывалъ мнѣ отъ него удалиться, говоря, что брика моя была причиною и его несчастья.

Я самъ-третій съ моими людьми перетащилъ облегченную уже брику чрезъ версту, потому что лошадей ни у кого уже не осталось, и водворился въ стоящую близь перелѣсковъ повѣть, принадлежащую крестьянину г-на Эньки. Здѣсь дали мнѣ крестьяне по просьбѣ моей въ ведрѣ воды, а вмѣсто ковша — большую фарфоровую буліонную верхнюю чашку, и ободранныя уже краснаго дерева кресла, похищенныя изъ господскихъ домовъ; и здѣсь также, не прерывая заведеннаго въ арміи порядка, посѣщали брику мою чрезъ пять дней солдаты, иногда пѣшіе, иногда конные, но, не находя въ ней ничего, на послѣдокъ ободрали сукно и часть кожи, и, выбросивъ изъ пуховика и подушки пухъ,

*) Уже спустя три мѣсяца видѣлъ я Симоновича, шедшаго въ Витебскѣ въ шинели моего слуги.

наволочки обратили въ казну; а я въ продолженіе сего, съ присовокупившимися ко мнѣ по сему же несчастному жребію нѣсколькими канцелярскими служителями, при каждомъ приближеніи къ намъ просвѣщеннаго народа, бѣгалъ по лѣсамъ и по болотамъ и тамъ ночевалъ съ ними. Мой малолѣтній Телемакъ, раздѣляя со мною горькую чашу, сказалъ единожды: «вотъ попались, къ больному батюшкѣ не доѣхали, а въ Невель возвратиться нельзя.»

Не имѣя уже что сберегать, перестaлъ я скрываться; но одинъ изъ новонаступившихъ героевъ доказалъ мнѣ практически, что я думалъ погрѣшительно; онъ замахнулся на меня саблею и, показывая мнѣ прусскую серебрянную монету, требовалъ таковыхъ же; но видя, что я указываю ему на босыя мои ноги, снялъ съ меня шляпу, панталоны и рубашку.

Не трудно примѣтить, что воинъ сей былъ человѣкъ съ расчетомъ. Онъ тотчасъ смѣтилъ, что ему нужнѣе рубашка и панталоны нежели халатъ; мнѣ же, въ моемъ положеніи, халатъ былъ нужнѣе нежели рубашка и панталоны. На семъ благоразумномъ разсужденіи основалъ онъ свое рѣшительное опредѣленіе и его исполнилъ.

Оставшись въ одномъ халатѣ, получилъ я отъ моихъ слугъ манишку и холстинныя панталоны, а одинъ изъ канцелярскихъ служителей снабдилъ меня шляпою. При семъ случаѣ, вспомнилъ я жребій несчастнаго Мексиканскаго государя Монтезумы, къ ногамъ котораго бросились въ слезахъ его служители перекладывать хлопчатую бумагу между его тѣломъ и желѣзомъ, когда безчеловѣчные Испанцы положили на него оковы; это меня облегчило. А прекраснѣйшее и наиплодоноснѣйшее во всѣхъ прозябеніяхъ— изъ всѣхъ прожитыхъ мною въ Бѣлоруссіи 35,—лѣто, подкрѣпляло и сохранило жизнь мою.

Въ продолженіи 6 или 7 дней, видѣли мы изъ лѣсовъ и кустарниковъ, какъ отряды арміи, разсыпаясь, грабили каждодневно все то, что могли найти въ помѣщичьихъ и крестьянскихъ домахъ, и разоряли съ удивительнымъ мужествомъ и храбростію все то, что съ ними никогда не сражалось.

Подобные герои напали на деревню витебскаго помѣщика Лукомскаго, вскочили въ домъ его, начали ломать, разбивать, грабить, схватили его самаго. Юный сынъ бросился защищать несчастнаго отца, отецъ схватилъ сына въ объятія, но выпустилъ изъ объятій, уже застрѣленаго. Такимъ образомъ убитыхъ въ разныхъ мѣстахъ начали было привозить въ Витебскъ и ставить на площади, подлѣ воскресенской церкви, противъ бернадинскаго кляштора; но начальство французское запретило ввозъ военнымъ тарифомъ; ему легче было позволить убійство и грабежъ, нежели видѣть исполненіе позволенія.

Самъ князь Н., квартируя въ Витебскѣ, въ домѣ доктора Сварацкаго, обнадеживалъ несчастныхъ на польскомъ языкѣ сими словами: «вы будете раззорены, вы будете бѣдны, но будете имѣть свое отечество.» Къ сему спасительному увѣщанію надлежало бы дополнить: вы умрете съ голоду или будете разстрѣлены, но будете имѣть свое отечество.

Какое имя ты лесть груба злу дала!
Убійство и грабежъ геройствомъ назвала.

Сумароковъ.

Нужно ли знать, чѣмъ я питался? . . . Мы ходили самъ другъ или самъ третій въ ближайшія деревни, доставали за деньги хлѣбъ, крупу, молоко, и въ лѣсу варили кашицу, имѣя на 6 человѣкъ двѣ деревянныя ложки, ножикъ, горшокъ и болѣе ничего. На семъ мѣстѣ вспомнилъ я аѳинскаго Аристида, и онъ меня утѣшилъ.

Въ артелѣ нашей былъ вышесказанный одинадцатилѣтній друга моего сынъ. Онъ, чувствуя зрѣніемъ и вкусомъ недостатокъ пищи, иногда мнѣ повторялъ: «я ѣсть не хочу, вы только не безпокойтесь.» Понимая источникъ его рѣчи, кровь въ жилахъ моихъ останавливалась, и къ большему въ моихъ горестяхъ несчастію, не могъ я плакать, подобно больному, который спать не можетъ.

Въ одинъ день пошелъ я самъ третій добывать пищи. Нахожу въ деревнѣ, принадлежащей нашему губернскому прокурору, мужиковъ и женщинъ пьяныхъ.

Мы вошли къ одному мужику въ сѣни, прося у него и у хозяйки продать намъ хлѣба и молока. Добывши отъ женщинъ кувшинъ молока и нѣсколько ломтей хлѣба, лишь только хотѣлъ имъ дать серебрянную полтину, какъ одинъ изъ моихъ сопутниковъ, вбѣжавши съ улицы въ сѣни, шепнулъ скоропостижно: «уйдемъ поскорѣе.» И только что я показался на улицу, вдругъ закричали мужики; «это шпіоны» Одинъ изъ нихъ бросился ко мнѣ съ веревкою вязать и схватилъ меня за конецъ рукава моего халата, а другіе бросились ломать изъ плетня колья. Я, вырвавшись, кинулъ имъ пяти рублевую ассигнацію, а самъ пустился въ ретираду форсированнымъ маршемъ; сопутники мои сдѣлали тоже. Мужики не могли долго гнаться, Мы скоро вбѣжали въ лѣсъ. Голодъ нашъ былъ больше страха, мы не кинули молока и хлѣба.

Послѣ уже мнѣ сказали, что у нихъ тогда находился французскій офицеръ, и бранилъ ихъ за то, что они бросились меня вязать и что кричали: имъ надобенъ хлѣбъ и молоко для Французовъ — вѣроятно, это былъ полякъ; другой же націи не могъ бы съ нашими мужиками объясняться.

Въ послѣдніе два дни такой жизни, мы услышали, что Наполеонъ уже въ Витебскѣ и что въ почесть ему грабежъ уменьшается. Но это была мечта бѣдствующихъ; ибо грабежъ шелъ своимъ порядкомъ.

Напослѣдокъ, мы для перемѣны воздуха и образа жизни, согласились идти въ Витебскъ большою дорогою. Собралось насъ изъ окрестностей лѣсныхъ и болотныхъ обоего пола человѣкъ болѣе тридцати. Женщины иные съ дѣтьми при грудяхъ, иные вели ихъ въ рукахъ; мущины старые, средніе, юные имъ предшествовали или послѣдовали, кто какъ попалъ, и почти всѣ были босикомъ.

Когда пробирались мы на большую дорогу, атаковали насъ еще пѣшіе герои въ сѣрыхъ шинеляхъ; вдругъ является изъ за кустовъ конный офицеръ и приказываетъ великодушно пропустить насъ, какъ такихъ неподозрительныхъ людей, у которыхъ взять уже нечего. Мы; проходя по пути чрезъ домъ г-на Эньки, видѣли тамъ множество квартирующихъ между навоза и собственной не-

чистотою, какъ жуковъ, французскихъ воиновъ, которые насъ не затрогали. Но въ домѣ уже не видно было ни стеколъ въ окнахъ ни дверей, ни цѣлой огорожи.

При самомъ входѣ въ Витебскъ разночинцы мои разсѣялись, кому куда Богъ послалъ, а мнѣ встрѣтилась маневрирующая конная гвардія. По всѣмъ улицамъ, которыми я проходилъ, видѣлъ во всякомъ окнѣ дома набитыхъ Французовъ, и каждый домъ, сарай, повѣти, амбары, наполнены были ими же. Никого изъ гражданъ по улицамъ не видно было, кромѣ бѣднѣйшихъ и Евреевъ. Лавки и винные погреба пусты, двери вездѣ отперты, разломаны, стеклы побиты, затворы оконъ порасколоны, иные висятъ на одномъ крюку въ діогональ по окну. Церкви, костелы, кляшторы наполнены были больными, ранеными и всѣми принадлежностями для нихъ и для лошадей. Витебскъ казался мнѣ совсѣмъ уже не тотъ, въ которомъ я жилъ и служилъ 15 лѣтъ.

Въ три мѣсяца слишкомъ бытности ихъ въ Витебскѣ, не слышно было ни колокола, ни пѣтуха. Первый былъ запрещенъ, а второй былъ съѣденъ.

Бываютъ въ жизни мѣста или пункты, которыхъ забыть чувствительность никогда не допуститъ. На Подвинской улицѣ бросился ко мнѣ почти на шею молодой шляхтичь, вскричалъ на польскомъ языкѣ: «Боже? Что я вижу? Это нашъ г-нъ совѣтникъ!» Не кстати мнѣ было спрашивать его, кто онъ; но сколько я ни силился отвѣчать ему знакомствомъ, не больше успѣлъ, какъ только примѣтилъ, что онъ бывалъ иногда въ нашемъ департаментѣ повѣреннымъ отъ нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ Витебской губерніи помѣщиковъ. «Вамъ нужно теперь, сказалъ онъ, выпить рюмку вина; вотъ моя квартира у гражданина Лопаты.» Вошедши и поблагодаря за доброхотство при нуждѣ, спросилъ я его: «вы же о чемъ безпокоитесь?— «А вотъ моя жена»— указывая на прекрасную женщину лѣтъ 20, лежащую въ постелѣ— «Она скинула мертваго ребенка, испугавшись отъ набѣжавшихъ въ мою комнату съ саблями побѣдителей» Онъ далъ мнѣ по желанію моему рюмку водки.

Онъ продалъ мнѣ свою новую шинель, которая и была единымъ мнѣ покровомъ во всю бытность въ Витебскѣ непріятелей. Прокурорша наша приказала сшить для меня рубашку. Миръ ея праху! Тогда у насъ продавался фунтъ печенаго хлѣба на мѣдь 1 руб. 50 коп., ведро хлѣбнаго вина 10 р. сер., а рубль былъ серебрянный въ 450 копѣекъ мѣдныхъ.

Домой пришелъ я не на радость, въ немъ квартировалъ генералъ, министръ военной полиціи (*); рѣшетки, отдѣляющія садъ отъ подворья, поломаны и разбросаны. Вездѣ вокругъ дома и сада проломы. Вездѣ празднoшатающіеся служители и солдаты. Садъ обращенъ въ конюшню и пастбище, вездѣ настой и смрадъ. Моя склонная природа къ чистотѣ, порядку и тишинѣ, въ другую бы пору воскипѣла; но претерпѣвши и потерявши много, я смотрѣлъ уже на все почти равнодушно, лучше сказать: отъ самой чувствительности, я обезчувственѣлъ, окаменѣлъ; особливо тогда, когда друга моего нашелъ я лежащаго въ башнѣ, отчаянно больнымъ, но при здравой памяти и разсудкѣ. Я утѣшилъ его тѣмъ, что ежели бы я и все потерялъ, ни мало не огорчусь, только бы онъ выздоровѣлъ, хотя и видѣлъ къ неизобразимому моему несчастію, что ему не выздоровѣть. Онъ также мнѣ обрадовался, сколько болѣзнь ему позволяла и сказалъ, что мы еще не совсѣмъ несчастны, когда я васъ вижу. Жена его разсказала, что она предъ первымъ набѣгомъ на домъ партіи непріятельской, схватила въ замѣшательствѣ и почти въ безпамятствѣ нѣсколько паръ чайныхъ чашекъ, банку липцу и другихъ мелочей и тысячу руб. ассигнаціями, и зарыла на грядахъ, но солдаты разсыпавшись тотчасъ примѣтили копаное свѣжее мѣсто; чашки, банку и другіе мелочи разбили, а ассигнаціи унесли съ собою.

На другой день прибытія моего, переводчикъ штата генеральскаго служителю моему сказалъ: «здѣсь квартира для гене-

---

*) Не простительно мнѣ, что я не припомню его фамиліи; но простительно потому, я и самъ себя тогда не помнилъ. Въ послѣдствіе времени видѣлъ я, что физіогномія его и обращеніе, согласны были.

рала, а въ нее теперь пришелъ человѣкъ неизвѣстный; онъ долженъ явиться къ генералу . . . . а не то? У насъ судъ короткій, его разстрѣляютъ.» Романъ мой умѣлъ ему отвѣчать, что господинъ его пришелъ домой въ халатѣ босый, что ему надобно одѣться и обуться, и что за это его разстрѣлять не слѣдуетъ.

Сюртукъ друга моего и сапоги ко мнѣ пришлись. Я явился къ генералу въ орденѣ.

Орденъ, часы, табакерка и 180 руб. ассигнаціями спрятаны были въ землѣ, подъ дикимъ камнемъ, при той деревнѣ, гдѣ я скрывался и бѣгалъ. Вѣрный мой Романъ, бывшій со мною въ дорогѣ, въ самый еще день прибытія въ Витебскъ, убѣждалъ меня послать его за сими вещами. Сколько я съ нимъ не спорилъ, что надобно повременить потому, что теперь на дорогѣ его ограбятъ; однакожъ онъ одержалъ верхъ, нашелъ гдѣ то лошаденку, и на другой день на разсвѣтѣ поѣхавши, привезъ подъ вечеръ все, какъ будто для того, чтобъ къ нечистой силѣ явился не безъ креста. Чтобъ почувствовать въ полной мѣрѣ, сколь драгоцѣнна въ такомъ случаѣ вѣрность и расторопность въ слугѣ, надобно быть на моемъ мѣстѣ. Я уже лишился сего вѣрнаго человѣка. Онъ умеръ. Горе къ горю!

Генералъ принялъ меня не грубо; подставилъ самъ стулъ и говорилъ со мною чрезъ переводчика. Я, чтобъ его и себя незатруднить, далъ ему о себѣ краткую записку, кто я, что со мною при окончаніи пути случилось, и откланялся.

Послѣ сего, на третій день, онъ потребовалъ меня къ себѣ въ вечеру и принялъ съ прежнею вѣжливостію; спрашивалъ, какъ называется мой орденъ, какой я имѣю чинъ и какъ давно служу. Переводчикъ не пропустилъ спросить, чего стоитъ мой орденъ? Мой отвѣтъ былъ: «39-тилѣтней службы» и тотчасъ обратясь къ генералу, сказалъ ему, что я имѣлъ счастіе на мой орденъ получить отъ моего Государя рескриптъ. Онъ угощалъ меня французскимъ виномъ, изъ стакановъ моего буфета и сказалъ: «нашъ Государь вашему Государю другъ. Вы, какъ служили одному Государю, такъ можете служить и другому; Наполеонъ самъ это подпишетъ на общей бумагѣ, такъ какъ онъ подписалъ въ Варшавѣ и въ Вильнѣ.» Я нашелся бы, что ему

на это отвѣчать, но какъ участь моя похожа была на Лесажего Жиблаза въ подземельномъ жилищѣ у разбойниковъ, или на Волтерова Гурона подъ тремя засовами въ темницѣ, то я, вставъ со стула, поклонился и вышелъ. Онъ простоялъ въ моемъ домѣ отъ прибытія моего дней 13 и всегда когда я къ нему ни показывался съ визитомъ, просилъ менѣ или французскимъ виномъ, или французскою водкою. Но кромѣ визита, входить мнѣ въ мои покои не позволяли, а служители, штата его солдаты, каждодневныя производили въ домѣ требованія, грабежи; таскали мѣлочные остатки и сложенныя у меня господъ Коссова, Старинкевича и Зеленки вещи; обдирали стулья и ломали въ саду деревья. Мои экипажи выброшены были въ садъ, и тамъ на дождѣ мокли ободранные, а ихъ поставлены на мѣсто моихъ.

Въ одинъ день генералъ позвалъ меня и спрашивалъ: «Чьи эти вещи? указывая на сложенную мебель и ящики — по отвѣтѣ моемъ, онъ велѣлъ записать имена и чины сложившихъ. Потомъ спросилъ: для чего они сложили у васъ, а не у другого кого?

— Они были мои пріятели....
— Что въ этихъ ящикахъ?
— Не знаю.—

Онъ приказалъ ихъ откупорить, говоря, что имъ кромѣ напитковъ и сахару ничто не надобно. Адъютантъ запустилъ руку въ сѣно, коимъ перекладены были въ ящикахъ вещи, и не нашедъ напитковъ и сахару, сказалъ, чтобъ люди мои заколотили ящики по прежнему. Но когда я вышедъ возвратился посмотрѣть, скоро ли мои люди управятся, нашелъ г. адъютанта, занимающагося вновь испытаніемъ ящиковъ. Нѣсколько мелочной столовой фаянсовой посуды выставлено было уже на столъ. Онъ, увидѣвъ меня, казалось посовѣстился, и указавъ на посуду сказалъ, что это имъ не надобно. Однакожъ ящики остались откупоренными; отъ хлѣбнаго и другаго столоваго запаса, отъ столовой, чайной, поваренной и буфетной посуды, не осталось въ домѣ ничего.

Наполеонъ каждодневно, и почти всегда въ 7-мъ часу по полудни, выѣзжалъ за городъ въ разныя стороны верхомъ. За нимъ слѣдовало всегда конница и до 700 человѣкъ разныхъ націй. Шествіе замыкали поляки съ значками, трепещущими отъ слабаго дуновенія вѣтра. Я, смотря на это, разсуждалъ самъ съ собою, ибо съ другими разсуждать было опасно, «ежели ему такое количество потребно для показанія величія и славы, то для Витебска слишкомъ много чести потому, что въ немъ знатнѣе меня и доктора Сварацкаго никого нѣтъ; ежели жъ оно нужно для охраненія его жизни, то участь его незавидна.» Мнѣ очень хотѣлось прочитать его физіономію, но какъ я по природѣ близорукъ и въ шести шагахъ не могу съ перваго взгляда узнавать безъ ошибки человѣка въ лице, а лорнеты мои съ другими вещами французами похищены, то не грѣхъ побожиться, что я его не видалъ.

По выѣздѣ генерала съ Наполеономъ въ походъ, я поспѣшилъ сколько можно очистить мои покои, и друга моего съ башни перенести въ кабинетъ; вдругъ набѣжала партія солдатъ, разсыпалась по всему дому и требовала занять всѣ покои. Мнѣ много стоило труда удержать больнаго въ кабинетѣ, чтобъ его не выбросили. Потомъ выбѣжали изъ дому; явилась другая партія, и всѣ производили одна за другою, единообразныя свои маневры, разбѣгаясь по покоямъ, по саду и по всюду. Примѣтно было, по ихъ хищнымъ лицамъ и движеніямъ, что имъ хотѣлось серебра и золота; но бѣдныя сіи люди не знали, что у насъ не Испанія и не Голландія, не Англія, не Перу и не Мексика.

Я тотъ-часъ пошелъ просить коменданта о соблюденіи порядка. Онъ отвѣчалъ чрезъ переводчика, что пришлетъ ко мнѣ жандарма для квартированія, дабы онъ охранялъ меня и мой домъ отъ набѣговъ и опасностей; однакожъ это не исполнилось, а между тѣмъ, наскочила еще партія, увела моего человѣка и я считалъ его уже пропащимъ; но онъ имѣлъ больше вѣрности и привязанности ко мнѣ, нежели похитившіе его расторопности или охоты, чтобъ его удержать. Онъ возратился ко мнѣ часа

чрезъ два, а между тѣмъ лекарь и больной капитанъ со слугами самъ-шестый и съ пятью лошадьми, остановились у меня сами собою, заняли весь домъ и поддержали нечистоту въ совершенной и самой отвратительной степени. На стѣнахъ между эстампами развѣшивали сырое мясо, отъ долговременности котораго смрадъ наполнялъ покои. На фортепіанѣ ставили кострюлки; отъ утра до утра топили печи, трубы не закрывались, двери и окны не затворялись. Имѣя предъ глазами дрова, разбирали заборы, доламывали штакетъ и въ покояхъ рубили на топленіе печей въ самую лучшую теплую погоду, а вокругъ покоевъ, чрезъ отверстыя всегда окны, извергалась всякая нечистота, и вмѣстѣ съ воздухомъ возвращаясь, служила питаніемъ больному капитану.

Не лишнимъ почитаю хоть для примѣра сказать, какихъ качествъ и познаній людьми, или какою сволочью обогащена была армія великой націи. Въ одинъ день слышу я трескъ металическій въ томъ покоѣ, въ которомъ лежалъ больной капитанъ; сквозь досчатую рѣшетку, раздѣлявшую меня съ нимъ, увидѣлъ я, что онъ вывинтилъ изъ стѣны одинъ изъ бронзовыхъ наличниковъ, на которыхъ прежде стояло стѣнное зеркало и ломаетъ его. На ту пору входитъ къ нему деньщикъ. Капитанъ, показавъ ему свой трудъ, говоритъ: «это золото», рыжій деньщикъ осердясь, что капитанъ его не мастеръ находить золото, схватываетъ изломокъ, бросаетъ его съ размаха на полъ, схватываетъ скоропостижно со стѣны эстампъ, и въ доказательство капитанской ошибки, показывая ему мѣдныя при рамахъ колечки, удостовѣряетъ его сердясь, что «и это такое же золото.» Бывшій тогда при мнѣ малолѣтній питомецъ, г. Томашевскій, перевелъ мнѣ жаркій ихъ споръ, который довольно показываетъ жадность ихъ и глупость.

Каждый день приносилъ съ собою мнѣ и служащимъ новыя тревоги. Описывать подробно всѣ ихъ злодѣянія потребна была бы цѣлая книга. Многіе изъ разоряемыхъ гражданъ просили, искали удовлетворенія у французскихъ начальниковъ, но правосудія не было у этихъ притѣснителей, вѣроятно, что начальники и не въ силахъ были удовлетворять, потому что при-

казаній ихъ ни кто не слушалъ; похоже, какъ будто они, или всѣ были начальники, или всѣ подчиненные.

Рыцари, коихъ въ сіе время въ Витебскѣ оставалось около тысячи человѣкъ, угрожали, что они въ наступающую зиму, одѣнутся въ женскія салопы, которыхъ по ихъ словамъ, осталось еще на ихъ долю; однакожъ они ожидали уже своей участи и въ теченіе послѣднихъ трехъ недѣль, трикратно нагружали свои повозки и трикратно выгружали, часто влѣзали на крыши домовъ и смотрѣли во всѣ стороны.

26 числа, по утру, рано былъ спасительный день изгнанія ихъ изъ Витебска; Грекороссійская здѣсь церковь празднуетъ день сей каждогоднымъ Господу Богу молебствіемъ.

Непріятель въ Витебскѣ раздѣлился на три неравныя произвольныя части. Одна выпалила изъ двухъ пушекъ и изъ мелкаго ружья по нѣсколько зарядовъ съ лѣвой на правую сторону Двины, противъ наступившихъ нашихъ. Другая, разсыпавшись по городу, докапывала спокойно на огородахъ картофель и бураки,

Въ тотъ годъ и октябрь былъ столько же хорошъ какъ августъ. Отъ непріятелей запрещено было хозяевамъ собирать плоды садовые и огородные. Отъ рановременнаго употребленія первыхъ, множество ихъ погибло кровавымъ поносомъ; свидѣтельствуютъ о томъ каски, оставшіяся отъ нихъ по оврагамъ, а тѣла растащены звѣрьми и собаками.

Третья часть тотъ же часъ бросилась въ бѣгство изъ города во всѣ стороны. Всѣ они взяты въ полонъ. Комендантъ ихъ недалеко отъ города отбѣжалъ.

Извѣстно уже и безъ моей повѣсти, что изъ всѣхъ мѣстъ Россіи, начиная отъ Москвы до Германіи, прыгали непріятели балетъ съ променадомъ и, гдѣ прилично было, апплодированы Русскими пулями и штыками. Самъ Наполеонъ поспѣшилъ съиграть на свою долю два бенефиса на островахъ Ельбы и Св. Елены.

Изъ полумиліона, или — какъ тогдашнее время гласило — изъ миліона регулярной арміи, Наполеонъ успѣлъ увести съ собою только 40 тысячь. — Прочіе всѣ, иные остались въ плѣну,

иные потомъ замерзли на снѣгахъ въ лютую тогдашнюю, какъ будто для нихъ принаровленную вдругъ наступившую, зиму. Иные погибли отъ голода. Въ другомъ случаѣ такія бѣдствія раздирали бы нравственную и чувствительную душу; но мнѣ въ тогдашнемъ моемъ положеніи оставалось только удивляться и благоговѣть къ постоянному порядку, существующему непрерывно отъ язычества до христіанства, отъ христіанства до Америки, отъ Адама до сего дня, въ чемъ не дадутъ солгать Ассиріяне, Персы, Греки, Римляне, Мавры, Моголы, Чингисханы, Аттилы, Магомеды, Пизарры, Кортецы, Римскіе понтификаты, и самъ Каинъ съ Авелемъ; не говорю уже о народѣ возлюбленномъ, который въ царствованіе Тиверія Кесаря и управленіе Іудеею Пилата торжественно отозвался: «кровь его на насъ и на чадахъ нашихъ.» Русскій же народъ въ правѣ былъ думать, что не онъ诸 зачинщикъ драки, «на начинающаго Богъ» сказано предъ войною въ Высочайшемъ манифестѣ. Сказано и исполнилось.

Фридрихъ великій въ собственноручной «исторіи своего времени» сказалъ какъ будто для нашего времени, что «непрі»ятели вступили какъ Римляне, а выступили какъ Татаре.»

Вскорѣ возвратился въ Витебскъ и г-нъ гражданскій нашъ губернаторъ Лешернъ (*), я встрѣтилъ его въ его квартирѣ. Онъ меня сперва не узналъ, потому что парика уже на мнѣ не было.

Зимою онъ препоручилъ мнѣ сожженіе и зарытіе мертвыхъ непріятельскихъ тѣлъ въ Невелѣ и въ Велижѣ. Въ сихъ двухъ городахъ, въ домахъ и окрестностяхъ, найдено ихъ болѣе тысячи, въ военныхъ мундирахъ. Они по предписанію сожжены и зарыты въ пространныя ямы. Народъ оживился упованіемъ, и даже почувствовалъ, что онъ весною свободенъ будетъ отъ моровой язвы. Не долго мы видѣли нашего добраго начальника Лешерна. Онъ переведенъ въ Гродно, а должность его, по случаю смерти вице-губернатора г-на Сушки, заступилъ губерн-

*) Сумароковъ за нѣсколько времени предъ войною, переведенъ на такую же должность въ Великій Новъ-Градъ.

скій прокуроръ Маньковскій. Я не долженъ пропустить въ молчаніи того, что онъ въ сіе хотя краткое, но еще смутное время, показалъ себя неусыпнымъ и взыскательнымъ, съ благоразуміемъ, котораго ему по натурѣ не недоставало. Къ нему прислана изъ Петербурга складочная отъ сердобольныхъ сердецъ денежная сумма, въ пользу разоренныхъ, собранная подъ особеннымъ попеченіемъ, и съ пособіемъ Всевысочайшей фамиліи съ поименнымъ росписаніемъ, кому сколько вручить. Я получилъ на мою долю 1500 рублей ассигнаціями. Состояніе мое поправилось; и въ тоже время прибылъ въ Витебскъ губернаторомъ Петръ Петровичъ Тормасовъ, человѣкъ свѣтскій, обходительный и снисходительный. Столъ его для всякаго, по приличію, былъ открытъ, и каждый принятъ былъ отверстымъ сердцемъ.

Вскорѣ за симъ, былъ я счастливъ получить изъ Петербурга отъ Его Королевскаго Высочества Герцога Александра Виртембергскаго благосклонное письмо, извѣщающее о перемѣщеніи меня изъ совѣтниковъ въ прокуроры. Хотя же постъ сей не возвысилъ меня ни жалованьемъ, ни классомъ; но отличное благоволеніе особы, которая по крови не чужая всѣмъ почти Европейскимъ престоламъ, радовало меня. Все, казалось, пошло своимъ чередомъ, и мнѣ оставалось только оправдывать милости и не терять или паче возвысить всеобщее о себѣ хорошее мнѣніе.

Но не вступивъ еще въ мою должность, я заболѣлъ, и съ октября мѣсяца до новаго 1815 года не могъ выходить изъ комнаты. Я чахнулъ, слабѣлъ, обезсиливалъ со дня на день, не могъ ни ѣсть ни спать и кашлялъ отъ сверботы въ грудяхъ. Многіе полагали, что у меня послѣдній степень чахотки, да я и самъ былъ бы къ этому мнѣнію близокъ, но у меня грудь и внутренность ни мало не болѣли. Нѣкоторые въ мысль мою вѣрнѣе попадали, что это былъ остатокъ или послѣдствіе претерпѣнныхъ горестей. Я не принималъ лѣкарствъ и не жалѣю. Вода, чай, бульонъ, кашицы и иногда кофій были моимъ безвкуснымъ почти питаніемъ. Я изрѣдка принималъ исландскій мохъ и конскій щавель. Единожды только г-нъ Ти-

зингаузенъ. Полоцкій полицемейстеръ, случившійся на ту пору въ Витебскѣ, убѣдилъ меня принять лѣкарство отъ проѣзжавшаго изъ Вильны чрезъ Витебскъ въ Москву знакомаго ему доктора г-на Лебошица, увѣривъ меня, «что докторъ сей и »отецъ его—извѣстные академики и превосходные врачи. Сей »гипокоратъ— говорилъ онъ— не будетъ томить васъ химиче»скими смѣсями, а дастъ единожды такое лѣкарство отъ ко»тораго вамъ сдѣлается легче. Я вамъ его сѳглашу, и самъ »съ вами по поламъ приму его лѣкарство.»

Кто тонетъ, тотъ за бритву хватается; а дружеское отъ сердца предложеніе не есть бритва; оно для меня было небесною музыкою, которой я не слыхивалъ.

Господинъ Лебошицъ осмотрѣлъ меня и далъ лѣкарство. Я часа съ четыре заснулъ спокойно и безъ кашля, чего со мною съ два м-ца небывало. Чрезъ недѣлю, я уже могъ выйти, однако жъ кашель и чрезмѣрная слабость не совсѣмъ меня покинули.

Отъ сего времени я, на 63-мъ году отъ моего рожденія, началъ чувствовать старость.

Въ сіе время, возвратился и Его Высочество послѣ военной противъ французовъ экспедиціи, изъ Петербурга въ Витебскъ. Я не въ силахъ еще былъ явиться. Вскорѣ пришелъ ко мнѣ адъютантъ Его Высочества г-нъ Шулепниковъ спросить о здоровѣ. Его Высочество милостивъ былъ сказать чрезъ него, чтобъ я не спѣшилъ выходить. Надобно же по порядку сказать, кто былъ сей г-нъ Шулепниковъ. Мнѣ не рѣдко попадаются такіе, о которыхъ ежели бы заумолчалъ, то лишилъ бы себя наилучшихъ мѣстъ въ моей исторіи. Онъ по натурѣ скромный философъ, образованный европейскими языками. Онъ съ настоящею своею должностью, притащилъ въ Витебскъ и часть своей библіотеки, изъ которой я потомъ узналъ, въ первый разъ, что и Англія на своемъ языкѣ имѣетъ энциклопедію. О французской же я внушенъ еще въ малолѣтствѣ моемъ, и могъ тогда же постигать, что она расположена по алфавитному порядку двадцати четырехъ литеръ и составлена вся, или продолжается изъ тѣхъ же самыхъ литеръ, безъ

которыхъ она не могла бы существовать. Имѣя столь достаточное объ ней понятіе, я остаюсь по нынѣ въ забавномъ на себя подозрѣніи, что она мнѣ какъ будто столько же знакома, сколько всѣмъ академикамъ, которые ее не переводятъ на нашъ отечественный языкъ.

Я не забылъ, какъ славнаго нашего Сумарокова племянникъ Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, бывши у насъ въ Витебскѣ губернаторомъ, и будучи самъ литераторъ и любитель отечественнаго слова, сказалъ единожды: «отечество наше про»свѣщается и имѣетъ къ тому всѣ пособія отъ самодержав»ной власти, а всего на свой отечественный языкъ не пере»водитъ.» На вопросъ мой: развѣ же можно все перевести на нашъ отечественный языкъ? онъ отвѣчалъ: «это одна энцикло»педія, за покупку которой издерживаемъ мы не малую сумму »денегъ за границу, а сами не переводимъ. Сословіе учености, »можетъ быть, скажетъ, что энциклопедію надобно читать въ »оригиналѣ а не въ переводѣ. Жалѣю. Нельзя лучше или сла»бѣе выдумать отговорки отъ занятія себя полезнымъ тру»домъ.»

Отбившись отъ настоящей матеріи Шулепниковымъ и его энциклопедіею, возвращаюсь къ моему дѣлу.

Предъ новымъ—1815 годомъ, могъ я явиться къ Его Высочеству, милостиво былъ принятъ и вопрошенъ: кто былъ мой лѣкарь? я отвѣчалъ: Лебошицъ. «а! знаю.» Изъ сего могъ я замѣтить, что посланный ко мнѣ Провидѣніемъ Тизенгаузенъ не напрасно мнѣ славилъ сего медика: Его Высочество, замѣтя мою слабость, милостиво мнѣ повторилъ, чтобъ я не спѣшилъ выходить; однакожъ, вскорѣ послѣ сего, я часто приглашаемъ былъ къ обѣденному столу; и я уже надѣялся скоро сказать о себѣ также какъ въ подобномъ случаѣ сказалъ о себѣ въ Лесажевомъ романѣ Жилблазъ, что онъ «съ рожи сталъ похожъ на Бернардинскаго монаха.» Но надежда—цыганка.

Въ одинъ день, когда я шелъ къ обѣду отъ моего жилища, которое разстояніемъ не болѣе ста шаговъ отъ обитанія Герцога, вдругъ заревѣлъ преужасный бурный вѣтеръ, или сухопутный орканъ, и понесъ меня какъ перо. Человѣкъ, бывшій за

мною, не могъ мнѣ дать помощи. Я старался упасть на землю, но жестокая буря, шпага и гололедица не допускали меня. Я цѣлился попасть на какой нибудь опоръ, но площадь и потомъ улица не имѣли поперечныхъ для меня преградъ; и послѣдняя оканчивалась низкою пропастью или оврагомъ къ рѣкѣ Видьбѣ, куда меня несла буря. Къ счастію моему, встрѣтился Полоцкій еврей, находившійся въ Витебскѣ по своимъ дѣламъ, именно Куклинскій. Онъ подхватилъ меня, взвалилъ на свои санишки, и привезъ ко мнѣ домой. Некогда было думать о обѣдѣ. Отъ испуга и движенія открылась у меня горломъ кровь. Все къ лучшему. Послѣ крови, мнѣ сдѣлалось легче. Я раздѣлся. Ко мнѣ вошелъ адъютантъ Его Высочества Александръ Ивановичь Козминъ, по дошедшей полицейской рапортиціи, что губернскаго прокурора чуть было не сбросило съ утесистой горы, какъ съ Тарпейскаго камня, на Витьбу. И хотя я въ силахъ уже былъ посмѣяться съ Козминымъ на счетъ моего приключенія, однакожъ за всѣмъ тѣмъ имѣлъ необходимость посидѣть еще съ недѣлю дома.

Благосклонность и довѣренность ко мнѣ Герцога продолжались постоянно; а въ 1817 году нашлись при Герцогѣ люди, которыхъ зависть давно уже обижалась. Я почувствовалъ неблаговоленіе и лишенъ довѣрія и столовъ. Тургенева и Старинкевича тогда уже не было, да и неутральный по натурѣ Шулепниковъ скоро отдѣлился въ Петербургъ. Я остался съ однимъ моимъ языкомъ, на которомъ изъясниться не могъ, да и не зналъ въ чемъ изъясняться. Нечего было дѣлать. Надлежало повиноваться времени, я принялъ жизнь уединенную, и ни гдѣ уже не показывался, кромѣ присутственныхъ по должности мѣстъ, къ чему согласенъ былъ мой седьмой десятокъ.

По 1822 годъ положеніе мое было единообразно. Тихая, но терзающая меня жизнь, была для меня не лестна. Въ теченіе сего времени находившійся при Его Высочествѣ армейскій полковникъ г-нъ Шубинъ, ознаменованный орденами, знакомый съ иностранными языками, съ горною наукою, рожденный съ добрымъ сердцемъ и съ твердостію духа, слѣдственно не простой фрунтовый воинъ, принялъ меня прежде въ свое знаком-

ство, а потомъ даже во уваженіе, котораго однакожъ я по сю пору, по всей справедливости, принять на себя не смѣю. Я не рѣдко у него бывалъ, и какъ водится— обѣдывалъ. Новобрачная его супруга изъ знатнаго россійскаго дворянскаго рода, принимала меня привѣтливо. Они, замѣтя во мнѣ, что я человѣкъ не безъ способности отгрызаться, давали иногда мнѣ щелчки на счетъ моей молодости. Мало-помалу, связь сдѣлалась дружескою, а отсутствіе Его Высочества со всею фамиліею, по Высочайшему дозволенію, изъ Витебска въ Германію давало къ тому свободу.

По возвратѣ въ Витебскъ, изъ вышесказаннаго путешествія, Его Высочество не проронилъ сказать г-ну Шубину: «а я знаю »вашихъ пріятелей.» и наименовалъ меня. Да знаете ль вы его?— отвѣчалъ г-нъ Шубинъ скорымъ вопросомъ, съ вольностью французскаго языка. «Какъ же! знаю.» Нѣтъ. «Что жъ вы въ немъ »находите? «Я въ немъ нахожу человѣка съ хорошимъ и чувствительнымъ сердцемъ, со смысломъ и изъясненіемъ лаконическимъ и критическимъ. Нѣтъ ужъ воля ваша— заключилъ г-нъ Шубинъ— я этого человѣка не кину.»

Самъ г-нъ В. остался бы въ нерѣшимости, кому изъ нихъ ближе принадлежитъ опредѣленный въ одномъ его сочиненіи въ награду за героическія достоинства золотой кубокъ; тому ли, кто осмѣлился одобрять впадшаго въ немилость, или тому, кто смѣлаго одобренія не почелъ за оскорбительную дерзость?

Для меня они оба хороши. Пусть только не огнѣваются на золотой кубокъ, у меня его нѣтъ.

Диверсія полковника похожа была на нападеніе въ расплохъ. Неблаговоленіе уничтожилось.

Вскорѣ изъ того же путешествія возвратилась въ Витебскъ и Ея Королевское Высочество Герцогиня. Малая наша публика явилась въ дозволенную пору съ поклономъ. Это было уже при свѣчахъ. Я сталъ позади нѣсколькихъ, для того, чтобъ не быть напереди. Дщерь Ихъ Высочествъ, Принцесса Антонета Фридерика, проходя по комнатѣ тихимъ шагомъ, подходила къ

тому мѣсту гдѣ я стоялъ; всѣ посторонились, и я сдѣлалъ движеніе въ сторону; но Ея Высочество пріостановясь, изволила мнѣ сказать на россійскомъ языкѣ: «я васъ узнала.» Счастіемъ почитаю. «Каково ваше здоровье?» Пора умирать, мнѣ уже семидесятый годъ. «Лице ваше не показываетъ этого. Будьте здо»ровы, я васъ узнала,» повторила Ея Высочество. Всѣмъ примѣтна была сія отличность; а питомецъ Марса и Минервы, г-нъ Шубинъ въ полголоса, на французскомъ, дополнилъ: «Ваше »Высочество старца-то оживили» Я въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ оживленіе. Жалѣлъ только, что не собрался съ отвѣтомъ; а можетъ-быть это и къ лучшему. Не рѣдко бываетъ, что желающія дать хорошій видъ своему дѣлу, сами его портятъ, ежели слишкомъ заврутся.

Стихотворцы, въ подобномъ моему восторгѣ, сдернули бы съ Парнасса и Олимпа всѣхъ боговъ, богинь и всѣхъ музъ, заняли бы ими цѣлыя страницы, и отдали бы въ типографію г-на Греча; но я довольствуюсь только тѣмъ ощущеніемъ, что во весь мой вѣкъ ничего драгоцѣннѣе не слыхивалъ.

Вскорѣ Ея Высочество Герцогиня изволила отъѣхать въ Петербургъ; а за симъ и самъ Герцогъ, по Высочайшему именному повелѣнію, отправился туда же, для принятія главнаго управленія по водяной коммуникаціи, съ увольненіемъ отъ управленія бѣлорусскими губерніями. Не задолго предъ отъѣздомъ своимъ, Его Высочество за обѣденнымъ—партикулярнымъ уже-столомъ, изволилъ спросить: «Знаетъ ли прокуроръ, что я представилъ его къ награжденію бриліантовымъ орденомъ? «Знаетъ» отвѣчалъ нашъ вице-губернаторъ, который тогда же еще отъ меня о семъ узналъ, когда правитель канцеляріи Герцогской, г-нъ Борейша, сообщилъ мнѣ въ подлинникѣ для прочтенія подписанное уже отношеніе къ министру юстиціи. А при самомъ выѣздѣ въ Петербургъ, Его Высочество подозвавъ меня изъ среды пришедшихъ на отъѣздный поклонъ, далъ мнѣ руку и сказалъ: «будьте спокойны, берегите свое здоровье, а я по новой моей обязанности, надѣюсь и еще посѣтить Витебскъ.» Благодарность моя была въ краткомъ словѣ и поклонѣ, и въ

глубочайшихъ сердца чувствованіяхъ. Теперь Его Высочество находится въ своей сферѣ; а мнѣ 28 число марта рѣшило, чтобъ я былъ обрадованъ полученіемъ, при Высочайшей грамотѣ, бриліантоваго ордена Св. Анны второй степени. Слѣдственно мнѣ теперь остается ожидать только одного, деревяннаго креста на могилу, которую я завѣщалъ загладить такъ, чтобъ видовъ ея не оставалось.

ВОСПОМИНАНІЯ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА О ПОСЛѢДНЕМЪ ПОЛЬСКОМЪ МЯТЕЖѢ.

Панско-ксендзовскій мятежъ 1863-1864 годовъ, подобно грозному и опустошительному урагану, пронесся надъ нашимъ Сѣверо-западнымъ краемъ. Пожары, произведенные мятежниками и погрузившіе въ глубокую печаль не одно семейство; цѣлыя сотни невинныхъ жертвъ, беззащитныхъ и безоружныхъ жителей, павшихъ подъ ножемъ кинжальщиковъ, погибшихъ отъ яда жандармовъ-отравителей или подъ петлею жандармовъ-вѣшателей, все это составляетъ такую ужасную и мрачную картину, которая невольно приводитъ душу всякого благороднаго человѣка въ содроганіе и самое глубокое негодованіе.

Извѣстно, что послѣдній мятежъ возбужденъ польскими помѣщиками; безъ нихъ всѣ происки польской эмиграціи и всѣ ксендзовскія интриги не повели бы ровно ни къ чему. За что же они, т. е. паны, ратовали и чего хотѣли? Они жили въ своихъ помѣстьяхъ въ роскоши и удовольствіяхъ, доставляемыхъ выгоднымъ положеніемъ въ обществѣ, и богатствомъ. Вся мѣстная администрація и всѣ почетныя должности были въ ихъ рукахъ. Во главѣ государства они видѣли гуманнѣйшаго въ мірѣ Императора, который цѣлымъ рядомъ благодѣтельныхъ преобразованій стяжалъ неподдѣльное уваженіе и удивленіе цѣлаго свѣта, какъ стараго, такъ и новаго. Чего же имъ не доставало?

Говорятъ и пишутъ, что польскихъ помѣщиковъ задѣла за живое крестьянская реформа, прекращеніе крѣпостнаго права. Но сами же они съ восторгомъ говорили шумные панегирики и воспѣвали торжественныя оды и пѣсни идеямъ національности, равноправности, разумной свободы и личнаго достоинства человѣка, всегда при этомъ воскуряя ѳиміамъ похвалъ и лести генію Наполеона III и превознося его чуть ли не до третьяго неба. Когда же Русскій

Царь, руководимый этими великими идеями, даровалъ свободу двадцати милліонамъ крѣпостныхъ людей, они вмѣсто того, чтобы благоговѣть предъ величіемъ событія, подняли противъ Россіи мятежъ. Что же это такое? Какъ согласить такія рѣзкія противорѣчія? Мы, право, не беремся объяснить ихъ. Толковали же паны немало и о томъ, что освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости много улучшитъ ихъ хозяйственный и домашній бытъ. Мы не разъ слышали, какъ помѣщики заявляли свое неудовольствіе по поводу обязательнаго труда хлоповъ, указывали на его невыгоды и несовершенства, на трудную и многостоящую обязанность, или вѣрнѣе, необходимость давать имъ подмогу, снабжать крестьянъ лошадьми и рабочимъ скотомъ, кормить ихъ во время неурожая и т. п.; полагая, что слова суть не болѣе, какъ наружная форма, вещественная оболочка и одежда мыслей, выраженіе внутреннихъ убѣжденій души человѣка, мы также цѣнимъ заявленія польскихъ помѣщиковъ, и потому, на полномъ основаніи ихъ собственныхъ рѣчей, думаемъ, что уничтоженіе крѣпостнаго права должно было бы обрадовать ихъ, было бы для нихъ полезно даже въ матеріальномъ отношеніи. Почему же панская затѣя возстановленія независимой Польши въ предѣлахъ 1772 года послѣдовала именно за крестьянскою реформою?

Не имѣемъ претензіи рѣшать этого вопроса, а посмотримъ на чудный способъ его выполненія. Поляки избрали мѣстомъ своихъ дѣйствій лѣса, самыя мрачныя и недоступныя въ нихъ убѣжища и трущобы. Отсюда они дѣлали свои *геройски-смѣлыя* вылазки противъ слабыхъ инвалидныхъ командъ и *беззащитныхъ*, мирныхъ жителей, всячески остерегаясь попасть на глаза войскамъ и дѣлая для избѣжанія встрѣчи съ ними такіе быстрые переходы по тряскимъ болотамъ и лѣснымъ чащамъ, какимъ позавидовалъ бы Юлій Кесарь, или Наполеонъ I. Бонапарте. Они пуще огня боялись сражаться съ непріятелемъ на открытомъ полѣ во время дня, а съ особеннымъ удовольствіемъ нападали на безоружныхъ ночью, изъ за угла, изъ за кустовъ. Что это за благородные рыцари, какъ называли себя мятежники, что это за воины, за которыми нужно гоняться по лѣсамъ, какъ за стаею хищныхъ и голодныхъ волковъ и

которые при каждомъ выстрѣлѣ русскаго солдата безъ оглядки обращаются въ бѣгство, воспѣвая потомъ свои небывалыя побѣды въ вымышленныхъ бюллетеняхъ, въ напыщенныхъ извѣстіяхъ съ поля битвъ?

Столь же разуменъ и послѣдователенъ былъ способъ, употребленный мятежниками для привлеченія къ себѣ расположенія мѣстныхъ жителей. Отстаивая предъ тѣмъ каждый шагъ земли, имѣющій достаться крестьянамъ, выжимая отъ нихъ какъ можно болѣе платы за нее, до послѣдней копѣйки, они вдругъ, ни съ того, ни съ сего, стали читать имъ такъ названныя ими золотыя грамоты, обѣщая даровой надѣлъ земли и свободу чуть ли не отъ всякихъ, натуральныхъ и денежныхъ повинностей, въ новомъ, существовавшемъ въ ихъ пылкомъ воображеніи, государствѣ. Тайкомъ, въ темнотѣ ночной, подбрасывали подобныя рекламы и замысловатыя воззванія по дорогамъ и прибивали къ стѣнамъ жилищъ; но нашъ смышленный народъ не дался въ такой грубый обманъ; тогда мнимые его друзья и благодѣтели мгновенно перемѣнили тактику, способъ своихъ дѣйствій и обращенія съ нимъ и вздумали устрашить и обезоружить народъ, заставить его быть слѣпымъ и глухимъ на все происходившее вокругъ него, принудить его къ повиновенію неслыханнымъ терроромъ, поступками, могущими навести на него всеобщій и паническій страхъ. И пошли грабить, жечь, бить и умерщвлять своихъ противниковъ. Начали свои опыты съ поселянъ, вѣшая старшинъ и другія болѣе выдающіяся личности сельскаго населенія. Когда же увидѣли, что ошиблись въ своихъ расчетахъ, тогда рѣшили они въ своемъ безсовѣстномъ ареопагѣ, что самое лучшее средство напугать крестьянъ,—добраться до православныхъ священниковъ, которые своими совѣтами и наставленіями руководили крестьянъ на пути долга и преданности своему законному и природному Царю и любезному отечеству. Повѣсимъ-ка, говорили они, одного, другаго русскаго священника (по ихнему попа), тогда мужики оледенѣютъ отъ страха и скажутъ, чего ожидать намъ, если такая участь постигаетъ даже служителей Божіихъ. Физическія страданія многихъ страдальцевъ, претерпѣвшихъ

лишеніе имущества, раны и біеніе, мученія и смерть и даже варварское глумленіе надъ ихъ бездыханнымъ трупомъ, описаны въ разныхъ газетахъ, журналахъ и вѣдомостяхъ, какъ столичныхъ, такъ и мѣстныхъ. Но кто прослѣдитъ внутреннія мученія многихъ вѣрныхъ сыновъ Царя и отечества, надъ главами которыхъ висѣла таже участь, но которыхъ благодѣтельная судьба, или вѣрнѣе, промыслъ Божій спасъ отъ рукъ злодѣевъ? Какое перо изобразитъ ихъ мучительное томленіе, ихъ ежеминутное ожиданіе насильственной смерти, готовой сокрыть ихъ навсегда отъ глазъ милаго семейства? Кто пойметъ, что чувствовали жены и дѣти этихъ невинныхъ жертвъ, обреченныхъ на погибель и закланіе? Кто наконецъ исчислитъ и достойно оцѣнитъ ихъ горючія слезы, пролитыя среди шума безпокойнаго дня и еще болѣе безпокойной и томительной ночи? Какъ хотите, а подобныя мученія, ежеминутно терзающія сердце человѣка, во сто разъ хуже самой смерти. Неудивляйтесь послѣ этого, благосклонный читатель, если мы скажемъ, что многіе изъ нихъ въ это смутное время устарѣли на цѣлые десятки лѣтъ, потеряли здоровье и пріобрѣли неизличимые недуги на цѣлую жизнь. Большая часть такихъ страдальцевъ, если не всѣ, таится во мракѣ неизвѣстности. По своей скромности, а еще болѣе по убѣжденію, что они заслужили злобу и мщеніе мятежниковъ не какими нибудь особенными подвигами, но просто вѣрностію своему долгу и призванію, которая составляетъ прямую и важнѣйшую обязанность каждаго честнаго человѣка, они не заявляли о себѣ никому, довольствуясь сладкою и неотъемлемою наградою, доставляемою имъ внутреннимъ, одобрительнымъ голосомъ своей совѣсти.

По заявленной намъ просьбѣ, мы сообщаемъ здѣсь нѣкоторыя, хорошо извѣстныя намъ подробности о послѣднемъ мятежѣ, прося извиненія у читателей за отрывочность нашего разсказа.

1.

Въ 10 верстахъ отъ Бѣлостока находится мѣстечко Хорощъ, извѣстное суконною и кортовою фабрикою Мооса; въ

этомъ мѣстечкѣ есть бѣдная православная церковь, священникъ которой от. А. М. неоднократно получалъ отъ мятежниковъ анонимныя ругательныя письма съ угрозами. Много тяжелыхъ дней и ночей пережилъ от. А.; но Богъ его хранилъ.

Однажды въ домъ от. А. является еврей, или, быть можетъ, переодѣтый повстанецъ. Онъ нарочно выбралъ такую пору, когда хозяевъ не было дома. Но притворившись не знающимъ этого, обратился къ дѣтямъ съ вопросомъ: «гдѣ мама?» Вышла за чѣмъ то въ мѣстечко.— «Если такъ, то пусть паненка велитъ принять отъ меня эту говядину. Панъ (разумѣя подъ нимъ хозяина) купилъ ее въ мѣстечкѣ, приказалъ мнѣ отнести на домъ и сказать, чтобы изъ нея приготовили бифстексъ.»

Старшая дочь о. А. М. позвала служанку, приказала отнести мясо на кухню и услужливый еврей удалился. Къ счастію, обѣдъ уже былъ готовъ и мясо осталось безъ употребленія, до возвращенія хозяйки. По какому-то тайному побужденію, мужъ и жена торопились домой и возвратились ранѣе, чѣмъ предполагали и почти въ одно время, хотя ходили въ разныя стороны. Дѣвушка побѣжала къ маменькѣ и сказала: папаша прислалъ съ какимъ то жидомъ мясо и велѣлъ приготовить изъ него бифстексъ, но я приказала кухаркѣ подождать мамаши. Что ты говоришь? прервалъ ее отецъ. Я никакого мяса сегодня не покупалъ и не присылалъ. Быть можетъ, ты купила его, спросилъ онъ жену. Нѣтъ, я и недумала покупать, тутъ что-то не ладно. Разскажи С. все, какъ было, подробно.

Дочь начала разсказывать; родители слушали ее съ необыкновеннымъ любопытствомъ и вниманіемъ, изрѣдка посматривая другъ на друга.

Какъ хочешь, а въ этомъ сюрпризѣ кроется что-то недоброе, сказала жена. Мнѣ такъ кажется.

Нужно сдѣлать опытъ, отвѣчалъ о. А. М. Вотъ тамъ подъ окномъ лежитъ песъ, бросимъ ему кусокъ этого мяса и посмотримъ, что съ нимъ будетъ.

Сказано, сдѣлано. Кусокъ самаго жирнаго мяса былъ брошенъ на землю, почти въ самый ротъ собаки. Она встрепе-

нулась, обнюхала мясо со всѣхъ сторонъ и опрометью побѣжала прочь.

Смотри, замѣтилъ мужъ, собака не дотронулась до мяса. Видно, оно напитано ядомъ, дадимъ кусокъ этого мяса кошкѣ. Что она станетъ съ нимъ дѣлать? Кошка была невоздержнѣе собаки, проглотила нѣсколько кусочковъ поданнаго ей мяса и вскорѣ околѣла.

Очевидно, мясо было сильно отравлено. Чрезъ минуту все семейство, съ отцемъ во главѣ, стояло на колѣнахъ предъ иконою Пр. Дѣвы Маріи съ младенцемъ Іисусомъ на рукахъ, и изъ устъ всѣхъ молящихся неслись молитвенные звуки, прерываемые слезами сердечнаго умиленія и благодарности чудному промыслу Божію.

2.

Плохое было житье православнымъ священникамъ въ періодъ послѣдняго польскаго мятежа. За то мятежники и особенно ихъ довудцы наслаждались подъ часъ полнымъ раздольемъ. Вотъ напр. въ имѣніи Н. пана Н. Н. ожидаютъ прибытія довудцы съ партіею повстанцевъ. Цѣлый дворъ мгновенно оживляется. Въ помѣщичьемъ домѣ необыкновенная бѣготня и суматоха. Лакеи бѣгаютъ, сломя голову, чистятъ, переставляютъ мебель съ мѣста на мѣсто, чтобы привести все въ болѣе эффектный видъ. Хозяинъ вытаскиваетъ изъ завѣтныхъ угловъ вина, старую водку и разныя настойки. Пани и паненки одѣваются какъ на балъ, украшаютъ себя разными эмблемами освобожденной ойчизны. Одна изъ паненокъ садится за фортепіано и пробуетъ, какъ великолѣпно пропоетъ она патріотическій гимнъ: *съ дымемъ пожарувъ*. Во взорахъ всѣхъ блещетъ живѣйшая радость и самое нетерпѣливое ожиданіе.

— Ахъ! какъ долго нѣтъ нашихъ «*браци*», сквозь слезы говоритъ одна дама, испуская глубокій вздохъ.

Посмотрите, съ восторгомъ отвѣчаютъ ей всѣ другія въ одинъ голосъ, вотъ тамъ поднимаются густыя облака пыли; то *певно* (вѣрно) *они наси валечни оброньце!* (наши храбрые защитники): Намъ это сердце говоритъ! Какъ оно сильно бьет-

ея, чуть не выскочить изъ груди! И вотъ все панское семейство стремглавъ бѣжитъ на крыльцо, на встрѣчу прибывшаго довудцы.

Ахъ! пане довудцо! нашъ знаменитый воеводо! декламируетъ хозяинъ. Чему могу я приписать это великое счастіе, которое встрѣчаетъ теперь домъ мой? *Бардзо прошенъ*, *бардзо прошенъ*, (покорно прошу) осчастливить нашъ домикъ и отдохнуть въ кругу душевно преданныхъ вамъ *родакувъ* послѣ незабвенныхъ, военныхъ трудовъ, прославившихъ ваше имя на обоихъ полушаріяхъ. За тѣмъ слѣдуетъ самое роскошное угощеніе.

Въ одинъ прекрасный весенній день въ имѣніе пана К. прибылъ довудца Н. Н. съ шайкою мятежниковъ. Были ли хозяева дома и сдѣланъ ли довудцѣ лестный пріемъ, а также данъ ли ему блистательный балъ, намъ неизвѣстно и говорить объ этомъ нечего. Мы не фантазируемъ, а описываемъ дѣйствительныя событія; по этому подѣлимся съ нашими читателями тѣмъ, что намъ хорошо извѣстно изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, разскажемъ какую встрѣчу и пріемъ сдѣлалъ самъ довудца мѣстному православному священнику, отцу С. Собравъ на дворъ толпу крестьянъ, довудца сказалъ двумъ вооруженнымъ мятежникамъ «приведите мнѣ сюда сейчасъ *того схизматицкего попа*, который бунтуетъ народъ нашъ.» Поспѣшно прибывши въ приходскій домъ, они обратились къ о. С. съ такимъ словомъ: Ясьневельможный панъ довудца велѣлъ сказать вамъ, чтобы вы немедленно явились къ нему въ панскій дворъ. Священникъ, не привыкшій къ такому повелительному тону, отвѣчалъ: скажите своему довудцѣ, что я дома, если ему угодно повидаться со мной, пусть пожалуетъ ко мнѣ.

— О! Въ такомъ случаѣ мы васъ безъ церемоніи заведемъ къ нему силою; нашъ довудца шутить не любитъ, *заразъ куля въ лэбъ* (сейчасъ пуля въ лобъ). Дѣлать нечего, о. С. пошелъ вмѣстѣ съ ними. Прибывъ во дворъ, онъ хотѣлъ идти прямо въ господскій домъ, но его остановили.

— Подождите здѣсь, на крыльцѣ, сейчасъ доложимъ ясному пану довудцѣ.

Довудца вышелъ и бросилъ на священника презрительный взглядъ, за тѣмъ отвернулся отъ него и произнесъ:

— Слухай ты, попе, что ты бунтуешь противъ насъ нашъ добрый народъ.

— Нѣтъ, я не возмущаю противъ васъ никого.

— Какъ, нѣтъ! А что ты говорилъ въ церкви такого то дня, въ такомъ то часу. Тутъ онъ вынулъ изъ кармана записку и привелъ содержаніе сказаннаго однажды отцемъ С. слова. Какое невѣжество! Польскій край называть русскимъ и говорить другія подобныя *андроны* (глупости.) ! ! !

— Ну да, говорилъ, потому что я такъ думаю и чувствую и такъ есть на самомъ дѣлѣ.

Довудца подскочилъ на мѣстѣ, какъ ужаленный ядовитою змѣей.

— Дзятки мои! сказалъ онъ, обратившись къ крестьянамъ, подойдите ко мнѣ ближе и слушайте внимательно, что я буду говорить вамъ. Мы сражаемся и проливаемъ свою благородную, шляхетскую кровь не за себя, а за васъ. Мы хотимъ сдѣлать такъ, чтобы ты, продавъ одного пѣтуха, могъ за вырученныя деньги уплатить всѣ свои денежныя повинности, чтобъ не было акциза на водку, табакъ и т. д. А этого попа, схизматика, бродача, вы не слушайте, потому что онъ . . . . . .

Тутъ онъ исчислилъ всѣ бранныя слова, какія только пришли ему на память.

Довольный своимъ краснорѣчіемъ, довудца окинулъ всѣхъ гордымъ взглядомъ; между тѣмъ священникъ С. стоялъ и терпѣлъ такое ужасное посрамленіе отъ непризваннаго судіи мятежника. Что происходило тогда въ душѣ его? Судите сами, поставивъ себя на мѣстѣ этого пастыря.

— Теперь, заключилъ довудца, вы, крестьяне, можете, идти домой, а тебя, попе, стоило бы повѣсить, но, изъ уваженія къ твоей молодости и неопытности, на первый разъ прощаю, если же еще скажешь что нибудь подобное, то быть тебѣ на висѣлицѣ.

3.

Много самыхъ сильныхъ душевныхъ потрясеній, имѣвшихъ губительное вліяніе на тѣлесный организмъ, испыталъ, во время мятежа священникъ от. Р. К. М. Въ послѣднихъ числахъ мѣсяца апрѣля 1863 года, мятежники сидѣли въ неприступной чащѣ Михалинскаго лѣса и вели объ от. Р. между собой разговоръ. Поступки его, горланилъ одинъ лѣсный богатырь, колютъ намъ глаза. Онъ отобралъ отъ учениковъ Р. школы польскіе буквари, присланные мировымъ посредникомъ А. К. и представилъ ихъ начальству.

— Да, подхватилъ другой, это упрямый схизматикъ. Добро бы, фамилія его оканчивалась на *овъ*, а то на *скій*, такъ и хочется сказать что шляхтичь польскій.

— Мало того, панъ А. К. снова прислалъ въ Р. школу польскіе буквари и нашего родака В. З., котораго нанялъ самъ графъ З., но онъ не позволилъ ему обучать по польски и наконецъ со всѣмъ выгналъ его.

— А то смѣлость, а то неслыханная дерзость пренебрегать желаніями такого великаго магната, какъ графъ З. Вѣдь дядя его будетъ королемъ польскимъ. Впрочемъ, это покамѣстъ еще большой секретъ.

— Онъ убѣждаетъ хлоповъ стоять за русскую вѣру, Царя и Москву до послѣдней капли крови.

— Панъ А. К. ловко поддѣлъ его; за свою ревность онъ и теперь еще сидитъ безъ хлѣба; А. К. сказалъ мужикамъ, что руги давать не слѣдуетъ, а земли церковной нѣтъ, пусть теперь грызетъ землю. Кромѣ того пустилъ въ ходъ разныя штучки и послалъ бумагу губернатору; вѣроятно, теперь еще пріятель нашъ потѣетъ надъ объясненіемъ. Вотъ что значитъ: не тронь нашихъ!

— Это еще ничего, — пустяки. Но участь его уже рѣшена, онъ непремѣнно будетъ повѣшенъ за противодѣйствіе нашимъ цѣлямъ. Чтобы продлить и усилить опредѣленное ему наказаніе, нужно сейчасъ же распустить молву, что его ожи-

даетъ петля, пусть онъ день и ночь мучится этою мыслію, не знаетъ ни минуты ни сна, ни покоя. *)

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ приведеннаго нами разговора, разнесся слухъ, что от. К. М. будетъ повѣшенъ мятежниками. Все семейство его, особенно нѣжно любящую супругу его обънялъ неописанный ужасъ. Самъ священникъ К. М. однако не потерялъ мужества и отваги и находилъ въ себѣ довольно силъ утѣшать своихъ близкихъ.

На сѣверной сторонѣ дома, въ которомъ жило тогда семейство священника, ростетъ нѣсколько кабовъ (родъ вязовъ), образующихъ пріятную тѣнь въ лѣтнее время. Каждый шелестъ вѣтвей, колеблемыхъ вѣтромъ, каждое паденье листьевъ заставляло дрожать нѣжное сердце женщины. Не разъ, въ тишинѣ ночной, она вскакивала съ постели, мучимая страшными грезами; въ шумѣ листьевъ и въ дуновеніи вѣтра ей слышались стоны мучимаго злодѣями супруга, и она въ невыразимомъ ужасѣ прибѣгала къ нему, будила его, какъ бы не вѣря глазамъ своимъ и спрашивала: живъ ли ты еще, радость моя?

Безпокойство ея было тѣмъ естественнѣе, что на сѣверъ отъ с. Р. тянутся обширные лѣса, соединяющіеся съ одной стороны съ Ружанскою, а съ другой съ Бѣловѣжскою пущею. Въ лѣсахъ этихъ гнѣздились цѣлыя сотни мятежниковъ изъ разныхъ уѣздовъ. Благодаря необозримымъ болотамъ, простирающимся по обѣимъ сторонамъ рѣки Ясіолды, мятежники, пользуясь знаніемъ мѣстности, могли ночью набѣжать въ с. Р., не встрѣтивъ на пути своемъ ни одного жилья человѣческаго, ни одного живаго свидѣтеля своей ночной злодѣйской экспедиціи, кромѣ безчисленнаго множества нѣмыхъ стоговъ сѣна.

Кстати приведемъ здѣсь находящіяся у насъ подъ руками вѣрныя копіи двухъ документовъ, относящихся къ нашему предмету.

1.) Отзывъ Военнаго Начальника г. Пружанъ съ уѣздомъ къ священнику К. М. отъ 12-го апрѣля 1865 года за № 182:

---

*) Разговоръ этотъ переданъ пишущему однимъ изъ героевъ инсуррекціи, бывшимъ въ шайкѣ повстанцевъ цѣлыхъ двѣ недѣли.

«По производимому мною дослѣдованію о повѣшеніи священника с. Котры Рапацкаго необходимо имѣть свѣдѣніе: сообщали ли вамъ въ 1863 году до происшествія въ с. Котрѣ о томъ, что предстояла опасность подвергнуться неистовству мятежниковъ и вамъ, и дѣйствительно носились ли слухи о намѣреніяхъ мятежниковъ?

Свѣдѣніе это прошу васъ сообщить на семъ же.

(Слѣдуетъ подпись.)

2) Отвѣтъ священника К. М. отъ 16 апрѣля 1865 года. за № 43.

«Вслѣдствіе отзыва вашего высокоблагородія, отъ 12 апрѣля 1865 года, за № 182, полученнаго мною 16 апрѣля, имѣю честь сообщить вамъ слѣдующее: за долго до печальнаго событія, совершившагося въ с. Котрѣ, предъ днемъ 23 апрѣля 1863 года дьячекъ Рудницкой церкви Осипъ Червяковскій объявилъ мнѣ, что жившій въ деревнѣ Силичахъ помѣщикъ К. Ю., встрѣтившись съ нимъ въ этой же деревнѣ, на возвратномъ пути изъ г. Пружанъ въ Рудники, пролегающемъ чрезъ деревню Силичи отвелъ его въ сторону и сказалъ: въ 23 день апрѣля будетъ проходить чрезъ с. Рудники многочисленная партія польскихъ инсургентовъ, совѣтовалъ мнѣ чрезъ него уѣхать на три дня изъ дому, потому что въ противномъ случаѣ инсургенты могутъ сдѣлать мнѣ большую непріятность. 23 апрѣля въ Рудницкой церкви храмовой праздникъ Св. Великомученика Георгія, поэтому я, какъ настоятель Рудницкаго прихода, счелъ отъѣздъ мой въ такой великій праздникъ противнымъ моимъ обязанностямъ и рѣшился ожидать, что Богъ дастъ. 23 апрѣля прошло благополучно, ни одного мятежника никто не видѣлъ. Между тѣмъ грозные слухи съ каждымъ днемъ росли и дѣлались болѣе и болѣе зловѣщими. Разнеслось не знаю кѣмъ пущенная въ ходъ молва, что въ с. Рудникахъ мятежники намѣрены повѣсить нѣсколько человѣкъ и въ томъ числѣ меня на первомъ планѣ *). Наконецъ какъ громомъ по-

*) Кромѣ того они грозили повѣсить старосту деревни Трухановичъ Ивана Трофимовича.

разила насъ вѣсть о мученической кончинѣ священника Рапацкаго. Она взволновала меня тѣмъ болѣе, что на другой, или третій день послѣ грустной катастрофы въ с. Котрѣ, рано утромъ пришла ко мнѣ въ Рудники служанка священника Мокренской церкви о. Б., Анастасія Бобровская, и разсказала, что мятежники, послѣ своего звѣрскаго поступка въ с. Котрѣ, спрашивали крестьянъ, какъ далеко оттуда въ Рудники и объявили, что такая же участь ожидаетъ и меня. Какъ тутъ быть? Приготовившись немедленно посредствомъ исповѣди къ неминуемой смерти, я рѣшился не оставлять въ минуты опасности ввѣреннаго мнѣ прихода, твердо стоять на стражѣ порученной мнѣ паствы и запечатлѣть, если то Богу угодно будетъ, вѣрность и преданность мою Царю и Отечеству своею кровію. Такъ прошли цѣлыя недѣли. Уже въ концѣ Іюля, или въ началѣ Августа, теперь точно не помню, пріѣхалъ я въ г. Пружану и встрѣтился въ лавкахъ съ священникомъ Оранчицкой церкви от. Дружиловскимъ. Онъ привѣтствовалъ меня какъ воскресшаго изъ мертвыхъ и тутъ же разсказалъ, что къ нему въ Оранчицы на дняхъ дошли слухи о моемъ повѣшеніи мятежниками, что повѣсть послѣднихъ минутъ моей жизни была передаваема ему съ разными подробностями. Сознаюсь вамъ, сказалъ еще этотъ почтенный старикъ, бывшій у меня въ то время въ гостяхъ зять мой, священникъ М. К. хотѣлъ, было ѣхать въ Рудники утѣшать вашу скорбящую супругу, какъ свою близкую родственницу, но я посовѣтовалъ ему отправиться лучше домой и отслужить за упокой души вашей литургію и панихиду. Признаюсь, при одномъ воспоминаніи обо всемъ этомъ какое-то невыразимое чувство овладѣваетъ мною; но что нужно было перечувствовать въ то время, когда подобные слухи о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ мятежниковъ носились какъ обыкновенныя ежедневныя новости? И правду сущую сказать, не было возможности съ героическою твердостію презирать ихъ, потому что польскіе мятежники порядочно таки въ томъ памятномъ своими ужасами для мирныхъ жителей въ 1863 году похозяйничили въ русской землѣ, распространили не мало разныхъ страшныхъ и грозныхъ слуховъ,

да и надѣлали много самыхъ звѣрскихъ злодѣйствъ и неистовствъ.»

(Слѣдуетъ подпись.)

4.

Въ пережитое нами смутное время рѣдкій священникъ былъ спокоенъ за свою участь. На священника гор. П. от. И. Ж. мятежники разъярились за произнесенное имъ въ праздникъ Пресв. Тройцы патріотическое слово и рѣшили непремѣнно повѣсить его. Это было въ 1863 году.

Однажды потребовали о. И. Ж. въ им. Б. для приведенія людей къ присягѣ, вслѣдствіе показанія одного крестьянина деревни Доб., что изъ этого имѣнія доставляли въ лѣсъ провизію мятежникамъ. Къ счастію своему, священникъ отправился туда подъ прикрытіемъ конвоя изъ 20-ти вооруженныхъ солдатъ, которые прибывъ на мѣсто оцѣпили кругомъ весь домъ. Въ тоже самое время 15-ть человѣкъ мятежниковъ, командированныхъ съ цѣлію повѣсить священника и замѣтивъ издали приближающихся солдатъ, какъ въ послѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, убрались на чердакъ и преспокойно просидѣли тамъ до отъѣзда священника; такимъ образомъ попытка повѣсить не удалась; тогда стали мучить его (священника) подметными письмами, въ которыхъ называя его попомъ, жрецомъ и подобными прозвищами, щеголяли такою риторическою фразой: «Погоди, мы таки обуемъ тебя въ постолы» (т. е. въ лапти). Эта метафора на обыкновенный русскій языкъ можетъ быть переведена такъ: мы непремѣнно приведемъ тебя до нищенства. Самымъ легкимъ средствомъ къ осуществленію этого намѣренія представлялся пожаръ.

Въ Троицынъ день 1865 года, на канунѣ дня Св. Духа, храмоваго праздника П. кладбищенской церкви, о. И. Ж. просидѣвъ до полуночи, легъ отдохнуть не раздѣваясь и не погасивъ свѣчки. Чрезъ часъ онъ пробудился и услышавъ говоръ сторожей, беззаботно сидѣвшихъ подъ стѣною противоположнаго дома, выглянулъ въ окно и, увидѣвъ передъ собой за-

рево, крикнулъ: горитъ городъ на селецкой улицѣ (такъ ему показалось). Сторожа встрепенулись, стали смотрѣть во всѣ глаза и къ неописанному ужасу своему и священника замѣтили, что горитъ сарай сосѣда его чрезъ одну только улицу, подъ домомъ котораго они минуту назадъ вели веселый разговоръ. Первымъ дѣломъ о. И. Ж. было разбудить скорѣе семью и вынести изъ дому на дворъ малолѣтнихъ дѣтей.

Враги его подожгли сарай, оканчивавшій собой рядъ строеній мѣщанина К. Сильный вѣтеръ дулъ прямо съ востока на западъ, на прочія строенія его. Яркое пламя съ необыкновенною быстротой обхватывало ихъ одно за другимъ. Священникъ хотѣлъ выйти на крыльцо, но воздухъ былъ уже до того удушливъ, что онъ задохнулся бы, если бы сейчасъ же не захлопнулъ за собой двери.

Фронтовыя (отъ улицы) оконныя стекла отъ сильной жары лопнули и стоявшіе на окошкахъ цвѣты обгорѣли. Пожаръ бушевалъ все съ большею и большею силою. Занялась уже въ одномъ мѣстѣ пристройка къ священническому дому; къ счастію, прибѣжалъ одинъ мѣщанинъ, сбросилъ съ себя кожухъ, накрылъ шерстью загорѣвшуюся крышу и потушилъ огонь. За тѣмъ набѣжало множество людей и нѣкоторые изъ нихъ, вырвавъ изъ земли молодыя березки, взобрались на крышу священническаго дома, на которую искры сыпались какъ густыя хлопья снѣгу. Держась на противоположной сторонѣ крыши, по причинѣ невыносимой жары, они длинными березками неутомимо сметали искры, которыя сыпались на землю подобно безчисленнымъ блестящимъ метеорамъ. Прибывшіе на пожаръ чиновники усердно работали внутри дома, выносили на своихъ рукахъ фортепіано и все, что было. Каждое мгновеніе ожидали, что домъ вдругъ вспыхнетъ. Минута была грозная.

Вдругъ, среди общей бѣготни и суматохи, крику и плача, раздался протяжный вопль бѣдныхъ хозяевъ-погорѣльцевъ, потрясшій сердца всѣхъ присутствовавшихъ. Домъ мѣщанина К. рухнулъ и погребъ подъ собою старшую дочь-невѣсту, которая не успѣла выбѣжать изъ него во время. Несчастные старики-родители стояли, заломавъ въ отчаяніи руки, въ нѣмомъ

безпамятствѣ, безъ слезъ, безъ признаковъ жизни предъ пепелищемъ улетѣвшихъ съ дымомъ многолѣтнихъ трудовъ своей жизни и вмѣстѣ предъ гробомъ своего любимаго дѣтища.... Пламя вдругъ стало уменьшаться; вѣтеръ началъ утихать и домъ священника И. Ж., къ крайнему неудовольствію поджигателей, уцѣлѣлъ. *)

5

Въ одну тихую, лѣтнюю ночь 1863 года, какого именно мѣсяца и дня мы не знаемъ, священникъ села П. от. М. Т., мучимый безсонницею, сидѣлъ надъ книгою. Вдругъ внутренній голосъ говоритъ ему: «выйди изъ дому.» Онъ продолжалъ читать, но таинственный голосъ заговорилъ тоже самое еще внятнѣе прежняго. Преодолѣвая самаго себя и не желая допускать, что это предчувствіе предвѣщаетъ что то для него ужасное, онъ не оставлялъ чтенія. Тутъ внутренній голосъ заговорилъ такъ громко, что ему показалось, что онъ услышалъ какъ бы обыкновенную рѣчь, повелѣвающую ему удалиться и вмѣстѣ почувствовалъ какъ бы толчокъ, заставившій его встать. Увлеченный непонятною силой о. М. Г. удалился въ близь лежащее тѣнистое мѣсто и сталъ усердно молиться предъ воздвигнутымъ тамъ крестомъ. Затѣмъ, увидѣлъ онъ сквозь тѣнь деревъ, какъ толпа мятежниковъ шла къ нему въ домъ и потомъ возвращалась назадъ послѣ довольно продолжительнаго промежутка времени; но прикованный къ мѣсту таинственною силою о. М. спокойно предавалъ судьбу свою и цѣлаго своего семейства всемогущему заступничеству милосерднаго Спасителя. Мятежники съ шумомъ вошедши въ домъ, настойчиво допытывались, гдѣ хозяинъ; ничего не узнавъ, искали его вездѣ; наконецъ, уходя, бросили на крыльцѣ и кругомъ цѣлаго дома множество толстыхъ дубинъ и полновѣсныхъ связокъ розогъ. Знай-ка, что тебя ожидало.

---

*) Священника М. Г. К. мятежники обѣщали тоже повѣсить и поджечь. Страшась пожара, онъ во все продолженіе мятежа, пряталъ, что могъ, въ земляныхъ ямахъ.

6

Не одно православное духовенство, но всѣ преданные Царю и отечеству люди, какого бы званія и состоянія они ни были, находились въ ужасномъ положеніи. Довольно было чѣмъ нибудь заявить себя русскимъ человѣкомъ, или даже просто быть православнымъ, чтобы навлечь на себя страшную ненависть повстанцевъ.

На первомъ планѣ, въ этомъ отношеніи, стояли, по самому роду своей службы, становые пристава, а также наставники народныхъ школъ и сельскіе старшины, какъ блюстители порядка, проводники русскихъ началъ и представители русскаго народа. Въ самый разгаръ мятежа въ м. Р. Слонимскаго уѣзда, занималъ должность становаго пристава г. А. Мы имѣли удовольствіе слышать отъ него разсказъ объ его свиданіи съ мятежниками, «Слухи, что мятежники меня повѣсятъ, говорилъ онъ, давно уже доходили до ушей моихъ. Меня тревожили ужасные сны. На канунѣ роковаго дня моей встрѣчи съ мятежниками мнѣ представился во снѣ ихъ довудца, грозившій мнѣ висѣлицей, такъ ясно и отчетливо, что въ послѣдствіи, когда я съ нимъ встрѣтился, я сразу узналъ его, хотя прежде никогда не видалъ его. Еще я наслаждался сладкимъ утреннимъ сномъ, какъ вдругъ подъ окнами раздалась громкая польская рѣчь. Я пробудился и слышу, спрашиваютъ, здѣсь живетъ становой приставъ? Меня обдало словно кипяткомъ, потомъ бросило въ холодъ. Скрѣпя сердце, я отвѣчалъ смѣло; здѣсь, что вамъ надобно? Посмотрѣлъ въ окошко, вижу, я въ полной осадѣ.

— Пожалуйте до пана довудцы, только сію минуту.— Я наскоро одѣлся и вышелъ. Меня окружили вооруженные мятежники и повели. Я не чувствовалъ подъ собою ногъ и только очутившись на площади, въ виду шайки повстанцевъ и собравшихся кругомъ любопытныхъ зѣвакъ, пришелъ въ себя и возвратилъ потерянное присутствіе духа. Проводники мои остановились и въ ушахъ моихъ прозвучала писклиная польская команда.

«Двойка спереди, двойка по срединѣ, двойка сзади!» Я стоялъ по срединѣ шести повстанцевъ. Вскорѣ прибѣжала какая-то гадкая фигурка и закричала «до пана довудцы.» Въ сопровожденіи моего конвоя я предсталъ предъ самозваннаго довудцу и собравшись съ духомъ зарекомендовался ему. Сдѣлавъ изъ своей фигуры букву фертъ и рисуясь на своей маленькой лошадкѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ скороговоркой: «19-й дивизіи 200-го полка 1000-й, сотни довудца NN.» Смотрю, тотъ самый, котораго я видѣлъ во снѣ; это былъ К. Онъ важно началъ:

— Жондъ народовый недоволенъ вами. Зачѣмъ вы посылали противъ насъ роту солдатъ? Зачѣмъ стараетесь проводить въ массу крестьянъ фальшивую идею, что здѣшній край русскій, когда онъ составлялъ и долженъ составлять вѣчное и неотъемлемое достояніе Польши?

— Это по вашему убѣжденію—прервалъ я.—Позвольте же и мнѣ имѣть мое собственное мнѣніе и убѣжденіе. Я думаю, что здѣшній край находился только нѣсколько вѣковъ подъ игомъ Польши; но никогда не переставалъ быть и всегда чувствовать и сознавать, что онъ есть чисто русскій. Думаю, что поступая согласно съ моими убѣжденіями, я дѣйствую честно и по совѣсти.

— Но за подобныя дѣйствія вы подвергаете опасности жизнь свою. Я вамъ скажу откровенно и прямо, что имѣю порученіе повѣсить васъ.

— Знаю, что я теперь въ рукахъ вашихъ и вы можете сдѣлать со мною, что вамъ угодно. Но живя честно и служа вѣрно моему законному Государю Императору, я хочу и умереть честно, не заклеймивъ и не запятнавъ моего имени позорнымъ эпитетомъ измѣнника. Мнѣ нечего жалѣть жизни, я прожилъ уже довольно на свѣтѣ. Семейство же мое не забудутъ великій Монархъ и все русское общество.

— Но вы не будете доносить о томъ, что мы здѣсь были?

— Нѣтъ, донесу сейчасъ же, такъ мнѣ велитъ мой долгъ.

— Послушайте! я вамъ дарую жизнь, хоть и навлеку на себя этимъ неудовольствіе жонда; но помните, что всякій другой довудца имѣетъ приказаніе повѣсить васъ.

Я возвратился домой, окончилъ свой разсказъ г. А., въ сопровожденіи мятежниковъ, которые караулили меня пока шайка не ушла изъ мѣстечка.

7

Проѣздомъ изъ г. С. въ г. П. лѣтомъ 1863 года, не доѣзжая 2-хъ верстъ до лѣсной стражи, называемой Березовое-болото, я замѣтилъ въ лѣсу по правой сторонѣ дороги, могильный холмъ, покрытый множествомъ мелкихъ камней и сухихъ вѣтвей.

— Что это такое? — спросилъ я у встрѣтившагося мнѣ стражника.

— Тутъ похороненъ одинъ мятежникъ — отвѣчалъ онъ.— Крестьяне бросаютъ на него камни, вѣтви и т. п. чтобъ *бывъ всегда значный*, т. е. чтобъ можно было узнать его *). Бываетъ, что чья-то неизвѣстная рука насаждаетъ на немъ цвѣты; но мужики тотчасъ срываютъ ихъ и покрываютъ снова всякимъ ломочьемъ (хворостомъ).

Вотъ, подумалъ я, какого рода манифестаціи дѣлаютъ крестьяне, чтобы показать свое крайнее нерасположеніе къ инсургентамъ, не смотря на всѣ звѣрства, которыми думаютъ устрашить ихъ, и на всѣ обольщенія, которыми стараются обмануть здравый смыслъ народа.

Погруженный въ размышленія, я не замѣтилъ, какъ очутился въ какой-то большой деревнѣ. День былъ будничный. Меня поразилъ праздничный видъ селенія и живое веселье жителей. Улица была старательно выметена и отличалась рѣдкою по деревнямъ чистотою и опрятностію. Предъ каждою хатою, у входа въ нее, виднѣлся свѣжо посыпанный желтый песокъ. Крестьяне, мужчины и женщины, молодые парни и дѣвки, всѣ въ праздничномъ нарядѣ, женщины съ лентами вплетенными въ косы и висящими на плечахъ, спѣшили въ одну

---

*) Кучу камней и сухихъ вѣтвей на этой могилѣ я видѣлъ еще въ маѣ 1866 года.

сторону. Во взорахъ у всѣхъ сіяла неподдѣльная радость. Любопытство мое было сильно затронуто и я сталъ разспрашивать почтенныхъ мужичковъ, ведшихъ между собой веселый разговоръ.

— Что это у васъ сегодня праздникъ какой?

— Да, большой праздникъ. Празднуемъ наше спасеніе отъ *шмургентовъ* и спѣшимъ въ церковь благодарить Бога за то, что не попустилъ вражьимъ сынамъ сжечь насъ и пустить по міру съ сумою.

Тутъ они разсказали мнѣ, что на дняхъ сдался въ лѣсу плѣннымъ одинъ мятежникъ, какой-то тощій повстанецъ; видно ничего не ѣлъ кромѣ ягодъ и сырыхъ грибовъ, чуть-чуть ноги передвигалъ; прежде былъ у нашего Царя какимъ-то чиновникомъ, гроши отъ него получалъ и вотъ какъ отплатилъ за хлѣбъ-соль и за все добро. Его привели въ квартиру капитана, капитанъ его допрашивалъ и онъ показалъ на допросѣ, что въ одну ночь *шмургенты*, сердясь на насъ за то, что мы открывали ихъ убѣжища и перевозили солдатъ, шли цѣлою толпою съ намѣреніемъ поджечь нашу деревню, въ самую глубокую полночь, въ разныхъ мѣстахъ. Но Богъ еще къ намъ милостивъ. На канунѣ той ночи къ намъ пришла рота Великолуцкаго пѣхотнаго полка и по распоряженію капитана солдаты съ крестьянами всю ночь ходили кругомъ деревни дозоромъ. Шмургенты услышали говоръ солдатъ и, дрожа за свою собственную шкуру, бросились обратно въ свои лѣсныя берлоги.

Дай Богъ, восклицали хоромъ крестьяне, многая лѣта нашему добрѣйшему Царю, что не забылъ и о насъ горемычныхъ и прислалъ намъ защиту и оборону отъ взбунтовавшихся ляховъ. Мы будемъ за него вѣчно Бога молить.

Проѣхавъ деревню, я замѣтилъ по правой сторонѣ дороги, на возвышенности, окруженной сосновою рощей, небольшую деревянную церковь. Нельзя было не раздѣлить общей радости

деревенскихъ жителей. Я зашелъ въ храмъ. Вскорѣ началось служеніе. Народъ молился долго и усердно.

Если эти строки случайно прочтутъ поляки, пусть не думаютъ они, что мы писали подъ вліяніемъ непріязненнаго къ нимъ чувства. Мы вели свой разсказъ въ качествѣ простаго повѣствователя, описывали то, что было на самомъ дѣлѣ, amicus Plato, amicus Aristoteles, sed magis amica veritas.

Конечно, не можемъ не удивляться, что до такого безчеловѣчія и безумія въ своихъ дѣйствіяхъ и въ обращеніи съ мирными и безоружными жителями и особенно съ ихъ незлобивыми пастырями могла дойти такъ называемая польская интеллигенція, трубящая во всеуслышаніе по всему міру о своемъ прогрессѣ, цивилизаціи и рыцарствѣ, но пора бы ей по крайней мѣрѣ теперь понять и оцѣнить свои дѣйствительные интересы и пользы; пора уразумѣть, что единственно вѣрный путь, который остается ей избрать, это сродниться съ окружающимъ ее русскимъ и православнымъ народомъ и въ духѣ полнаго съ нимъ согласія и единства достигать возможнаго на землѣ счастія и благоденствія. По самой числительности русскихъ и поляковъ въ западномъ краѣ Россіи, первыхъ совершенно справедливо можно сравнить съ обширнымъ моремъ, полнымъ свѣжихъ силъ и сокрытыхъ въ немъ еще не отгаданныхъ сокровищъ, а послѣднихъ—съ маленькимъ ручейкомъ, правда, имѣющимъ желаніе или, вѣрнѣе, претензію катить свои волны шумно и быстро, но которому не достаетъ для этого ни твердой почвы, ни достаточнаго количества свѣжей воды. Чѣмъ ожидать ручью напрасно, пока изсякнетъ море русской жизни, не лучше ль самому ему слиться въ немъ, чтобы обновленною, свободною и широкою струей стремиться къ общей, славной цѣли? Пусть вѣритъ намъ полякующій людъ, что если бы православное духовенство, забывъ, что оно служитъ проповѣдникомъ Бога, мира и любви, способно было хотя въ сотой доли проникнуться тою діавольскою ненавистію и злобою къ полякамъ (разумѣемъ

инсургентовъ), какими они горѣли къ нему тогда, а быть можетъ, пламенѣютъ еще и теперь, послѣдній польскій мятежъ оставилъ бы для нихъ по себѣ такіе кровавые слѣды, коихъ они и вообразить не смѣли. Имѣнія ихъ превратились бы въ кучу пепла и развалинъ и у насъ повторились бы извѣстныя галицийскія событія 1846 года.

Пламя было уже готово вспыхнуть, нужно было не раздувать его, а тушить. Тутъ приходилось разъяснять крестьянамъ, чего требуютъ отъ нихъ честность, законность, достоинство человѣка и благородство. И все это дѣлалось священниками въ виду щедро разсѣваемыхъ угрозъ и уже приготовленныхъ для нихъ поляками висѣлицъ. Во время мятежа поляки сбросили съ себя маску и показали намъ, чего можемъ ожидать отъ нихъ. Они дали намъ урокъ опытности, урокъ до того убѣдительный, что его не забудемъ не только мы, но наши дѣти и внуки. Да и какъ забыть, когда его изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, будутъ повторять безпристрастныя и правдивыя лѣтописи исторіи и могильные холмы замученныхъ инсургентами нашихъ братій, по духу и плоти, православныхъ священниковъ?

Предъ началомъ мятежа 1863—1864 годовъ, польскіе помѣщики прикидывались нашими друзьями и пріятелями, расточали намъ ласки и комплименты. Въ полной надеждѣ на успѣхъ своего дѣла, они уже проектировали новую, будто-бы лучшую организацію духовенства, конечно, выхваляя при этомъ пользу и необходимость панскихъ колляцій и т. п.; а болѣе слово-охотливые, особенно женщины и старыя дѣвы, поговаривали о пресловутой уніи съ Римомъ и восторгались при представленіи счастія, какимъ она вновь озаритъ нашъ край.

Считаемъ не безъинтереснымъ привести здѣсь, въ видѣ эпизода, разговоръ нашъ съ одною такою ревностною польскою патріоткой и ярой, хотя и мало развитой въ религіозномъ отношеніи, (какъ и большая часть польскихъ женщинъ) сторонницей римской уніи г-жею К.... Послѣ обмѣна обыкновенныхъ вѣжливостей и разспросовъ о погодѣ, дорогѣ и тому подобныхъ предме-

такъ, вдругъ какъ истая польская пропагандистка она стала нести обычную дичь, что здѣшній край долженъ быть польскій и католическій, что въ немъ и была унія съ папою и римскимъ костеломъ и не такъ давно уничтожена, и т. д.

— Мы православные, отвѣчалъ я, по убѣжденію, что въ одномъ православіи заключается чистая, христіанская религія, принесенная на землю Христомъ Богомъ нашимъ.

— Нѣтъ! римскіе католики одни вѣруютъ истинно и право.

— Если хотите спорить со мною о религіи, согласимся напередъ на счетъ того, что должно служить основаніемъ нашего спора. Согласны ли вы, что та религія есть самая совершенная, которая излагаетъ истины вѣры такъ, какъ онѣ изложены въ священномъ писаніи Новаго Завѣта?

— Я на это вполнѣ согласна съ вами.

— Возьмемъ теперь одинъ изъ важнѣйшихъ догматовъ христіанской вѣры — объ исхожденіи Св. Духа. Православная церковь учитъ такъ, какъ училъ самъ Іисусъ Христосъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Бога Отца, а Римская къ этому божескому ученію примѣшиваетъ ученіе человѣческое: и отъ Сына.

— Гдѣ же Христосъ сказалъ, что Духъ Святый исходитъ отъ одного Отца, а не отъ Сына?

— Дайте мнѣ Евангеліе, я вамъ укажу это мѣсто. Она подала мнѣ польскую библію въ переводѣ Вуйка; я нашелъ въ ней и прочелъ 26 стихъ 15 главы Евангелія отъ Іоанна. Не довѣряя мнѣ, она взяла отъ меня книгу и прочитала конечно тоже.

— Эта библія, сказала она, издана въ Россіи, подъ русскимъ правительствомъ; и потому въ ней нарочно пропущены слова: и Сына.

— Будьте увѣрены, что вы ошибаетесь. Кто бы рѣшился на подобный святотатственный поступокъ и осмѣлился бы искажать Слово Божіе? Быть можетъ, у васъ есть французская библія, въ ней ужъ конечно и по вашему мнѣнію все будетъ вѣрно

и неизмѣнно, потому что во Франціи господствующая религія есть римская.

— Да, есть.

Чрезъ минуту г-жа К.... подала мнѣ Новый Завѣтъ на французскомъ языкѣ, въ изящномъ переплетѣ и въ золотомъ-обрѣзѣ. Посмотрѣвъ на заглавный листъ и замѣтивъ внизу Paris, я обратилъ на это вниманіе моей собесѣдницы.

— Очень хорошо. Найдите же тутъ тотъ же текстъ въ Евангеліи отъ Іоанна.—

Я нашелъ и, прочитавъ, подалъ ей.

Нужно было видѣть, съ какимъ удивленіемъ и нѣкотораго рода смущеніемъ она прочитывала роковыя слова. Наконецъ процѣдила сквозь зубы: когда такъ, зачѣмъ же насъ ксендзы иначе учатъ.

— Спросите ихъ объ этомъ. Такимъ же образомъ я могъ бы провести параллель между другими догматами православно-каѳолической и латинской церкви и доказать, что восточная церковь учитъ согласно съ Словомъ Божіимъ, а западная отступила отъ него. Неужели же вы хотите, чтобы мы, въ угоду людямъ, оставили Завѣтъ нашего Бога и Спасителя и послѣдовали другому ученію.

Послѣдній мятежъ открылъ намъ глаза, помогъ намъ стряхнуть съ себя чуждую оболочку, наброшенную на насъ польсколатинскимъ гнетомъ, живѣе пробудилъ въ насъ сознаніе нашей русской народности и далъ намъ почувствовать, что неразумно съ нашей стороны и противно естественному человѣческому чувству, въ семействахъ нашихъ, въ бесѣдѣ съ самыми близкими и дорогими намъ лицами, женами и дѣтьми, выражаться языкомъ нашихъ враговъ. И мы заявили передъ своими старшими братьями великоруссами нашу непреклонную преданность православію и вѣрность Царю и отечеству и тѣмъ разсѣяли недовѣріе, если какое существовало къ намъ въ средѣ велико-русскаго общества. Въ тяжкіе дни послѣдняго мятежа, дни «обильные примѣрами непоколебимой вѣрности и самоотверженія, отъ священно-начальствующихъ до стоящихъ на низшихъ степеняхъ

церковнаго служенія» мы заслужили драгоцѣннѣйшую для каждаго вѣрноподданнаго награду,—привлекли на себя «полное и совершенное благоволеніе» возлюбленнаго Монарха нашего. *)

Давно уже усмиренъ послѣдній польскій мятежъ. Смутное время представляется намъ теперь, какъ тяжелый, невѣроятный сонъ. Давнымъ давно утихли бранныя тревоги, но не вездѣ улеглось волненіе страстей. Между поляками есть еще такія личности, которыя мятутся по прежнему въ тиши своихъ убѣжищъ. Впрочемъ, огромное большинство сидитъ тихо и скромно, съ совершенною покорностію судьбѣ своей и думаетъ тяжелую думу.

---

*) См. Высочайшій рескриптъ, данный на имя Его Высокопреосвященства Іосифа, Митрополита Литовскаго и Виленскаго, 25 Марта 1864 года.

Свящ. К. В. М......скій.

СЕЛО СПОРОВО.

Въ Гродненской губерніи, Слонимскомъ уѣздѣ, въ 85 верстахъ отъ г. Слонима и въ 26 верстахъ отъ мѣстечка Дорогичина (Кобр. уѣзда), въ срединномъ пунктѣ между Варшавско-Бобруйскимъ шоссе и Кобринско-Пинскою почтовою дорогою, находится мѣстечко Здитовъ, или Дзитовъ, а отъ него въ 6-ти верстахъ на востокъ расположено село Спорово. Послѣднее обращаетъ на себя вниманіе путешественника, какъ по своему мѣстоположенію, такъ и по особому оригинальному характеру своего населенія.

Село Спорово съ трехъ сторонъ окружено тянущимися изъ за Пинска болотами, съ четвертой, южной, стороны прилегаетъ къ Споровскому озеру и изливающимся въ оное рѣкамъ Ясельдѣ *) и Дорогобужу. Въ немъ 55 дворовъ, 300 душъ мужескаго и 305 душъ женскаго пола. Есть и церковь, которая до 1866 года была самостоятельною приходскою, но потомъ обращена въ приписную къ Здитовской церкви. Народонаселеніе православное. Всѣ 55 Споровскихъ дворовъ расположены въ одинъ рядъ надъ самымъ озеромъ, имѣющимъ длины 12, ширины 5 верстъ. Разстояніе между селомъ и озеромъ самое незначительное, только нѣсколько саженъ. Близость озера бываетъ причиною того, что осенью и весною оно, разливаясь, часто раззоряетъ стоящія близь берега крестьянскія сушильни, а не рѣдко подбирается и къ самымъ домамъ. Въ концѣ села, так-

*) Рѣка Ясельда только проходитъ чрезъ Споровское озеро; потомъ выходя снова, она направляется къ р. Пинѣ.

же надъ озеромъ, на нѣкоторомъ возвышеніи расположенъ дворъ, или мыза помѣщика. Общій видъ мѣстности унылый. Одно только озеро, чистое, какъ кристаллъ, своею блестящею поверхностію, шумомъ волнъ, множествомъ дикихъ гусей, утокъ и другихъ птицъ, оживляетъ эту мѣстность и даже придаетъ ей нѣчто поэтическое.

Болота и озеро, замыкающія с. Спорово со всѣхъ сторонъ, рѣки Яселда и Дорогобужъ, пресѣкающія путь къ нему то сами собою, то множествомъ своихъ разливовъ и бродовъ, едва даютъ возможность сосѣднеему жителю, или путешественнику пробраться въ Спорово въ самое сухое время года. Какъ въѣздъ въ Спорово, такъ и выѣздъ изъ него существуетъ только одинъ, чрезъ мѣстечко Здитовъ. Это, такъ сказать, ворота въ Спорово. Здѣсь ужъ дорога раздвояется и одна изъ нихъ направляется въ мѣстечко Хомскъ, Кобринскаго уѣзда, другая въ мѣстечко Картузъ-Березу, Пружанскаго уѣзда. Мнѣ случилось ѣхать по Хомской дорогѣ. Уже, при самомъ выѣздѣ изъ м. Хомска въ Здитовъ, мѣстность принимаетъ печальный однообразный, не привѣтливый видъ. Подвигаясь же далѣе и далѣе къ Спорову, вы видите предъ собою сплошную низменность, изрѣзанную на пространствѣ 18 верстъ рѣками, ручьями, канавами и бродами, поросшую болотною травою и изрѣдка кустарниками лозы и мелкою неуклюжею сосною. А дорога? Это непрерывныя плотины, гати и мостки. Отъ Хомска до Здитова, на разстояніи 12 верстъ, я насчиталъ 14 мостовъ. Названія ихъ слѣдующія: 5-ть мостовъ Старо-млынскихъ, Плащъ, Язвинскій, Ямскій, Гумнищенскій, Волчій мостъ, самый опасный для переправы въ мало-мальски мокрое время года, Площа (болотистая равнина), Навозъ (отъ множества торфа) Хвойна (отъ бывшаго когда-то сосноваго лѣса). Говорятъ, что всѣхъ мостовъ на этомъ незначительномъ пространствѣ 33; но я отъ продолжительности пути остальныхъ не досчитался. Тоже должно сказать и о другой Картузъ-Березской дорогѣ, соединяющей Спорово съ Пружанскимъ и Слонимскимъ уѣздами.

Такія неблагопріятныя географическія условія села Спорова имѣли и имѣютъ вліяніе на самую жизнь споровца, какъ въ фи-

зическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Отъ множества болотистыхъ испареній, отъ постоянной сырости воздуха, порождаемой близостію огромнаго озера и сосѣднихъ рѣкъ, споровскій крестьянинъ хилъ, нездоровъ, недолговѣченъ. Колтунная болѣзнь почти у всякаго. Во всемъ селѣ есть только два старика, имѣющіе по 80 лѣтъ и пять старухъ, изъ коихъ одной 96, а остальнымъ по 85 лѣтъ. Народонаселеніе бѣдное. Земли у крестьянъ мало, да и не откуда взять ее, вездѣ болото. Притомъ, имѣющаяся земля разбросана на разныхъ, нерѣдко очень отдаленныхъ островахъ, среди болотъ за озеромъ. Одинъ крестьянинъ, бесѣдуя со мною, высказался такъ о своемъ житьѣ-бытьѣ: «бида, тай тильки! якъ придетця «ораты, то жены воловъ черезъ болото, несы на плечахъ соху, «або борону, чи михъ съ збожемъ, та и иды по болоти вер«сту и дви» *). Недостатокъ земли, положительная невозможность удобрить имѣющуюся, служитъ причиною того, что у споровскаго крестьянина не хватаетъ своего хлѣба и до Рождества Христова. Содержать достаточно скота и дѣлать сбытъ его также не возможно, по причинѣ недостатка сѣнокоса и пастбищъ. Притомъ, почти вся, состоящая на лицо въ Споровѣ, земля принадлежитъ помѣщику и, прилегая къ самымъ крестьянскимъ усадьбамъ, дѣлаетъ неизбѣжными потравы чужихъ посѣвовъ и непріязненныя столкновенія съ помѣщикомъ.

Единственное, самое главное и надежное обезпеченіе доставляетъ споровцу близь лежащее озеро. Это—его житница, кладовая, его мать-кормилица. Добываемая имъ изъ озера рыба въ состояніи пополнить всѣ пробѣлы въ его неудачномъ хозяйствѣ. Отнимите у споровцевъ всю землю и дайте имъ право хоть надъ половиной озера, вы облагодѣтельствуете ихъ. Но въ томъ-то и бѣда споровца, что все озеро принадлежитъ помѣщику и что пользоваться имъ можно, или, какъ нибудь, украдкой, или на тяжелыхъ условіяхъ съ помѣщикомъ, кото-

*) Бѣда, да и только! Какъ приходится орать, то гони воловъ чрезъ болото, неси на плечахъ соху, или борону, или мѣшокъ съ зерномъ, и иди по болоту версту и двѣ.

рый распоряжается въ такомъ случаѣ и временемъ и мѣстомъ рыбной ловли крестьянъ. Вотъ напр. на какихъ условіяхъ споровскіе мужички могутъ ловить рыбу на озерѣ. Во первыхъ, они должны сдѣлать для помѣщика неводъ въ 150 сажень, такъ какъ здѣсь меньшіе невода не употребляются. На устройство такого невода помѣщикъ даетъ отъ себя извѣстное количество пеньки, которую сами крестьяне должны выдѣлать и обработать въ матеріалъ для невода. Во вторыхъ, съ Покрова (съ 1 октября) всѣ домохозяева обязаны соединить свои 55 сѣтей, по числу домовъ, и, впродолженіи трехъ дней сряду, ловить рыбу для помѣщика. Эта всеобщая ловля называется у крестьянъ *Сустанью*. Въ третьихъ, наконецъ, впродолженіи всего зимняго времени, пока лежитъ ледъ на озерѣ, всякій день, за исключеніемъ слишкомъ морозныхъ дней, они должны заниматься рыбною ловлею также въ пользу помѣщика. При точномъ выполненіи всѣхъ этихъ условій, крестьяне получаютъ право пользоваться озеромъ, но съ тѣмъ, что на всемъ озерѣ они могутъ производить ловлю только въ Октябрѣ и Ноябрѣ, отъ *Сустани* до замерзанія озера, во всѣ же остальныя времена года — только у береговъ его.

Не смотря на такія, по видимому, невыгодныя условія, относительно права рыбной ловли въ озерѣ, споровскіе крестьяне не были бы въ накладѣ, если бы сбытъ рыбы производился у нихъ раціональнѣе; но весь ихъ рыбный промыселъ эксплуатируютъ евреи. Въ Споровѣ сидятъ два еврея. Одинъ изъ нихъ — арендаторъ корчмы, другой — перекупщикъ рыбы. Мужичекъ, поймавшій рыбу, не имѣетъ права никому продавать ее, кромѣ этого перекупщика. Еврей-перекупщикъ, уплативъ мужику по 2 рубля за пудъ рыбы большей, по 60 копѣекъ за пудъ меньшей и, при этомъ, открывъ ему кредитъ у арендатора корчмы на полученіе водки безъ наличныхъ денегъ, кажется бѣдному простаку благодѣтелемъ и вправѣ дать ему навсегда строгій наказъ никому, кромѣ его, не продавать рыбы, подъ опасеніемъ неполученія водки въ кредитъ. Мужичекъ до того остается вѣрнымъ такому наказу, что за тѣже деньги не уступаетъ пойманной рыбы никому изъ

христіанъ, а если и уступитъ, то развѣ подъ величайшимъ секретомъ.

Такой монополіи евреевъ и эксплуатированію ими споровскаго крестьянина вполнѣ благопріятствуетъ крайняя неразвитость послѣдняго. Конечно, все народонаселеніе сѣверо-западнаго края не можетъ еще похвалиться умственнымъ развитіемъ; но споровскій мужичекъ въ этомъ отношеніи находится еще ниже того обыкновеннаго уровня природной смышленности, на которомъ находятся крестьяне другихъ селеній и мѣстностей. Будучи отъ природы добрымъ, онъ въ тоже время представляетъ собою оригинальный типъ умственнаго застоя, несообразительности. Неразвитость споровца была причиною составленія о немъ разныхъ шутливыхъ анекдотовъ жителями окрестныхъ мѣстечекъ и селеній. Эти анекдоты, переходя изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, на каждомъ шагу встрѣчаютъ бѣдного споровца и до крайности оскорбляютъ его. Вотъ нѣсколько такихъ анекдотовъ:

1) Мужичекъ изъ чужой деревни, подплывъ на лодкѣ къ споровскому сѣнокосу, нажалъ себѣ травы серпомъ; но въ торопяхъ забылъ на мѣстѣ серпъ. Хозяинъ, пришедши на другой день съ сосѣдомъ на работу, замѣтилъ, что по нѣкоторой части его сѣнокоса нѣтъ травы. Подозвавъ сосѣда, онъ сказалъ: «гляды, Хома, хтось поивъ траву!» *). Потомъ, увидя серпъ, присовокупилъ: «а отъ-се и кузака (козявка), що поила! Несы колъ и би (бей).» **) Сосѣдъ принесъ колъ и ударилъ по оконечности серпа. Серпъ отъ нанесеннаго удара подскочилъ вверхъ и упалъ на шею хозяина, гдѣ и остался. Мужичекъ, думая, что козявка, поѣвшая траву, добирается наконецъ и до него самаго, началъ кричать. Сосѣдъ, желая спасти его, быстро потянулъ мнимую хозявку за хвостъ и обрѣзалъ шею пріятелю.

2) У одного мужика выросла трава на крышѣ дома. Долго думалъ онъ, какъ бы ее уничтожить. Наконецъ пришелъ къ

---

*) Посмотри, Ѳома, кто-то поѣлъ траву!

**) А вотъ и козявка, которая поѣла. Неси колъ и бей.

мысли, что надо-де на крышу спровадить вола, который бы поѣлъ траву. Задумано и сдѣлано. Завязавъ вола за роги, мужичекъ, при помощи сосѣда, началъ поднимать животное на крышу. Когда волъ, въ предсмертныхъ судорогахъ, глаза выпучилъ и языкъ высунулъ, хозяинъ началъ приговоривать: «гляды, якый лакомый! ще до травы не долизъ, а уже и языкомъ смакуе.» *)

3) Мужичекъ пошелъ въ лѣсъ и, увидѣвъ дубъ, согнутый въ форму воловаго ярма, сообразилъ, что, въ самомъ дѣлѣ, изъ этаго дерева будетъ ярмо. Однакожъ, не зная, придется ли оно какъ разъ по шеѣ его волу, мужикъ сначала захотѣлъ снять мѣрку. Съ этою цѣлію онъ отправляется домой, беретъ съ собою вола и, зацѣпивъ за рога его веревку, началъ поднимать голову животнаго къ намѣченному имъ, довольно высокому дубу, чтобы снять мѣрку. Само собою разумѣется, что волъ былъ удушенъ.

4) Наконецъ есть одинъ самый характерный анекдотъ, показывающій до какой степени споровецъ дорожитъ своимъ озеромъ. Нѣкогда мужички, подгулявшие на пирушкѣ, для потѣхи поймали собаку, обвязали ее паклею и соломою и, зажегши, пустили. Собака, по инстинкту самосохраненія, направилась къ озеру. Лишь только народъ замѣтилъ это, какъ тотчасъ поднялъ крикъ и вопль, что собака хочетъ сжечь озеро. Движимые такимъ опасеніемъ за озеро, старъ и малъ, мужчины и женщины, вооружившись, кто чѣмъ могъ, побѣжали къ озеру и, ставъ на берегу онаго, начали всѣми силами защищать его отъ огненной собаки. Бѣдное животное, не находя себѣ мѣста, бросилось въ одинъ изъ крестьянскихъ дворовъ и сожгло все село.

Вообще странныя ходятъ разсказы о споровцахъ; говорятъ, у нихъ существовало нелѣпое обыкновеніе, сложившееся во время уніи, свистать въ церкви. Объ этомъ обы-

---

*) Посмотри, какой лакомка! еще до травы не дошелъ, а ужъ и облизуется.

кновеніи носится такого рода преданіе. Два мужика, пришедши въ церковь ранѣе другихъ, начали разговаривать. Раздалось эхо. «Смотри, братъ Степанъ, говоритъ одинъ изъ нихъ, какой голосъ слышенъ! А что, еслибы еще *вусвинуты* (засвистать)?»—Отчего же нѣтъ, отвѣчаетъ другой, только нужно спросить позволенія у пана (у помѣщика). Потолковавъ такимъ образомъ, оба мужика немедленно отправились къ помѣщику и просили у него позволенія посвистать въ церкви. Помѣщикъ согласился, съ тѣмъ, чтобы тотъ, кому хочется посвистать, уплатилъ прежде 8 злотыхъ, т. е. 1 рубль 20 к. Съ тѣхъ поръ этотъ безобразный обычай и взносъ за него помѣщику денегъ приняли въ народѣ значеніе какого то обряда и требовалось не малыхъ трудовъ отъ духовенства, чтобы искоренить эти безобразія.

Всѣ эти были и небылицы, ходящія про споровцевъ, дѣйствительно удачно хорактеризуютъ ихъ. Разумѣется, теперь и въ Споровѣ многое перемѣнилось къ лучшему. Свобода и наука— это двѣ нравственныя силы, которыя въ состояніи пересоздать самыхъ дикарей, а тѣмъ болѣе людей, живущихъ въ благоустроенномъ обществѣ. Въ настоящее время въ Споровѣ есть порядочное училище, отдѣленіе Здитовскаго народнаго училища; составленъ небольшой хоръ пѣвчихъ изъ учащихся мальчиковъ; дѣти читаютъ на клиросѣ часы; а въ домахъ своихъ родителей— разсказы изъ священной исторіи; споровскіе крестьяне, въ свою очередь, весьма расположены къ образованію своихъ дѣтей и охотно посылаютъ ихъ въ училище; словомъ, и въ Споровѣ уже возсіяла заря новыхъ дней. Но все таки предубѣжденіе противъ споровца въ окрестныхъ мѣстностяхъ сильно и насмѣшки надъ нимъ не умолкаютъ. Интересно видѣть встрѣчу *иносельца* съ споровцемъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и разговора о дѣлѣ, первый начинаетъ улыбаться, его такъ и тянетъ почесать языкъ на счетъ сосѣда. „А скажи, дядьку, — наконецъ трунитъ онъ, чи то правда, що якобы у васъ сучка (сука) хотила спалыть озеро?“ *) Этого вопроса

*) Скажи дядя, правда ли, что будто у васъ сука хотѣла сжечь озеро?

достаточно, чтобы взбѣсить споровца. Тотчасъ пойдетъ потасовка, и несчастному остряку, если онъ слабосиленъ и въ пору не уйдетъ, достанется порядкомъ. Впрочемъ, не все же механическою силою споровецъ отражаетъ противника. Онъ имѣетъ также у себя, на всякій случай, и нѣсколько насмѣшливыхъ разсказовъ про своихъ сосѣдей. Вотъ напр. одинъ изъ анекдотовъ про Бездѣжанъ, *) слышанный мною изъ устъ споровца. Нѣкогда бездѣжанинъ повелъ на базаръ продавать никогда не телившуюся корову и, желая доказать, что она тельна, клялся предъ покупщиками такъ: «коли не правда, то дай Боже мнѣ того не спожить (употребить въ пищу), что у меня за пазухой лежитъ; потомъ, чтобы еще болѣе подѣйствовать на нихъ, онъ прибавилъ: «дай Боже, чтобъ я жонки своей не засталъ дома.» Между тѣмъ, продавъ обманомъ корову, бездѣжанинъ нисколько не опасался не благопріятныхъ послѣдствій своей клятвы, такъ какъ, приближаясь домой, онъ заблаговременно приказалъ женѣ своей выйти изъ дому, а лежавшій у него за пазухой кирпичъ, казавшійся другимъ сыромъ, или хлѣбомъ, выбросилъ. Вообще должно сказать, что анекдоты споровцевъ, которыми они отражаютъ своихъ насмѣшниковъ, далеко не имѣютъ той остроты, задора и силы, какія нужны для отраженія; а потому споровецъ весьма доволенъ, если его не задѣваютъ.

Споровецъ въ общежитіи боязливъ и недовѣрчивъ, въ домашней жизни угрюмъ, въ бесѣдѣ вялъ, въ тѣлодвиженіяхъ и манерѣ неуклюжъ. Но вотъ онъ плыветъ въ лодкѣ на своемъ родномъ озерѣ! Здѣсь нельзя узнать этаго человѣка. Ни сильныя волны, ни самая буря не устрашаютъ его. Стоя на своемъ челнокѣ, онъ быстро несется въ незримую даль и, среди волнующейся стихіи, всегда смѣлъ и отваженъ. Лодка его то поднимается на значительную высоту, то видимо погружается въ глубь, но смѣльчакъ стоитъ на ней твердо, дѣйствуя весломъ съ полнымъ присутствіемъ духа и ловкостію. Для него

*) Мѣстечко Бездѣжъ, Кобр. уѣзда, находится на противоположной сторонѣ споровскаго озера, въ полуверстѣ отъ него.

почти все равно, спокойно ли озеро, бурно ли оно, плыветъ ли онъ днемъ, или ночью. Рѣдко когда случается ему во избѣжаніе опасности лечь въ свой челнъ и отказаться отъ управленія имъ: это онъ дѣлаетъ только въ крайнихъ случаяхъ, притомъ безъ всякой трусости. Споровецъ не привыкъ слышать, чтобы его любимое озеро нанесло кому либо существенный вредъ, а тѣмъ болѣе посягнуло на жизнь человѣка. *) Онъ сдружился съ озеромъ съ дѣтства и знаетъ его, какъ свой собственный домъ, свою клѣть. Онъ измѣрилъ свое озеро ногами и плаваетъ на немъ безъ лодки, какъ утка. Въ этомъ отношеніи споровца можно назвать героемъ, и на этомъ поприщѣ съ нимъ ужъ никто не поспоритъ.

Въ споровскомъ озерѣ водится рыба слѣдующаго рода: щука, карась, язь, лещъ, окунь, изъ коихъ нѣкоторыя штуки бываютъ по 10 и 15 фунтовъ, вьюны и ерши. Вьюны здѣсь очень большіе и вкусные. Они собственно водятся въ сосѣднихъ болотахъ; но лишь только болота начнутъ высыхать, вьюны по ручьямъ тянутъ въ озеро. Зная это время, мужички съуживаютъ въ извѣстныхъ мѣстахъ русла ручьевъ, устраивая изъ песку и грязи по сю и по ту сторону искуственные валы, или, такъ называемые *гаткѝ*, и въ образовавшіяся за тѣмъ искуственныя ворота ставятъ, такъ называемую, *вершу*, которая въ непродолжительное время наполняется вьюнами. Верша эта дѣлается большею частію изъ лозы, а иногда изъ нитей и холста. Форма ея конусообразная. Другіе снаряды для рыбной ловли употребляются слѣдующіе; 1) *Неводъ*,— большая сѣть, имѣющая въ расправленныхъ крыльяхъ 150 саженъ. 2) *Кломля*,—она имѣетъ форму трехъ-сторонней призмы, въ которой двѣ стороны и оба конца покрыты сѣтью, а одна сторона оставляется свободною, для входа рыбы. Кломля имѣетъ длины около трехъ аршинъ. 3) *На́ставка́* — имѣетъ форму усѣченнаго конуса, обтянутаго снизу до половины тремя разными

---

*) Дѣйствительно, рѣдки случай смерти отъ утопленія въ озерѣ. Крестьяне помнятъ одинъ только случай, когда одинъ изъ нихъ, везшій въ праздничный день озеромъ дрова, опрокинулся и утонулъ.

сѣтками— прежде рѣдкой, имѣющей отверзтія въ 2 квадратные вершка, потомъ частой и наконецъ снова рѣдкой. По концамъ оставляются свободныя отверстія. Наставка имѣетъ два аршина вышины и аршинъ съ лишнимъ въ поперечникѣ. Рыбо́ловъ, поставивъ ее на извѣстное мѣсто, начинаетъ толочь палкой, или шестомъ снаружи и изнутри снаряда воду. Испуганная рыба направляется къ снаряду и, прошедши чрезъ отверстіе первой рѣдкой сѣтки, встрѣчаетъ сѣтку частую. Не имѣя возможности пройти чрезъ частую сѣтку, рыба бьетъ въ нее и переваливается вмѣстѣ съ нею въ одно изъ отверзтій другой рѣдкой сѣтки, откуда ужъ освободиться не можетъ. 4) *Блёсня*, это фальшивая рыбка, въ родѣ плотицы, сдѣланная изъ свинца. Привязавъ ее къ волосяному шнурку, рыболовъ опускаетъ ее въ воду и такимъ образомъ пользуется ею, какъ удою. Впрочемъ, этотъ снарядъ употребляется только зимою, въ прорубяхъ на озерѣ.

Всѣми этими снарядами споровецъ пользуется съ необыкновеннымъ искуствомъ. Онъ умѣетъ разсчитать дни и часы, когда какой снарядъ можетъ быть употребленъ съ бо́льшимъ успѣхомъ и рѣдко ошибается. Вся рыба, добываемая изъ споровскаго озера и перекупаемая евреями, не сбывается на мѣстѣ, но отправляется въ Варшаву. Не извѣстно до какой цифры можетъ простираться общая годичная выручка крестьянъ за рыбу, но извѣстно, что въ прошлый зимній сезонъ помѣщикъ получилъ отъ евреевъ за свой ловъ на мѣстѣ 1200 рублей.

Ѳ. Ставровичъ.

ВОСПОМИНАНІЯ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА О ПОСЛѢДНЕМЪ КСЕНДЗОВСКО-ПОЛЬСКОМЪ МЯТЕЖѢ 1863 Г. ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ РОССІИ, ВЪ В-СКОМЪ УѢЗДѢ, В-СКОЙ ГУБЕРНІИ.

Послѣдній польскій мятежъ несомнѣнно подготовлялся издавна. Мы слышали отъ одного, заслуживающаго вѣры, помѣщика, что въ число будущихъ воителей за польскую справу, были записаны дѣти, коимъ, для достиженія совершеннолѣтія къ началу мятежа, приходилось еще ждать лѣтъ десять. Этотъ слухъ намъ кажется тѣмъ правдоподобнѣе, что участниками мятежа 1863 г. были и юноши, которыхъ мы знавали 7,—10 лѣтними дѣтьми; таковы были, напр., три сына, очень близко знакомаго намъ помѣщика. Самъ онъ служилъ нѣкогда въ русской арміи и въ мятежѣ не участвовалъ, за то его супруга была такая, нафанатизированная ксендзами, ярая патріотка, что, какъ только начался мятежъ, тотчасъ же благословила своихъ сыновей на беззаконное дѣло, а сама расхаживала, въ простой сермяжной свиткѣ, по мѣстечку, вмѣшивалась въ толпы крестьянъ и старалась разсѣвать между ними разные нелѣпые слухи, въ надеждѣ возбудить въ нихъ недовольство противъ правительства и расположить ихъ въ пользу своей польской справы. Но тутъ ей не посчастливилось: она услышала однажды отъ крестьянъ такой комплиментъ, который навсегда отбилъ у нея охоту вести между ними пропаганду. Не будемъ однако же забѣгать впередъ. Мы сказали, что мятежъ подготовлялся исподоволь, лѣтъ за 10, а можетъ быть и раньше, но до 1862 года онъ вспыхнуть не могъ. Крестьяне, при существованіи крѣпостного права, за частую, питались мякиной, работали однако же до упаду. Администрація въ краѣ почти вся была въ рукахъ панскихъ. Въ угоду панамъ, всячески обходили и распоряженія высшей административной власти и даже предписанія закона. Можно было своевольничать почти

безнаказанно. Объ этомъ можно бы разсказать не мало, да возмутительно припоминать.

Какъ администрація была въ рукахъ пановъ-поляковъ, такъ въ ихъ же рукахъ были всѣ казенныя имѣнія и оброчныя статьи, которыя содержались ими въ арендѣ, за полъ-цѣны, а нерѣдко просто за безцѣнокъ. Панамъ-полякамъ жить было хорошо. Характеристику ихъ привольной жизни, въ сѣверозападномъ краѣ, вѣрно изобразилъ въ бесѣдѣ съ нами одинъ знакомый намъ помѣщикъ который въ свое время пользовался среди своихъ собратій огромнымъ авторитетомъ. Именно онъ сказалъ намъ однажды: «чего мнѣ недостаетъ? Заплатилъ подушное, послалъ кому слѣдуетъ положенное даяніе и живу, какъ удѣльный князь въ своемъ имѣніи.» Очевидно, что тутъ не изъ за чего было производить мятежъ. Но совсѣмъ другой оборотъ приняли обстоятельства, когда по манифесту 19 февраля 1861 г. помѣщики лишились барщины. Какъ не волноваться при мысли, что придется отказаться отъ такой привольной жизни и взяться за какое нибудь дѣло для собственнаго существованія. Кромѣ того, какъ должно быть страдала польско-шляхетская амбиція при мысли, что нужно будетъ современемъ просить покорнѣйше на работу того же самаго хлопа, который доселѣ привыкъ повиноваться малѣйшему мановенію панской воли, подъ опасеніемъ получить за ослушаніе бизуны.

Но вотъ барщины не стало. Пришлось панамъ бизуны спрятать. Нѣкоторые однакожъ и тутъ ухитрились. До окончательнаго прекращенія обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, послѣдніе, лишившись права наказывать крестьянъ тѣлесно, отсылали ихъ, для этой операціи, въ становую квартиру, гдѣ блюститель порядка, разумѣется полякъ, съ ними и раздѣлывался. Помѣщики ужъ тутъ были въ сторонѣ. «Тутъ-молъ наказываемъ васъ уже не мы, а правительство.» (sic!). Становой приставъ, понимавшій идею помѣщиковъ въ совершенствѣ, съ своей стороны заставлялъ крестьянъ садить деревья на сыпучемъ пескѣ, гдѣ ни одно деревцо не могло приняться, а также рыть канавы тамъ, гдѣ, можно сказать, ни одна капля воды, по той же самой причинѣ, не могла дол-

го задержаться. Посаженныя деревья скоро исчезли, канавы засыпались и трудъ потерянъ напрасно. Все это очевидно дѣлалось для того, чтобъ ослабить въ простомъ народѣ довѣріе къ начальству и даже благодарность къ Царю-Освободителю; чтобъ внушить крестьянамъ, если окажется возможнымъ, что дарованная имъ свобода — не добро для нихъ, а зло.

Началось введеніе уставныхъ грамотъ. Грамоты были составлены самымъ чудовищнымъ образомъ. Надѣлъ крестьянскаго двора въ 10 — 15 десятинъ, съ котораго при самомъ усиленномъ трудѣ крестьянинъ могъ получить дохода въ годъ рублей 15 - 20-ть, оцѣнивался въ 30—40 рублей и болѣе. Помѣщикъ, въ присутствіи мироваго посредника, становаго пристава, иногда исправника и еще кое-кого изъ чиновнаго міра, (все, конечно, поляковъ) убѣждалъ собранныхъ крестьянъ, что онъ-де чувствуетъ, какъ тяжело было бы имъ платить такой оброкъ, что дарованная имъ такимъ образомъ свобода можетъ привести ихъ къ нищенской сумѣ и что онъ, сочувствуя имъ отъ искренняго сердца, предлагаетъ съ своей стороны милость, напр., принять на себя добровольное обязательство, отбывать денька два въ недѣлю натурою, вмѣсто оброка, да еще нѣсколько дней gratis въ лѣтнее рабочее время. Крестьяне отмалчивались, да отдѣлывались низкими поклонами. «Какъ у людей, такъ пусть будетъ, паночки, и у насъ» былъ ихъ обыкновенный отвѣтъ, и согласія подписать предлагаемую сдѣлку нельзя было вынудить у нихъ ни коимъ образомъ. Ни какія убѣжденія, со стороны становаго пристава нисколько не дѣйствовали въ этомъ случаѣ на упорство крестьянъ.

При такомъ настроеніи крестьянъ помѣщики-поляки не могли не представлять себѣ въ будущемъ весьма не привлекательной перспективы своего быта. Одинъ латинскій ксендзъ составилъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи стихотвореніе, въ которомъ изобразилъ, въ комическомъ тонѣ, положеніе пана, униженно просящаго какого нибудь Хведора или Алексѣя, чтобъ соблаговолилъ выйти на панскую пашню съ сохою или бороною. Вотъ это-то, невыносимое для панскаго гонора, положеніе задѣло пановъ-поляковъ за живое. Они ясно видѣли, что безъ барщины

плохое ихъ ожидаетъ житье; что, при ихъ всеобщей почти неспособности къ труду, имъ неминуемо придется бѣдствовать и вотъ, скорбя и сокрушаясь о миновеніи блаженнаго far niente, они стали носить *жалобу* (трауръ) и пѣть плачевные гимны, въ родѣ: «*Боже, цось Польскенъ*» . . . Понимали это и крестьяне. Когда въ одномъ костелѣ пропѣли панове-шляхта гимнъ о возвращеніи ойчизны, одинъ старикъ-крестьянинъ, римско-католическаго исповѣданія, сказалъ имъ во всеуслышаніе, при выходѣ изъ костела: «вамъ жаль не ойчизны, а панщизны.»

Конечно, мы съ своей стороны вполнѣ увѣрены, что ксендзовско-панскій мятежъ не разыгрался бъ безъ побужденія извнѣ, но также справедливо и то, что внѣшняя агитація едва ли бы имѣла успѣхъ безъ внутренней побудительной силы, которою для пановъ было лишеніе барщины. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить время крымской войны. Тогда повидимому можно было взбунтоваться полякамъ, какъ они сами говорили, съ большими шапсами на успѣхъ, однакожь они на это не рѣшились, именно потому, что имъ не хотѣлось лишиться того приволья, какимъ дарила ихъ барщина, когда русскіе законы и русскіе штыки ограждали ихъ права и привиллегіи и заботливо охраняли ихъ сибаритство. Но прекратилась барщина и паны поспѣшили отозваться на призывный голосъ заграничныхъ агитаторовъ и ускорили дѣло мятежа, зная, что если пропустить это послѣднее, еще сколько нибудь удобное по ихъ мнѣнію, для сего время, то уже послѣ ничего не подѣлаешь. Надежда ихъ на успѣхъ основывалась главнымъ образомъ на томъ, что они все еще полагали возможнымъ привлечь на свою сторону простой народъ, находившійся, какъ они думали, еще подъ обаяніемъ ихъ панской власти. Потому то паны-помѣщики ни съ того ни съ сего стали кумиться съ почетнѣйшими и вліятельнѣйшими изъ крестьянъ. Такъ напр. богатый и гордый помѣщикъ С. благоволилъ явиться къ старшинѣ А-ской волости съ супругою, чадами и пріятелями на крестины и самъ былъ воспріемникомъ его новорожденнаго младенца,—честь невиданная у насъ и неслыханная! Кромѣ того, явилась нечаянно у пановъ ревность къ просвѣщенію простаго

народа, въ чемъ доселѣ они всегда оказывали всевозможное противодѣйствіе. А тутъ вдругъ измѣнилось ихъ воззрѣніе на этотъ предметъ. Явились училища, учителя и учебники на счетъ помѣщиковъ въ ихъ имѣніяхъ. Одно подобное училище въ концѣ 1862 г. открылось и въ нашемъ приходѣ. Узнавъ объ этомъ чудномъ явленіи, мы сочли долгомъ узрѣть его собственными глазами и чтоже? Мы нашли въ одной просторной крестьянской избѣ десятка два мальчиковъ, изучавшихъ подъ руководствомъ какого-то бездомнаго шляхтича польскую азбуку, по какому-то іезуитскому букварю, въ которомъ между прочимъ проповѣдуются такія высокія правила: «*рощконъ, дзятечки, Духъ Св. бицъ радзи*» (розгой наказывать дѣтей совѣтуетъ Духъ Св.) Мы не могли отнестись несочувственно къ просвѣщенію крестьянства, въ принципѣ, и потому похвалили затѣю благодѣтельнаго помѣщика, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказали учителю, что крестьянамъ незачѣмъ изучать польскій языкъ, что имъ нужна русская грамота, что по этому ей-то онъ и долженъ учить ихъ дѣтей, но учитель отвѣчалъ, что по русски учить не приказано. Эта школа была открыта помѣщикомъ О- ко, который оказался вскорѣ однимъ изъ главныхъ двигателей инсуррекціи и былъ, кажется, членомъ литовскаго отдѣленія народоваго жонда. Нечего и говорить, что сказанное училище было вскорѣ закрыто, по распоряженію гражданской власти, и ученики переведены въ приходское училище.

Но и пѣніе гимновъ и трауръ и кумовство пановъ съ крестьянами и даровое обученіе польской грамотѣ, все это мало помогало дѣлу, или, лучше сказать, вовсе не помогало. Крестьяне, которымъ нельзя отказать въ природномъ здравомъ смыслѣ, смотрѣли весьма подозрительно на всѣ эти внезапныя непрошеныя ласки и благодѣянія. Какъ ни хитро дѣйствовали паны, воспитанники іезуитовъ, а все-таки они не сообразили, что подобныя дѣйствія нисколько не могутъ приблизить ихъ къ цѣли. Словомъ, надѣяться на крестьянъ имъ было нечего. Крестьяне пользовались минутнымъ гуманнымъ расположеніемъ помѣщиковъ, а думали все таки свое: «не быть добру отъ такихъ неестественныхъ панскихъ ласкъ.» Хорошо

выразился на этотъ счетъ одинъ крестьянинъ: «помѣщики строятъ теперь такую штуку съ нами, какъ хозяинъ съ упрямою лошадью, которая не дается поймать на пастбищѣ; именно, онъ беретъ порожнее лукошко и, показывая его издали лошади, зоветъ ее ласково, будто бы для того, чтобъ задать ей овсеца, а на самомъ дѣлѣ, чтобъ схватить за холку и запречь въ телѣгу, да отшпарить бока кнутомъ». И такъ всѣ хитрости пановъ привлечь на свою сторону крестьянъ, чтобъ послѣ ихъ руками, по пословицѣ, «жаръ загребать,» оказались безполезны. Приходилось самимъ взяться за саблю, но еще прежде нужно было приняться за карманъ. Мятежъ безъ денегъ немыслимъ. Заграничные агитаторы, какъ ни тароваты были на обѣщанія, относительно поддержки польской справы, по все таки ничего не дѣлали безплатно. И вотъ стали собирать съ пановъ контрибуцію, да отправлять денежки за границу. Такъ выше упомянутый помѣщикъ С., собралъ значительную сумму на дѣло затѣяннаго мятежа. Намъ не извѣстно, какую именно сумму этотъ господинъ отправилъ за границу, но мы слышали отъ одного помѣщика, что всего собрано было въ пользу мятежа съ царства польскаго и западнаго края Россіи около 10,000,000 рублей. Господи, сколько денегъ потрачено напрасно! А все это денежки, добытыя трудомъ крестьянъ во время барщины.

Наконецъ пронесся грозный слухъ объ избіеніи сонныхъ русскихъ воиновъ въ царствѣ польскомъ; стали и у насъ появляться мятежническія шайки. Двѣ такія шайки появились и въ нашемъ уѣздѣ. Ужасъ объялъ всѣхъ, разумѣется кромѣ пановъ и ксендзовъ, которые уже открыто, съ пренебреженіемъ, посматривали въ особенности на православное духовенство. Въ каждомъ бывало ихъ взглядѣ можно было прочесть: «небось, не долго здѣсь вамъ жить, скоро десять, мы отправимъ васъ за Уралъ.» Паны и ксендзы орудовали какъ имъ было угодно. Имъ помогали всевозможными мѣрами ихъ пани и дѣтки. Нельзя было тогда пройти по улицѣ, чтобъ не услышать презрительнаго слова: «попъ,» или не потерпѣть оплеванія. Господи, сколько мы натерпѣлись тогда страстей и

поруганія! Даже маленькія дѣти, увидя православнаго священника, указывали на него пальцами, приговаривая: «попъ идзе» (попъ идетъ). Будучи однажды предметомъ такого удовольствія младенцевъ, мы обратились съ жалобою къ ихъ отцу, нашему сослуживцу по учебному вѣдомству. Онъ глубокомысленно объяснилъ намъ, что дѣти его, увидя насъ, такъ сказали отъ радости, понимая слово попъ, въ его настоящемъ значеніи, т. е. духовный отецъ (sic)!. Не можемъ при этомъ случаѣ не упомянуть о разсужденіи нашемъ съ другимъ полякомъ, тоже нашимъ сослуживцемъ. «Неужели, спросили мы его, вы считаете и Кіевъ польскимъ городомъ, въ которомъ, какъ вамъ хорошо извѣстно, княжилъ Св. Владиміръ, просвѣтитель земли Русской, принявшій православную вѣру отъ Грековъ? «На этотъ вопросъ нашъ, названный пріят ль, мимоходомъ сказать, весьма свѣдущій, ученый человѣкъ, замялся и отвѣчалъ уклончиво: «здѣсь дѣло зависитъ отъ того, какъ смотрѣть на предметъ.» Мы поняли этотъ отвѣтъ такъ, что можно оспаривать, пожалуй, вѣковѣчную аксіому, что дважды два четыре. Такой отвѣтъ не удивилъ бы насъ, еслибъ мы услышали его изъ устъ какого нибудь неуча. Но услышавъ его отъ человѣка умнаго и отлично знающаго исторію, нельзя было не прійти въ изумленіе и не замолчать, убѣдившись во очію, что увлеченіе страстей сильнѣе всякаго ума и знанія. Если такой человѣкъ могъ такъ жестоко увлекаться, то что послѣ того сказать о другихъ господахъ полякахъ, которые не знали исторіи и коимъ имя-легіонъ. Не легко было намъ жить среди такихъ людей. Бывало, ложишься спать и думаешь: «доведется ли увидѣть на утро свѣтъ Божій». А лѣсные рыцари, не шутя, стали уже появляться въ окрестностяхъ.

Въ одно прекрасное утро дюжины двѣ повстанцевъ, побрякивая саблями, прошли чрезъ мѣстечко Г. Испуганные жители мѣстечка донесли объ этомъ становому приставу. Становой приставъ (какъ оказалось въ послѣдствіи, самъ замѣшанный въ мятежѣ) поспѣшилъ, въ доказательство своего служебнаго усердія, донести о появленіи шайки повстанцевъ уѣздному начальству,

увѣдомивъ конечно предварительно мятежниковъ о таковомъ донесеніи. На другой день явилась полурота солдатъ съ уѣзднымъ военнымъ начальникомъ. Стали допрашивать все-того изъ видѣвшихъ шествіе мятежниковъ. Одни говорили, что ихъ прошло чрезъ м. Г. человѣкъ 50, а другіе увеличивали это число; становой же приставъ убѣдилъ военнаго начальника, что съ полуротою идти не безопасно, что, можетъ быть, тамъ мятежниковъ видимо—невидимо; тотъ поддался на удочку, послалъ въ уѣздный городъ требованіе за другою полуротою, а самъ между тѣмъ расположился въ становой квартирѣ. Ночью однако же разбудилъ его крестьянинъ, добравшійся къ нему заднимъ ходомъ, съ извѣстіемъ, что мятежники ночуютъ въ селѣ X. На другой день пришла другая полурота и въ 11 часовъ утра на подводахъ отрядъ этотъ отправился въ путь. О его движеніи, разумѣется, еще ночью было дано знать становымъ приставомъ, по принадлежности; но странное дѣло, мятежники въ числѣ, какъ оказалось въ послѣдствіи, 29 человѣкъ, вовсе не потревожились этимъ извѣстіемъ и на другой день, пройдя 14 верстъ отъ мѣста своего ночлега, расположились отдыхать въ имѣніи одного помѣщика. Послѣдній давно уже ожидалъ дорогихъ гостей. Цѣлыхъ двѣ недѣли у него готовилось для нихъ угощеніе. Наконецъ явились вожделѣнные гости. Въ числѣ ихъ оказалась большая часть бѣдной шляхты, которая, какъ извѣстно, рада закусить и выпить на чужой счетъ. А тутъ длинный, предлинный столъ уставленъ всевозможными яствами, между коими красовались графины и бутылки съ разными винами и наливками, а главное *со старушкой* (съ старой водкой). Какъ не выпить послѣ 14 верстнаго перехода! Ну, и выпили и закусили и опять выпили и т. д. Послѣ такихъ доблестныхъ подвиговъ, необходимо отдохнуть. Принесли солому и храбрые воители, одолѣвши не одну дюжину бутылокъ, улеглись соснуть маленько. Тутъ церемоніи конечно въ сторону. Кто улегся не раздѣваясь, а кто, для большаго комфорта, въ полномъ неглиже. Одинъ только непьющій шляхтичь, подвергавшійся по временамъ припадкамъ падучей болѣзни, усѣлся съ стаканомъ чаю при печкѣ, поставивъ тутъ же для просушки

свои сапоги. И вдругъ, о ужасъ, выстрѣлъ, другой, третій! Стаканъ съ блюдечкомъ полетѣлъ на полъ, а храбрый шляхтичь, босикомъ, чрезъ окошко, въ близь лежащій лѣсъ. Тамъ схватилъ его пароксизмъ падучей болѣзни. Какъ онъ долго пролежалъ, неизвѣстно, но вотъ къ счастью нашелъ его крестьянинъ полѣсовщикъ. Бѣдный шляхтичь на ту пору очнулся и, увидѣвъ предъ собою человѣка, попросилъ дать напиться. Крестьнинъ сначала отказалъ ему въ этомъ, говоря:» а кто тебя знаетъ, можетъ быть и ты мятежникъ. Но послѣ умилосердился, взялъ бѣднаго шляхтича въ свою избу, напоилъ его молокомъ, и за тѣмъ, обувъ въ лапти, доставилъ въ становую квартиру. Такимъ образомъ состоялась первая стычка въ нашемъ уѣздѣ съ мятежниками. Четыре человѣка изъ нихъ убито; человѣкъ 13 взято въ плѣнъ, а осталные разбѣжались. На другой день послѣ этой баталіи, въ которой, мимоходомъ сказать, пострадали больше всего окна, печки и зеркала помѣщика К., мы встрѣтились утромъ съ сослуживцемъ нашимъ М. Надобно замѣтить, что онъ въ то время больно суетился, — бѣгалъ на почту, неизвѣстно за чѣмъ, разъ десять въ день. Встрѣча наша случилась въ одну изъ такихъ его екскурсій. Вы слышали, спросилъ онъ, что нибудь о происшедшемъ въ имѣніи К. «Нѣтъ». «Э, да тамъ крестьяне больше дѣйствовали, чѣмъ солдаты. Какого можно ждать успѣха отъ повстаня при такомъ настроеніи крестьянъ?!!!» А, значитъ, на это не расчитывали. Мы послѣ узнали, что крестьянамъ подводчикамъ поручено было стеречь плѣнныхъ мятежниковъ. Въ тотъ же день мы видѣли плѣнныхъ. Ихъ везли на подводахъ, подъ конвоемъ солдатъ. Крестьяе изъ цѣлаго мѣстечка собрались смотрѣть на это диво. Становой приставъ усерднѣйшимъ образомъ старался разогнать толпу, но безъ успѣха. Изъ любопытства мы зашли тогда въ становую квартиру. Ухъ! какія вытянутыя лица мы тамъ встрѣтили. Одинъ изъ писакъ становаго пристава, блѣдный какъ смерть, обратился къ намъ съ словами: «*нещенсливе офяры*»! (несчастныя жертвы, т. е. взятые въ плѣнъ мятежники). Да, «нещенсливе»! А кто виною этаго несчастія? За чѣмъ было сумазбродствовать и идти *до лясу*? Не лучше ли было сидѣть дома спо-

койно да трудиться. Только празднымъ людямъ могутъ придти въ голову сумазбродныя затѣи скитаться по лѣсамъ во всеоружіи и нарушать спокойствіе мирныхъ людей. Но наши паны-поляки повидимому еще не дошли до сознанія этой простой истины.

Изъ становой квартиры намъ случилось зайти въ одинъ шляхетскій домъ. Тамъ мы нашли жену того самаго помѣщика, который былъ въ числѣ мятежниковъ въ имѣніи К., и, во время нападенія русскаго отряда, успѣлъ выскочить въ окошко и убѣжалъ въ лѣсъ. Она не знала о судьбѣ своего мужа и прибыла сюда, чтобъ развѣдать, что съ нимъ случилось. Это женщина еще молодая, мать, кажется, четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей. Она бросила на насъ только одинъ взглядъ! Сколько въ немъ выражалось отчаянія и самой глубокой ненависти къ намъ! Какъ будто мы, а не она сама, были виною ее несчастья.

Такъ-то всегда господа-поляки сами бываютъ виною своихъ несчастій, а между тѣмъ себя называютъ жертвами; сами мучатъ другихъ, а себя считаютъ мучениками; сами отчаянные фанатики, а насъ обвиняютъ въ нетерпимости.

Вотъ, напр., во время самаго разгара мятежа, явился къ одному православному священнику ксендзъ-барнардинъ съ книгою, для сбора подаяній на сооруженіе костела, въ г. Р-цѣ М-ской губерніи. Послѣ обычнаго «Laudetur Jezus Christus» завязался разговоръ. Священникъ спросилъ между прочимъ: «скажите, ксендзъ, по какой причинѣ поляки бунтуютъ, чего имъ хочется? Имъ такъ хорошо жить было, особенно при нынѣшнемъ Государѣ, котораго они сами недавно за благосердіе превозносили до небесъ» «Конечно, былъ отвѣтъ, подъ русскимъ правительствомъ жить бы еще можно, да вся бѣда въ религіозной нетерпимости.» «Какъ это, да нѣтъ народа столь толерантнаго какъ русскій»? «Это только такъ вамъ кажется, а послушали бъ вы, что говорятъ и пишутъ за границею. Тамъ состояніе наше (т. е. римскихъ-католиковъ) въ здѣшнемъ краѣ представляется какъ состояніе мученическое». Хорошъ мученикъ, подумалъ священникъ, взглянувъ на тучнаго бернардина.

Возвращаемся къ своему разсказу. Спустя немного времени, послѣ разбитія первой въ нашемъ уѣздѣ шайки въ имѣніи Б., наступилъ назначенный Высочайшимъ указомъ срокъ (о которомъ было объявлено гораздо раньше) прекращенія обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, т. е. 1 мая 1863 года.

Прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ была весьма мудрая и своевременно принятая мѣра. Она, сколько съ одной стороны нанесла жестокій ударъ помѣщикамъ польскаго происхожденія, съ другой стороны, столько же облагодѣтельс твовала простой народъ. Въ этомъ отношеніи минувшій мятежъ послужилъ на пользу крестьянъ. Онъ открылъ глаза правительству и убѣдилъ въ необходимости позаботиться сбъ устройствѣ ихъ положенія, а главное, освободить ихъ окончательно отъ власти помѣщиковъ. Иначе, судя по тѣмъ пріемамъ, какіе помѣщики употребляли въ устройствѣ быта крестьянъ, послѣ освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости, можно полагать почти навѣрное, что, хотя бы помѣщики и не успѣли закабалить ихъ вновь, но во всякомъ случаѣ, посредствомъ несоразмѣрнаго оброка и разными другими притѣсненіями, довели бы ихъ до крайняго убожества. Крестьянину постоянно твердили, что барщина не выведетъ у него изъ хлѣва вола или лошади, а платежъ оброка скоро можетъ отнять у него все движимое имущество. Крестьяне чувствовали это и потому вѣсть о прекращеніи обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ приняли съ невыразимымъ восторгомъ. И вотъ отъ многихъ волостей понеслись благодарственные адресы Царю-освободителю. Если не всѣ волости представили такіе адресы, такъ это потому, что не кому было ихъ составить, а главное, что препятствовали такому единодушному выраженію вѣрноподданническихъ чувствъ мировые посредники и писаря, которые тогда всѣ почти были поляки. И представленные адресы составлялись тайно, въ частныхъ домахъ, а не въ волостныхъ правленіяхъ, по той же причинѣ.

За то во всѣхъ приходахъ, безъ исключенія, возносились крестьянами къ престолу Всевышняго сердечныя молитвы за Монарха-освободителя. Вездѣ крестьяне просили своихъ священниковъ служить благодарственныя молебствія и приносили въ

церковь посильныя жертвы въ память 19 февраля 1861 и 1 мая 1863 года.

Помѣщикамъ польскаго происхожденія и ихъ единомышленникамъ, разумѣется, страшно не нравилось такое выраженіе чувствъ со стороны простого народа. Они предполагали, и не безъ основанія, что тутъ значительную роль играетъ вліяніе православнаго духовенства и потому всячески старались парализовать его дѣйствія. Съ этою цѣлью многимъ священникамъ, преимущественно пользовавшимся, какъ въ средѣ своихъ сослужителей, такъ и въ мнѣніи простого народа, большимъ авторитетомъ, разосланы были печатныя прокламаціи, отъ имени литовскаго отдѣленія такъ называемаго народоваго жонда и за его же печатью. Въ этихъ прокламаціяхъ мы обзывались поляками восточнаго исповѣданія; указывался намъ примѣръ Константина Острожскаго, который, не смотря на то, что исповѣдывалъ православную вѣру, былъ доблестнымъ поборникомъ интересовъ Рѣчи посполитой; прозывались матереубійцами всѣ, противодѣйствовавшіе сумазброднымъ мечтателямъ въ ихъ затѣяхъ, на счетъ возстановленія покойной ихъ польской ойчизны, и въ заключеніе, грозно возвѣщалась неминуемая, жестокая казнь всѣмъ намъ, вѣрнымъ сынамъ нашего истиннаго отечества-Россіи, которой владычество въ здѣшнемъ русскомъ же краѣ, именовалось наѣздомъ, а наоборотъ за содѣйствіе безумной польской справѣ давалось обѣщаніе оставить насъ на тѣхъ же самыхъ приходахъ, въ коихъ мы и безъ того священствовали! Такая галиматья могла конечно возбудить въ православномъ духовенствѣ только сожалѣніе о ненормальномъ состояніи мозга въ головахъ поляковъ и смѣхъ.

Одну изъ такихъ прокламацій получили и мы, какъ разъ наканунѣ 1 мая, при анонимномъ письмѣ, въ которомъ повторялась угроза за неисполненіе выраженнаго въ прокламаціи требованія неизвѣстнаго жонда. Хотя, въ слѣдствіе такой угрозы, можно было ожидать петли на шею или кинжалъ въ бокъ отъ тайнаго убійцы, тѣмъ не менѣе, она не помѣшала намъ совершить на другой день Богослуженіе въ приходской церкви самымъ торжественнымъ образомъ. Народу какъ изъ

мѣстнаго прихода, такъ и изъ сосѣднихъ, собралось не менѣе 2000 душъ обоего пола, какъ православнаго такъ и латинскаго исповѣданія. И съ какимъ чувствомъ умиленія они молились за Вѣнценоснаго своего благодѣтеля! Съ какимъ благоговѣніемъ слушали поученіе, въ которомъ изображено было величіе благодѣянія, оказаннаго имъ великодушіемъ Христолюбиваго Царя-освободителя! Такія священныя минуты никогда не забываются!

Напрасно польская шляхта поговаривала между собою, что этотъ церковно-народный праздникъ только подастъ крестьянамъ лишній случай къ пьянству. Никто изъ нихъ въ тотъ день и не заглянулъ въ кабакъ.

Между тѣмъ, какъ мы молились и торжествовали, на горизонтѣ нашего уѣзда поднялась новая туча. Въ сѣверной части его сформировалась новая шайка мятежниковъ и уже гораздо многочисленнѣе первой. Въ ней было, какъ полагали, до 200 человѣкъ пановъ и шляхты и, если не ошибаемся, три ксендза. Предводительствовалъ ею помѣщикъ К. Шайка эта вступила съ шикомъ въ м. Д-во, въ ярмарачный день. Народу въ мѣстечкѣ было множество, но солдата ни одного. Среди безоружныхъ людей вооруженные повстанцы держали себя весьма храбро. Прежде всего зашли въ костелъ, гдѣ ксендзъ употребилъ все свое краснорѣчіе, убѣждая народъ пристать къ мятежу. Довудца, по выходѣ изъ костела, объявилъ на площади во всеуслышаніе, что власть русскаго правительства съ сей минуты уничтожается и мѣстечко поступаетъ подъ управленіе Рѣчи посполитой; что въ слѣдъ за тѣмъ упраздняется акцизъ на водку и потому жиды обязываются, подъ страхомъ смертной казни, продавать крючекъ водки по половинной цѣнѣ т. е. по 1½ копѣйки. Трусливые, но въ высшей степени расчетливые потомки израиля, униженно, снявъ ермолки, кланялись чуть не до земли ясно-вельможному воеводѣ воображаемаго воеводства и поспѣшили исполнить его грозный приказъ. Но чтобы не быть въ накладѣ отъ такой убыточной продажи водки, не преминули подмѣшать въ нее половину воды, хотя ея и безъ того уже было тамъ достаточное количество.

Въ тоже время подчиненные пана воеводы успѣли разбить вывѣску на становой квартирѣ, съ изображеніемъ двуглаваго орла, да разметать архивъ становаго-пристава.

Довудца посѣтилъ и мѣстнаго православнаго священника, давно ему знакомаго О. К-скаго, но вошелъ въ его жилище со всѣми предосторожностями. Вооруженные съ ногъ до головы повстанцы были поставлены у всѣхъ дверей. Между тѣмъ, какъ панъ довудца давалъ разныя наставленія священнику, изъ кухни выглянула баба и увидѣвъ вооруженныхъ людей, съ испугу завопила во все горло: «а Боже мой! — а людцы жъ мои! а тожъ мяцѣжники!» Одинъ изъ стоявшихъ у дверей на караулѣ мятежниковъ высунулъ ей въ отвѣтъ языкъ.

Послѣ такихъ доблестныхъ подвиговъ, довудца съ своей бандой оставилъ мѣстечко Д-во и направилъ путь свой до лясу. Изъ жителей мѣстечка не пострадалъ однако же при этомъ никто. Мятежники захватили только одного пастуха и въ лѣсу повѣсили его по подозрѣнію, что онъ будто бы далъ знать уѣздному начальству о ихъ появленіи въ окрестностяхъ м. Д-ва.

Но храброе рысканье этой шайки было непродолжительно. За нею были посланы изъ окрестныхъ мѣстъ воинскія команды и настигли ее въ расплохъ, по указанію одного крестьянина, въ такой мѣстности, гдѣ мятежники считали себя совершенно безопасными. Это была поляна въ лѣсу, окруженная съ трехъ сторонъ непроходимыми болотами и рѣкой. Здѣсь то мятежники собрались сдѣлать привалъ. Ружья-дубельтувки поставили въ козлы. Довудца расположился немного поодаль. Не смотря на пресловутую польскую: «рувносць, вольносць, неподлеглосць», онъ держалъ себя относительно сподвижниковъ своихъ гордо и называлъ ихъ не иначе, какъ «мои люди», т. е. такъ-же, какъ называли паны своихъ б. крѣпостныхъ.

Мы живо представляемъ себѣ, какъ довудца, лежа на мягкой травѣ и посматривая съ гордостью на свою ватагу, предавался сладкимъ грезамъ на яву. Вотъ онъ истребляетъ русскихъ, при каждой встрѣчѣ, отрядъ за отрядомъ; вотъ въ рукахъ его уже уѣздный городъ; но онъ не останавливается здѣсь, стремится все дальше и дальше и очищаетъ весь уѣздъ отъ русскихъ

войскъ; наконецъ онъ приближается къ губернскому городу. Тутъ соединяется съ другими подобными партизанами, а между тѣмъ подоспѣваютъ на помощь французскія полчища. Предъ соединенными силами французовъ и поляковъ русскія арміи таютъ, какъ воскъ. Во всѣхъ бюллетеняхъ о побѣдахъ надъ ними красуется имя его — К., какъ одного изъ храбрѣйшихъ польскихъ генераловъ. Ему удивляются французы, предъ нимъ благоговѣютъ поляки. А между тѣмъ русское правительство, утомленное безплодною борьбою, проситъ мира, уступаетъ полякамъ свои области отъ Вислы по Днѣпръ и—Рѣчь посполитая въ желанныхъ предѣлахъ 1772 года. Вотъ К. въ Варшавѣ, вотъ его имя красуется въ спискѣ кандидатовъ на польскую корону, вотъ онъ уже.... *) Но, увы, на этомъ мѣстѣ золотыя мечты его прервалъ внезапно крикъ: «панове утекайте — Москали!» Въ слѣдъ за тѣмъ, русскій отрядъ, какъ снѣгъ на голову, нагрянулъ на мятежниковъ. Довудца, вознесенный было на быстролетныхъ крыльяхъ фантазіи чуть не на польскій тронъ, проснулся отъ своихъ сладкихъ грезъ передъ грозною дѣйствительностію. «Браця до брони!» крикнулъ онъ, и съ саблей на голо ринулся впередъ, но тутъ штуцерная пуля прекратила его дальнѣйшіе подвиги. Мятежники однако же бросились къ оружію и дали залпъ, но вновь зарядить ружья не успѣли и не могли, потому что въ торопяхъ рѣдкій изъ нихъ схватилъ свое ружье, а ружья все были разнокалиберныя, такъ что заряды оказались не покалибру. Между тѣмъ русскія пули и штыки не ждали. «Панове, утекайте!» раздалось среди растерявшейся банды, но куда? Въ рѣку. А рѣка — не мелка, броду искать не-

*) Представляя довудцу К....ла, услаждающаго себя такими сумазбродными мечтами, мы, кажется, не много удалились отъ дѣйствительности. Во время минувшаго мятежа поляки были въ состояніи какого-то умственнаго опьяненія, близкаго къ умопомѣшательству. Въ этомъ состояніи вещи самыя несбыточныя имъ казались не только возможными, но и легко осуществимыми. При самомъ началѣ мятежа смотрѣлъ побѣдителемъ каждый полякъ. Неудивительно послѣ того, что довудцы шаекъ могли мечтать, если не о польской коронѣ, то по крайней мѣрѣ о занятіи самыхъ близкихъ къ ней мѣстъ въ будущей Рѣчи посполитой.

когда, и кто изъ мятежниковъ уцѣлѣлъ отъ русской пули или штыка, тотъ нашелъ гробъ въ рѣчной глубинѣ.

И такъ въ самое короткое время мятежническая шайка, на которой за нѣсколько минутъ предъ симъ ея покойный довудца основывалъ такія блестящія надежды, не существовала. Въ числѣ погибшихъ повстанцевъ было нѣсколько мальчиковъ, ушедшихъ до лясу изъ училища. Между послѣдними особенно поразительна печальная судьба двухъ братьевъ—сыновей вдовы М. Мать услала ихъ до лясу, получивъ за нихъ предварительно изъ мятежнической кассы, какъ говорилъ намъ одинъ господинъ, хорошо знавшій это дѣло, 200 р. Ихъ обоихъ поразила одна пуля! Мать продала своихъ дѣтей и, узнавъ ихъ о смерти, сошла съ ума!

Господь-судья безумцамъ, которые увлекли за собою въ погибель даже несовершеннолѣтнихъ! Вѣчный стыдъ матерямъ, отдавшимъ свои дѣтища на жертву мятежу! А все это плодъ явныхъ и тайныхъ убѣжденій, признаемся съ горестію, ихъ духовныхъ отцевъ. Они-то успѣли возжечь въ польскихъ женщинахъ тотъ фанатизмъ, въ слѣдствіе коего бѣдныя матери, отправляя сыновей своихъ до лясу, ликовали, какъ будто высылали ихъ на пиръ. Безумный мятежъ казался имъ дѣломъ душеспасительнымъ, потому что такъ сказалъ имъ руководитель ихъ совѣсти.

Поляки, по своей впечатлительной натурѣ, всегда были въ числѣ самыхъ ревностныхъ поклонниковъ папы и потому врагами всѣхъ православныхъ вообще и насъ русскихъ въ особенности. Они не могутъ не относиться враждебно ко всему, что ненавистно римскому владыкѣ; а ему ненавистно все, что не подчиняется его духовной власти. Здѣсь-то главнымъ образомъ кроется причина вѣковой вражды поляковъ къ Россіи и всѣхъ ихъ мятежей противъ русскаго правительства, хотя, по собственному ихъ сознанію, только съ тѣхъ поръ, какъ Польша стала частью великой Русской державы, они освободились отъ внутреннихъ неурядицъ и зажили полною жизнью. Промышленность, торговля, литература, а съ ними и благосостояніе поляковъ, необыкновенно возвысились подъ скиперомъ Русскихъ

Монарховъ. Самый польскій языкъ только въ XIX столѣтіи получилъ надлежащее развитіе и освободился отъ преобладавшей въ немъ примѣси латинскаго.

Да, много русскимъ правительствомъ сдѣлано добра, во всѣхъ отношеніяхъ, польской націи, но религіозный фанатизмъ поляковъ всегда былъ сильнѣе голоса разсудка, а заграничные завистники наши не упускали случая эксплуатировать враждебное настроеніе поляковъ-фанатиковъ противъ Россіи, въ пользу своихъ корыстныхъ видовъ. Всѣ другія обстоятельства, какъ напр. освобожденіе крестьянъ, только могли ускорить проявленіе этой, религіозной къ намъ вражды. Послѣдній мятежъ былъ фактическимъ тому доказательствомъ. Довольно вспомнить звѣрскіе поступки въ сѣверо-западномъ краѣ мятежниковъ съ многими лицами изъ нашего православнаго духовенства, подвергшимися безчеловѣчнымъ истязаніямъ и ужасной смерти. Только быстрое подавленіе мятежа прекратило здѣсь дальнѣйшія ихъ неистовства въ этомъ же родѣ. А еще много, много жертвъ изъ нашего духовенства было обречено такой же участи! Мы слышали это изъ устъ одного повстанца, добровольно явившагося въ мѣстную полицію, послѣ описаннаго нами выше разбитія шайки К.

Была и еще въ нашемъ уѣздѣ одна шайка, отдѣлившаяся, по несогласію довудцовъ, отъ банды К., еще до разбитія послѣдней. Она такъ же была уничтожена, какъ предъидущія, но обстоятельства, коими сопровождались ея истребленіе, намъ неизвѣстны.

По поводу этой шайки можно развѣ только то замѣтить, что у поляковъ, гдѣ дѣло касается начальствованія, хотя бы надъ стадомъ барановъ, непременно выйдетъ несогласіе. Шляхетскій гоноръ поляка никакъ не можетъ вынести подчиненія себѣ подобному. Вотъ и здѣсь панъ К. и панъ Ч. не поладили между собою и разошлись въ разныя стороны, одинъ къ востоку, а другой къ западу, и хотя оба погибли съ своимъ сбродомъ, но въ послѣднія минуты имѣли по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что погибли самобытно, безъ подчиненія другъ другу. Вотъ въ этомъ отношеніи: «рувносць, вольносць, неподлеглосць»

имѣютъ значеніе. Полякъ готовъ на какія угодно жертвы, но гоноръ, т. е. не въ смыслѣ честности, а въ смыслѣ сознанія своего воображаемаго достоинства, у него дороже всего на свѣтѣ. Эта черта въ характерѣ поляковъ была, какъ извѣстно, причиною большей части бѣдствій и наконецъ паденія Польши. Во время минувшаго мятежа намъ говорилъ одинъ полякъ: «еслибъ я пошелъ въ повстанье (именно въ шайку К.), то началъ бы непремѣнно съ того, что убилъ бы довудцу. Какъ онъ смѣетъ приказывать мнѣ, когда я такой же шляхтичь, какъ и онъ?»

Какъ бы то ни было, а вооруженныхъ шаекъ повстанцевъ въ нашемъ уѣздѣ не стало. Жалкіе остатки ихъ еще скитались нѣсколько времени по дебрямъ лѣсовъ, но голодъ заставлялъ ихъ искать поживы около деревень, гдѣ крестьяне хватали ихъ и доставляли по принадлежности, а другіе сами добровольно отдавались въ руки правосудія.

Но вотъ выступаетъ на сцену уѣздной военно-административной дѣятельности полковникъ Б., человѣкъ въ высшей степени энергическій. Онъ умѣлъ въ короткое время навести такой паническій страхъ на всѣхъ ксендзовъ и пановъ польскаго происхожденія, что каждый изъ нихъ, при одномъ имени Б., готовъ былъ провалиться сквозь землю и именно потому, что каждый почти изъ нихъ болѣе или менѣе чувствовалъ свою виновность.

Ксендзы большею частью дѣйствовали въ пользу мятежа языкомъ, но бывали иногда выходки съ ихъ стороны и другого рода. Вотъ образчикъ. Ксендзъ Д. пришелъ однажды въ домъ своего сосѣда православнаго священника, во время его отсутствія; набросилъ петлю на шею хозяйкѣ послѣдняго, избилъ ее до крови и угрожалъ повѣшеніемъ. Но, какъ будто тронутый ея мольбою и слезами, снялъ веревку и сказалъ: «ну, все равно, не повѣшу тебя я, такъ прійдутъ скоро повстанцы и сдѣлаютъ это самое съ тобою и съ твоимъ попомъ.» Вышедши изъ дома священника, этотъ примѣрный ксендзъ, направилъ стопы свои въ корчму и тамъ присѣлъ на крыльцѣ отдохнуть немного, послѣ совершеннаго подвига. На ту пору проходилъ мимо причетникъ, небрившій бороды и нестригшій волосъ, по

причинѣ колтуна. Увидѣвъ его издали, ксендзъ сталъ кощунственно издѣваться надъ нимъ и надъ его волосами. При этомъ были свидѣтели. Въ свое время по этому дѣлу производилось формальное слѣдствіе.

Другіе ксендзы и паны такъ или иначе почти всѣ, какъ мы сказали, были виновны предъ правительствомъ, хотя по видимому сидѣли дома смирно. Полковникъ Б. понималъ это очень хорошо. Онъ говорилъ обыкновенно: «тѣ, что ушли до лясу сравнительно честные люди, по крайней мѣрѣ, они открыто заявили свои тенденціи, а настоящіе-то коноводы тѣ, которые лукавятъ.» Крестьяне отлично знали всѣ шашни пановъ и ксендзовъ и при первомъ востребованіи говорили все, что знали. Скоро тюремный замокъ въ уѣздномъ городѣ наполнился арестантами. Но и здѣсь шляхетскій гоноръ давалъ себя чувствовать. Такъ напр. однажды подлѣ богатаго и гордаго пана Н-ча сѣлъ панъ Х-скій: «*Якъ ты смѣѣшь*, *шараку*, (такъ называлась у поляковъ мелко-помѣстная шляхта) крикнулъ панъ Н-чь, *сядаць пржи мнѣ*» и хотѣлъ было вытолкнуть своего собрата, но другіе не допустили до этаго.

Въ тюремномъ замкѣ тогда конечно было немало охотниковъ до выпивки. Но какъ въ слѣдствіе неумѣренныхъ возліяній, могла случиться между арестантами какая-нибудь катастрофа, то начальство сочло долгомъ ограничить эту роскошь. Лишенные этаго главнаго утѣшенія, дѣйствительно присмирѣли.

Поляки, избѣгнувшіе ареста, задумали не удастся ли какъ нибудь преклонить полковника Б. на милость въ пользу заключенныхъ въ тюрьму. Они употребили обычный свой маневръ, который, надо правду сказать, нерѣдко достигалъ цѣли.

Въ одно прекрасное утро является къ полковнику Б. молодая красивая дама. Б., какъ вѣжливый кавалеръ, усаживаетъ красавицу на диванѣ, а самъ между тѣмъ принимается писать будто бы весьма важную и спѣшную депешу. Дама чрезъ нѣсколько минутъ начинаетъ плакать. При видѣ плачущей красавицы другой на мѣстѣ Б., можетъ быть, такъ бы и разстаялъ. Да и у Б. сердце — не камень. Но онъ приготовился къ подобной аттакѣ и почти не поднимая глазъ

на плачущую, проговорилъ съ нетерпѣніемъ: «сударыня, оставьте, ради Бога, оставьте; видите, я занятъ, страшно занятъ; не мѣшайте мнѣ своимъ плачемъ.» Слезы, какъ по командѣ, перестали струиться. Но чрезъ нѣсколько мгновеній опять таже исторія. Б. вскочилъ, и съ нетерпѣніемъ сказалъ: «сударыня, прошу васъ не хнычте; не то я оставлю васъ здѣсь, а самъ уйду!» Красавица увидѣла, что этимъ средствомъ не возьмешь. Слезы засохли на розовыхъ щечкахъ, а Б. продолжалъ писать. «Г. полковникъ.... г. полковникъ», робко проговорила дама, спустя двѣ-три минуты. «Что вамъ угодно, сударыня», спросилъ Б., какъ ни въ чемъ не бывало. «Я привезла пожертвованіе въ пользу солдатъ, раненыхъ въ стычкахъ съ мятежниками.» «А вотъ это прекрасно, вотъ бы вы мнѣ сказали это сразу. А, сколько, позвольте спросить?» —«60 рублей.» «Отлично! потрудитесь только написать маленькое донесеніе, сколько именно и на какой предметъ вы жертвуете. Мы напечатаемъ это въ газетахъ и вамъ будетъ честь и слава, что вы такъ фактически доказали свое состраданіе къ раненымъ русскимъ воинамъ и такой патріотизмъ въ отношеніи къ Россіи. Прощайте!» Донесеніе написано. Б. вѣжливо проводилъ даму до дверей и раскланялся съ нею. Бѣдная полька, достигшая совсѣмъ не такихъ результатовъ, какихъ ожидала отъ своего утренняго визита, вѣроятно выходя изъ квартиры подумала: «экой негодный москаль! А жаль, молодой и красивый мужчина!» Мы слышали этотъ разсказъ изъ устъ самаго полковника Б. и передаемъ его здѣсь почти его словами.

Но вотъ полковникъ Б. предпринялъ экспедицію въ уѣздъ. Онъ совершилъ ее верхомъ, въ сопровожденіи только восьмерыхъ казаковъ, не смотря на то, что еще по мѣстамъ скитались остатки разбитыхъ шаекъ. Повидимому, Б. вовсе объ этомъ не безпокоился. Въ двѣ-три недѣли онъ объѣхалъ большую половину уѣзда, останавливался и ночевалъ у помѣщиковъ и никто не посмѣлъ даже мигнуть противъ него глазомъ.

Благодаря энергіи полковника Б., нашъ уѣздъ очень скоро оправился отъ паники, наведенной мятежемъ, и мы зажили обычною мирною жизнью. Пѣніе патріотическихъ гимновъ,

трауръ, ночные панскіе съѣзды, вооруженные мятежники — все это изчезло, какъ сонъ.

Получивъ другое назначеніе, полковникъ Б., на прощанье съ уѣздомъ, задалъ балъ, на который были приглашены вмѣстѣ съ русскими, помѣщики и чиновники польскаго происхожденія, съ своими женами и дочками. Съ нѣкоторыми изъ послѣднихъ танцовалъ самъ Б. и, не повѣрите, паны и шляхта хвалили его послѣ. Хоть строгій, говорили они, но справедливый человѣкъ.

Такъ кончился въ нашемъ уѣздѣ этотъ, достойный смѣха или слезъ, или вѣрнѣе того и другого вмѣстѣ, безумный шляхетско-ксендзовскій мятежъ 1863 года.

Кого Богъ хочетъ наказать, говоритъ польская пословица, у того прежде отниметъ разсудокъ. Она вполнѣ оправдалась на панахъ и ксендзахъ. Какъ имъ жить было хорошо! Но подняли мятежъ, — и ихъ постигла справедливая кара. Да послужитъ это урокомъ грядущимъ поколѣніямъ! А западно-русскій народъ, призванный къ новой жизни волею Христолюбиваго Царя-Отца, да восхвалитъ Господа!

Св. М. И—ій.

ЛАБОРИ.

Въ 83 верстахъ отъ г. Кобрина (Гродн. губерніи), по почтовой Кобринско-Пинской дорогѣ, расположено мѣстечко Яново. Въ немъ есть православная деревянная церковь, построенная въ 1667 году, каменный римско-католической костелъ, каменный столбъ, построенный въ честь іезуита Боболи, убитаго здѣсь же 1657 года за слишкомъ усердное распространеніе папства въ Яновѣ, становая квартира, волостное правленіе и аптека. Народонаселеніе смѣшанное—христіанское и еврейское: 144 двора съ 364 ревизскими душами муж. пола христіанъ и 156 дворовъ съ 300 душъ муж. пола евреевъ. Все христіанское народонаселеніе состоитъ изъ крестьянъ собственниковъ православнаго исповѣданія. Нѣкогда мѣстечко Яново было столовымъ имѣніемъ королей польскихъ и крестьяне его пользовались значительными привиллегіями. Главнѣйшая изъ такихъ привиллегій была—свобода отъ барщины. Крестьянинъ, отбывъ, такъ называемое, *милевое* *), т. е. поставивъ въ извѣстное время, по требованію королевской администраціи, опредѣленное количество подводъ, былъ увольняемъ отъ всякихъ другихъ обязанностей. Впослѣдствіи Яново попеременно переходило въ руки частныхъ польскихъ владѣльцевъ, отъ одной фамиліи къ другой. Сначала имъ владѣли Оржешки, потомъ Дмуховскіе и наконецъ послѣдніе—Куженецкіе. Отношенія яновскихъ крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ и условія жизни ихъ при частныхъ владѣльцахъ нѣсколько видоизмѣнились. Вмѣсто *милеваго*, отбываемаго нѣкогда натурою, т. е. извозомъ, они должны были вносить помѣщику деньги, по 15 копѣекъ за милю, и, въ уплату за землю, которою пользовались, должны

*) Отъ слова миля — 7 верстъ.

были выходить на работу помѣщику въ такъ называемые *згонные дни*, коихъ причиталось по 12 въ годъ на душу женск. пола. Это—дни уборки хлѣба съ полей. Условія также не тяжелыя, онѣ были уже не привиллегіею, а просто законною платой со стороны крестьянъ за то незначительное количество земли, которымъ они надѣлены были отъ помѣщиковъ. Яновскіе крестьяне никогда не имѣли болѣе 3-хъ десятинъ земли на дворъ. При такомъ количествѣ они остаются и теперь. Недостатокъ земли, отсутствіе пастбищъ, рѣки, лѣса и другихъ благопріятныхъ условій къ жизни, свобода отъ барщины—были поводомъ къ развитію между яновскими крестьянами особаго промысла, такъ называемаго, *лаборства*. Еще не доѣзжая до Янова, на далекомъ разстояніи отъ него, вы услышите отъ разныхъ лицъ, что въ этомъ мѣстечкѣ живутъ особаго рода люди, называемые *лаборями*, которые, какъ по своему промыслу, такъ и по другимъ чертамъ жизни религіозной, гражданской и семейной, представляютъ много любопытнаго и замѣчательнаго. На мѣстѣ вы узнаете о нихъ еще болѣе. Дѣйствительно, всѣ яновскіе крестьяне, какъ у сосѣдей, такъ и у себя дома называются лаборями. Яновецъ и лаборь—это синонимы. Промыслъ яновскихъ лаборей состоитъ въ хожденіи по свѣту и испрашиваніи доброхотныхъ пожертвованій на церкви, а въ былое время и на костелы. Достовѣрно извѣстно, что этимъ промысломъ занимаются всѣ жители-христіане мѣстечка Янова, за исключеніемъ нѣсколькихъ должностныхъ лицъ, которымъ нельзя оставить своихъ обязанностей, женщинъ, дѣтей и еще трехъ человѣкъ-хозяевъ, не любящихъ почему-то лаборства. Занятіе оригинальное. Переходя отъ отца къ сыну, оно положило особую печать на всю бытовую сторону яновскихъ крестьянъ и дало яновцамъ особую, имъ однимъ свойственную, физіономію. Какъ давно возникло въ Яновѣ это обыкновеніе, не извѣстно. Самое слово *лаборь*, какъ видно, утратило свое первоначальное значеніе, и въ настоящее время, по смыслу самихъ яновцевъ, означаетъ сборщика пожертвованій на нужды церкви, по смыслу же сосѣдей ихъ, означаетъ пройдоху, человѣка, который, подъ маскою набожнаго стран-

ника, скрываетъ свои корыстолюбивыя цѣли и, для достиженія ихъ, готовъ всякаго обмануть и обойти всякій законъ. Есть мнѣніе, что обычай лаборствовать взятъ отъ восточныхъ странниковъ, христіанъ, состоящихъ подъ турецкимъ владычествомъ. Многіе изъ нихъ, какъ извѣстно, ходятъ по разнымъ странамъ и испрашиваютъ подаянія на нужды своихъ убогихъ церквей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они называются *лодырями*, въ другихъ, какъ напр. въ Молдавіи и, смежной съ нею, Каменецъ-Подольской губерніи, *лобурями*. Говорятъ, что съ незапамятныхъ временъ одинъ изъ владѣльцевъ имѣнія Янова, котораго помѣстья были также въ Каменецъ-Подольской губерніи, на пограничной чертѣ ея съ Молдавіею, переселилъ одного изъ этихъ сборщиковъ въ Яново, гдѣ онъ и распространилъ свой любимый промыслъ съ самымъ названіемъ промышленниковъ лобурями. Не извѣстно, на сколько достовѣрно это мнѣніе. Гораздо вѣроятнѣе другое предположеніе, что лаборство распространено въ Яновѣ вліяніемъ римско-католическаго духовенства— iезуитовъ, капуциновъ, преимущественно же піаровъ и приходскихъ ксендзовъ, которые, при постройкѣ своихъ огромныхъ костеловъ и каплицъ — въ Яновѣ, Пинскѣ, Любешовѣ, Бездѣжѣ, Городцѣ и въ другихъ сосѣднихъ городахъ и мѣстечкахъ, пользуясь бѣдностію яновцевъ, посылали ихъ въ разныя мѣста за сборомъ пожертвованій. Яновцы же въ свою очередь, видя положительную невозможность заняться другимъ дѣльнымъ промысломъ, втянулись въ такое странничество, полюбили его и избрали его специальнымъ своимъ занятіемъ. Хожденіе за подаяніемъ ксендзы назвали труженичествомъ въ пользу церкви, а сборщиковъ тружениками. Такимъ образомъ, изъ латинскаго слова labor, трудъ, образовалось впослѣдствіи названіе всѣхъ промышляющихъ испрашиваніемъ пожертвованій на храмы Божіи. Тѣмъ не менѣе, все таки трудно съ достовѣрностію указать время распространенія въ Яновѣ лаборскаго промысла. Если вѣрно, что мѣстечко Яново существуетъ не болѣе 300 лѣтъ, то этому промыслу его жителей, согласно съ мнѣніемъ старожиловъ мѣстечка, можно положить 200 лѣтъ.

Весьма оригиналенъ типъ лаборя. Это человѣкъ средняго роста, съ черными волосами, черными глазами, съ бѣлымъ правильнымъ, чистымъ лицомъ и умною физіономіей. При встрѣчѣ съ вами на улицѣ, онъ всегда сниметъ шапку и поклонится. Въ разговорѣ чрезвычайно предусмотрителенъ, сразу узнаетъ, съ кѣмъ онъ говоритъ и какъ долженъ говорить. Рѣчь его плавна, проникнута нѣкоторою витіеватостію, гдѣ нужно, своего рода діалектикою и во всякомъ случаѣ скромна и умна. Всѣ лабори говорятъ малорусскимъ нарѣчіемъ. Одежда лаборя— простой полушубокъ съ ременнымъ кушакомъ, сапоги съ длинными голенищами и черная суконная шапка съ козырькомъ. Кто это поѣхалъ? спрашиваете вы у крестьянина, вашего подводчика. Лаборь. А какъ же ты узналъ его? Бо шапка съ козырькомъ, отвѣчаетъ мужичекъ. Впрочемъ лабори имѣютъ для праздника другой костюмъ, это большая шапка изъ сивыхъ барашекъ и сѣрая сермяга съ красными отворотами на рукавахъ.

Вотъ лаборь на промыслѣ. Разсказы о его предпріимчивости и дѣйствіяхъ идутъ слѣдующіе. Услышавъ, что въ какомъ либо приходѣ, хоть бы самомъ отдаленномъ, намѣреваются починить, или вновь построить церковь, онъ отправляется къ священнику этой церкви и предлагаетъ ему свои услуги заняться сборомъ пожертвованій на нужды храма Божія. Въ прежнее время священникъ самъ непосредственно сносился съ консисторіею по этому предмету, просилъ книги, для записи пожертвованій и, вручивъ ее яновцу, тѣмъ самымъ уполномочивалъ его на право сбора. Условія были различныя. Большею частію дѣло устроивалось такъ: лаборь обѣщалъ священнику принести въ его церковь не менѣе 100 рублей, съ тѣмъ, что если сумма, записанная въ книгѣ, будетъ превышать 100 рублей, то и этотъ излишекъ долженъ быть обращенъ въ доходъ церкви; если же по записи будетъ не доставать до 100, то лаборь долженъ впослѣдствіи доложить недостающее по условію количество. Иногда онъ отдавалъ тутъ же на руки свои собственные 100 рублей и потомъ отвѣчалъ уже только за излишекъ, записанный въ книгѣ. На такихъ же условіяхъ лабори служили и ксендзамъ, съ тою только разницею, что ксендзъ

никогда не довольствовался услугами одного лаборя, но имѣлъ ихъ у себя на посылкахъ въ одно и тоже время человѣкъ 10 или 12, такъ что, получивъ отъ всякаго по 100 рублей, онъ сразу обезпечивалъ нужды своего костела на 1000, или 1200 рублей. Въ настоящее время дѣло сбора доброхотныхъ подаяній на костелы совсѣмъ прекращено, а на церковь сопряжено съ большими формальностями, и получить книгу на право сбора не легко. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ духовное начальство, въ видахъ устраненія всякихъ злоупотребленій религіозными обѣтами и пожертвованіями христіанъ, сдѣлало постановленіе: не выдавать книги для сбора пожертвованій на церкви безъ предварительнаго заявленія о нуждахъ извѣстной церкви мѣстнаго благочиннаго; если же окажется, что какая либо церковь дѣйствительно нуждается въ починкѣ, или перестройкѣ, то выдавать книгу должно только прихожанину той церкви, на которую имѣетъ быть производимъ сборъ, за подлежащимъ посвидѣтельствованіемъ мѣстной полиціи о благонадежности и добросовѣстности сборщика. Такимъ образомъ, въ настоящее время лаборь окончательно стѣсненъ въ своемъ промыслѣ и съ грустью вспоминаетъ о прежнихъ привольныхъ временахъ, когда завѣтную книгу можно было получить безъ затрудненій.

Бывало, получитъ лаборь книгу, — и съ торжествомъ отправляется домой. Прежде всего, онъ считаетъ нужнымъ съѣздить въ сосѣднюю деревню Клищъ освѣдомиться у тамошняго знахаря, когда отправиться въ путь и благополучно ли будетъ его путешествіе. Если знахарь скажетъ, что все будетъ благополучно, то лаборь начинаетъ собираться въ дорогу. Выраженіе *ѣхать въ дорогу*—терминъ лаборскій, означающій: отправиться за сборомъ пожертвованій. Лабори собираются въ путь обыкновенно послѣ полевыхъ работъ, въ мѣсяцѣ августѣ, или сентябрѣ. На канунѣ отъѣзда лаборь зоветъ къ себѣ родственниковъ, пріятелей, знакомыхъ, задаетъ имъ пирушку и той же ночи уѣзжаетъ. «Гдѣ твой мужъ? спрашиваютъ на завтра жену лаборя. Поѣхалъ въ дорогу, отвѣчаетъ та.» Выѣздъ ночью признается болѣе удобнымъ; днемъ они никогда не выѣзжаютъ. Въ путь отправля-

ются обыкновенно вдвоемъ, или втроемъ: нужно же кому либо и при лошадяхъ остаться во время сбора. Проѣхавъ нѣсколько верстъ отъ дома, лабори еще разъ испытываютъ судьбу, каково будетъ путешествіе. Съ этою цѣлію они останавливаются въ какомъ либо селѣ и въ первомъ, попавшемся домѣ, просятъ подаянія. Если дадутъ, то продолжаютъ путешествіе, признакъ хорошъ. Если же откажутъ, то нерѣдко случается, что болѣе суевѣрные лабори возвращаются обратно домой и, подождавъ день, два, снова отправляются въ дорогу. Любимое мѣсто, куда они направляются— Жмудь и вообще вся Ковенская губернія. Впрочемъ, они не оставляютъ ни одного города Сѣверо-западнаго края: бываютъ въ Вильнѣ, Гроднѣ, Минскѣ, Витебскѣ, Могилевѣ, въ разныхъ уѣздныхъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ этихъ губерній. Иногда странствуютъ по всей Россіи и даже проникаютъ за границу, въ Молдавію и Валахію. Впрочемъ въ Молдавіи и Валахіи они имѣютъ мало поживы, такъ какъ здѣсь находятъ себѣ сильную конкуренцію въ лицѣ восточныхъ христіанъ, въ значительномъ количествѣ испрашивающихъ милостыни на свои церкви. Въ городахъ они не стѣсняются просить подаянія у самыхъ высокихъ лицъ. Пришедши въ домъ, лаборь обыкновенно трижды перекрестится и подавъ книгу, говоритъ: «прошу пожаловать, что милость ваша будетъ, на постройку такого-то храма.» Если въ этомъ городѣ есть архіерей, то лаборь является и къ нему. Объяснивъ предъ нимъ нужды извѣстной церкви, лаборь предъявляетъ книгу и проситъ позволенія на право сбора пожертвованій въ его епархіи. Преосвященный позволяетъ и нерѣдко самъ жертвуетъ. Въ книгахъ пожертвованій встрѣчаются иногда имена митрополитовъ и архіереевъ. Случается, что лаборь, странствующій по извѣстной епархіи, видитъ, что назначенный ему епархіальнымъ начальствомъ срокъ истекаетъ, а между тѣмъ предвидится въ извѣстномъ мѣстѣ большой сборъ; тогда онъ снова является къ преосвященному и говоритъ: «Ваше преосвященство! Святыня такая-то не можетъ быть вполнѣ обезпечена собранными мною средствами, по этому позвольте еще мѣсяцъ походить по вашей епархіи.» Само собою разумѣется, что от-

каза не бываетъ, и лаборь, снова отправляется странствовать въ той мѣстности, которая ему понравилась. Лабори не пренебрегаютъ ни какою жертвой: деньги, холстъ, пенька, ленъ, шерсть, зерно всякаго рода, сало, хлѣбъ—все принимаютъ. Записанное въ книгѣ они сберегаютъ и представляютъ въ цѣлости, куда слѣдуетъ; незаписанное же употребляютъ въ свою пользу,—везутъ въ ближайшій городъ и продаютъ. Само собою разумѣется, что записываются только деньги и то не всегда.

Интересно, хоть по разсказамъ, прослѣдить, какъ лаборь дѣйствуетъ въ селеніяхъ на простолюдиновъ, располагая ихъ къ подаянію. Здѣсь, говорятъ, онъ является вполнѣ мастеромъ своего дѣла. Узнавъ предварительно, какого вѣроисповѣданія жители этаго села, кто изъ нихъ богаче, въ какомъ домѣ чаще случалась смертность, или другія несчастія, онъ пользуется всѣми этими свѣдѣніями, чтобы начертать себѣ программу дѣйствій. Вотъ напр. два лаборя заходятъ въ домъ крестьянина. Положимъ, что этотъ крестьянинъ римско-католическаго исповѣданія. Лабори, вошедши въ домъ, принимаютъ маску латинянъ и привѣтствуютъ хозяевъ по польски: niech będzie pochwalony Jezus Christus. Хозяинъ, отвѣтивъ на привѣтствіе, спрашиваетъ: «кто вы добрые люди?» Мы, отвѣчаютъ лабори, поддѣлываясь подъ польскую рѣчь, изъ Рима, отъ самаго святаго Папы, пришли просить подаянія на новый костелъ въ Римѣ. Такъ какъ ты, Микито, человѣкъ набожный, то мы увѣрены, что ты не откажешь помочь, чѣмъ Богъ послалъ, постройкѣ этой святыни на честь и на славу Господу Богу. «Мужичекъ, услышавъ произнесеннымъ свое имя неизвѣстными ему людьми, спрашиваетъ: «а откуда вы знаете, что я Микито?»—Богъ далъ всякому человѣку, отвѣчаетъ одинъ изъ лаборей, душу безсмертную, которая, при молитвѣ и помощи Божіей, можетъ знать волю Божію. Мы же, слуги Господни, удостоившись милости Всевышняго служить ему въ сооруженіи святыни, имѣемъ мысль и сердце болѣе чистыми, чѣмъ простые люди и болѣе ихъ знаемъ. Крестьянинъ, въ полной увѣренности, что онъ имѣетъ дѣло съ людьми необыкновенными, жертвуетъ чѣмъ можетъ. Отходя отъ Микиты, лабори спрашиваютъ: «чья это по-

вая хата среди села?» — Это Степана Чуйки, отвѣчаетъ крестьянинъ. — А что, это богатый человѣкъ? — Ничего, отвѣчаетъ тотъ, да только Богъ посылаетъ несчастія: этаго года дочь умерла, прошлаго года также двое малолѣтокъ Богъ взялъ, и теперь остались онъ да жена.» Собравъ такія справки, лабори отправляются къ Степану. Послѣ обычнаго привѣтствія, рекомендаціи и просьбы пожертвовать что либо, одинъ изъ лаборей начинаетъ обнюхивать комнату и морщиться, такъ что хозяинъ невольно обращаетъ на это свое вниманіе. «Что ты, человѣче, нюхаешь?» спрашиваетъ онъ гостя.— Нѣчто недоброе чуется въ этомъ домѣ, отвѣчаетъ послѣдній,— какая то мерт вечина пахнетъ, не умеръ ли кто здѣсь?—Богъ милостивъ, отвѣчаетъ крестьянинъ, пока никто не умеръ, но недавно мы имѣли большую потерю, похоронили взрослую дочь, а прошлый годъ— двоихъ дѣтей, наказаніе Божіе за грѣхи наши.— Такъ-то оно, такъ, говоритъ лаборь, призадумавшись, но это кѣмъ-то *зроблено* (заколдовано), нужно *отробыть* (устранить волшебную силу).—Будьте добры, молитъ несчастный, помогите чѣмъ можете, ничего не пожалѣю для васъ.—«Ладно, ладно, уничтожимъ это вражеское навожденіе.» Лаборь беретъ нѣсколько угольевъ, костей, извести, прибавляетъ сюда одинъ порошокъ, имѣющейся у него на всякій случай, магнезіи, и, смѣшавши все это въ водѣ, обмазываетъ такимъ составомъ всѣ углы дома, окропляя ихъ въ тоже время святою водою. Окончивъ работу, лаборь поздравляетъ хозяина съ изгнаніемъ нечистой силы изъ дома и здѣсь же увѣряетъ мужичка, что въ этомъ домѣ онъ дождется дѣтей, внуковъ и правнуковъ. Конечно, за такое благодѣяніе крестьянинъ ни въ чемъ не откажетъ лаборю. Зарекомендовавъ себя так. образ. въ одномъ, другомъ домѣ, лаборь свободно ходитъ по всему селу; одному дастъ порошокъ отъ боли желудка, другому испить святой воды отъ испуга, третьему прикоснется частицею животворящаго древа къ головѣ, чтобы никогда не болѣла. Разсказываютъ, что въ одномъ жмудскомъ селеніи лабори имѣли значительную поживу отъ такихъ прикосновеній къ головамъ. Извѣстно, что въ сѣверо-западномъ краѣ женщины имѣютъ обычай носить на голо-

вахъ огромные холстяные платы, тонкаго холста, называемые наметками. Лишь только лабори объявили, что у нихъ есть средство отъ головной боли, бабы тотчасъ и нахлынули къ нимъ. Такъ какъ всѣ онѣ были въ наметкахъ, то лаборь, приготовляясь очертить голову мнимымъ животворящимъ древомъ, сначала снимаетъ головной уборъ, какъ вещь нечистую, препятствующую дѣйствію святыни, перебрасываетъ его чрезъ плечи, и тогда уже обводитъ голову мнимою святынею. Между тѣмъ, другой лаборь, стоя за плечами своего товарища, подбираетъ холстъ и укладываетъ его въ мѣшки. Такимъ образомъ, лабори выѣхали изъ села съ полною повозкою холста, а бабы остались безъ наметокъ.

Въ другомъ селѣ лабори употребляютъ другія средства, для болѣе успѣшнаго сбора подаяній. Въ Бѣлоруссіи нерѣдко можно видѣть въ частныхъ домахъ, въ числѣ настольныхъ игрушекъ, стеклянные штофики, заткнутые пробкою, которая изнутри продѣта палочкой. Въ этомъ штофикѣ устроенъ миніатюрный алтарь, украшенный фольгой. Лаборь, запасшись такою бутылкой, входитъ въ домъ крестьянина и говоритъ: у насъ сгорѣла церковь и чудодѣйственною силою Божіею весь иконостасъ и алтарь заключился въ эту бутылку, впредь до постройки новой церкви. Взгляни, человѣче, и пожертвуй что можешь, чтобы эта святыня, по дѣйствію той же божественной силы, снова могла принять прежній свой видъ и стать въ подобающемъ ей мѣстѣ. При этомъ, поставивъ штофикъ на столъ, присовокупляетъ: обрати вниманіе, Иване, на самую пробку, кто бы могъ заткнуть ее изъ средины, если не таже святая сила? Само собою разумѣется, что рѣдкій крестьянинъ можетъ устоять противъ такихъ внушеній, и никогда не откажетъ.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ лабори принимаютъ на себя видъ латинскихъ ксендзовъ и, одѣваясь въ комешки *), служатъ по домамъ суппликаціи, панихиды, читаютъ евангеліе, принимаютъ

*) Бѣлыя рубашки, въ которыя облачаются ксендзы и всѣ клирики во время богослуженія.

деньги на обѣдню, за здравіе и упокой и вписываютъ ихъ въ особыя подложныя книги. Рѣдкій изъ лаборей грамотенъ, но многіе изъ нихъ, при всей своей неграмотности, пользуясь неграмотностію другихъ, смѣло берутся за перо и чертятъ имъ по бумагамъ, чтобы убѣдить простаковъ, что лепта ихъ дѣйствительно вписана и пойдетъ по назначенію. Нѣкоторыя изъ такихъ книгъ съ разными каракулями находились при слѣдственныхъ дѣлахъ, производившихся надъ лаборями. Говорятъ, что лабори одѣвались даже въ облаченія православныхъ священниковъ, въ особенности кто носитъ бороду. Принявъ видъ того, или другаго священника, лаборь дѣйствуетъ еще успѣшнѣе. Здѣсь ужъ онъ прямо играетъ роль вдохновеннаго мужа сверхъ-естественнаго вѣщателя. Вотъ напр. какой случай былъ въ одномъ изъ селеній Брестскаго уѣзда *). Жилъ одинъ зажиточный крестьянинъ, по имени Кирилъ Гоголюкъ. Онъ былъ человѣкъ набожный, съ необыкновенно развитымъ чувствомъ. Однажды, когда онъ, послѣ дневныхъ работъ, сидѣлъ вечеромъ дома и кололъ лучину, явились къ нему три мужа въ священническихъ облаченіяхъ съ слѣдующимъ привѣтствіемъ: «миръ дому сему, добрый человѣкъ, Кирилъ Гоголюкъ! Мы пришли къ тебѣ съ горней Украины повѣдать тебѣ волю Божію.» Насилу могъ испуганный Кирилъ спросить: «кто же вы, небесные мужи?»—«Мы, отвѣчаетъ одинъ изъ нихъ, апостолы: я—Петръ, это Павелъ, а это Іоаннъ. Господь Богъ послалъ насъ къ тебѣ возвѣстить, что отъ сего времени ты долженъ оставить свое хозяйство и мірскія заботы и служить Богу пророчествомъ. Иди въ міръ и учи людей покаянію. Если не покаются, то чрезъ полгода испытаютъ кару Божію на свиньяхъ, потомъ чрезъ годъ—на скотѣ, наконецъ, по маломъ времени, на самихъ себѣ: люди будутъ падать на улицахъ и не будетъ кому поднимать ихъ. Наши слова тебя изумляютъ, но, чтобы окончательно увѣриться, иди ты на кладбище, и тамъ, подъ новымъ кре-

*) Село Приборо,—разсказъ изъ устъ бывшаго приборовскаго священника.

стомъ, найдешь грамоту, данную тебѣ на это отъ самаго Господа Бога.» Кирилъ пошелъ на кладбище и дѣйствительно нашелъ подъ крестомъ, въ пескѣ, грамоту, въ которой написано было: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа,—грамата сія дана отъ Бога Кирилу Гоголюку.» Мужичекъ поцѣловалъ грамату и съ благоговѣніемъ положилъ ее подъ подушку. Между тѣмъ, для необыкновенныхъ странниковъ приготовленъ былъ ужинъ, при чемъ самъ Кирилъ служилъ имъ. Послѣ ужина, Кирилъ отдалъ гостямъ всѣ свои деньги и, предоставивъ имъ право распорядиться по своему усмотрѣнію остальнымъ его стяжаніемъ, уложилъ ихъ спать. На завтрашній день, хотя Гоголюкъ и рано проснулся, но гостей уже не видѣлъ. Увлеченный высокимъ своимъ назначеніемъ, онъ и не замѣтилъ, что изъ дома его все лучшее повынесено. Одѣвшись въ праздничный нарядъ, онъ идетъ къ священнику и говоритъ: «батюшка! я пришелъ вамъ возвѣстить волю Божію; меня Богъ избралъ своимъ пророкомъ, и я долженъ оставить всю суету міра сего.» «Кто тебѣ сказалъ это? спрашиваетъ священникъ. — «Святые апостолы: Петръ, Павелъ и Іоаннъ.»—«Гдѣ же они?»—«Пошли на небо, откуда и приходили въ мой грѣшный домъ.» — Священникъ увидѣлъ, что крестьянинъ съ ума спятилъ. Собравъ наскоро справки, кто былъ въ селѣ наканунѣ этого дня, онъ узналъ, что это были яновскіе лабори. Дьячекъ и десятскій бросились по разнымъ направленіямъ искать шарлатановъ, но ихъ и слѣдъ простылъ. Тогда священникъ приступилъ къ Кирилу Гоголюку съ словами вразумленія, но ужъ поздно было. Никто и ничто не могли убѣдить бѣднаго Кирила, что онъ обманутъ:—«Коли уже священники не вѣрятъ волѣ Божіей, говорилъ онъ, то значитъ конецъ свѣта пришелъ.» Несчастный мужичекъ окончательно потерялся, пересталъ работать, бродилъ по окрестнымъ селеніямъ съ проповѣдью, предавалъ анаѳемѣ всѣхъ не внимавшихъ ему и наконецъ какъ-то несчастно умеръ.

Другой подобный случай кудесничества лаборей былъ въ Виленской губерніи. Одна старуха помѣщица была больна и, по мнѣнію докторовъ, находилась уже при смерти. Жившій при ней сынъ ея отправился въ уѣздный городъ, для

посвидѣтельствованія завѣщанія своей матери. Между тѣмъ, прибыли въ это время въ домъ помѣщицы лабори. Выдавъ себя за ксендзовъ изъ Рима, они начали говорить будто по италіански, потомъ сбились на польскую рѣчь и предложили старухѣ принять отъ нихъ исповѣдь и причастіе, съ тѣмъ, чтобы она для спасенія души пожертвовала часть своего имѣнія на вновь строющуюся церковь въ Римѣ. Старуха согласилась и отдала имъ всѣ наличныя деньги, наслѣдство своего сына (болѣе 1000 рублей). Къ счастію, въ пору послѣшилъ изъ города сынъ помѣщицы, который, узнавъ о такой продѣлкѣ мошенниковъ, немедленно пустился въ погоню, догналъ ихъ, отнялъ деньги и предалъ лаборей суду.

Нѣтъ сомнѣнія, что лабори во время своего странствованія натворятъ множество подобныхъ исторій, о которыхъ никому не приходилось и не придется узнать. Ни одинъ лаборь не выдастъ своего собрата. Товарищество понимается ими, какъ нѣкотораго рода священный союзъ, обязывающій ихъ поддерживать и защищать другъ друга до послѣдней возможности. Все то, что они говорятъ, или дѣлаютъ *въ дорогѣ*, остается у нихъ тайною на всю жизнь. Развѣ ужъ очень близкіе къ лаборямъ, сосѣди ихъ, со временемъ узнаютъ о какой либо продѣлкѣ лаборей, и то не вполнѣ. Самый судъ надъ лаборемъ, кромѣ голыхъ уликъ въ бродяжничествѣ по чужому паспорту, въ утайкѣ денегъ, подлогѣ книгъ, ничего болѣе не сдѣлаетъ. Одна общественная молва о какомъ либо крупномъ мошенничествѣ, совершенномъ въ извѣстной мѣстности какими-то сборщиками подаяній на церковь, даетъ право предполагать, что тутъ дѣйствовали лабори.

Въ дорогѣ лабори имѣютъ свои особые постоялые дворы, куда, кромѣ ихъ, никто не заѣзжаетъ. Это дома извѣстныхъ крестьянъ-хозяевъ, знакомыхъ съ лаборями съ незапамятныхъ временъ: еще ихъ отцы и дѣды были знакомы другъ съ другомъ. Здѣсь то лаборь преспокойно располагается на ночлегъ и дневку; здѣсь же онъ оставляетъ на нѣкоторое время, во избѣжаніе всякаго контроля, и свой багажъ, припасенный имъ въ дорогѣ, какъ то: холстъ, ленъ, пеньку, шерсть и т. п.

впредь до благопріятнаго сбыта ихъ. Лабори имѣютъ и свой особый языкъ, на которомъ разговариваютъ предъ чужими людьми въ дорогѣ. Вотъ нѣсколько словъ изъ ихъ языка: *Хлюса*—церковь, *Охвесъ*—Богъ, *Корхъ*—священникъ, *ставеръ*—крестъ, *хиріаница*—человѣкъ, *ребсанька*—книга для записи пожертвованій, *либерская гавридня*—лаборскій разговоръ, *хрущъ*—рубль, *хлюсный ставеръ* означаетъ церковный крестъ. Нельзя не видѣть, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ прямо взяты съ греческаго языка, напр. ὁ Θεὸς— Богъ, σταυρός —крестъ, ἐκκλησία—церковь. На вопросъ мой: откуда вы научились этому языку, одинъ изъ старыхъ лаборей отвѣчалъ, что они научились ему отъ *русскихъ*, т. е. вѣроятно отъ офеней. Если это вѣрно, то между греческими странниками, русскими офенями и яновскими лаборями дѣйствительно есть нѣчто общее.

Всѣ лабори искони православнаго исповѣданія. Какъ ни часты были сношенія ихъ съ римско-католическимъ духовенствомъ, но не было случая, что бы кто либо изъ нихъ измѣнилъ православію. Есть одинъ историческій фактъ изъ жизни яновцевъ, свидѣтельствующій о томъ, на сколько они преданы были древнему благочестію въ самыя тяжелыя времена своей исторической жизни. Въ началѣ 17-го столѣтія (1631 г.) посланъ былъ въ м. Яново изъ Пинской іезуитской коллегіи, для совращенія православныхъ въ латинство, іезуитъ Андрей Боболя. Двадцать шесть лѣтъ подвизался этотъ проповѣдникъ на своемъ миссіонерскомъ поприщѣ, но ничего не могъ успѣть въ Яновѣ. Жители его были не доступны новому ученію. Когда же Боболя, потерявшій всякую надежду на успѣхъ въ Яновѣ, началъ совращать жителей окрестныхъ селеній и, при помощи своихъ приверженцевъ, употреблять насильственныя мѣры и козни относительно яновцевъ, послѣдніе призвали на помощь казаковъ, схватили недостойнаго нарушителя свободы ихъ совѣсти и убили его (1657 г.) Еще до сихъ поръ народное преданіе указываетъ мѣсто казни іезуита, совершенной яновцами. Это—двѣ липы и три креста, находящіеся въ 1/4 версты отъ мѣстечка Янова, по пути въ мѣстечко Любешово (Минск. губ.) Частыя путешествія по Россіи и знакомство съ русскою жи-

нію, частыя свиданія то съ подобными себѣ греческими сборщиками, то съ русскими офенями, безъ сомнѣнія, много способствовали къ утвержденію ихъ въ древнемъ православіи. Религіозность яновцевъ и приверженность ихъ къ своей приходской церкви, также достойны замѣчанія. Рѣдкій изъ нихъ позволитъ себѣ, во время путешествія, говѣть, исповѣдываться и причащаться гдѣ либо на сторонѣ. Напротивъ того, всякій считаетъ священною своею обязанностію, при первой возможности, возвратиться къ этому времени домой и исполнить свой христіанскій долгъ на родинѣ, въ своей приходской церкви. Въ заутрени и обѣдни, если яновцы дома, церковь всегда бываетъ переполнена народомъ. Даже въ будни, если есть богослуженіе, народа въ церкви бываетъ очень много. Церковнымъ праздниствамъ яновцы стараются придать всевозможную торжественность. Во время пасхальной всенощной они устрояютъ вокругъ церкви костры, плошки и, приготовивъ множество факеловъ, изъ смоляныхъ канатовъ, сопутствуютъ съ ними крестному ходу. Сорокоусты и поминовеніе усопшихъ родственниковъ составляютъ у яновцевъ священныя времена. Въ поминальные дни родственники и знакомые считаютъ непремѣннымъ долгомъ своимъ помолиться за усопшаго на обѣдни и почтить память о немъ поминальною трапезою. Такая трапеза устрояется въ томъ домѣ, гдѣ жилъ усопшій. Частыя богослуженія, совершаемыя въ яновской церкви, усердіе къ ней прихожанъ, твердость ихъ въ своихъ отеческихъ преданіяхъ и единодушіе издавна дали нравственный перевѣсъ православію надъ латинствомъ не только въ Яновѣ, но и во всѣхъ его окрестностяхъ. Есть примѣры, что нѣкоторые римскіе католики, отъ частаго обращенія съ яновцами, совершенно разстались съ своими фанатическими предубѣжденіями противъ православной церкви и относятся къ ней съ подобающимъ уваженіемъ. Недавно ксендзъ яновскаго костела удалилъ отъ службы своего органиста за то, что онъ любилъ посѣщать православную церковь. Въ Яновѣ и до сихъ поръ живетъ одинъ старикъ, крестьянинъ, римско-католическаго исповѣданія, который положительно никогда не бываетъ въ костелѣ, а между тѣмъ съ усердіемъ посѣщаетъ цер-

ковъ. Довольно непонятною кажется такая характерная религіозность яновцевъ и происходящая оттуда нравственная ихъ сила и значеніе среди сосѣдей, послѣ всего того, что мы сказали о ихъ лаборскомъ шарлатанствѣ. Но при этомъ не должно забывать, что изображенный нами промыслъ лаборей есть, такъ сказать, традиціонное ихъ занятіе, переходящее изъ рода въ родъ и освященное авторитетомъ ихъ предковъ. Этимъ-то авторитетомъ оно и оправдывается въ глазахъ лабоpя, ни сколько не мѣшая ему въ тоже время быть усерднымъ исполнителемъ церковныхъ уставовъ. Если еще принять во вниманіе своеобразность религіознаго міровоззрѣнія необразованнаго простолюдина, вообще неправильность взгляда его на истинно христіанскую дѣятельность, какъ на результатъ вѣры, словомъ на отсутствіе въ убѣжденіяхъ его той руководящей всеобъемлющей идеи христіанства, которая усвояется только путемъ истинной науки, то отчасти понятнымъ становится, какъ можетъ подобный нравственный дуализмъ мириться въ душѣ человѣка и примирять съ собою другихъ. Одно только правильное образованіе и развитіе народа въ духѣ евангельской истины можетъ установить надлежащія отношенія между вѣрою и дѣятельностію человѣка. Лаборь религіозенъ, но по особому, свойственному ему взгляду на вещи, онъ пока не далекъ даже отъ того, чтобы при случаѣ воспользоваться для своего промысла и нѣкоторыми правами своей приходской церкви, гдѣ религіозныя обязанности въ ней граничатъ съ вещественными ея нуждами. Такъ напр. мнѣ разсказывали, что въ прошедшемъ году въ церковномъ попечительствѣ яновской церкви, безъ вѣдома мѣстнаго священника, сдѣлано было членами совѣта постановленіе о необходимости испросить у консисторіи книгу для одного яновскаго крестьянина (самаго главнаго лаборя) на сборъ пожертвованій въ пользу яновской церкви, такъ какъ-де на ней вѣтромъ снесло крестъ и повредило крышу. Между тѣмъ, такихъ нуждъ вовсе не было въ церкви: крестъ и крыша ея были цѣлы и невредимы. Намѣреніе лаборей здѣсь, очевидно, состояло въ томъ, чтобы собрать кое-что для церкви и поживиться самимъ. Но это имъ не удалось. Консисторія, оставаясь вѣрною своему постано-

вленію — не выдавать книги безъ надлежащаго посвидѣтельствованія мѣстнаго священника о нуждахъ церкви и — полиціи о добросовѣстности сборщика, потребовала отъ попечительства необходимыхъ свѣдѣній и, не получивъ ихъ, опредѣлила оставить прошеніе яновскихъ крестьянъ безъ послѣдствій.

Будучи искони православными, яновцы въ тоже время сознаютъ себя вполнѣ русскими. Много испытано было средствъ и со стороны помѣщиковъ, и со стороны римско-католическаго духовенства, чтобы склонить симпатіи яновцевъ на сторону Польши. Но ни въ прежнія, ни въ позднѣйшія времена они не измѣнили своимъ кореннымъ убѣжденіямъ. Вѣрность Царю и отечеству составляетъ догматъ ихъ вѣры и гражданской жизни. Я слышалъ замѣчательный разсказъ о состояніи умовъ яновскихъ крестьянъ во время послѣдняго польскаго мятежа. Въ мѣстечкѣ Яновѣ, какъ сказано, есть каменный столбъ, поставленный въ память іезуита Боболи. Къ этому столбу во время возстанія то и дѣло совершались съ разныхъ мѣстъ крестные ходы. Чаще всего процессіи двигались сюда изъ Пинска, на разстояніи почти сорока верстъ. Пришедши къ столбу, поборники ойчизны падали на колѣна, пѣли гимны и совершали разныя демонстраціонныя мистеріи. Множество мужчинъ и женщинъ, одѣтыхъ въ трауръ, босыхъ, разсѣевалось по мѣстечку и, въ патріотическомъ изступленіи, встрѣчному и поперечному читали революціонныя воззванія. Тревога въ народѣ была необыкновенная. Яновцы на это время отказались отъ своего обычнаго странствованія и, оберегая свои семейства, всякій день поджидали русское войско, чтобы совмѣстно дать отпоръ мятежникамъ. Имущество ихъ попрятано было въ землю, лошади и скотъ были выпущены въ поле, вездѣ царствовала гробовая тишина. «Разъ, продолжаетъ мой разсказчикъ, въ самый разгаръ мятежа, проходя по улицѣ, я замѣтилъ толпу крестьянъ. На лицахъ ихъ видна была грусть; всѣ они въ нѣмомъ молчаніи слушали своего старика крестьянина. Я приблизился къ толпѣ.

— Что это будетъ, батюшка? шопотомъ спросили они.

— Ничего, отвѣчалъ я, потерпимъ пока; не до конца прог-

нѣвается Господь; законъ и правда должны восторжествовать, а крамольники—получить наказаніе.

— Что же намъ дѣлать? не дать ли намъ самимъ отпоръ? мы и жены наши на все готовы, умирать такъ умирать.

— Ваши чувства, отвѣчалъ я, весьма похвальны; но было бы крайне не благоразумно вступать въ бой съ этими изступленными, пьяными фанатиками. Къ тому жъ, подумайте, вѣдь ихъ много, а васъ мало; всѣ они съ головы до ногъ вооружены, а вы что подѣлаете безоружные.

Ну, такъ—какъ же намъ поступить?

А вотъ какъ, — до поры, до времени, возвратиться къ своимъ хозяйственнымъ обязанностямъ и не ходить толпою.

Чрезъ часъ я не видѣлъ уже ни одного крестьянина въ мѣстечкѣ. Всѣ они разошлись по полямъ и лѣсамъ, оставивъ дома свои на произволъ судьбы." Въ скоромъ времени прибывшій отрядъ русскаго войска разбилъ мятежниковъ. Это была шайка Траугута. Мѣстомъ схватки были окрестности деревни Горки. Много тамъ мятежниковъ погибло, много взято было въ плѣнъ, но не мало было потери и въ нашемъ отрядѣ. Телѣги, одна за другою, нагруженныя ранеными русскими солдатами, тащились отъ Горокъ къ Янову, перевозя больныхъ въ ближайшіе лазареты. Достойнымъ подвижникамъ за отечество на всѣхъ мѣстахъ слѣдованія ихъ оказываемы были всевозможные знаки сочувствія и помощь; но нигдѣ не было заявлено столько сочувствія и любви къ нимъ, какъ въ мѣстечкѣ Яновѣ. Очевидцы говорятъ, что встрѣча эта была самая трогательная. Яновцы вышли за двѣ версты отъ мѣстечка, чтобы увидѣть своихъ защитниковъ. Мужчины, вынувъ нѣкоторыхъ больныхъ изъ телѣгъ, несли ихъ на носилкахъ. Женщины своими наметками (головной уборъ) перевязывали имъ раны. Тѣ и другія, кажется, соперничали между собою въ услугахъ своимъ собратіямъ. Кто что имѣлъ, все это несъ, для угощенія солдатъ. Въ самомъ мѣстечкѣ зарѣзанъ былъ волъ и нѣсколько телятъ на продовольствіе отряда. Дневка русскаго отряда въ Яновѣ 1-го іюня 1863 года на долго останется памятною, какъ для солдатъ и яновскихъ крестьянъ, такъ равно и

для всѣхъ, бывшихъ свидѣтелями ихъ встрѣчи. Это былъ по истинѣ день патріотическаго русскаго торжества.

Семейная жизнь яновцевъ весьма много сходствуетъ съ жизнію русскихъ офеней и вообще промышленныхъ людей Владимірской, Ярославской, Калужской и др. губерній. Такъ какъ мужчины большую часть года проводятъ въ дорогѣ, то обязанность управлять домомъ и вести хозяйство падаетъ преимущественно на женщинъ. Только болѣе трудныя работы, канавы—воздѣлываніе поля, уборка сѣна, доставка дровъ исполняются мужчинами. Впрочемъ, земли у яновцевъ, какъ мы сказали, мало, всего двѣ—три десятины на дворъ, слѣдовательно не много требуется труда и для обработки ея; съ нею нерѣдко управляется и женщина. Пока мужъ въ дорогѣ, жена его изъ добытыхъ ею хозяйственныхъ продуктовъ дѣлаетъ свои комерческіе обороты, — приготовляетъ пищу для извощиковъ, для продажи булки, крендели (баранки), и такимъ образомъ до поры-до времени пропитываетъ себя съ семействомъ. Забота о воспитаніи и образованіи дѣтей также лежитъ на обязанности жены. На этотъ счетъ она получаетъ строжайшій наказъ отъ своего мужа предъ отъѣздомъ его въ дорогу. Какъ отцы такъ и матери съ нѣкотораго времени весьма заботятся объ обученіи своихъ дѣтей грамотѣ и съ охотой отправляютъ ихъ въ школу. Въ Яновѣ есть штатное народное училище. Въ 18^{67}/$_{68}$ учебномъ году въ немъ обучалось 46 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ. Изъ нихъ 25 свободно и толково читаютъ по русски и по словянски, правильно пишутъ подъ диктовку, хорошо знаютъ четыре правила ариѳметики и употребленіе счетовъ. Учащіяся дѣти чистоплотны, прилично одѣты и рѣзвы. Всѣ они, по обычаю отцовъ своихъ, любятъ бывать въ церкви, читать и пѣть на клиросѣ. Хоръ, образованный изъ 22 мальчиковъ яновскаго училища, можно причислить къ лучшимъ сельскимъ хорамъ Кобринскаго уѣзда. Хотя нѣкоторыя изъ учащихся дѣтей знакомы съ *либерскою гавриднею*, или съ laборскимъ языкомъ, но всѣ они, по своему направленію, безукоризненно благонравны, искренни и честны. Глядя на этихъ дѣтей, невольно предлагаешь себѣ вопросъ, — неужели и это будущіе

лабори? Но нѣтъ, надѣясь на вліяніе школы, можно думать, что принятый отцами ихъ способъ добыванія себѣ средствъ къ жизни, если современемъ не перемѣнится, то значительно облагородится. Къ чести и самихъ родителей, слѣдуетъ замѣтить, что они съ нѣкотораго времени не берутъ своихъ дѣтей *въ дорогу*, не распространяются предъ ними о своемъ промыслѣ и такимъ образомъ много гарантируютъ ихъ нравственность. Лабори возвращаются домой ежегодно въ два срока—къ пасхѣ и къ концу мѣсяца іюня. Къ пасхѣ они возвращаются для того, что бы исполнить свои христіанскія обязанности въ своей приходской церкви—говѣть, исповѣдаться и причаститься, а также чтобы раздѣлить съ своими семействами праздничную трапезу этаго великаго дня. Въ іюнѣ же возвращаются потому, что въ это рабочее время прекращается для нихъ всякая возможность производить сборъ: всѣ домохозяева находятся на поляхъ и не съ кѣмъ имѣть дѣло. При томъ, и самимъ нужно подумать о своемъ хозяйствѣ и объ обезпеченіи своего семейства на зиму. Домой возвращаются они также ночью, какъ и выѣзжаютъ, стараясь по возможности быть незамѣченными мѣстной полиціей. Въ послѣднее время за ними стала зорко слѣдить полиція,—останавливать на пути, ревизовать паспорты и осматривать повозки. Во избѣжаніе такихъ затрудненій, возвращающіеся лабори употребляютъ хитрость. Оставивъ свои пожитки верстъ за 10, или 15, у знакомыхъ крестьянъ, лабори нанимаютъ ихъ за извѣстную плату доставить ихъ багажъ къ такому то сроку въ Яново, въ указанное мѣсто. А сами, между тѣмъ, пробираются къ домамъ съ пустыми телѣгами, стараясь при этомъ ѣхать порознь и съ противоположныхъ концовъ мѣстечка. На вопросъ полицейскаго лица — гдѣ былъ, лаборь, ѣдущій на-легкѣ, смѣло отвѣчаетъ, что подрядился-де доставить бочку сала изъ Пинска въ Брестъ (или другую какую либо кладь) и возвращается назадъ,—или, что былъ въ такой-то деревни, у такого-то крестьянина, по дѣламъ хозяйственнымъ, словомъ, солжетъ. Само собою разумѣется, что для знающихъ дѣло ложь видна, но и уличить лаборя не легко. Возвращеніе лаборя есть своего рода праздникъ для его семейства.

Собираются родные и знакомые, устраивается пирушка, гдѣ при заздравной чаркѣ посылаются всевозможныя благожеланія гостю. Такъ какъ лабори возвращаются почти всѣ въ одно время, то, съ прибытіемъ ихъ, начинается въ Яновѣ цѣлый рядъ домашнихъ торжествъ. Къ этому же времени преимущественно пріурочиваются разныя семейныя ихъ обязанности: одному нужно помянуть родителей, другому—сына женить, третьему—дочь выдать замужъ, и такимъ образомъ пирушка слѣдуетъ за пирушкой. Въ продолженіе всего лѣтняго времени Яново представляетъ собою рѣзкую противоположность съ другими окрестными селеніями. Въ то время, когда вездѣ происходятъ изнурительныя полевыя работы, въ Яновѣ царствуетъ разгулъ и веселіе. Нерѣдко бываетъ, что въ одинъ и тотъ же день на нѣсколькихъ улицахъ учреждаются свои особыя пиршества. Такъ проходятъ мѣсяцы—іюнь, іюль и начало августа. Неотъемлемую принадлежность болѣе многолюдныхъ пиршествъ лаборей составляетъ музыка. Во всемъ сѣверо-западномъ краѣ музыкальные оркестры, большею частію, составляются изъ евреевъ. По уѣзднымъ городамъ и мѣстечкамъ другой музыки и небываетъ. Собравшись артелью, человѣкъ пять, шесть, они кочуютъ отъ мѣста до мѣста и, при недостаткѣ лучшихъ музыкантовъ, удовлетворяютъ незатѣйливымъ требованіямъ общества. Лабори никогда не дозволятъ въ своемъ обществѣ играть еврейской музыкѣ; допустить еврея въ кружокъ лаборей значило бы парализовать всю ихъ веселость. Яновцы не любятъ евреевъ и по возможности избѣгаютъ всякихъ сношеній съ ними. По этому у нихъ на всякій случай есть свой собственный оркестръ, состоящій изъ нѣсколькихъ своихъ парней, которыми дирижируетъ нынѣ старый музыкантъ, весьма уважаемая ими личность, по имени Адамъ Фракъ. Куда явится Фракъ, тамъ усиливается и разгулъ. Впрочемъ, Фракъ приглашается большею частію на семейныя торжества, каковы — свадьбы и на общественныя увеселенія, каковы — игрища, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ преимущественно собирается молодежъ и устраиваются танцы. Свадьбы яновскихъ крестьянъ совершаются по общепринятому обычаю полѣшуковъ и при-бужскихъ русскихъ, опи-

санному въ статистическихъ свѣдѣніяхъ по Гродненской губерніи Бобровскаго. Въ самый день свадьбы, предъ вѣнцомъ, женихъ и невѣста, убранные въ ленты, *), ходятъ по домамъ, кланяются всѣмъ въ поясъ, цѣлуютъ руки у старшихъ и приглашаютъ на свадьбу. Тоже дѣлаютъ они и на улицѣ, при встрѣчѣ съ знакомыми. Иногда бываетъ, что ни тотъ, ни другая ничего не говорятъ и безмолвно подходятъ съ поклонами къ рукѣ; тѣмъ не менѣе всякій знаетъ, что тѣмъ самымъ его приглашаютъ на свадьбу, Собираясь въ домъ родителей невѣсты, или жениха, сосѣди не идутъ съ пустыми руками, но несутъ съ собой какое либо угощеніе, мужчины — водку, а женщины — закуску. Свадебныя празденства продолжаются дня три, или четыре, такъ какъ, за тѣснотою помѣщенія, не всѣ вдругъ собираются, но всякій день прибываютъ новые гости. На канунѣ воскресенія, въ субботу, бываетъ, такъ называемый, *перезовъ*, т. е. переѣздъ невѣсты въ домъ жениха, а въ восресеніе—*гостина*, т. е. собраніе гостей у молодой четы. Другой родъ общественныхъ увеселеній составляютъ *игрища*, куда собираются всѣ, преимущественно же молодые люди обоего пола. Игрища у яновцевъ имѣютъ значеніе клуба. Они бываютъ преимущественно въ большіе праздники, т. е. на третій, четвертый день Рождества Христова, пасхи и въ другіе праздники, а также на масляной недѣлѣ и на купалу. Такъ какъ ни одинъ частный домъ не можетъ вмѣстить въ себѣ такое множество гостей, какое собирается на игрища, то яновцы съобща нанимаютъ на этотъ разъ какой либо большой еврейскій домъ, или корчму, куда уже не имѣетъ права войти никто изъ постороннихъ людей, а въ особенности евреи. Собравшаяся молодежь проводитъ время въ пляскѣ и играхъ, а старики въ бесѣдѣ другъ съ другомъ. Въ пляскѣ нѣтъ большаго разнообразія. Я замѣтилъ только двѣ формы ея. Первая — это нѣчто среднее между полькою и вальсомъ, состоящее въ быстромъ круговомъ вращеніи множества паръ, держащихся за руки, и другая — козачокъ. Въ антрактахъ, между танцами, предлагается всѣмъ присутствующимъ

---

*) Жениху ленты прикалываются къ шапкѣ.

чай съ кренгелями, яблоки, орѣхи и другія домашнія лакомства. Въ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ на всѣхъ общественныхъ гульбищахъ соблюдается возможная вѣжливость и благородство. За этимъ зорко слѣдатъ старики. Разсказываютъ недавній случай, что одинъ парень въ танцахъ не скромно коснулся груди дѣвушки. Общество стариковъ, замѣтивъ это, присудило несчастнаго Донъ-Жуана на слѣдующій день къ тридцати ударамъ розгами, что и было исполнено въ точности.

Коснувшись семейной жизни яновцевъ, нельзя не сказать нѣскольких словъ о другомъ, соприкосновенномъ съ нею предмѣтѣ, объ ихъ жилищахъ. Всѣ дома яновцевъ построены по одному образцу. Это небольшія избы, въ 7 аршинъ длины и 6 ширины, съ двумя пропорціональными окнами съ улицы и двумя со двора. Зданіе продольною своею частію, къ которой непосредственно прилегаютъ сѣни и клѣть, заключено во дворѣ. Во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ имѣются досчатые полы и въ главномъ жильѣ устроена печь съ трубою, вопреки общему бѣлорусскому обычаю строить избы курными. Главная комната во все зимнее время служитъ единственнымъ пріютомъ семейства, но въ лѣтнее время она имѣетъ значеніе только гостинной; для столовой же и для ночлега въ это время предназначаются сѣни и клѣть. При входѣ въ сѣни яновскаго крестьянина, посѣтитель невольно останавливаетъ вниманіе на стѣнахъ. Взорамъ его представляется множество образовъ, развѣшанныхъ повсюду, гдѣ только есть мѣсто. Внутренная комната представляетъ тоже убранство. Передній ея уголъ и три стѣны въ два ряда густо увѣшаны иконами и священными картинами. Всѣ эти иконы разнокалиберныя, принадлежащія кисти мастеровъ разныхъ эпохъ и школъ, разныхъ націй и исповѣданій. Здѣсь напр. вы видите образъ святителя Николая, а тамъ Антонія Падуанскаго; вмѣстѣ съ образомъ Знаменія Божіей Матери виситъ изображеніе св. Розаліи съ пламенѣющимъ сердцемъ; вмѣстѣ съ преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ помѣщенъ св. Казиміръ. Бумажныхъ картинъ нѣмецкихъ живописи также множество. Между этою коллекціею образовъ я замѣтилъ нѣкоторыя старинныя иконы правильной ви-

зантійской живописи, каковы напр. Деисусъ, образъ Печерской Божіей Матери, благословляющей преподобныхъ Антонія и Өеодосія, образъ Рождества Пресвятой Богородицы и святителя Николая. Но вмѣстѣ съ тѣмъ попадались и такіе образа, предметъ которыхъ трудно было и опредѣлить, по странности и неестественности сочетанія ликовъ. Такъ напр. въ домѣ одного крестьянина есть образъ слѣдующаго содержанія: на распостертомъ платѣ лежитъ младенецъ Іисусъ, по сторонамъ его стоятъ — святитель Николай и Великомученица Варвара, а вдали перспективы виднѣется городъ Іерусалимъ. Образъ писанъ масляными красками. Ясно, что это плодъ фантазіи какого либо самоучки суздальца. На внутреннюю комнату обращено все вниманіе хозяина и хозяйки, чтобы содержать ее въ надлежащемъ порядкѣ и опрятности. Въ переднемъ ея углу поставлены лучшіе образа и повременамъ теплится лампадка. Столъ всегда накрытъ бѣлою, чистою скатертью. Если въ комнатѣ стоитъ кровать, или находятся нары, то на нихъ всегда бываетъ чисто и благовидно. На дворѣ яновца замѣчается тотъ же порядокъ и чистота. Усадьба его очень мала и заключаетъ въ себѣ только ¼ десятины земли; но при всемъ томъ, умный хозяинъ съумѣлъ устроить здѣсь помѣщеніе для себя, сарай для лошадей и скота, гумно, садикъ, состоящій изъ пяти–шести деревъ и оставить еще кое-что подъ огородъ. Все это устроено миніатюрно, но очень удобно и симметрично. На дворѣ его вы не увидите ни стоящей безъ нужды повозки, ни другой хозяйственной рухляди, напрасно заваливающей дворъ, какъ это часто бываетъ у прочихъ мужичковъ бѣлоруссовъ и полѣшуковъ. У него все убрано и все находится на своемъ мѣстѣ. На гумнѣ видна таже распорядительная рука, тотъ же хозяйственный толкъ. Однимъ словомъ, яновецъ держитъ весь свой домъ такъ, какъ бы приготовлялся во всякое время встрѣтить начальника, или, по крайней мѣрѣ, дорогаго гостя. Дѣйствительно, если вамъ угодно будетъ посмотрѣть хозяйство яновца, онъ всегда готовъ къ вашимъ услугамъ и покажетъ вамъ свое добро съ предупредительностію и свойственною ему вѣжливостію. При этомъ, если

ему не вполнѣ извѣстно, кто вы, онъ будетъ то и дѣло устремлять на васъ свои пытливые взоры и скоро чутьемъ пойметъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Вообще, повторяемъ, лаборь необыкновенно смѣтливъ и сообразителенъ. Эта рѣдкая его способность дѣлаетъ изъ него не только умнаго хозяина, но и расторопнаго, находчиваго слугу, если онъ нанялся въ услуженіе, и точнаго исполнителя дѣлаемыхъ ему порученій отъ начальства. Вотъ напр. эпизодъ изъ моихъ путешествій. Въ окрестностяхъ Янова мѣстность вездѣ открытая; но этому зимою, въ большіе мятели, часто нельзя проѣхать и трехъ верстъ, не сбившись съ дороги. Въ минувшую зиму я, по дѣламъ службы, часто вращался въ окрестностяхъ Янова. Не рѣдко застигала меня сильная вьюга и требовался проводникъ. Сколько ни давали мнѣ мужичковъ изъ сосѣднихъ деревень, ни одинъ изъ нихъ не зналъ дороги, какъ слѣдуетъ. На самомъ незначительномъ пространствѣ, на разстояніи какихъ либо пяти верстъ, приходилось биться часа три–четыре въ поискахъ дороги, до крайности измучиться и все таки не туда пріѣхать, куда слѣдовало. Но вотъ однажды мнѣ попадается проводникъ лаборь. Вечеръ былъ темный, вьюга страшная, а мы въ открытомъ полѣ. «Что, братъ, спрашиваю я, не собьемся съ дороги?

— Не затѣмъ, баринъ, ѣдемъ, чтобы сбиваться.

— Да ты смотри, не зѣвай, вѣдь зги не видно, дороги какъ не бывало, того и гляди, что заночуемъ въ полѣ.

— Не безпокойтесь, ваше б–діе, дорога отъ насъ не уйдетъ и пролагать новой не станемъ, дороже себѣ стоитъ.

Дѣйствительно, мой проводникъ какъ бы инстинктомъ угадывалъ дорогу и, не смотря на страшную темноту и на постоянно усиливавшуюся мятель, вездѣ везъ меня по твердой дорогѣ. Разъ только онъ какъ-то сбился съ пути, но тотчасъ же замѣтилъ это: остановился, сообразилъ и, сдѣлавъ полукругъ, поѣхалъ снова какъ слѣдуетъ. Такимъ образомъ я проѣхалъ съ нимъ въ страшное ненастье десять верстъ безъ всякихъ приключеній и прибылъ на мѣсто ранѣе, чѣмъ предполагалъ. Смотря на лаборя въ то время, когда онъ, сидя на

передкѣ саней, везъ меня по необозримой равнинѣ, сквозь темноту и вьюгу, я невольно припоминалъ себѣ романъ знаменитаго Купера, читанный мною въ дѣтствѣ, *Патфандеръ*, или путеводитель въ пустынѣ, и мысленно воображалъ своего лаборя въ роли *Патфандера*. Дѣйствительно, въ его самоувѣренности, сообразительности и отчетливомъ знаніи мѣстности было нѣчто, напоминавшее этого героя. Мѣстные жители, хорошо знающіе яновцевъ, говорятъ вообще, что это отличные проводники въ дорогѣ, что имѣть кучера изъ яновцевъ значитъ успокоить себя на счетъ многихъ неудобствъ путешествія: лошадьми онъ управляетъ отлично; случится ли порча въ повозкѣ, онъ долго не задумывается и вмигъ исправляетъ ее; нужно ли приготовить кушанье, онъ и здѣсь мастеръ. Говоря о расторопности и услужливости яновцевъ, должно однакожъ замѣтить, что такими они являются только по отношенію къ тѣмъ людямъ, кому они вѣрятъ и кого уважаютъ. Но сохрани Богъ, попадется въ ихъ руки недоброжелатель ихъ, или человѣкъ заподозрѣнный въ какихъ либо проискахъ противъ нихъ, проведутъ его и надуютъ непремѣнно. Послѣдняя черта ихъ характера подала поводъ къ составленію о нихъ очень невыгоднаго мнѣнія между нѣкоторыми сосѣдями ихъ, пришельцами, которые утверждаютъ, что съ лаборями нельзя ни выпить, ни закусить, ни быть вмѣстѣ въ дорогѣ, безъ кляузы или какого либо несчастія. Впрочемъ, эта молва нелѣпа и основывается на мнѣніи нѣкоторыхъ только лицъ, поставленныхъ съ яновцами по своимъ обязанностямъ въ непріятныя столкновенія.

И такъ предъ нами типъ лаборя, этого древняго паломника, оригинальнаго по своему промыслу и весьма замѣчательнаго по своей религіозной, гражданской и семейной жизни. Много въ немъ есть дурныхъ сторонъ, но много и хорошихъ. Это идеалъ широкой русской натуры, въ которой иногда совмѣщаются самыя рѣзкія противоположности. Онъ иногда падаетъ и падаетъ глубоко, бѣдность и другія тяжелыя житейскія обстоятельства иногда весьма болѣзненно отражаются на его нравственности; но онъ никогда не измѣняетъ своихъ завѣт-

нымъ убѣжденіямъ, коренящимся въ глубинѣ его души. Ему всегда присуща нравственная сила благовременно подняться съ того низкаго уровня нравственнаго состоянія, на который онъ случайно становится и, стряхнувъ съ себя, такъ сказать, пыль житейской суеты, снова явиться человѣкомъ чести и правды. Лаборь на промыслѣ своемъ не болѣе, какъ пройдоха, шарлатанъ; но, возвратившись домой, онъ дѣлается примѣрнымъ семьяниномъ, честнымъ гражданиномъ и усерднымъ сыномъ церкви. Правда, это страшная несообразность. Но такихъ несообразностей много во всѣхъ обществахъ, куда не проникъ свѣтъ истинной науки и гдѣ, сверхъ того, историческая жизнь народа была тормозима и извращаема чуждыми, враждебными вліяніями. А такова именно и была вся предшествовавшая историческая жизнь яновцевъ. Всякое отдѣльное общество, какъ и отдѣльная личность, предоставленное на пути развитія самому себѣ и случайному сцѣпленію историческихъ обстоятельствъ, всегда выноситъ изъ своего прошлаго болѣзненные наросны, которые изглаживаются только временемъ и истиннымъ образованіемъ.

Ѳ. Ставровичъ.

О православныхъ церквахъ въ городѣ Кобринѣ.

(Историческій очеркъ).

17 Сентября 1867 года совершилось торжественное освященіе новопостроеннаго Кобринскаго сбора во имя св. Александра Невскаго. Къ четыремъ Кобринскимъ храмамъ прибавился пятый каменный, замѣчательный по мысли, съ которою онъ воздвигнутъ. Не великъ онъ съ виду, но за то легокъ, изященъ и проченъ въ отдѣлкѣ, а главное занимаетъ весьма видно и вполнѣ соотвѣтствующее своей мысли мѣсто; мѣсто это, замѣтимъ мимоходомъ, взято съ бою, такъ какъ пригодность его надо было защищать даже путемъ печати.

Описывать торжество посвященія мы не намѣрены. Цѣль нашей замѣтки иная, именно: прослѣдить исторически судьбу православныхъ церквей въ Кобринѣ, насколько это возможно при находящихся у насъ данныхъ и сообщить слышанныя нами мѣстныя преданія о православіи и его борьбѣ съ уніатствомъ.

Въ Кобринѣ существуютъ теперь слѣдующія церкви: каменная Спасская (бывшая Базиліанская, а теперь училищная); деревянныя: Пречистенская, Петро-Павловская и Николаевская. Они же существовали и въ болѣе отдаленныя времена. Когда же и кѣмъ они воздвигнуты и какая первоначальная судьба ихъ—трудно или лучше невозможно отвѣчать на эти вопросы, по неимѣнію данныхъ. Начало ихъ, какъ начало многихъ нашихъ монастырей и церквей, исчезаетъ въ непроницаемомъ туманѣ древности. Но если Кобринъ былъ чисто славянскимъ поселеніемъ, если существовавшій въ немъ замокъ и самъ го-

родъ были, какъ думаютъ, построены русскими князьями XII или даже XI вѣка,— князьями-потомками Св. Равноапостольнаго Владиміра, то можно полагать, что въ немъ нашелъ для себя мѣсто и православный храмъ. Но перейдемъ къ самимъ фактамъ и прежде всего остановимъ наше вниманіе на Спасской церкви. Мы не можемъ согласиться съ словами автора матер. геогр. и статист. Россіи, г. Бобровскаго, что православный Спасскій монастырь былъ воздвигнутъ первоначально въ 1497 г. (?) княземъ Кобринскимъ Иваномъ Семеновичемъ, ибо есть основаніе думать, что онъ воздвигнутъ въ болѣе глубокой древности. Игуменъ Кобринскаго Спасскаго монастыря Антоній Критскій, испрашивавшій въ 1512 г. у Сигизмунда I-го подтвердительную грамоту на пожалованія, сдѣланныя этому монастырю 1491 г. покойнымъ княземъ Иваномъ Семеновичемъ, «поведилъ, *ижъ зъ вѣковъ еще до того фундату надано на тотъ манастырь Св. Спаса* землю пашную, человѣка въ Кустовичахъ, а другого въ Шиповичахъ, а лѣсу Костреевскаго за граньми, а Субботника у Брылеви, и млынець на Шевни рѣчцы, который мелетъ одно по весни, коли вода бываетъ; а двѣ вѣдрѣ меду зъ Дянковичь, и землицу бортную на Щерчеви, а у Соболевичахъ двѣ полцы, съ которыхъ даютъ одно три гроши». *) И такъ, указанныя сейчасъ «наданья» Спасскому монастырю существовали *зъ вѣковъ* т. е. съ глубокой древности; зъ вѣковъ, слѣдовательно, существовалъ и самый монастырь. И намъ кажется, основаніе его съ полнымъ правдоподобіемъ надобно отнести ко времени и усердію вел. князя Владиміро-Волынскаго Владиміра Васильковича, тѣмъ болѣе, что городъ Кобринъ составлялъ нѣкогда собственность этого князя. Въ 1286 г.—уже больной — онъ завѣщалъ своей супругѣ Ольгѣ Романовнѣ городъ Кобринъ и съ людьми и съ данью и село Городелъ (мѣст. Городецъ въ 20 вер. отъ Кобрина) съ мытомъ . . . Извѣстно же, что это былъ лучшій князь Западно-Русской земли, отличавшійся прекрасными качествами души, прозванный за свой умъ великимъ философомъ. Лѣтописецъ

---

*) Акт. Запад. Рос. т. 2-й стр. 103.

просто не находитъ словъ, чтобы достойно почтить память этого благочестиваго устроителя-князя. «Онъ монастырѣ набдя; черныцѣ утѣшая и вси игуменѣ любовью пріимая, и монастырѣ многи созда.» *) Исчисляя воздвигнутыя имъ церкви и монастыри и разнообразные вклады въ оныя, лѣтописецъ отказывается продолжить начатое исчисленіе и оканчиваетъ его словами: «и иная многая добродѣянія съ дѣя въ животѣ своемъ, яже словуть по всѣмъ землямъ.» **) Можно потому съ полною увѣренностію относить основаніе Кобринскаго Спасскаго монастыря ко времени Владиміра Васильковича. Судьба этого монастыря, все-таки по документамъ, представляющагося издавна существующимъ, болѣе проясняется въ позднѣйшее время. Князья Кобринскіе, ближайшіе наслѣдники Владиміра Васильковича, наслѣдовавшіе его благочестіе и любовь къ ближнимъ, не оставляли безъ попеченія Кобринскаго Спасскаго монастыря. Въ этомъ отношеніи дороги для насъ «чотыри листы паркгаминовые, автентичные, цѣлые и ни въ чемъ неподозрѣнные, которые были представлены на утвержденіе королю польскому Владиславу IV-му 19 Февраля 1633 года. «Первый листъ княгини Семеновое Ульяны Кобриньское и сына ея князя Ивана отъ 1465 года, по которому надается на церковь Св. Спаса монастыря Кобриньскаго млынъ на рѣцѣ Шевни и со ставомъ до него належачимъ и съ сѣножатьми; къ тому же земли Андроновской два жеребьи со всякими входы и зъ деревомъ бортнымъ, вѣчно, неотмѣнно; и на поминъ души на тотъ же монастырь Игуменови отцу Варлааму и по немъ будучимъ по 10 саковъ меду въ каждый годъ съ города, также попу и дьякону того монастыря по три саки меду и по двѣ копѣ грошей.» Въ числѣ свидѣтелей былъ бояринъ Есько Верещакъ — фамилія теперь существующая и отличавшаяся нѣкогда особенною любовью къ православію, какъ свидѣтельствуютъ многіе документы. Князь Кобринскій Иванъ Семеновичъ задумалъ было еще за-

*) Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. II. 215.
**) Пол. Соб. Рус. Лѣт. II. 222—223.

писать десятину къ монастырю къ Св. Спасу въ Кобрини; но по случаю смерти, не успѣлъ; однакожъ, зходячи съ сего свѣта, князья Иванъ приказалъ женѣ своей Өеодорѣ записать «по души по своей» къ монастырю Св. Спаса въ Кобрини село Корчвцы со всѣми даями и т. д. Исполняя волю мужа, княгиня Өеодора на вѣчныя времена записала десятину къ Св. Спасу въ Кобрини: «зъ млына, што на рѣцѣ на Кобринцѣ десятую мѣрку; отъ жита 10-ю копу у Кобрини, и отъ ярины отъ всякое 10-ю копу у Кобрини жъ . . . также къ монастырю, Св. Спасу двѣ корчмы вольныхъ у Кобрини жъ, село Корчичѣ со всими доходы, и съ данью, и съ грошьми, и со всими съ тыми доходы, што коли продкомъ нашимъ ты и Корчичане даивали и намъ самимъ. А Игумену Спасскому Андрѣю и на потомъ иншимъ Игуменомъ, которые коли будуть служити въ Монастыри Св. Спаса въ Кобрини, приказуемъ, ижъ бы державъ себѣ попа, ижъ бы каждаго дня не омѣшкивала божественная служба.» Облагодѣтельствованный монастырь принялъ въ свои стѣны тѣло покойнаго князя Ивана Семеновича.

Въ 1512 г. Сигизмундъ 1-й, король польскій, подтвердительною грамотою, данною на имя игумена Кобринскаго Спасскаго монастыря Антонія Критскаго закрѣпилъ за монастыремъ вышеупомянутыя «наданя» княгини Өеодоры, сдѣланныя по словесному завѣщанію ея мужа князя Ивана Семеновича.

Между тѣмъ линія удѣльныхъ князей Кобринскихъ и вмѣстѣ Пинскихъ угасла въ половинѣ 16-го вѣка. Послѣдній Кобринскій и Пинскій князь Өеодоръ Ивановичъ, увеличившій свой удѣлъ въ слѣдствіе пожалованія ему королемъ Сигизмундомъ замковъ, конфискованныхъ у Михаила Глинскаго, дарилъ этотъ удѣлъ королевѣ Бонѣ (Tabulae Genealogicae Iablonovianae 7 tab.), или, лучше сказать, королю Сигизмунду. Въ инвентарѣ государственномъ, составленномъ Кромеромъ, пишется: Theodorus Iwanowicz dux cum Helena uxore arces Pinsko, Klecko, Dawidow Grodek, Roaczew cum territoriis et quidquid a patre ipsi abveniet, donat Sigismundo regi causa mortis, si nullos liberos reliquerint Anno 1508 (Stadnicki. Synowie Gedymina, примѣчаніе къ 27 стр. 1 т.).

За тѣмъ и въ самомъ семействѣ умершаго Ивана Семеновича произошло нестроеніе, отозвавшееся и на благосостояніи Кобринскаго Спасскаго монастыря. Сынъ его, упомянутый князь Θеодоръ, вѣренъ былъ благочестію своихъ предковъ, но мать князя Θеодора — жена Ивана Семеновича, княгиня Θеодора или Θедца, происходившая изъ фамиліи Рогатынскихъ, овдовѣвъ, измѣнила православію, перемѣнивъ имя Θеодоры на имя Софіи и вышла замужъ за Паца, Виленскаго воеводу. Изъ завѣщанныхъ и записанныхъ въ Евангеліи въ пользу Кобринскаго Спасскаго монастыря княземъ Иваномъ Семеновичемъ земель — одну на имя Гриця Ходосовича Пострыгача, а другую въ Быстрицахъ Хильцовщину-на діакона, она отдала боярину Кобринскому Миколаю Жомбоцкому; послѣдній 28 лѣтъ незаконно держалъ эти земли; «Отчего церкви Божіей кривда и шкода ся дѣетъ.» Архимандритъ (около сего времени Кобринскій монастырь обращенъ въ Архимандрію) Кобринскій Вассіянъ 1541 г. принесъ жалобу на Жомбоцкаго королевѣ Бонѣ. Бона снарядила коммиссію изъ 6 членовъ для изслѣдованія этого дѣла. Коммиссія, всѣ члены которой были латиняне, нашла искъ архимандрита правымъ, а поступокъ Софіи (она же Θеодора) и притязанія Жомбоцкаго произвольными. На основаніи этого изслѣдованія, Бона признала Жомбоцкаго отчужденнымъ отъ упомянутыхъ земель, которыя предоставила въ полное и вѣчное обладаніе Кобринскаго Спасскаго монастыря, какъ завѣщанныя отчичемъ ихъ княземъ Иваномъ Семеновичемъ. Что же касается «листовъ данины» Виленской воеводины Софіи и иншихъ листовъ, предъявленныхъ Жомбоцкимъ, то Бона признала ихъ не имѣющими никакой силы и значенія — «ни во што оборочаемъ.» *) Архимандриты Кобринскаго монастыря дорого цѣнили эти дарственныя грамоты и потому 1633 г. архимандритъ Павелъ Овлочинскій просилъ короля Владислава IV скрѣпить ихъ новою королевскою печатью, что и было исполнено.

*) Смотр. Акт. Зап. Рос. т. 2. 103, т. 5. 2—5 стр.

По удаленіи Боны изъ Польши 1556 г., патронатство ея надъ Кобринскимъ Спасскимъ монастыремъ кончилось. Кобринъ причисленъ къ столовымъ имѣніямъ польскихъ королей; почему отъ послѣднихъ нерѣдко зависѣло пожалованіе этого монастыря тому или другому лицу. Эти пожалованія должны были отразиться самыми неблагопріятными послѣдствіями на благосостояніи Кобринскаго монастыря, на духъ и направленіе внутренней его жизни. Весьма часто, или, лучше сказать, почти всегда пожизненное управленіе тѣмъ или другимъ монастыремъ, тою или другою церковію получалось не за благочестіе и заслуги Церкви, а за гражданскіе и военные подвиги, услуги, оказанныя королю, или же по рекомендаціи вельможныхъ пановъ. Такъ случилось и съ Кобринскимъ Спасскимъ монастыремъ. Уже Сигизмундъ Августъ отдалъ его въ пожизненное управленіе нѣкоего Миколая Кирдѣя. По смерти послѣдняго, канцлеръ велик. княжества Литовскаго, староста Берестейскій, Кобринскій и Юрборскій, Евстафій Волловичъ представилъ королю Стефану Баторію дворянина Ивана Гоголя какъ способнаго къ духовному «стану» и при томъ уже извѣстнаго своею похвальною службою у прежняго короля Сигизмунда и у теперешняго господаря его милости. 1576 г. Гоголь былъ въ Москвѣ посланцемъ отъ Баторія. Король согласился на представленіе канцлера Волловича и отдалъ Ивану Гоголю «до живота его» монастырь св. Спаса «со всѣми поданными и кгрунты церковными и со всѣмъ тымъ яко то и першые игумены въ держанью своемъ имѣли» *) съ условіемъ, чтобы «до року» онъ принялъ духовный санъ и священство и самъ службу Божію служилъ. Случилось это 1587 г. Февраля 7 дня. Но панъ Иванъ Богушевичъ Гоголь не торопился съ посвященіемъ себя въ духовный «станъ». Еще 1590 г. 11 Іюля онъ, наречоный игуменъ Кобринскій, жаловался предъ Миколаемъ Пацемъ, подкоморимъ земскимъ воеводства Берестейскаго, на немалый захватъ монастырской земли въ имѣніи Именинѣ, сдѣланный

*) Т. 3-й 302 стр.

именинскими панами Чановицкимъ, Ждановичемъ и Якубовичемъ. Въ отвѣтъ на эту жалобу упомянутые панове повѣдили, что за паномъ Иваномъ Гоголемъ «яко особою свѣтскою,» они не признаютъ никакой церковной земли въ своемъ имѣніи Именинѣ. Чѣмъ кончилась эта жалоба—неизвѣстно. Панъ Гоголь ссылался на то, что предки его, настоятели Кобринскіе, съ давныхъ временъ спокойно владѣли монастырскою землею въ Именинѣ; никто не оспаривалъ этой земли и при немъ, пока не сдѣланъ былъ въ его время новый помѣръ земли, произведенный королевскою люстраціей 1863 года при Сигизмундѣ Августѣ *). Это былъ послѣдній, нѣкоторое время православный, архимандритъ Кобринскаго Спасскаго монастыря. Принявъ монашество уже въ 1590-хъ годахъ съ именемъ Іоны, онъ въ качествѣ Кобринскаго архимандрита и нареченнаго Пинскаго епископа былъ въ 1596 г. на Брестскомъ соборѣ, принялъ унію, и затѣмъ былъ возведенъ въ Пинскаго уніатскаго епископа. Не удивительно послѣ того, что Кобринъ и его монастырь становятся мѣстомъ съѣздовъ уніатствующаго духовенства, что онъ поступалъ въ пожизненное владѣніе то того, то другаго уніатскаго епископа. Такъ еще 1595 г. 20 Мая Ипатій Поцѣй и Кириллъ Терлецкій прибыли сюда для свиданія съ митрополитомъ Рогозой и переговоровъ по дѣлу уніи; пробывъ три дня въ безполезномъ ожиданіи, они написали митрополиту довольно рѣзкое, угрожающее посланіе, съ убѣжденіемъ пріѣхать въ скорѣйшемъ времени въ Брестъ для совѣщаній съ ними **).—Около этого времени Кобринская «держава» находилась уже въ составѣ «маетности» вдовствующей по Стефанѣ Баторіѣ королевы Анны, которой принадлежалъ и jus patronatus. Пользуясь этимъ правомъ, она, по назначеніи Іоны Гоголя Пинскимъ епископомъ, пожаловала Кобринскій Спасскій монастырь съ отчиною Луцкому епископу Кириллу Терлецкому, который выпросилъ себѣ эту выгодную бенефицію потому, что во время бытности его въ Римѣ, Запорожскій гетманъ Наливайко опустошилъ его имѣніе.

*) Акты Вилен. Археогр. Ком. т. II 16 стр.

**) Т. 4, ст. 93 и 123.

Сигизмундъ III 1596 г. 30 Мая подтвердилъ эту «данину» королевы и пожизненно отдалъ Луцкому епископу «монастырь Спаса съ церквями, съ дворомъ монастырскимъ, съ селы и съ подданными и со всѣми до него належачими пожитками.» *) 1632 г. Апрѣля 19 этотъ монастырь поступилъ въ новое пожизненное завѣдываніе уже Пинскаго епископа Рафаила Корсака. Такимъ образомъ переходя изъ рукъ въ руки, онъ постепенно терялъ свое значеніе, а своекорыстіе и произволъ лицъ, управлявшихъ имъ, необходимо вліяли на его матеріальное положеніе. Пожизненные владѣтели налагали на монастырь тяжелыя обязательства, которыя были приводимы въ исполненіе повѣренными лицами—далекими отъ мысли охранять матеріальное и нравственное благосостояніе и значеніе обители. Случалось даже, что пожизненные владѣтели мѣняли этотъ монастырь на др. болѣе выгодныя и сподручныя бенефиціи. Такъ 1603 г. Пинскій епископъ Паисій промѣнялъ «до живота» Кобринскую архимандрію на Пинскую протопопію, вступивши по этому дѣлу въ сдѣлку съ протопопомъ Пинскимъ Петромъ Аркудіемъ. Сигизмундъ III грамотою отъ 3 Марта 1603 г. утвердилъ этотъ обмѣнъ. **) Кромѣ того, монастырь этотъ долженъ былъ испытать общую участь съ городомъ—страшные пожары, моровыя язвы, войны, со всѣми ихъ плачевными послѣдствіями. Не забыли и козаки временъ Богдана Хмѣльницкаго посѣтить Кобринъ ***).

Къ замѣчательному событію въ судьбахъ Кобринскаго Спасскаго монастыря мы должны еще отнести уніатскій соборъ, бывшій здѣсь въ 1626 году. Соборъ важный по числу присутствовавшихъ лицъ и по своей цѣли. Здѣсь были уніатскій митрополитъ Іосифъ Вельяминъ Рутскій,—какъ предсѣдатель; Антоній—архіепископъ Полоцкій; епископы: Іоахимъ—Брестскій и Владимірскій, Іеремія—Острожскій и Луцкій, Григорій—Туров-

---

*) Ак. Зап. Рос. т. 4, 133 стр.

**) Акт. Южной и Зап. Рус. ред. Костомарова т. 2-й ст. 28.

***) Костомаровъ—Богданъ Хмѣльницкій.

скій и Пинскій; Левъ—Черниговскій и Смоленскій, Афанасій—Перемышльскій и Самборскій и довольно значительное число лицъ низшаго клира. Здѣсь между прочимъ рѣшался одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ—именно вопросъ о приготовленіи и воспитаніи кандидатовъ на церковныя уніатскія должности,—вопросъ объ устройствѣ уніатской семинаріи для всей митрополіи. Средствомъ къ этому положены были добровольныя приношенія и вклады самаго же уніатскаго духовенства и уніатскихъ церквей. Сигизмундъ III, приглашавшій отъ 31 марта все уніатское духовенство и свѣтскихъ поборниковъ уніи на этотъ соборъ къ 6 сентября, во избѣжаніе всякихъ случайностей, напередъ увѣдомилъ приглашаемыхъ, что «беспеченство всякое, всимъ особомъ стану духовного и свѣтцкого на томъ синодѣ будучимъ будетъ варуемо, и на досмотрѣнье того певныхъ особъ зъ рамени нашого особливымъ листомъ нашимъ послали есьмо, и того имъ пильно досмотрѣти поручили.» Предосторожность была не напрасна; жители, по преимуществу братчики мѣщане, вѣрные еще православію, не могли спокойно смотрѣть на это сборище отступниковъ православія и своимъ явнымъ недоброжелательствомъ смущали ихъ. Эта съ одной стороны ненависть къ уніи и ея поборникамъ, а съ другой завѣтная любовь къ православію выразились въ построеніи въ 2-хъ верстахъ отъ Кобрина, въ д. Лепесахъ, новаго монастыря, отъ котораго не осталось никакихъ слѣдовъ. Только богослужебныя книги, разновременно изданныя православными братствами Львовскимъ и Виленскимъ, присланныя въ Лепесовскій монастырь и оттуда въ послѣдствіи, какъ гласятъ надписи на этихъ книгахъ, поступившія въ Кобринскій Спасскій монастырь, ясно говорятъ за существованіе Лепесовскаго монастыря и его православіе. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность подтвердить эти предположенія и догадки несомнѣнными фактами. Лепесовскій монастырь былъ основанъ въ 1635 г. Василіемъ Юрьевичемъ Пришихотскимъ. Въ своемъ имѣніи Лепесахъ онъ отдѣлилъ «штуку» земли и дворище Навратинское и отдалъ въ завѣдываніе иноковъ Пинскаго Купятицкаго монастыря съ тѣмъ, чтобы здѣсь они устроили общежитіе. Для большаго обезпеченія братіи, онъ

дозволилъ «безъ мѣрки молотье въ Лепесовскомъ млынку Вешняку, кгды мливо будетъ, а также безпрепятственную ловлю рыбы въ рѣкѣ Мухавцѣ въ тоняхъ неводныхъ и затокахъ и въ ставку лепесовскомъ. При этомъ онъ завѣщалъ, чтобы братія навсегда оставалась въ послушаніи святыхъ патріарховъ Константинопольскаго и Ерозолимскаго и, пока онъ будетъ въ живыхъ, обѣщалъ быть «оборонцою» монастыря отъ всякой крывды; по своей же смерти отдалъ этотъ монастырь подъ оборону и опѣку монастыря Виленскаго братства Св. Духа реліи старое русское» *). Эти два обстоятельства — вызовъ монаховъ изъ Пинскаго Купятицкаго монастыря въ Лепесы и отдача ихъ подъ покровительство Виленскаго Свято-Духовскаго братства — заслуживаютъ нашего вниманія. Свято-Духовскій Виленскій монастырь и его братство вели въ то время упорную, удачную, отличающуюся истинно христіанскимъ достоинствомъ борьбу съ уніей. На нихъ были обращены взоры всего православнаго западно-русскаго міра. Благочестивые ревнители православія, равно какъ и православные монастыри, разсѣянные по всему пространству сѣверо-западной Руси, находились въ живѣйшихъ сношеніяхъ съ Виленскимъ Свято-Духовскимъ монастыремъ. Если послѣдніе получали отъ него помощь и покровительство, то первые, основывая монастыри, приглашали въ оныя иноковъ изъ Виленскаго Св.-Духовскаго монастыря, какъ непоколебимыхъ поборниковъ православія. Такъ 1626 г. Василій Копецъ, по убѣжденію матери своей Аполлоніи Волловичъ Войны, купилъ село Купятичи и построилъ въ немъ монастырь, куда первоначально пригласилъ братію изъ Виленскаго Свято-Духова монастыря. Василій же Пришихотскій приглашаетъ 1635 г. въ д. Лепесы иноковъ Купятицкаго монастыря и отдаетъ ихъ подъ покровительство Виленскаго Св.-Духова монастыря. Такимъ образомъ, Лепесовскій монастырь вступилъ на первыхъ порахъ своего существованія въ духовную родственную связь съ двумя извѣстными монастырями въ нашемъ краѣ. Очевидно, онъ долженъ былъ раздѣлять участь обоихъ мона-

*) Акты Вилен. Археогр. Ком. II. 66—71.

стырей, особенно же Купятицкаго, какъ ближайшаго сосѣда и притомъ своего родоначальника. И дѣйствительно, его положеніе стало небезопасно съ 1655 года, когда бѣжала въ Кіевъ братія Купятицкаго монастыря, по причинѣ гоненія па нихъ поляковъ. До того же времени онъ пользовался миромъ подъ твердою защитою Виленскаго братства и потомковъ своего фундатора. 1638 года Иванъ Василевичъ Пришихотскій подтвердилъ во всей силѣ дарственную запись отца и съ своей стороны записалъ «частку кгрунту отъ своего им. Лепесъ отцомъ реліи греческое, послушенства всходнего, патріарха Константинопольскаго, регулы Св. Василія законникомъ, монастыря Лепесовскаго неунитомъ» *).

Примѣч. На обѣихъ записяхъ подписались сосѣди помѣщики: Пѣкарскій, Босяцкій, Прилуцкій, Быковскій, Здитовецкій, Остромецкій—бывшіе тогда въ православіи, а теперь латиняне.

Въ послѣдствіи, когда унія увлекла въ свои сѣти существующія въ Кобринѣ церкви, православные ходили въ Лепесы на богослуженіе, которое отправлялъ православный священникъ. Уніаты впрочемъ не могли спокойно смотрѣть на существованіе Лепесовскаго прав. монастыря. Сохранилось преданіе, по которому въ день Пасхи, во время заутрени, уніаты напали на Лепесовскую церковь, «колодою» выбили запертые двери, выгнали священника и забрали церковь. Существуютъ еще два преданія, которыя передалъ намъ одинъ кобринскій мѣщанинъ и которыя показываютъ, что православіе долго здѣсь боролось съ уніей, что память о немъ дожила до послѣдняго времени. Эти преданія дороги для насъ и потому мы заносимъ ихъ на эти страницы. Дѣло происходило давно такимъ образомъ. Православные въ день Пасхи отправились «съ коробками» въ Лепесы къ богослуженію и для посвященія хлѣбовъ. Туда надо было переправляться на лодкахъ чрезъ рѣку Мухавецъ. На возвратномъ пути, поджидавшіе ихъ уніаты напали на православныхъ, побили ихъ и, отнявъ освященные хлѣба, бросили въ воду. Другое преданіе касается болѣе близкаго къ намъ времени. Ко-

---

*) Акты Вилен. Арх. Ком. II. 71.

гда настало время уничтоженія уніи, естественно, должно было возникнуть въ умахъ маленькое недоумѣніе; «въ то время престарѣлый отецъ нашъ, говорилъ мнѣ упомянутый мѣщанинъ, уже находившійся на смертномъ одрѣ, сказалъ намъ: дѣтки, непротивтесь православію; мои родители были еще православными, унія не такъ-то давно здѣсь настала, а до уніи здѣсь православіе было.» Пусть другіе болѣе насъ счастливые дополнятъ эти преданія, а мы съ своей стороны скажемъ, что изъ жителей г. Кобрина долѣе всѣхъ устояли въ православіи мѣщане Гарбарской улицы, что изъ кобринскихъ жителей, какъ насъ увѣряли, до послѣдняго времени остались въ православіи двѣ фамиліи, пережившіе уничтоженіе уніи. Конечно, это лучше всего можно провѣрить по метрическимъ записямъ, долженствующимъ храниться при древне православной Брестской церкви.

Захвативши Лепесовскій монастырь, Кобринскіе Спасскіе Базиліане не оставались равнодушными къ дѣлу уніи; они пользовались всѣми средствами, которыя удовлетворяли ихъ видамъ и цѣлямъ. Они воздвигли во всѣхъ своихъ имѣніяхъ церкви или какъ ихъ звали «монастырки.» Такъ кромѣ Лепесъ, они основали свои монастыри въ селахъ Корчицахъ, Петкахъ, Ходыничахъ, Новоселкахъ и др. Такимъ образомъ, кругомъ Кобрина они растянули свою сѣть, подъ которою жить православнымъ было неудобно. И однакожъ насъ поражаетъ то явленіе, что, при существованіи упомянутыхъ базиліанскихъ монастырей и другихъ бывшихъ еще въ с. Тороканяхъ, въ мѣстечкахъ Антополѣ и Хомскѣ, народъ въ Кобринскомъ уѣздѣ преимущественно предъ населеніемъ прочихъ уѣздовъ сохранилъ чистоту православія. Это приводитъ къ заключенію, что до введенія уніи, православіе здѣсь было развито и укоренено въ сильной степени.

Послѣ возсоединенія уніатовъ съ православною церковью, Кобринскій Спаскій монастырь остался закрытымъ. Въ помонастырскихъ зданіяхъ теперь помѣщается духовное уѣздное училище. Прежняя деревянная монастырская церковь занимала то мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ крестъ на училищномъ дворѣ. Въ отечественную войну 1812 г. ограда монастырская была обращена въ редутъ, а самая церковь истреблена пожаромъ. Послѣ этого

церковь была устроена въ каменномъ двухъ-этажномъ зданіи изъ монашеских келій; эту церковь въ настоящее время предположено обратить на устройство классовъ, жилыхъ ученическихъ комнатъ и домовой церкви.

Переходя къ другимъ церквамъ въ Кобринѣ, мы должны сказать, что свѣдѣнія о нихъ чрезвычайно скудны; тѣмъ не менѣе, существованіе ихъ очень древнее. Г. Бобровскій, говоря объ обеспеченіи Кобринскаго Спасскаго монастыря княземъ Иваномъ Семеновичемъ, нѣсколько ниже замѣчаетъ: «Въ то время въ Кобринѣ находились три православныя церкви: Пречистенская, Петропавловская и Николаевская.» Въ подтвержденіе своихъ словъ почтенный авторъ ничего не приводитъ. Съ своей стороны мы спѣшимъ подѣлиться съ читателемъ несомнѣнными свидѣтельствами, удостовѣряющими въ глубокой древности означенныхъ церквей. Еще 1465 г. февраля 9 дня княгиня Семеновая Ульяна Кобринская съ сыномъ своимъ Иваномъ Семеновичемъ пожаловала слузѣ своему на имя Іюдѣ въ Кобрини, на городи, церковь Св. Ап. Петра и Павла и со всими доходы съ приходы и со всими пашнями, и зъ десятинами и зъ данью, зъ землею и со всимъ тѣмъ, что прежде слушало по старому къ церкви Св. Апостолъ при старомъ попѣ Петровскомъ на имя Паци.

Благочестивый благотворитель князь Иванъ Семеновичъ Кобринскій не оставилъ безъ попеченія и прочихъ церквей. 1469 г. онъ, посовѣтовавшись съ боярами и слугами вѣрными, далъ и записалъ къ церкви Св. Николая Кобринской половину дворища Таратопскаго слузѣ своему вѣрному, на имя Сеньку Серговичу вѣчно со всими польми и сеножатьми. Отъ этого же времени сохранился памятникъ, свидѣтельствующій о древности въ г. Кобринѣ церкви Пречистенской. Это жалованная грамота того же князя Ивана Семеновича отъ 1479 г. священнику Якову, предоставляющая ему и его потомству въ распоряженіе храмъ Пречистыя Богородицы въ Кобрини.*) Замѣчательно, что всѣ эти три церкри представляются уже существующими съ давняго времени. Въ позднѣйшее время о трехъ кобринскихъ

---

*) Акти Южной и Западной Россіи подъ ред. Костомарова т. 1 293 и 294 стр.

церквахъ свидѣтельствуетъ и люстраціи Димитрія Сапѣги 1563 г., по которой между прочимъ означено 6 уволокъ земли, принадлежащей упомянутымъ тремъ православнымъ церквамъ въ Кобринѣ. Съ введеніемъ уніи началось повсемѣстное насильное обращеніе православныхъ церквей въ унію. Таже участь постигла, впрочемъ не безъ борьбы, и православныя церкви въ Кобринѣ. Только благодаря подвигамъ Богдана Хмѣльницкаго, провославные г. Кобрина успѣли возвратить себѣ и то на нѣкоторое время одну церковь. Зборовскимъ договоромъ, подписаннымъ 12 генваря 1650 г. Владиславомъ IV, обратно отдана православнымъ Кобринская Пречистенская церковь. (Истор. объ уніи 112—116). Недолго впрочемъ православные торжествовали свою побѣду. Уніаты снова овладѣли ею. Что касается дальнѣйшей судьбы этихъ церквей, то мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго по неимѣнію данныхъ. Упомянемъ только, что за глубокую древность ихъ ручается мѣстное преданіе, которое полагаетъ ихъ отъ начала ихъ существованія занимающими одни и тѣже мѣста, хотя зданія церковныя не разъ погибали въ многократныхъ пожарахъ, посѣщавшихъ Кобринъ. Современныя церкви отстроены въ недавнее время. Такъ Петро-Павловская церковь, благодаря наступившимъ лучшимъ временамъ и неутомимой дѣятельности мѣстнаго священника, отстроена нѣсколько лѣтъ тому назадъ на мѣстныя средства. Прежняя же Петро-Павловская церковь стояла около 200 лѣтъ невредимою. Она пережила всѣ пожары, даже самые опустошительные, каковъ напр. пожаръ 1835 г. и видѣла въ стѣнахъ своихъ на клиросѣ достознаменитаго нашего Суворова, жившаго въ имѣніи своемъ въ 1½ верст. отъ Кобрина. Къ ней велъ даже Суворовскій переулокъ, теперь застроенный. Николаевская и б. соборная Пречистенская тоже отстроены не слишкомъ давно послѣ пожара на мѣстныя средства. Первая погибла въ страшномъ пожарѣ 1835 г., истребившемъ едва не весь городъ. Нельзя не удивляться ревности и приверженности замухавецкихъ мѣщанъ къ этой церкви. На трудовые гроши они построили ее и до сихъ поръ, по возможности, не перестаютъ о ней заботиться. Спустя немного времени послѣ пожара, она,

по волѣ епархіальнаго начальства, низведена въ разрядъ приписныхъ церквей. Съ этой поры упомянутые мѣщане не перестаютъ хлопотать предъ высшимъ епарх. начальствомъ о возведеніи ея снова въ приходскую церковь, каковою она была до истребившаго ее пожара. Къ ихъ не малому сожалѣнію, она и до сихъ поръ остается приписною къ Кобринскому собору. Благодаря дѣйствительному участію и заботливости б. священника Левицкаго (нынѣ протоіерея Виленской Николаевской церкви) и усердію замухавецкихъ мѣщанъ около нея съ трехъ сторонъ воздвигнута каменнная ограда, окончаніе которой пріостановлено за переводомъ въ др. мѣсто упомянутаго священника. Послѣдняя т. е. соборная Пречистенская построена тоже на скоро, а потому архитектура ея посредственна. До 1812 г. прежняя церковь была о пяти главахъ, богато украшенная внутри. Въ ней сохранялся еще иконостасъ и литургія совершалась *съ переносомъ* т. е. великимъ входомъ. Въ 1812 г. она была сожжена во время сраженія. Мѣщане долго и усердно хлопотали пока имъ удалось устроить настоящую церковь на скоро изъ купленнаго около Кобрина сарая. Препятствовало ея постройкѣ якобы гражданское вѣдомство. Не смотря однакожъ на недостатокъ въ архитектурѣ, она дорога для насъ, какъ историческій памятникъ борьбы за православіе. Въ настоящее время носится слухъ объ упраздненіи ея и перенесеніи на кладбищѣ. Желательно было бы—потому, чтобы на занимаемомъ ею теперь мѣстѣ была выстроена часовня, какъ памятникъ существовавшаго здѣсь съ глубокой древности православнаго храма. Въ противномъ же случаѣ, нѣтъ полной увѣренности, что чрезъ лѣтъ 5—10 на ея мѣстѣ не будутъ стоять жидовскіе дома. Вѣдь два—три года тому назадъ жиды раскопали же древне-русскій княжескій замокъ, бывшій предъ фронтономъ нынѣшняго Александро-Невскаго собора и застроили его своими домами, питейными заведеніями и т. п. пристройками. Намъ кажется, что мы обязаны не уничтожать, а по возможности поддерживать и сохранять памятники нашей Западно-Русской старины.

Иванъ Котовичъ.

С. Черевачицы
Кобринскаго уѣзда.

ОЧЕРКИ БЫТА ЗАПАДНО-РУССКАГО КРЕСТЬЯНИНА. (*)

I.

Рожденіе младенца и его первоначальное воспитаніе.

Вся жизнь человѣка, по мнѣнію крестьянъ, зависитъ отъ минуты его рожденія. Если человѣкъ счастливъ, если онъ испытываетъ удачу во всемъ, не знаетъ никакихъ лишеній, богатъ, пользуется почетомъ, то причину этого нужно искать въ той счастливой звѣздѣ, подъ которою родился этотъ баловень природы. Не только онъ,—каждый, родившійся въ эту минуту, уже непремѣнно наслаждался бы подобнымъ счастіемъ. *Въ чепцѣ* (въ сорочкѣ, по великорусски) *ужъ родился.* Напротивъ вся несчастная жизнь человѣка, какъ въ зернѣ, уже кроется въ минутѣ его рожденія и никакія силы и способности, никакія заслуги и дарованія не спасутъ бѣднаго страдальца отъ дальнѣйшихъ, неизбѣжныхъ ударовъ неумолимой судьбы. Такъ ужъ, значитъ, на роду написано. *Такая ужъ годзина.* Такой фаталическій взглядъ крестьянина на жизнь образовался не случайно. И великоруссъ нерѣдко видитъ въ жизни не слишкомъ—то великое благо. *На вѣку — не на боку, достается и хомяку; вѣкъ пережить, — не поле перейти;*

(*) При составленіи этой статьи я пользовался, между прочимъ, свѣдѣніями, обильно доставленными мнѣ бывшими воспитанниками Молодечненской учительской семинаріи, нынѣ наставниками народныхъ училищъ. Таковое участіе къ моему труду оказали изъ нихъ: *М. Родюковъ, А. Андросюкъ, А. Рѣдька, С. Зѣнько, С. Евтукинъ, А. Лакотко, Д. Шамшура, Г. Авсюкъ, Я. Гусаковъ, М. Мушицъ.* Долгомъ считаю принести имъ искреннюю мою признательность. *Авт.*

жить мучиться—а умереть не хочется; не до жиру—быть бы живу; эхъ, житье, житье! вставши и за вытье. Но въ этихъ грустныхъ вздохахъ великорусса слышится только сознаніе тяжестей жизни, подъ которыми однако онъ не падаетъ и, при всѣхъ мукахъ жизни, ему никакъ *умереть не хочется.* Западно-руссъ часто считаетъ себя несчастливымъ потому одному уже, что онъ живетъ, что явился на этотъ свѣтъ на бѣду да на горе. Случись еще при этомъ рожденіе дитяти, крестьянину новая бѣда; *и безъ того у меня не стаетъ хлѣба,* слышится отъ него, *а тутъ еще Богъ далъ дармоѣда.* Такой мрачный, даже не христіанскій взглядъ на жизнь выработался у западноруссa въ послѣднее, тяжелое время порабощенія его польскими панами. Въ началѣ, когда Западная Россія съ Велико-Россіей составляла одно, здѣшній крестьянинъ чувствовалъ себя совершенно иначе, и теперь онъ живетъ только воспоминаніемъ этого счастливаго времени, надеждою его возврата. Ой колыбъ, колы, говорится въ народной пѣснѣ, Москали прышлы,

Москали прышлы,
Наши сродные,
Вѣры одныя!
Добре намъ было;
Счастно намъ было:
Коли Русь уся,
Тримаючися
Одной силою,
За-одно была.
Да й къ намъ за грѣхи,
Понайшли Ляхи,
Заняли намъ край
Ажъ до Ляховичъ.
Ой, Ляхи-бъ не прышлы,
Щобъ паны ихъ не свелы,
Ой, паны щобы пропалы,
Що Ляхамъ насъ запродалы;
Ой, паны, щобъ вы сгинулы,
Що вы вѣру покинулы.

Такимъ образомъ главная причина отчаянія западно-русса— это запродажа его Ляхамъ, отъ которыхъ онъ боялся многихъ мученій и за свою вѣру. Эти опасенія сбылись......

От ксендзя Радзивилла,
Понайшла нечиста сила,
Понайшла нечиста сила
Русску вѣру заглумила.

Понятное дѣло, что такая бѣда, какъ потеря дорогого отечества и съ тѣмъ вмѣстѣ преслѣдованія за вѣру, съ опасеніемъ совершенно потерять послѣднюю, способны хотя кого повергнуть въ отчаяніе. Великоруссъ никогда не испытывалъ этого нравственнаго гнета; даже татары уважали его религіозныя убѣжденія и охраняли ихъ; отъ этого въ его взглядѣ на жизнь нѣтъ такого фатализма, какой встрѣчаемъ мы у бѣлорусса, у котораго силились отнять главныя стихіи нравственной жизни— отечество и вѣру. Къ этому для западнорусса прибавилось новое зло: вѣчная физическая работа, безъ конца и мѣры, работа, продолжавшаяся и днемъ и ночью, и въ будни и въ праздникъ, работа по звонку и подъ палкой и при томъ не для себя, а для голытьбы — шляхты-пановъ, для дармоѣдовъ ихъ экономовъ. Горькое чувство этого тяжелаго состоянія западноруссъ сложилъ въ слѣдующей пѣснѣ:

На Волыни витеръ віе,
На Полісьи тыхо,
Щобъ ты видавъ, панэ братэ,
Що у насъ за лыхо.
Ой, якъ булы стары паны,
Добрэ на роботу;
Цылый тыждэнь робышь собі,
Панщина въ субботу.
Якъ насталы молодые,
То злѣ на роботу —
Цылый тыждэнь на панщины
Шарваркъ въ субботу.
Щобъ нэ тыи окономы,
Бувъ бы мужикъ паномъ.

Дожидаемъ мы нэдильки,
Якъ самого Бога,
Хочь жежъ мы въ нэдильку
Започинемъ въ дома.
А въ нэдилю щэ ранэнько
Во всі звоны звонять,
Окономы и зъ вуйтами
На панщину гонять:
Старыхъ мущинъ молотыты,
А жоночекъ прясты;
Малыхъ дитэй до тютуну,
У папуши класты.
У нашого оконома,
Сыни нагавици
Всі паробки на панщины,
Пойдуть и молодыці.
У нашого оконома
Шовковая хустка,
Нэ одная въ нашумъ сэлі
Стоитъ хата пуста.
У нашого оконома
Хорошая барва,
Чужимъ людямъ заплатъ дае,
Свои робятъ дармо.

И этотъ кровавый потъ, эта непомѣрная работа на пана имѣла своимъ слѣдствіемъ только то, что, какъ говорится въ пѣснѣ, и какъ даже мы сами видѣли, въ селѣ оставалась не одна хата пустою, образовывались пустки, являлись беземельные батраки. И въ Польшѣ были люди, которые сознавали всю несправедливость подобныхъ отношеній шляхты, пановъ къ крестьянамъ. Въ 1733 г. въ Нанси, во Франціи, было издано сочиненіе, (Станислава Лещинскаго), въ которомъ, между прочимъ, прямо положенъ палецъ на больное мѣсто Польши. Всѣмъ, чѣмъ мы славимся, мы обязаны простому народу, говоритъ авторъ. Очевидно, что я не могъ бы быть шляхтичемъ, если бы хлопъ не былъ хлопомъ. Плебеи суть наши хлѣбодатели, они для насъ

добывают сокровища изъ земли, отъ ихъ работъ нашъ достатокъ, отъ ихъ труда богатство государства. Они песутъ бремя податей, они выручаютъ насъ во всѣхъ трудахъ, такъ что если бы ихъ не было, мы сами должны бы сдѣлаться землепашцами, такъ что вмѣсто обыкновенной поговорки: панъ изъ пановъ, слѣдовало бы употреблять другую: панъ изъ *хлоповъ*. Дальше бывшій король упрекаетъ общество въ томъ, что оно обращается съ чернью, какъ съ рабами, которые тѣмъ только разнятся отъ невольниковъ, что не носятъ оковъ. Но это былъ голосъ вопіющаго въ пустынѣ. Лживыя шляхетскія понятія слишкомъ глубоко въѣлись въ организмъ Польши, что бы они могли уступить мѣсто чему нибудь другому. По прежнему у бѣднаго крестьянина забирали все, не давая ему ничего; по прежнему звонъ экономскаго колокольчика заглушалъ благовѣстъ въ православномъ храмѣ, звалъ *быдло* на работу. И чего, чего, сообщаютъ намъ нѣкоторые крестьяне, не вынесъ бѣдный крестьянинъ во время господства шляхты! Положенія крестьянина никакъ нельзя было сравнить съ положеніемъ помѣщичьяго животнаго; для своего животнаго помѣщикъ былъ гораздо милостивѣе, чѣмъ для крестьянина. Если въ семьѣ у крестьянина было нѣсколько сыновей, то помѣщикъ бралъ ихъ у отца и отдавалъ, кому вздумается, или же заставлялъ ихъ безплатно работать у себя всевозможныя работы. Не безъ основанія крестьяне называли дворъ помѣщика *пекломъ*, а работы въ немъ *пекельными*. Отъ этой работы не было отдыха даже въ самые великіе праздники. Случалось, что въ Рождество Христово и въ Свѣтлое Воскресеніе, помѣщикъ заставлялъ бѣднаго крестьянина варить барду и гнать горѣлку. При такомъ безвыходномъ положеніи, крестьянинъ—бѣлорусъ, не надѣясь на собственныя силы, обращается къ Богу съ молитвою.

Ой, поидужъ я въ постъ великій,
До Турова до Владыки,
Да й покаюсь за грѣхи;
День и ночь буду молыты,
День и ночь буду просыты,
Щобы згинули Ляхи.

Иногда слишкомъ уже давали крестьянину чувствовать себя тяжести подобной жизни и тогда у него вырывалось болѣзненное раздраженіе противъ такого съ нимъ обращенія. Бодай пану у дворі страшно, поется въ одной пѣсни,

Якъ намъ въ полю сонце зашло,
Сонце зашло — мы ще жнэмо,
При місяці снопы носымо,
При зориньках копы кладэмо,
О пувночи до дому йдэмо,
На світаньи вечераемо,
У дэнь білый знову йдэмо.

При такомъ строѣ жизни, крестьянинъ могъ думать, что только особое, счастливое рожденіе человѣка можетъ избавить его отъ предстоящихъ ему тягостей. *Не родися красный*, *а родися счастный*, говоритъ здѣшняя пословица, и чтобы не помѣшать, такъ сказать, этому счастливому рожденію, крестьянинъ старался выполнить всѣ условія, всѣ обряды, которыя передавались ему для этого случая отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Въ этомъ отношеніи старина неизмѣнно практиковалась нашимъ бѣлоруссомъ; въ особенности женщины строго смотрѣли, чтобы на нихъ все было *по старовинѣ*, *якъ съ давныхъ давень бывало*, *щобы то*, *що не за насъ настало*, какъ говорятъ онѣ, *не черезъ насъ и перестало*. Преданіе для бѣлорусса было своего рода святыней, хотя, какъ замѣчаютъ старики, и какъ передаетъ намъ эти замѣчанія стихами одинъ изъ среды ихъ, теперь наступаетъ время новое. Приводимъ выдержки:

Изчезаетъ ужъ обычай
Нашей древней старины,
Скоро будетъ новый звычай,
Станетъ много новины.
Наша жизнь теперь не трудна,
Но и счастье далеко;
Да какъ слава наша скудна,
И не чтутъ насъ высоко.
Что и чтить насъ, что и помнить
Наши искренни труды;

Можно смѣло правду молвить,
Что ничтожны ихъ плоды.
Какъ придется дѣтямъ нашимъ
Горы съ горами сводить;
На мѣстахъ тѣхъ гдѣ мы пашемъ
Путь желѣзный проводить;
Такъ и слава ихъ проникнетъ
Во предѣлы всей земли,
Всякъ тогда изъ нихъ воскликнетъ,
Что могучіе они.
«Удивительно намъ стало»
Скажутъ стары молодымъ:
«Что за время ужъ настало!
Всякъ себѣ какъ господинъ.»
Много прежде мы томились
На работѣ у пановъ,
Богу мы тогда молились —
Чтобъ Онъ спасъ насъ бѣдняковъ,
Богъ призрѣлъ на наши бѣды
И помиловалъ людей,
Даровалъ Царю побѣды,
Пріютилъ насъ какъ дѣтей.
Царь изъ милости къ народу
Даже трудъ употребилъ;
Даровалъ ему свободу, —
Просвѣтить благоволилъ.

Мы говорили уже, что крестьянинъ иногда бываетъ не радъ, если у него является въ семьѣ новый членъ. Но мы слишкомъ ошиблись бы, обобщивъ подобное явленіе. Указанный случай имѣетъ мѣсто только тогда, если крестьянинъ несчастливъ и въ высшей степени бѣденъ. Вообще же рожденіе дитяти считается въ семьѣ праздникомъ, особенно если у родителей долго не было дѣтей. Когда рождается ребенокъ, то отецъ почесавши за ухомъ, отправляется за бабой и несетъ ей хлѣбъ-соль. Явившаяся баба беретъ новорожденнаго, кладетъ его на шубѣ, завязываетъ пупъ и при этомъ самую пуповину отрѣзываетъ

до топора (на топорѣ); это значитъ, чтобы дитя, когда выростетъ, привязано было къ топору, любило имъ работать. А что кладутъ младенца на шубѣ, — это — общеславянское обыкновеніе, практикующееся при единствѣ значенія самымъ различнымъ способомъ. Мы стараемся обернуть руку во что нибудь мохнатое, когда поздравляемъ кого нибудь съ особенно счастливымъ случаемъ. Въ Малороссіи мать молодой встрѣчаетъ *князя*, по возвращеніи его отъ вѣнца, въ вывороченной шубѣ, сидя на вилахъ или на кочергѣ и держа въ рукахъ горшокъ съ водою и овсомъ. Въ Бѣлоруссіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и въ Великоруссіи самыхъ молодыхъ садятъ на вывороченной шубѣ, или же просто *на бараньей овчинѣ длинной шерсти*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ употребленіе мохнатаго предмета означаетъ желаніе счастія, богатства, потому что мохнатъ—значитъ богатъ. (Сахаровъ, Терещенко). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ребенка велятъ стричь въ первый разъ на шубѣ; прямо говорятъ: *богатъ будетъ*.

Покончивъ первоначальные пріемы около новорожденнаго, родители подумываютъ о крещеніи дитяти. По возможности скорѣе окрестить дитя—у бѣлоруссa почитается священною обязанностію и для родителей величайшее несчастіе, если ребенокъ умеръ некрещенымъ; вся жизнь ихъ проходитъ въ оплакиваніи этаго несчастнаго случая. По христіанскому обычаю, крестьянинъ ищетъ воспріемниковъ, которые завезли бы дитя ко кресту и потомъ были бы его опекунами. Въ крестьянскомъ быту это дѣло не легкое; правда, что отказаться отъ предложенія быть кумомъ, крестьяне считаютъ грѣхомъ; но лѣтнее рабочее время, нужда и своего рода суевѣрія часто заставляютъ нѣкоторыхъ отказываться отъ священныхъ обязанностей воспріемника. Больше всего бѣды отыскать воспріемницу. Женщина, которой предлагаютъ эту честь, обыкновенно спрашиваетъ: что Богъ далъ, дочь или сына? Если ее въ первый разъ приглашаютъ быть воспріемницей, то охотно идетъ, узнавши, что новорожденное дитя-мужескаго пола; если же женскаго, то очень трудно, почти невозможно, склонить ее на предложеніе; тутъ у нея и во времени не досугъ, и денегъ нѣтъ, которыя

потребуются на расходы по случаю крестинъ и тому подобныя отговорки; но дѣло все въ томъ, что она боится, *что у нея перестанетъ родиться ленъ;* потому что, по мнѣнію крестьянъ, если женщина въ первый разъ будетъ воспріемницей дитяти женскаго полу, то у нея не будетъ хорошо родиться ленъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приглашаютъ воспріемниковъ слѣдующимъ образомъ. Хозяинъ беретъ хлѣбъ и, сдѣлавъ съ верху маленькое отверстіе, насыпаетъ туда немного соли; съ этимъ хлѣбомъ-солью онъ отправляется въ тотъ домъ, гдѣ намѣренъ просить воспріемниковъ. Пришедши въ чужой домъ, онъ предлагаетъ хозяину принесенный хлѣбъ-соль. Если тотъ принимаетъ и въ замѣнъ предлагаетъ свой,—значитъ онъ соглашается быть воспріемникомъ; въ противномъ случаѣ принесшій отправляется въ другой домъ. Если случается, что у родителей умираютъ дѣти, то считая отчасти причиной этого воспріемниковъ, они, или просятъ священника дать новорожденному имя отцовское, или стараются взять, такъ называемыхъ, ловленныхъ кумовей, т. е. такихъ лицъ, которые попадаются прежде всѣхъ, когда отецъ выйдетъ изъ дому съ намѣреніемъ просить воспріемниковъ; обычай — который и намъ самимъ случалось видѣть въ Великороссіи и даже Петербургѣ; считается, что дѣти такихъ воспріемниковъ будутъ живы.

Уладивши дѣло съ воспріемниками, хозяинъ совѣтуется съ ними и съ своей женой о времени крещенія ребенка; день крещенія называется *христинами.* Все время до христинъ извѣстно подъ именемъ «*родинъ*» или «*родзинокъ*». Тогда бываютъ, такъ называемые «*вотпоты*» или «*отвѣды*». Теперь бабка, кумовья, ближайшіе сосѣди и родственники приходятъ навѣстить новорожденнаго и приносятъ ему кой какія подарки. Бабка приходитъ каждый день и въ первый должна принести новорожденному пеленки и поясъ. На другой день она приноситъ въ честь новорожденнаго кашу, блины, кусокъ хлѣба и все это ставитъ на кровати, у ногъ родильницы; поставить принесенное на столѣ, значитъ, по мнѣнію народа, накликать на ребенка постоянную болѣзнь. При каждомъ изъ такихъ посѣщеній, хозяинъ предлагаетъ хлѣбъ-соль и бываетъ маленькое угощеніе.

Нужно замѣтить, что не видною, но во всякомъ случаѣ главною виновницею этихъ пирушекъ бываетъ хозяйка или *родилля;* она имѣетъ теперь рѣшительный перевѣсъ надъ мужемъ; указываетъ, главнымъ образомъ, время для крещенія; отъ нея зависитъ выборъ кумовей; мужъ является болѣе или менѣе только исполнителемъ ея воли.

Въ назначенный для крещенія день, у хозяина бываетъ великое угощеніе, *великая гостына.* Теперь запрашиваются сюда всѣ, по возможности, родственники, знакомые, сосѣди. Пока собираются званые и прошеные гости и усаживаются по разнымъ угламъ избы, бабка приготовляетъ дитя ко крещенію: моетъ его, что называется у крестьянъ, *за печкой*, беретъ подушку, дѣлаетъ тамъ углубленіе, укладываетъ туда дитя и по возможности плотнѣе укутываетъ его, оставляя только маленькое отверстіе для прохода воздуха. Пристроивши такимъ образомъ новорожденнаго, бабка подноситъ его къ собравшимся гостямъ, и отъ имени ребенка говоритъ: *якъ я подросту*, *то я буду такъ бигаты*, *и вамъ пыты подаваты.* Передавая новорожденнаго воспріемнику, бабка говоритъ: *благословите дитя до креста.* Воспріемникъ передаетъ новорожденнаго слѣдующему по очереди, пока наконецъ эта очередь не обойдетъ всѣхъ и не дойдетъ до воспріемницы. Нужно замѣтить, что собравшіеся гости усаживаются въ хатѣ во кругъ столовъ въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ. Первое мѣсто, въ углу по ближе къ иконамъ, принадлежитъ кумѣ, второе куму, дальше мужъ бабки, или дѣдъ, потомъ садятся родственники, знакомые. Когда ребенокъ, какъ мы сказали, перебываетъ у всѣхъ и попадетъ къ воспріемницѣ, она выходитъ съ нимъ изъ за стола и начинаютъ собираться *ко кресту.* Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ такой еще обычай. Передъ отъѣздомъ кумовей въ церковь, ихъ три раза обводятъ кругомъ стола съ хлѣбомъ—солью и стаканомъ водки на тарелкѣ. Это совершается такъ: впереди идетъ бабка съ вышеупомянутыми припасами, а за нею слѣдуетъ воспріемникъ съ воспріемницей и несутъ новорожденнаго. Совершивши троекратное, кругостольное путешествіе, воспріемникъ беретъ небольшой хлѣбъ, штофъ водки и затѣмъ всѣ вмѣстѣ отправляются ко кре-

сту. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дитя еще даютъ цѣловать роднымъ; этимъ выражается, по мнѣнію крестьянъ, любовь къ ребенку, желаніе ему здоровья, счастія, радость о его появленіи на свѣтъ. Въ другихъ мѣстахъ каждый изъ присутствующихъ, увидѣвши въ первый разъ новорожденнаго, долженъ непремѣнно плюнуть въ сторону, приговаривая: *тьфу! якое бридкое (гадкое) дзиця.* Это необходимо, по мнѣнію крестьянъ, для того, чтобы кто нибудь не сглазилъ ребенка, *не поврочивъ.* Если случается, что дитя постоянно кричитъ, или дѣйствительно не много нездорово, это значитъ что его кто-то *поврочивъ.* Чтобы убѣдиться въ этомъ, отправляются къ колодцу за водой и набравши полное ведро, несутъ его не оглядываясь. Принесши въ домъ, начинаютъ бросать туда раскаленные угли, непремѣнно только въ количествѣ девяти. Если хоть одинъ изъ углей нырнетъ на дно, то, заключеніе прямое—*повроки* причиной неспокойствія дитяти. За лѣченіемъ противъ этого обращаются или къ бабѣ или знахаркѣ. Съ серьезнымъ видомъ онѣ осматриваютъ ребенка, какъ будто въ самомъ дѣлѣ надѣются что-нибудь вычитать въ его неопредѣленной физіономіи и потомъ приступаютъ къ разнаго рода лѣченіямъ. Главное и почти обыкновенное состоитъ въ томъ, что бабка обноситъ кругомъ дитяти соль, и соль эту потомъ бросаетъ въ печь. Если случится, что ребенокъ успокаивается, то причину этого находятъ въ хитромъ искусствѣ бабки лечить.

Отправляясь ко кресту, кумовья берутъ съ собою, какъ мы сказали, нѣсколько хлѣба, водки, денегъ, чтобы вознаградить священника за труды и чтобы, такъ сказать, съ нимъ раздѣлить радость по случаю новорожденнаго и освятить то угощеніе, которое будетъ потомъ у хозяина. Крещеніе совершается по чиноположенію Св. Церкви. Имя новорожденному обыкновенно дается то, какое по святцамъ совпадаетъ съ днемъ крещенія. Исключенія очень рѣдки. Дома, между тѣмъ, хозяинъ готовитъ угощеніе. Хлопоты впрочемъ тутъ не слишкомъ велики; каждый изъ приходящихъ на крестины является *съ запасцемъ;* приносятъ хлѣбъ, кашу, блины, яичницу и т. п. Хозяинъ запасается водкой и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пекутъ, такъ

называемый, *приголовачъ;* это хлѣбъ, въ честь новорожденнаго, нѣсколько бѣлѣе обыкновеннаго. Имъ угощаютъ всѣхъ приходящихъ, а иногда посылаютъ даже на домъ роднымъ и знакомымъ. Получающіе спрашиваютъ при этомъ объ имени дитяти и изрекаютъ ему свои благожеланія. Кромѣ приголовача, приготовляется еще что либо мясное, каша; среди этихъ приготовленій являются изъ церкви и воспріемники съ окрещеннымъ уже ребенкомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ старается встрѣтить бабка, тоже съ хлѣбомъ, солью и водкой и при этомъ говоритъ слѣдующія слова: *няхай яго Богъ годуе и долю готуе; дай же Боже, кабъ йонъ богатый бывъ, на насъ не забывъ*. Узнавши имя новорожденнаго, бабка передаетъ его другимъ, ей въ это время поютъ, *чтобы она не шла до печи, потому что будетъ рубашка по плечи, а пусть лучше идетъ до полу, чтобы и рубашка была до долу*. Потомъ представляютъ дитя родильницѣ, которая даетъ бабкѣ кусокъ холста на рубашку новорожденному. Иногда бываетъ, что мать для каждаго изъ новорожденныхъ бережетъ одну и ту же рубашечку, которая, послѣ крещенія младенца, надѣвается на него. Такъ поступаютъ нѣкоторыя матери для того, что бы ихъ дѣти жили между собою мирно. Эта рубашечка въ простонародіи называется *мятличкомъ*. Во время представленія младенца матери, воспріемницѣ поютъ: *кума по саду ходыла, кума разсаду садыла*. Отъ матери новорожденное переходитъ къ отцу, который передаетъ его первой кумѣ; она должна *накрыть его станомъ кужеля*, т. е. положить на него такой кусокъ тонкаго полотна, изъ котораго можно бы ребенку сдѣлать рубашку. Первая кума передаетъ второй, если есть, для той же церемоніи, а если нѣтъ, то возвращаетъ отцу, приговаривая: *мы одѣли его, а ты корми бураками, да посылай за быками*. Отецъ беретъ дитя и укладываетъ на приготовленное мѣсто. Послѣ этого начинается угощеніе.

Ставятъ на столъ водку, кашу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ зажареннымъ пѣтухомъ, подъ котораго подкладываютъ какой нибудь десятокъ яицъ, щи, говядину, кладутъ пшеничный хлѣбъ, колбасы. Угощеніе начинается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

приголовачемъ, въ другихъ просто — хлѣбомъ-солью, который, при отправленіи ко кресту, кладутъ на груди младенца (обычай довольно рѣдкій). По возвращеніи отъ креста, этотъ хлѣбъ раздаютъ всѣмъ присутствующимъ, въ знакъ того, по мнѣнію крестьянъ, что младенецъ принесенъ отъ креста съ любовію, и принимающіе хлѣбъ этимъ самимъ уже обязываются любить его и въ случаѣ смерти отца или матери, беречь и хранить его. Когда всѣ усядутся въ порядкѣ, хозяинъ открываетъ самое угощеніе. Онъ наливаетъ чарку водки, благословляетъ ее и, приговаривая: *нехай* (пусть) *Богъ годуе*, *щастье и долю готуе*, пьетъ ее, но не всю; оставляетъ на днѣ немножко, и выливая этотъ остатокъ къ верху, говоритъ: *а сэбъ нашъ* N *такъ выскакувавъ*. По примѣру хозяина должны выпить всѣ съ подобными причитаніями. Когда обойдетъ круговая, гости принимаются закусывать. Главную, таинственную роль тутъ играетъ каша, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Гродн. губ.) ее ѣдятъ со всѣми церемоніями потомъ недѣли двѣ спустя послѣ крещенія; въ другихъ же мѣстахъ (Виленск. губ.) ее ѣдятъ тотчасъ послѣ крещенія и въ это время собираютъ *деньги на мыло*, какъ говорятъ крестьяне, *для купанья младенца*. При всеобщемъ угощеніи не забываютъ и дѣтей, которые вмѣстѣ съ родителями, или же одни, приходятъ навѣстить новорожденнаго. Имъ даютъ *бублики* и заставляютъ сейчасъ же ѣсть ихъ; это для того, по мнѣнію крестьянъ, чтобы дитя скорѣе начинало ходить. Дѣти въ свою очередь пришедши въ *отвѣдины* къ новорожденному и увидѣвши его въ первый разъ, должны потомъ, по наставленію своихъ матерей, посмотрѣть вверхъ прежде, нежели внизъ, иначе, они сглазятъ дитя, *урокутъ* его.

Угощеніе продолжается дня три, а иногда и болѣе. Такъ какъ крестьяне отправляютъ дитя ко кресту обыкновенно уже послѣ полудня, то начало празднества подходитъ большею частію къ вечеру. Закусивши порядкомъ, что у крестьянъ называется ужиномъ, крестьяне открываютъ своего рода забавы. По распоряженію хозяина, въ избу приносятъ нѣсколько кулей соломы и разбрасываютъ ее. Гости садятся на солому, берутъ палку и начинаютъ перетягивать другъ друга, усѣвшись лицомъ

къ лицу. Нѣкоторые начинаютъ бороться и тащутъ на солому всѣхъ, за исключеніемъ родильницы и дѣтей. Женщины въ это время часто поютъ:

Ой, на великой Руси
(имя отца) кони пасе,
(имя матери) ѣсьци нясе.....

Или же: Ой, на горѣ ярица, ярица,
О (имя отца) пьяница, пьяница.

Этою пѣснію женщины даютъ знать хозяину, что на столѣ нѣтъ водки или чего нибудь другого и заставляютъ принести. Женщины берутъ доску, которая у крестьянъ служитъ вмѣсто дверецъ при печи и которою послѣ топки закрываютъ печь, кладутъ эту доску на землю, покрытую соломою, ставятъ сюда водку и закуску, всѣ садятся въ кружокъ и начинается новое угощеніе: пьютъ водку и ѣдятъ колбасы. Всѣ описанныя церемоніи носятъ у крестьянъ одно техническое названіе *тереть солому*. Такъ называется все это потому, что дѣйствіе происходитъ на *соломѣ*, отъ чего, конечно, она *трется*. Послѣ угощенія ближайшіе сосѣди отходятъ домой, а прочіе гости остаются и, помолясь Богу, отправляются спать. Такъ проходитъ первый день, извѣстный подъ именемъ *христинъ*. Этимъ еще не оканчивается праздникъ.

На слѣдующій день снова собираются гости, уже съ утра и хозяинъ предлагаетъ имъ приличный завтракъ. Послѣ завтрака нѣкоторые изъ гостей отыскиваютъ салазки, тащатъ ихъ въ избу и предлагаютъ бабкѣ и кумѣ усѣсться на нихъ. Если онѣ не соглашаются, то ихъ садятъ насильно и вытаскиваютъ вонъ изъ избы. При этомъ поютъ:

Да запряжиця, запряжиця,
Да дванадцать валовъ,
Да завяземъ, да завяземъ
Да бабульку дамовъ.
Наша бабулька, наша бабулька,
Да старенькая, да старенькая,
Она не зайдетъ, она не зайдетъ
Да хаты дамовъ, да хаты дамовъ.

Заложиця, запряжиця,
Да три двадцат собакъ,
Да завяземъ, да завяземъ,
Да бабульку въ кабакъ.
Запряжиця, заложиця,
Да коней у лодку, да коней у лодку,
Да завяземъ, да завяземъ,
Да бабульку па водку, бабульку на водку.

Если это не далеко, тащатъ на салазкахъ бабку и куму въ кабакъ; если-же кабакъ далеко, то запрягаютъ лошадь. Въ лѣтнее время берутъ борону и накрывъ ее простыней, или соломой, вносятъ въ избу и усадивши на ней бабку и куму, выносятъ изъ избы. Въ кабакѣ покупаютъ медъ, водку и угощаютъ другъ дружку. Къ вечеру уже бабка и кума берутъ нѣсколько водки, смотря по обстоятельствамъ и своему состоянію, и всѣ вмѣстѣ снова отправляются домой *обѣдать*, хотя это уже бываетъ вечеромъ. Послѣ обѣда нѣкоторые ближайшіе гости уходятъ, прочіе остаются ночевать. Второй день праздника крестьяне называютъ *муравинки*.

На третій день снова являются гости, собственно для того уже, чтобы распрощаться между собою. Послѣ завтрака на прощанье открываютъ иногда *игры*, въ такъ называемые *цыганы*: Кто нибудь изъ гостей надѣваетъ на себя шубу вверхъ шерстью, беретъ на голову мѣховую шапку, становится на четверенкахъ и представляетъ собою медвѣдя; другой одѣвается въ оборванное платье, воображая себя скоморохомъ-цыганомъ; беретъ небольшой канатикъ, привязываетъ къ нему импровизированнаго медвѣдя и начинаетъ водить его. Въ свиту къ нему, для большаго торжества, поступаютъ и нѣкорыя женщины, принявши на себя, по возможности, видъ *цыганокъ;* онѣ покрываютъ себя простыней, но такъ, чтобы одинъ конецъ ея простирался назади до земли, а остальные, собранные вмѣстѣ напереди, образовали бы собою мѣшокъ, куда бы можно положить всякую всячину: яблоки, морковь, свеклу, лукъ, хлѣбъ и даже водку. Цыгане вмѣстѣ съ медвѣдемъ отправляются *походить по деревнѣ*. Пришедши къ извѣстному домохозяину, скоморохъ ведетъ медвѣдя

въ избу, а цыганки прямо отправляются въ амбаръ и тамъ взявши что нибудь: сыръ, колбасу и т. п., тоже заходятъ въ избу и спрашиваютъ, приноровляясь, конечно, къ говору и духу цыганъ: *о батенько, може табѣ што болиць, я полечу*, и при этомъ сейчасъ же предлагаютъ водку и наличныя закуски; кто это съѣстъ и выпьетъ, говорятъ онѣ, тотъ будетъ здоровъ. Домохозяинъ, конечно, не прочь бываетъ полечиться, и въ награду за такую услугу предлагаетъ скомороху овса для медвѣдя. Даръ принимается и цыгане отправляются дальше. Походивши достаточно времени по деревнѣ, цыгане возвращаются домой; обѣдаютъ у хозяина и, простившись, всѣ уже разъѣзжаются и расходятся по домамъ. Этимъ и оканчивается праздникъ крестинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на третій день послѣ крещенія моютъ дитя, и въ сосудъ, въ которомъ совершается омовеніе, бросаютъ по три или по пяти копѣекъ; это дѣлается съ тою цѣлію, чтобы ребенокъ впослѣдствіи былъ богатъ.

Черезъ недѣлю или двѣ, если дитя, какъ говорятъ у крестьянъ, *годуется*, кумъ съ кумою, бабка и ближайшіе родственники снова приходятъ навѣстить новорожденнаго и потому снова учреждается праздникъ, но уже чисто семейнаго характера. Нужно замѣтить, что кумовья и бабка считаются уже родственниками семейства новорожденнаго. Опять каждый изъ гостей приноситъ съ собою пироги, блины, яичницу, калбасы, а главное кашу, кисель; для нихъ приготовляется особое первое мѣсто. Подобныя приношенія слишкомъ важны у крестьянъ; по ихъ качеству и количеству, они судятъ о щедрости и братолюбіи принесшаго. По этому человѣка, который не въ состояніи, или не успѣлъ приготовиться, какъ слѣдуетъ, по мнѣнію крестьянъ, на крестины, едва могутъ привлечь сюда усильныя просьбы; но и явившись, онъ менѣе другихъ будетъ веселиться: ему какъ бы совѣстно будетъ, на равнѣ съ другими приступать къ угощенію, въ которомъ нѣтъ его части; онъ будетъ считать себя человѣкомъ, какъ бы лишнимъ, совершенно чуждымъ. Когда соберутся всѣ гости, то усаживаются раздѣльно: мужчины за одинъ столъ, женщины за другой. На столы ставятъ водку и закуски. Прочитавши молитвы: *Царю небесный* или *Отче*

нашъ.... (каждый про себя), хозяинъ наливаетъ рюмку водки и, благословивши говоритъ: *дай же Боже урожай и спокой; щебъ Бугъ сына годовавъ, щастье-дому готовавъ; щебъ Бугъ давъ, кабъ ще весилля приждаты; щебъ Бугъ давъ, якъ самъ зная.—Дай Боже!* слышится ему въ отвѣтъ и при этомъ онъ пьетъ водку и передаетъ потомъ сосѣду въ круговую. Тоже повторяется за столомъ у женщинъ. Выпивши, начинаютъ закусывать. Самыми большимй церемоніями сопровождается ѣденіе каши. Когда ее поставятъ на столъ, непремѣнно въ горшкѣ, въ которомъ она варилась, кума придвигаетъ ее къ себѣ и кладетъ туда три, пять и болѣе копѣекъ; примѣръ кумы вызываетъ подражаніе; всѣ гости дѣлаютъ тоже; наконецъ кумъ, положивъ въ кашу денегъ приблизительно болѣе всѣхъ, выводитъ по верхушкѣ ея разнаго рода фигуры. Послѣ этого верхушку; въ которой запрятаны деньги, срѣзываютъ и на тарелкѣ относятъ родильницѣ. Остальную кашу начинаютъ ѣсть. Въ другихъ мѣстахъ дѣлается еще такъ: когда поставятъ на столъ горшокъ съ кашей, то бабка беретъ ее и поднявши къ верху, бросаетъ потомъ на столъ; горшокъ разбивается и черепки разлетаются въ стороны; при этомъ говорятъ: *а сэбъ за нашего* N *дывки былися* (когда, конечно, младенецъ подростетъ и сдѣлается женихомъ). На кашу кладутъ крендель, и туда всѣ гости бросаютъ деньги, кто сколько можетъ. Собранныя деньги заносятъ родильницѣ. Самую кашу рѣжутъ на части и одну подаютъ матери новорожденнаго, говоря: *а подайте* N. (имя младенца) *кусочекъ каши; може по женэ овечки пасты, то будэ на полудень.* Поѣвши каши, выпивши снова, гости начинаютъ вести шумный разговоръ, содержаніемъ котораго служатъ приключенія дня, суевѣрія, басни. Разговаривающихъ, особенно бабъ, слишкомъ трудно, къ сожалѣнію, понять; онѣ всѣ вмѣстѣ говорятъ, какъ объяснилъ намъ одинъ крестьянинъ, и всѣ слушаютъ. Настоящій домашній праздникъ не обходится и безъ пѣсенъ.

1) На гумны, на золотомъ крузы, (часто слышится здѣсь),
Тамъ Барбара ходыла, дытья породыла,
Бабульки просыла:

Моя бабулэчку, не гардуй же ты мною,
Будэмъ гуляты до ста лытъ съ тобою.
На гумны, на золотомъ крузы
Тамъ Барбара ходыла, дытья породыла,
Кумульки просыла,

Моя кумулэчку.... и проч., какъ въ первомъ куплетѣ. Еще есть третій куплетъ, схожій съ первымъ, только вмѣсто словъ «Бабулька, просыла», нужно говорить: «Кумулька просыла» и дальше: «Муй кумулечку» и проч.

2) На горы, горы стояла каменыця,
Тамъ гулялы дывки молодыи молодыци;
Молодая Барбара на переды ходыла,
Сваю бабулэчку за рученьку водыла;
Моя бабулэчку, не гардуй же ты мною,
Будэмъ гуляты до ста лѣтъ съ тобою.

Этотъ куплетъ повторяется во второй и третій разъ съ тѣмъ различіемъ, что слово «бабулэчку» замѣняется словами: «кумульку» — во второмъ и «кума»—въ третьемъ куплетѣ. Повеселившись, гости расходятся по домамъ. Снова начинается тихая, блѣдная, однообразная жизнь крестьянина; не даромъ у него сложилась пословица: *дай Боже гостей; и собѣ лыпшь* (лучше). Когда все успокоилось и мать осталась, такъ сказать, наединѣ съ ребенкомъ, она теперь внимательнѣе присматривается къ своему положенію; по мѣрѣ силъ и пониманія дѣла, она заботится о дитяти. Въ первый разъ когда кормитъ его, даетъ ему правую грудь; это для того, чтобы младенецъ потомъ работалъ правою рукою. Если дитя начнетъ плакать, то его качаютъ и при этомъ приговариваютъ:

Люли, люли, люли,
Полезъ котъ на дули;
Поморозивъ лапки,
Полѣзъ на палатки;
Стали лапки грѣться,
Негдѣ кату дѣться;
Пошовъ котикъ на торжокъ,
Купивъ саби пиражокъ,

Сему-тому продававъ,
Да й дитяти даромъ давъ;
А, а, а, а, люли,
Прилетѣли куры,
Сѣли на воротахъ
Да въ червоныхъ ботахъ;
Стали щебетати
Що дитяти даты;
Адна каже, шаляжокъ,
А другая пиражокъ;
А третяя—коко,
Зъ воронее око!
А, а, а, а, люли! и проч.

Дитя, слушая подобныя причитанія, успокоивается и часто засыпаетъ. Если дитя сидитъ на рукахъ у матери и бываетъ неспокойно, мать старается унять его слѣдующимъ образомъ: *учитъ*, что называется у крестьянъ, *сороку: чики, чики, сорока*, говоритъ мать, *прилетѣла здалека, стала кашку мѣшать, дѣткамъ стала давать;* перечитывая пальцы ребенка, продолжаетъ: *этому дала, этому дала, а этому* (мизинцу) *не дала, бо этотъ малъ, крупъ не дравъ, хлѣба не мѣсивъ, каши не варивъ; ему кашка подъ лавкою, заросла муравкою, его ложачка на полицы, зарасла въ камяницы, шушъ, шушъ, гацю!* Если ребенокъ не успокаивается, а въ немъ сколько нибудь развилось сознаніе, его начинаютъ стращать; говорятъ ему, что придетъ волкъ, съѣсть тебя; или же, говорятъ дитяти: придетъ старый дѣдъ съ торбою и вотъ мы тебя отдадимъ ему. Дитя, вслушиваясь въ эти угрозы, какъ бы испуганное ими, дѣйствительно очень часто успокаивается.

Замѣчательно то, что ни одна изъ матерей не уложитъ своего дитяти спать, и потомъ опять не возьметъ его, не осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ. Это, по мнѣнію крестьянъ, необходимо для того, чтобы во время сна ребенкомъ не овладѣлъ злой духъ. Если мать, говорятъ въ простонародіи, положитъ дитя спать, не осѣнивъ его крестнымъ знаменіемъ, то ночью приходитъ нечистый и уноситъ его, а на пустое мѣсто кладетъ полѣно, ко-

торое превращается въ мертвое дитя. Касательно этого предмета между крестьянами передается слѣдующаго рода сказаніе. Одинъ солдатъ, получивши отпускъ, шелъ къ роднымъ въ деревню; по дорогѣ, онъ остановился въ одной хатѣ у крестьянина переночевать. Время было лѣтнее, и солдатъ, не желая стѣснять хозяевъ, легъ спать подъ окомъ крестьянской избы, на *призбѣ* *). Вотъ ночью, когда въ избѣ все уже уснуло крѣпкимъ сномъ, являются два человѣка, и одинъ изъ нихъ говоритъ другому: *я пойду въ домъ, возьму дитя, и подамъ тебѣ черезъ окошко*, указывая при этомъ на то окно, у котораго спалъ солдатъ; изъ разговаривающихъ ни одинъ его не замѣтилъ. Солдатъ, уже прежде слышавшій о подобныхъ исторіяхъ, тотчасъ догадался, что это нечистые и, нисколько не смущаясь, удержалъ прежнюю позицію; но чтобы оградить себя отъ нападеній нечистаго, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ. Одинъ изъ злыхъ духовъ отправился въ избу и только въ это время его товарищъ замѣтилъ человѣка, сидящаго подъ окномъ, чрезъ которое ему приходилось получать дитя; теперь то всѣми мѣрами онъ старался вызвать солдата изъ занятой позиціи, что бы ему можно было перенять дитя; но солдатъ, уже заблаговременно оградившій себя крестнымъ знаменіемъ, не боялся никакихъ злоухищреній діавола, самъ перенялъ ребенка у его товарища, который, въ свою очередь, уже успѣлъ достигнуть своей цѣли, взялъ изъ колыбели дитя и передавая жертву чрезъ окно по условію думалъ, что подаетъ дитя своему собрату. Сейчасъ же они узнали свою ошибку; но съ солдатомъ-христіаниномъ ничего нельзя было сдѣлать. Нечистые, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, отправились во свояси; а солдатъ съ невинною жертвою пошелъ къ другому хозяину и провелъ у него остатокъ ночи. Можно себѣ представить, каково было положеніе матери и всей семьи, когда онѣ вставши, на другой день, нашли въ колыбели мертвое дитя—т. е. тотъ ку-

*) У крестьянъ съ лицевой стороны избы подъ окнами дѣлается маленькая насыпь, для того, чтобы лѣтомъ можно было вечеромъ посидѣть или полежать и вообще полюбоваться солнышкомъ весною и даже зимою; эта насыпь называется призбою.

сокъ дерева, который вмѣсто дитяти положилъ діаволъ, и который по виду уподоблялся дитяти. Но скоро дѣло объяснилось; солдатъ—спаситель возвратилъ легкомысленной матери дитя, въ здоровомъ состояніи, дитя, которое по ея неразумію, только что не сдѣлалось жертвою нечистой силы. Такія преданія изъ рода въ родъ передаются крестьянами о значеніи и важности крестнаго знаменія.

Въ семьѣ крестьянской не одинаково радуются рожденію сына или дочери. Сынъ обыкновенно считается въ простонародіи большимъ счастіемъ, нежели дочь. Дочь свою родители—крестьяне считаютъ *своею* только на время; т. е. что жить ей при родителяхъ приходится не долго, а слѣдовательно, и помощь отъ нея для родителей незначительна; между тѣмъ, какъ сынъ для нихъ можетъ служить постоянной утѣхой; упадокъ силъ ихъ онъ замѣняетъ своими, становится для нихъ единственною опорой и большею частію упокояетъ ихъ старость. Отсюда образовалась у крестьянъ слѣдующая поговорка: *дочкинъ хлѣбъ ѣжъ и у порога стой; а сыновній ѣжъ и на печку лѣзь.* Значеніе этой поговорки такое. Дочь, будучи замужемъ, по своей зависимости отъ мужа, рѣдко когда можетъ упокоить старость родителей; по этому и слова пословицы: *дочкинъ хлѣбъ ѣжъ и у порога стой* означаютъ непостоянство ихъ благополучія за дочерью; сегодня они сыты и спокойны; завтра же по какимъ нибудь капризамъ зятя могутъ лишиться куска хлѣба и крова; тогда какъ подъ покровительствомъ сына такое явленіе можетъ встрѣчаться рѣже; тутъ болѣе или менѣе родители смѣло могутъ распоряжаться добромъ сына и спокойно проводить свою старость.

По той мѣрѣ какъ ребенокъ подростаетъ, родители задумываются о его, что называется, воспитаніи. Если до двухъ лѣтъ ребенокъ не начинаетъ ходить, то обыкновенно садятъ его на землю, когда сѣютъ конопли, и обсѣваютъ кругомъ дитяти, думая, что, пока взойдутъ посѣянныя сѣмена, и ребенокъ станетъ ходить. Часто бываетъ, что дитя, завидѣвъ огонекъ, какъ блестящій предметъ, старается схватить его своими рученками; дитяти въ такомъ случаѣ говорятъ: не бери; *это тебя уку-*

ситъ, или урњжетъ. Если дитя не слушаетъ предостереженій и продолжаетъ пытаться достигнуть своей цѣли, его бьютъ по рученкамъ, отъ чего, конечно, оно начинаетъ плакать. Тогда его или больше еще бьютъ или же стращаютъ извѣстными уже намъ угрозами, или просто ругаютъ: *штобъ тебя скула* (чирей) *задушила, чтобъ тебя животъ зарњзавъ,* и т. п. Въ полдень однако крестьяне боятся ругаться; по ихъ мнѣнію, ругательства, произнесенныя въ это время, могутъ дѣйствительно исполниться. По этому случаю они разсказываютъ слѣдующее: однажды будто бы на барщинѣ двѣ женщины жали рожь; одна изъ нихъ работала медленно, лѣниво, такъ что другой усердной приходилось работать больше надлежащаго. Послѣдняя, разсердившись сказала будто-бы: *жни хорошо, чтобы тебњ, далъ Богъ, животъ зарњзавъ.* Эти слова, произнесенныя якобы въ полдень, получили исполненіе; лѣнивая жнея тотчасъ заболѣла желудкомъ и тутъ же скончалась. Часто, впрочемъ, бываетъ, что ребенокъ плачетъ и мать не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія; *пусть поплачетъ,* говоритъ она, *лучше заснетъ.*

Когда ребенокъ начинаетъ говорить и приходитъ въ сознаніе, его учатъ произносить различныя родственныя имена; передъ вкушеніемъ пищи и послѣ заставляютъ дитя осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ. Если дитя заупрямится, то ему говорятъ: *кали ты ни перакресцишься, дыкъ* (то) *табњ не дасць Богъ ни хлњба, ни кашки; а коли нечего будзиць њсць, дыкъ помрешь; тогды мы цибе закапаемъ у яму, тамъ цибе заядуць чарвяки;* тутъ же прибавляютъ: *ня тотъ чарвакъ, каторага мы зъядземъ, а тотъ, каторый насъ зъњсць.* Эту пословицу, замѣтимъ мимоходомъ, говорятъ и тогда, когда кто нибудь, увидѣвши въ кушаньѣ червячка, приходитъ въ содроганіе; въ утѣшеніе такому, крестьяне говорятъ вышеприведенную пословицу. Годъ отъ году дитя подрастаетъ, родители радуются и говорятъ *усе будзиць подпора батькомъ подъ старость* Если родители бѣдны и «*безспособны*» (т. е. неимѣютъ ни земли, ни своей хаты, ни родныхъ и живутъ, что называется, службою), то, въ случаѣ какой нибудь печали, они съ болью въ сердцѣ

замѣчаютъ своимъ дѣтямъ: *расти, расти мое дитятко, горе горевати, людзямъ служицъ, работу работацъ.*

Главнѣйшею своею обязанностію относительно дѣтей родители считаютъ—научить ихъ молиться Богу. Но, къ сожалѣнію, передавалъ намъ одинъ крестьянинъ, благоговѣніе и чинность, необходимыя при этомъ со стороны родителей для примѣра и назиданія дитяти, нерѣдко упускаются изъ виду. Обыкновенно мать, на которой лежитъ все воспитаніе дитяти, подтапливая печку, или же метя хату, начинаетъ вслухъ читать молитвы и велитъ дитяти повторять ихъ за собою; дитя въ свою очередь, сидя гдѣ нибудь за печкой, балуется съ котомъ, и *пятое черезъ десятое* повторяетъ слова молитвы, не понимая, конечно, ни важности ихъ, ни необходимости, ни содержанія. Выигрываетъ при этомъ, главнымъ образомъ, хозяйка: сразу она дѣлаетъ три дѣла: сама молится, учитъ молиться дитя и убираетъ хату. Нужно, конечно, надѣяться, что съ развитіемъ просвѣщенія, первоначальное воспитаніе будетъ гораздо лучше; будущіе, образованные родители, поймутъ его важность и болѣе серьезнымъ образомъ станутъ наставлять своихъ дѣтей для многотрудной жизни:

Если дитя можетъ уже ходить, то остается оно, особенно въ лѣтнее время, на полной своей волѣ; тутъ оно не рѣдко попадаетъ въ компанію куръ или поросятъ. При этомъ дитя часто, что называется *мѣшаетъ кашу*, или *печетъ пироги*. Пироги оно печетъ слѣдующимъ образомъ: выкапываетъ въ землѣ ямочку, льетъ туда воду, сыплетъ песокъ, мѣшаетъ все это палкою; приготовленную смѣсь кладетъ на черепки и разставляетъ ихъ въ такомъ мѣстѣ, что бы падали туда лучи солнечные. Потомъ конечно все это подвергается разрушенію. Нѣкоторые дѣти, прислушиваясь къ пѣнію птицъ, и сами поютъ:

Былъ пѣтухъ господарь,
Да всѣ куры попрадавъ,
Адну курочку чубату
Да закинулъ за хату;
А на хатѣ, на снапѣ,
Знесла яицъ три копе,

А я эти яйца взявъ,
Отцу на шапку отдавъ.

Иные мальчики играютъ въ лошадки; для этого мальчики берутъ палку или веревку и, взявшись за концы,— заднiй погоняетъ передняго и такимъ образомъ бѣгаютъ, воображая, что не они таскаютъ палку или веревку, а послѣдняя ихъ. Утомившись, они поятъ и кормятъ свою воображаемую лошадку, принося ей траву и воду. Нѣкоторые дѣти строятъ изъ щепокъ амбары, сараи, домики. Лѣтомъ, когда явятся ягоды, дѣтей очень трудно удержать дома; они такъ и рвутся въ лѣсъ. Но при этомъ съ ними случаются иногда несчастiя: ихъ можетъ что нибудь испугать, или ужалить змѣя. Что бы хоть нѣсколько поудержать дитя при себѣ, родители говорятъ имъ: когда вы пойдете въ лѣсъ за ягодами, васъ защекочутъ русалки, которыя устрояютъ на ржи колыски и, качаясь въ нихъ, призываютъ къ себѣ рѣбятъ такимъ образомъ: *рабята, рабята, хадзице да мене колыхаться; а коли подмануць ихъ и они придуць, то русавки защикочутъ ихъ до смерци.* Иногда случалось, что когда родители уходили на работу, то и дѣти непремѣнно желали отправиться вмѣстѣ съ родителями. Кромѣ постояннаго досмотра въ полѣ за дѣтьми, для родителей затрудненiе было и въ томъ, что ихъ приходилось переносить еще черезъ грязь или ручьи. Въ послѣднемъ случаѣ, отецъ или мать спрашиваютъ своего дитяти: *будетъ ли оно, когда выростетъ, жалѣть своихъ родителей?*— дитя конечно отвѣчаетъ утвердительно. По этому случаю передается слѣдующее преданiе. Отецъ имѣлъ нѣсколько сыновей; отправляясь куда-то и не имѣя при комъ оставить ихъ, онъ взялъ ихъ съ собою. На пути встрѣтилась ему рѣка, черезъ которую для перехода перекинута была только одна доска. Отецъ по одному сталъ переносить своихъ сыновей. Неся перваго, онъ спросилъ: будетъ ли онъ жалѣть своихъ родителей? Получивши отрицательный отвѣтъ, онъ бросилъ въ рѣку своего сына; таже участь постигла и другихъ сыновей, отвѣты которыхъ походили на отвѣтъ перваго. Послѣднiй на тотъ же вопросъ отца отвѣтилъ положительно и былъ перенесенъ на другую сторону рѣки.

Это значить, объяснилъ намъ одинъ крестьянинъ, что крестьяне, находясь въ полной зависимости у помѣщика и постоянно занятые *«пекельною»* работой, не могли дать своимъ дѣтямъ истинно христіанскаго воспитанія, не могли даже поддержать въ нихъ естественныхъ требованій природы; такъ извратили было *«пекельники»* строй человѣческой жизни; отъ этого взрослые дѣти обходились очень грубо съ своими родителями. Въ свою очередь, родители, воспитывая дѣтей, не имѣли почти никакой надежды, что дѣти будутъ поддерживать ихъ старость, и обыкновенно говорили, что теперь-де настал уже такой свѣтъ, что родителямъ нечего ждать отъ дѣтей поддержки. Этимъ собственно и оканчивается очень и очень не сложное домашнее воспитаніе крестьянскаго мальчика; далѣе, онъ вступаетъ въ свой особый, новый міръ, гдѣ онъ является уже дѣятелемъ вполнѣ самостоятельнымъ, съ совершенно новою обстановкой; но рѣчь объ этомъ будетъ въ слѣдующей главѣ.

Въ указанныхъ нами обычаяхъ и суевѣріяхъ при крещеніи ребенка, можно встрѣтить много такого, что по видимому представляется довольно страннымъ, какъ будто бы оторваннымъ отъ общаго теченія жизни крестьянина, безсвязнымъ съ нею, много, говоримъ, такого, чего не понимаютъ сами крестьяне, но что однако они стараются выполнить свято, и на что у нихъ всегда готовъ только одинъ отвѣтъ: *такъ было за нашихъ дѣдовъ и отцовъ.* Многое изъ этихъ обыкновеній—остатокъ древней, общеславянской жизненной практики, жизненныхъ воззрѣній. Мы указали уже на значеніе шубы, на которую въ извѣстныхъ мѣстностяхъ кладутъ новорожденнаго. Скажемъ два-три слова о другихъ обычаяхъ.

Главную роль, при рожденіи, какъ мы замѣчали, играетъ каша. Каша у славянъ имѣетъ символическое значеніе. Желаніе довольства, счастія, богатства, вотъ—значеніе употребленія каши. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прежде всего осматриваютъ, полонъ-ли горшокъ. Нѣтъ болѣе несчастья, какъ если каша вылѣзетъ изъ горшка вонъ. Это явная бѣда всему дому. Худое предвѣстье, если треснулъ горшокъ. Потомъ снимаютъ но-

жомъ пѣнку; каша красная, полная, предвѣщаетъ счастье, урожай; каша мелкая, бѣлая угрожаетъ бѣдой. При хорошихъ признакахъ кашу ѣдятъ, при худыхъ выбрасываютъ водѣ, въ рѣку. Въ Великороссіи на именинахъ ѣдятъ и именинникъ посылаетъ знакомымъ гречневую кашу, или пирогъ съ кашею. Такой пирогъ разламываютъ надъ головою именинника и это значитъ — жить ему въ довольствѣ цѣлый годъ. Чѣмъ болѣе разсыпается по немъ каша, тѣмъ жить ему достаточнѣе. Самое варенье каши имѣетъ цѣлью урожай хлѣба и плодородіе скота. (Въ Галиціи, Сербіи). Въ Сербіи кашу (или варицу—отъ Вара, Варвари) варятъ въ теченіи зимнихъ праздниковъ, начиная со дня Великомуч. Варвары (4 Дек.) до Богоявленія (6 Генв.), даютъ скоту для здоровья, мажутъ ею шеи воловъ, чтобъ лѣтомъ не было у нихъ ссадинъ. Такимъ образомъ здѣсь варицѣ приписываютъ даже цѣлебное значеніе.

Хлѣбъ-соль также имѣетъ большое значеніе. Мы видѣли, что вкушеніемъ хлѣба собственно открывается въ извѣстныхъ мѣстностяхъ праздникъ. Кромѣ того, что хлѣбъ въ домѣ составляетъ какъ бы основаніе, залогъ довольства, счастія, онъ пользуется еще особаго рода святостію. Въ Малороссіи жито, хлѣбъ называется святымъ. Такое понятіе съ хлѣбомъ соединяется у Сербовъ, у Чеховъ и у другихъ славянскихъ народовъ. Кто такъ не внимателенъ къ хлѣбу, дару Божьему, что упуститъ его на землю, тотъ поднявши долженъ его поцѣловать; кто разбрасываетъ хлѣбныя крохи, тотъ по смерти будетъ собирать ихъ съ кровавыми глазами; кто, ѣвши хлѣбъ, крошитъ его на землю, за тѣмъ подбираетъ эти крохи чортъ, и если эти крохи по смерти будутъ вѣсить больше самаго человѣка, то чортъ беретъ его душу. Хлѣбъ, котораго почему нибудь нельзя ѣсть, нужно бросить въ растопленную хлѣбную печь; въ домѣ не слѣдуетъ быть ни одной ночи безъ хлѣба, потому что въ случаѣ несчастья прежде всего нужно вспомнить о дарѣ Божьемъ и такимъ образомъ придти въ себя. У Чеховъ есть повѣрье: кто колетъ ножемъ хлѣбъ, тотъ поражаетъ самаго Іисуса Христа; они же говорятъ: грѣхъ на ночь оставлять хлѣбъ не покрытымъ; потому что хлѣбъ тоже спитъ; отъ того у Западно-

русса хлѣбъ всегда обертывается въ скатерть. На найденную вещь нужно трижды плюнуть и потомъ уже поднять ее, потому что иначе, если эта вещь очарована, можетъ навести на человѣка болѣзнь. Но хлѣбъ можно смѣло поднять и ѣсть, потому что надъ даромъ Божьимъ ни злой духъ, ни клевреты его, не имѣютъ власти. Въ силу такого противопоставленія хлѣба и темныхъ силъ, по Словацкому обычаю, въ пеленки новорожденнаго кладутъ кусокъ хлѣба, чтобы никто дитяти не сглазилъ; онѣмечившіеся прибалтійскіе Славяне, когда несутъ дитя крестить, кладутъ въ пеленки понемногу соли и хлѣба, чтобъ ни вѣдьмы, ни злой духъ не имѣли власти надъ ребенкомъ. (Караджичъ, Гриммъ, Вольфъ). Это же обыкновеніе и съ тою цѣлію мы встрѣтили и въ Западной Россіи; кромѣ того, что ребенку въ пеленки кладутъ хлѣбъ-соль, мы видѣли еще, что обнесеніемъ соли кругомъ дитяти, стараются вылечить его, если подозрѣваютъ, не сглазилъ-ли кто. Соль, по славянскому воззрѣнію, средство отъ чаръ, отъ прозора.

Еще мы встрѣчаемся здѣсь съ понятіями о русалкахъ, сорокѣ-воронѣ. Сорока, или вмѣстѣ, какъ одно названіе, сорока-ворона очень часто встрѣчается въ міровоззрѣніи Славянскомъ, находится у всѣхъ Славянскихъ племенъ и по новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области миѳологіи есть образъ богини Гольды и бабы Яги. Сорока-ворона всегда представляется въ обществѣ дѣтей. Въ Великой и Малой Россіи извѣстна слѣдующая игра, подобная описанной нами: берутъ ручку дитяти и крутятъ пальцемъ на ладони, приговаривая: Сорока-ворона дѣтямъ кашку варила, (указывая на пальцы) одному дала, другому дала, сему дала, сему дала, а сему не дала, гай, гай сорока полетѣла. (При этомъ щекочутъ дитя, заставляя его смѣяться), или: сорока-ворона дѣтямъ кашку варила, на порогѣ студила, тому дала, тому дала, тому шейку урвала и потелѣла. Напоминаніе о русалкахъ возводитъ насъ еще къ древнимъ временамъ язычества Славянъ, когда праздновалась даже, такъ называемая *Русальная недѣля*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ думаютъ, что русалки—это дѣти умершія безъ крещенія, и что онѣ стараются поймать человѣка, который бы окрестилъ ихъ и при

этомъ приговариваютъ: *бухъ, бухъ, соломенный духъ; меня мати породила, не крещеннымъ положила.* Но поймавши человѣка они, по народному преданію, щекочутъ его, почти до смерти, что заставляетъ людей убѣгать ихъ. Этимъ-то и пугаютъ матери своихъ малыхъ дѣтей, утверждая такимъ образомъ передаваемыя изъ рода въ родъ повѣрья и суевѣрія.

II.

Пастушескій періодъ жизни крестьянскаго мальчика; подручники.

Этотъ періодъ обнимаетъ собою все время отрочества и ранней юности крестьянскаго мальчика отъ 6—7 лѣтъ до 15—16. Малѣйшая прибыль силы въ крестьянскомъ быту въ высшей степени дѣйствуетъ отрадно на хозяевъ. Родители радуются, когда дитя ихъ не требуетъ уже за собою ухода, напротивъ, само можетъ пособить имъ въ томъ или другомъ отношеніи. Вотъ оно досмотритъ, займетъ какою нибудь игрушкой своего меньшаго братца или сестрицу; подмететъ полъ или вынесетъ соръ изъ дому и т. п. Всѣ эти работы, по видимому, слишкомъ ничтожны; но, говорятъ крестьяне, если бы пришлось заниматься ими старшимъ, то это отняло бы у нихъ не мало времени и отвлекло бы притомъ отъ болѣе сложныхъ занятій. Но главное занятіе мальчика, а часто и дѣвочки, въ это время есть уходъ за скотомъ, *паства скота*, отъ чего и настоящій періодъ жизни крестьянскаго мальчика называется *пастушескимъ*, а самъ мальчикъ извѣстенъ подъ общимъ названіемъ *канюха* или *пастуха*.

Съ великою душевною радостію принимается *пастухъ* за новое свое занятіе; съ сердечнымъ пріятнымъ волненіемъ онъ ждетъ не дождется начала выгонки скота на пастбище. Онъ слыхалъ уже, какою свободой и широкимъ раздольемъ наслаждаются тамъ его будущіе товарищи; онъ слышалъ, что тамъ не

будетъ уже больше надъ нимъ ни какого надсмотра, что напротивъ, онъ самъ будетъ маленькій хозяинъ; правда, вьюга и непогоды будутъ причинять ему много страданій; сильный дождь промочитъ его до костей; ему не разъ придется окунуться въ грязи по поясъ, бѣгая за своимъ скотомъ по болотамъ и кочкамъ; громъ и бури не разъ будутъ страшить своими ужасами его дѣтскую натуру и переносить въ область тѣхъ миѳическихъ сказаній и суевѣрій, о которыхъ онъ наслушался столько въ своемъ домашнемъ кругу, при свѣтѣ лучины, въ зимнее время. Все это нипочемъ для молодаго пастуха; его воображеніе увлекается этимъ новымъ, неизвѣданнымъ еще образомъ жизни, гдѣ онъ ожидаетъ встрѣтить кучу новыхъ товарищей, подобно ему, рѣзвыхъ и подвижныхъ только здѣсь, въ своемъ, такъ сказать, кружку; ему слышатся отсюда самыя разнообразныя пѣсни, и пройдетъ годъ, другой, какъ всѣ онѣ уложатся въ его головѣ, и самъ онъ явится однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ пастушескаго кружка; онъ слышалъ, сколько веселья и игръ существуетъ тамъ, и ему страхъ—хочется изучить, извѣдать все это, что бы не торчать не нужной, праздной спицей, когда другіе его ровесники съ сознаніемъ собственнаго достоинства рѣзвятся и гуляютъ. Вотъ прелести настушескаго періода жизни крестьянскаго мальчика; мы освѣдомлялись объ этомъ у нѣсколькихъ десятковъ крестьянскихъ мальчиковъ изъ различныхъ губерній Западной Россіи и отвѣтомъ намъ было то, о чемъ указали выше.

Миновала наконецъ зима, пахнуло теплымъ вѣтеркомъ и послѣдніе остатки снѣга быстро начинаютъ изчезать отъ живительнаго дыханія лѣта. Земля начинаетъ возраждаться и кое гдѣ на ней появился уже праздничный покровъ. Значитъ — настало время выгонки скота на пастбище, пришелъ часъ *запасаваць статокъ*. Для хозяевъ — необыкновенная радость, своего рода праздникъ. Кромѣ того, что у многихъ изъ нихъ почти не было уже чѣмъ прокормить свой скотъ, слѣдовательно и скудныя пастбища послужатъ большою подмогой въ хозяйствѣ, но и самая выгонка скота на пастбище въ первый разъ имѣетъ, по мнѣнію крестьянъ, большое значеніе. Отъ этого за-

виситъ хорошій, удачный приплодъ скота, его сохранность въ продолженіе лѣта отъ нападенія плотоядныхъ звѣрей, здоровье, крѣпость, тучность. Неудивительно потому, что съ наступленіемъ *запасаванія статка*, у хозяевъ поднимается страшная сумятица. Вездѣ слышится бѣготня, шумъ; раздаются радостные крики, прерываемые стукомъ отъ частнаго захлопыванія дверей въ комнатахъ, сѣняхъ. У крестьянъ когда отправляется кто нибудь въ путь, то при этомъ захлопываютъ двери комнаты, сѣней; обычай — въ родѣ нашего — садиться при отправленіи въ путь.

Теперь кто нибудь изъ семейства беретъ скатерть и покрываетъ столъ; сюда тащатъ огромной величины пирогъ (собственно булку), нарочно изпеченный для настоящаго случая; приносятъ обыкновенный хлѣбъ, соль, ставятъ освященную, богоявленскую воду, кладутъ освященную вербу отъ недѣли Ваій и такую же свѣчу (громничную, освящаемую, по мѣстному обычаю, 2-го февраля на Срѣтеніе Господне; у крестьянъ — громницы). Предназначенный пастухъ—главное теперь лицо въ семьѣ—такъ же начипаетъ снаряжаться по обычаю своей мѣстности. Онъ возлагаетъ на себя *холстяную торбу* (мѣшокъ, сумку), въ которую кладетъ небольшой хлѣбъ, *громницу* (свѣчу) и ключъ отъ клети; беретъ въ руку освященную вербу, которая служитъ ему въ этотъ день вмѣсто дубца и въ такомъ вооруженіи открываетъ вокругъ стола шествіе по солнцу. За нимъ слѣдуетъ хозяинъ съ освященною водою, которою окропляетъ пастуха и комнату.

Пастухъ долженъ обойти вокругъ стола три раза и каждый разъ креститься въ углу предъ образомъ, наклонивши нѣсколько голову; если пастухъ-новичекъ, то ему указываютъ каждый шагъ и слѣдятъ строго, что бы онъ не пропустилъ какого нибудь обряда. Въ то время, когда пастухъ совершаетъ круговое обхожденіе, вся семья стоитъ у дверей комнаты, держа въ рукахъ отъ малаго до велика по освященной вербѣ и когда пастухъ, окончивши извѣстныя церемоніи, станетъ на срединѣ комнаты и начнетъ креститься уже въ послѣдній разъ, чтобы выйти изъ хаты, вся семья въ-торопяхъ спѣшитъ за нимъ.

Тутъ снова начинается захлопываніе дверей комнаты, сѣней... Пастухъ заходитъ по солнцу къ скотному хлѣву, отворяетъ дверь и начинаетъ выгонять оттуда скотъ; при этомъ онъ старается каждую штуку ударить три раза освященною вербою. Когда скотъ выгонятъ изъ хлѣва, хозяинъ одѣвается по обычаю своей мѣстности въ шубу и шапку съ ушами (то и другое должны быть шерстью вверхъ); въ сопровожденіи пастуха, трижды обходитъ кругомъ скота, окропляя его освященною водою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ эту воду кладутъ еще нѣсколько яицъ. Берутъ также черепокъ съ горящими углями, бросаютъ туда нѣсколько травы, освященной въ день Іоанна Предтечи и съ этимъ куревомъ обходятъ вокругъ скота, неся при этомъ въ другой рукѣ изображеніе распятаго Спасителя.

Теперь вопросъ въ томъ: черезъ какія ворота погонятъ скотъ? Узнавши объ этомъ положительно, кладутъ туда *навой*, *осиновое полѣно*, *куриное яйцо* и все это стараются размѣстить такъ, чтобы скотъ неминуемо прошолъ черезъ каждый изъ этихъ предметовъ. Устроивши все необходимое, гонятъ туда скотъ, постоянно приговаривая: *все на пасту*, *все на пасту* (на пастбище); каждую штуку стараются ударять почаще освященною вербою. *Навой* кладутъ у воротъ для того, чтобы скотъ возвращался съ пастбища домой въ цѣлости; *осиновое полѣно*— для того, что бы въ продолженіи всего лѣта ни какое зло не прикасалось къ скоту; а *яйцо*, чтобы скотъ рождался крупенъ. Это яйцо отдаютъ потомъ нищему, прося его помолиться Богу *за скоцинку*. Нищій обыкновенно не заставитъ себя дожидаться и тутъ же вамъ послышатся его причитанія: «паси жъ Богъ скацинку на Іюрьевыхъ росахъ, на красныхъ веснахъ, на Микольскихъ травахъ, на раннихъ росахъ, на вечернихъ зоряхъ: Борони жъ, Боже, скацинку отъ гада пявзучаго, отъ звѣра бѣгучаго, отъ злыхъ людей, отъ напастничковъ, отъ накупничковъ, гдзѣ травы съѣдаюць, гдзѣ воды сливаюць, супачивачокъ моюць, въ дзень подъ сонцемъ, въ ночи подъ мѣсецемъ.»

Описанныя нами церемоніи съ нѣкоторыми варіаціями совершаются въ каждой семьѣ. Когда хозяева съ своихъ дворовъ согнали скотъ въ одно общее мѣсто, то тутъ поручаютъ его

главному надзору одного старшаго пастуха—*пастора*—стараго дѣда, который бываетъ одинъ на всю деревню. Его же надсмотру поручаютъ и частныхъ пастуховъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приглашаютъ священника отслужить молебенъ и окропить скотъ священною водою для сохраненія его отъ всевозможныхъ золъ. Въ другихъ мѣстахъ съ этою же цѣлью прибѣгаютъ еще къ чисто-языческимъ обычаямъ и суевѣріямъ. Приглашаютъ *знахаря*, который, по мнѣнію крестьянъ, умѣетъ *запасавать статокъ*, т. е. заговаривать скотъ главнымъ образомъ отъ волковъ. Между подобными крестьянами сохраняется убѣжденіе, что такой человѣкъ-знахарь знакомъ съ звѣринымъ царемъ и будто бы знахарь заключаетъ съ послѣднимъ договоръ, въ которомъ обѣ стороны условливаются, сколько штукъ волки могутъ похитить для себя скота изъ извѣстной деревни. Крестьяне вполнѣ увѣрены, что всему быть такъ, какъ значится въ этомъ неизвѣстномъ для нихъ договорѣ знахаря съ звѣринымъ царемъ. При *запасаваніи* скота, все общество съ великимъ почетомъ и уваженіемъ обращается *къ знахарю;* несутъ ему подарки, десятка четыре яицъ, водки, хлѣба, булокъ, сала, денегъ, только бы онъ пришолъ и отправилъ первую выгонку скота. Въ разговорѣ съ знахаремъ всѣми силами стараются не разсердить его; иначе, это можетъ отозваться, по мнѣнію крестьянъ, страшнымъ вредомъ на скотѣ. Когда приходитъ знахарь къ собранному скоту, трижды обходитъ кругомъ его, говоритъ какіе-то непонятныя слова, которыя будто бы составляютъ всю суть дѣла, но въ то же время онѣ — секретъ его и свято передаются только изъ рода въ родъ, а крестьяне по суевѣрному страху боятся подслушать эти слова, такъ что онѣ остаются постоянною тайною знахаря; потомъ знахарь потягивается, позевываетъ, посылаетъ одного крестьянина за деревню послушать, не воютъ ли волки, и за тѣмъ во всеуслышаніе говоритъ всему собранію: хотя волки и просятъ Бога, что бы Онъ позволилъ имъ взять въ пищу себѣ побольше скота, однако слова сильнѣе ихъ просьбъ, и они возьмутъ столько, сколько я позволю; слова мои вѣрны и преступить ихъ они не могутъ. Послѣ этого знахарь беретъ поясъ, затыкаетъ его въ замокъ, кладетъ

по срединѣ дороги и гонитъ черезъ него скотъ освященною вербою; при этомъ онъ говоритъ, что какъ замкнутъ этотъ поясъ, такъ будутъ замкнуты у звѣрей рты, когда бы они захотѣли похитить что нибудь изъ стада; далѣе, беретъ червоточину и кругомъ обсыпаетъ ею скотъ съ такими словами: какъ я обсыпаю скотъ, такъ засыпаны будутъ глаза звѣрей и они будутъ не въ состояніи видѣть это стадо. По окончаніи этихъ церемоній, скотъ выгоняютъ въ поле, а главному пастуху сносятъ по яйцу съ двора, по куску сала и хлѣба и въ началѣ стараются совершенно упоить его и уложить спать. Какъ пастухъ, говорятъ крестьяне, не можетъ встать теперь, такъ звѣри бубутъ не въ силахъ врываться въ стадо. Знахарь и потомъ пользуется почетомъ и часто зовутъ его на помощь. Отбилась напр. въ лѣсу отъ стада корова, овца и т. п., обращаются съ приличными подарками къ знахарю *заговорить пропавшую скотинку*. — Ступай домой, отвѣчаетъ онъ сѣтующему хозяину, будь спокоенъ; скотина твоя будетъ цѣла, и не нужно ее искать. Хотя не хотя хозяинъ идетъ домой, повинуясь вѣщему голосу. Не тутъ то было; прошло два–три дня, а пропавшей скотинки нѣтъ какъ нѣтъ, и тутъ по всей деревнѣ носится недобрая молва, что тамъ–то и тамъ найдены остатки волчьяго обѣда. Крестьянину конечно не на радость. Съ болью въ душѣ онъ обращается снова къ знахарю, но уже съ упрекомъ; — если бы я не слушался тебя, говоритъ онъ знахарю, и отправился бы въ поиски за скотинкой; она была бы цѣла.—Ты ничего не понимаешь, отвѣчаетъ ему знахарь; по договору я отдавалъ нѣсколько штукъ скота звѣрямъ и звѣриному царю, и твою скотинку взялъ себѣ въ пищу звѣриный царь. Не легче отъ этого бѣдному крестьянину; а тутъ отъ знахаря на него еще жалоба, что такой–то дескать обращается къ нему не уважительно, говоритъ ему дерзости; и съ этой стороны *на бѣднаго Макара часто валятся шишки*, а почотъ знахаря нисколько не уменьшился, если еще не увеличился. Передъ смертію знахарь передаетъ свое искусство кому нибудь изъ родни. Какъ разсказывали, что, послѣ смерти особенно уважаемыхъ знахарей, могилы ихъ стерегли дня три–четыре. Это дѣлалось для того,

объясняли крестьяне, чтобы волки, которые будто бы слишкомъ сердиты на знахаря, не отрыли его могилы и не воспользовались его мертвыми остатками.

Вечеромъ, въ день *запасаванія* скота, принявши съ пастбища *статокъ*, пастухъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ долженъ явиться въ свой дворъ босикомъ. Тутъ, при встрѣчѣ съ нимъ, кто ни попало, льетъ на него холодную воду, рѣшительно не обращая вниманія, каково на пастухѣ платье. Пастуха обливаютъ водою для того, по замѣчанію крестьянъ, что бы коровы давали много молока. Вечеръ этого дня празднуютъ и къ ужину готовятъ такія блюда, какія приготовляются лишь въ большіе годовые праздники. Замѣтимъ еще, что если въ день выгонки скота на пастбище въ первый разъ стрекочетъ сорока, то лучше, совѣтуютъ крестьяне, удержаться съ выгонкой до слѣдующаго дня: въ противномъ случаѣ, во все лѣто волкъ будетъ таскать скотъ изъ стада.

Окончились церемоніи *запасаванія* скота; все вошло въ свою колею. Съ каждымъ раннимъ утромъ гонитъ скотъ пастухъ, вмѣстѣ съ другими сотоварищами, на пригодныя пастбища. Выбравши изъ среды себя по очередно одного для ближайшаго надсмотра за скотомъ, остальные устроиваютъ разнаго рода развлеченія. Главное занятіе состоитъ въ играхъ. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Игра въ рѣдьку. Она совершается слѣдующимъ образомъ. На землю садится одинъ мальчикъ, который называется матерью; къ нему на колѣни садится другой и первый обнимаетъ его своими руками кругомъ, около пояса. Въ такомъ же порядкѣ ко второму садится третій; къ третьему четвертый и т. д. Остается одинъ мальчикъ, который не садится, а приходитъ къ крайнему, матери, и стучитъ въ виду ея ногою въ землю.—*Кто такой?* спрашиваетъ мать; — это я, отвѣчаетъ пришедшій.— Что тебѣ надобно?—Хочу рѣдьки.—Иди, вырви. Ищущій рѣдьки приходитъ къ переднему и старается вырвать его изъ объятій сотоварища. Послѣдній всѣми мѣрами старается не пустить, и въ этомъ заключается вся суть дѣла, потому что тотъ будетъ молодцомъ, на чьей сторонѣ окажется перевѣсъ силы. Если маль-

чикъ вырветъ, значитъ, рѣдька добыта; веселые крики и смѣхъ служатъ наградой для героя; если онъ не въ состояніи вырвать рѣдьки, надъ нимъ подтруниваютъ, какъ надъ безсильнымъ. Въ первомъ случаѣ онъ рветъ рѣдьку до тѣхъ поръ, пока остается одна только мать. Тогда приходитъ къ матери, которую стараются удержать на мѣстѣ всѣ бывшія ея дѣти. Если ему удастся вырвать мать, то самъ онъ садится на ея мѣсто, а прежняя мать идетъ рѣдьку рвать. Если мальчикъ не можетъ вырвать рѣдьки, то на его мѣсто назначаютъ другого.

Игра въ кота. Одинъ мальчикъ становится въ прямомъ положеніи; онъ называется матерью; за нею сзади берется другой; за этого—третій и т. д. Затѣмъ одинъ мальчикъ садится на землѣ и роетъ ямочку; этотъ послѣдній извѣстенъ подъ именемъ кота.— Что, коце, робишь? спрашиваетъ у него мать.— Ямку копаю, отвѣчаетъ онъ.— На что?—Иголочки собирать.— Для чего?—Мѣшечки шить.— Къ чему жъ они тебѣ?—Каменьчики собирать.— На что? — Твоимъ дѣтямъ зубы выбивать. — За что?—Чтобы не ходили въ мой бобъ, горохъ, а то порвали, помяли его.— Съ этими словами котъ бросается ловить названныхъ дѣтей, и имѣетъ право схватить только задняго, крайняго; мать, конечно, защищаетъ ихъ и если котъ успѣетъ схватить добычу, (а для этого, какъ видѣли мы на практикѣ, требуется очень немало ловкости) то самъ становится на мѣсто матери, а пойманный вступаетъ въ роль кота. Прекращеніе игры зависитъ отъ усмотрѣнія играющихъ. Подобнымъ же образомъ играютъ еще *въ гуся, ворона.*

Игра въ горшки. Собирается нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ въ одно мѣсто, которое болѣе или менѣе нравится всѣмъ. Здѣсь выбираютъ изъ среды себя *родителей;* избранные остаются въ этомъ мѣстѣ, воображая себя какъ бы дома, за хозяйствомъ; между тѣмъ, остальные члены общества, ихъ, такъ сказать, дѣти, отправляются за всѣмъ необходимымъ для игры. Спустя нѣсколько времени, каждое дитя приноситъ что нибудь, песокъ, цвѣты, черепочки, дощечки, воду и т. д. Изъ дощечекъ строятъ домикъ, украшаютъ его цвѣтками; изъ песку и воды приготовляютъ пироги, блины, кашу; черепки замѣняютъ мѣсто

горшковъ. Всѣмъ заправляютъ родители. Когда все готово, то названная семья садится на землѣ, какъ бы къ столу, и представляетъ собою обѣдающихъ; для этого ея члены, палочками, какъ бы ложками, черпаютъ, поскольку возможно, приготовленныя блюда и, поднося ко рту, бросаютъ; прежде всего начинаютъ ѣсть избранные отецъ и мать. Проведя нѣкоторое время въ такомъ занятіи, семья встаетъ и тотчасъ же собирается къ работѣ. Мальчики отыскиваютъ палочки, которыя служатъ имъ вмѣсто лошадокъ, а дѣвочки строятъ *коляски* и серпы, которыя состоятъ изъ кривыхъ палочекъ. Приготовивши все необходимое, мальчики садятся верхомъ на палочки, ударяютъ ихъ кнутиками и ѣдутъ впередъ; при этомъ они сами подпрыгиваютъ, представляя и сильно утѣшая себя, будто это лошади ихъ такъ подпрыгиваютъ и не могутъ устоять на мѣстѣ; сзади за ними слѣдуютъ и дѣвочки, воображая себя ѣдущими *въ колясках;* прибывши на то мѣсто, гдѣ въ изобиліи растетъ всевозможная трава, всѣ начинаютъ работать. Дѣвочки рвутъ траву, вяжутъ ее въ пучки, а мальчики пасутъ своихъ лошадокъ. Нарвавши травы и сложивши ее въ *коляски*, маленькіе работнички отправляются на прежнее мѣсто и складываютъ нарванную траву уже какъ бы въ сараи—запасъ на зиму для лошадокъ. Этимъ игры иногда и заканчиваются; ребятушки разбѣгаются; если же позволяетъ время, то присоединяютъ къ ней другую, слѣдующую.

Сложивши привезенный запасъ, ребятишки отправляются на новое мѣсто и здѣсь избираютъ изъ среды себя жениха и невѣсту. Избравши достойныхъ, отправляются за цвѣтами и ленточками. Принесши необходимое, устрояютъ для невѣсты вѣнокъ и надѣваютъ избранной на голову. Послѣ этого, садятся на землѣ и открывается угощеніе, пожалуй, обѣдъ, который приготовляется по указанному выше способу.

Игра въ цурки. Выкапываютъ узкую, продолговатую ямку, и въ 10-ти или 15-ти шагахъ отъ нея проводятъ черту. Всѣ, желающіе участвовать въ игрѣ, раздѣляются попарно; одну пару назначаютъ главною; каждая половина этой пары по условнымъ знакамъ будетъ подбирать себѣ товарищей; оставшіеся отходятъ

въ сторону и принимаютъ на себя различныя названія; послѣ этого подходятъ къ главной парѣ и называя свои вымышленныя имена, спрашиваютъ: —«Що берешь: чи Панаса, чи Пылыпа, чи дубъ, чи берозу?» Одинъ изъ главной пары отвѣчаетъ: —«иды до мэня Панасъ или дубъ», и тотъ, кто принялъ это названіе идетъ къ призывающему, а его сотоварищъ, Пылыпъ или береза идетъ къ другой половинѣ главной пары. Когда, такимъ образомъ, всѣ имѣющіе играть раздѣлятся на двѣ половины, во главѣ которыхъ стоитъ главная пара, то начинаютъ рѣшать, кому занять городъ и кому идти въ поле. (Городомъ называется то мѣсто, гдѣ находится вырытая ямка и откуда будутъ бросать цурку до черты; за чертою—поле). Для этого предводители обѣихъ половинъ (главная пара) *мѣряются палкою;* т. е. берутъ палку, подбрасываютъ вверхъ и кто нибудь изъ нихъ, схватываетъ ее на воздухѣ; надъ рукою схватившаго берется рукою другой, потомъ снова первый, и чья рука окажется на верхушкѣ палки, половина того идетъ въ городъ, другая въ поле. Предводитель *городовой* половины долженъ еще трижды обернуться кругомъ и перебросить палку черезъ голову. Когда всѣ заняли свои мѣста, одинъ изъ стоящихъ *въ городѣ* беретъ палку, упираетъ ее въ конецъ ямки; другою палкою подбрасываетъ цурку вверхъ; *полевые* стараются ударить цурку палкою на лету; если кому нибудь удалось ударить ее, то бросившій не имѣетъ права болѣе продолжать кидать ее; если же нѣтъ, то одинъ *изъ полевыхъ* беретъ цурку и старается попасть ею въ палку, воткнутую въ ямку. Тутъ опять, если попалъ, то число бросающихъ однимъ уменьшается; если же нѣтъ, то бросившій цурку изъ ямки, снова беретъ цурку и бьетъ въ нее палкою такъ, чтобы она подлетѣла вверхъ и тутъ же самъ старается отбить ее на лету отъ ямки, по возможности дальше. Это повторяется до трехъ разъ; отъ того мѣста гдѣ упала цурка отъ удара въ послѣдній разъ, мѣряютъ палкою все пространство къ ямкѣ, чтобы опредѣлить, *сколько будетъ палокъ* въ этомъ пространствѣ; вся игра состоитъ въ томъ, чтобы нагнать на противникѣ, по возможности, большее количество палокъ; это, такъ сказать, задача, которую долженъ рѣшить противникъ.

Если въ концѣ игры одна половина насчитываетъ на другой больше палокъ, то послѣдней говорятъ: чуръ, присохнетъ тебѣ! и при этомъ плюютъ на землю. Игра въ цурки, какъ и вообще всѣ игры, въ различныхъ мѣстахъ совершается не одинаково. (См. Терещенко). Цуркою въ тѣхъ мѣстамъ, о которыхъ мы говоримъ, называется узкая, довольно толстая дощечка, нѣсколько срѣзанная по концамъ двухъ противоположныхъ сторонъ: верхней и нижней.

Игра въ креймоли или въ камешки. Большею частію въ эту игру играютъ только по два человѣка; можно и больше, но тогда она дѣлается довольно скучною. Для игры берутъ пять маленькихъ камешковъ. Всѣ они однимъ движеніемъ руки должны быть разбросаны такъ, чтобы не пали вмѣстѣ два камешка или что бы, по мѣстному выраженію, не было *липанцовъ*. Если это случится, начавшій игру теряетъ свою очередь до слѣдующаго раза; если же нѣтъ, то начинаетъ ловить камешки такъ: беретъ одинъ камешекъ въ руку, подбрасываетъ его къ верху и въ то время, пока онъ упадетъ, игрокъ долженъ захватить въ руку еще одинъ изъ лежащихъ на землѣ и съ нимъ уже встрѣтить падающій камешокъ. Если удалось, игра продолжается дальше. Игрокъ опять беретъ камешки и разбрасываетъ ихъ; но тутъ онъ долженъ имѣть въ виду, что теперь ему придется схватывать съ земли не по одному уже камешку, а по два *(двійцы)*, слѣдовательно и самый разбросъ его долженъ быть принаровленъ къ этому. Если всѣ условія игры выполнены, т. е. если подброшенный камешокъ игрокомъ пойманъ на обратномъ пути съ двумя другими, если при этомъ не затронулъ лишняго, игра продолжается дальше. Опять разбрасываются камешки; но теперь игроку придется ловить уже съ подброшеннымъ вверхъ камешкомъ три камешка сразу и потомъ одинъ; *(трійцы)*; если онъ успѣлъ, то ловитъ еще разъ съ подброшеннымъ камешкомъ всѣ четыре остальные сразу *(четверійцы)* и беретъ всѣ пять камешковъ, подбрасываетъ вверхъ и подставляетъ имъ верхнюю сторону руки, что бы они задержались на ней; чѣмъ больше задержится камешковъ на рукѣ,

тѣмъ лучше; если не будетъ ни одного, игру начинаетъ другой; все дѣло тутъ въ ловкости и гибкости пальцевъ.

Игра въ козла. Пастухи выбираютъ ровное мѣсто, ставятъ въ опредѣленной точкѣ палку; отъ нея въ шагахъ 30 и болѣе становятся всѣ желающіе играть на разстояніи сажени другъ отъ друга. Тутъ каждый свое мѣсто обозначаетъ ямкой. Когда все пришло въ порядокъ, крайній бросаетъ своей палкой въ ту ямку, которая воткнута шагахъ въ тридцати, и если онъ попалъ въ цѣль, то спокойно идетъ за своей палкой и, взявъ ее, возвращается на свое мѣсто. Если же далъ промахъ, то, когда онъ бросится бѣжать за своей палкой, остальные бросаются къ его мѣсту и стараются каждый, по возможности, больше набрать оттуда дерну до прихода хозяина. Это повторяется по нѣскольку разъ. Если игроки соглашаются оставить игру, то каждый долженъ стараться заложить свое мѣсто наличнымъ дерномъ. У кого останутся прогалинки, на того нападаютъ имѣющіе излишекъ дерну и, бросая на него съ смѣхомъ этотъ излишекъ, приговариваютъ: *на, наижся козлячого сала.* Вся суть игры заключаттся въ ловкости бросить палку и въ послѣдствіяхъ промаха.

Блудень. Игроки выбираютъ площадку и по срединѣ ея вбиваютъ небольшой колышекъ. Потомъ садятся сами на землѣ и палкою, каждый по направленію къ себѣ, отмѣриваютъ линію, одинъ конецъ которой упирался бы во вбитый колышекъ; въ другомъ концѣ линіи ставятъ, каждый для себя новый колышекъ. Потомъ одинъ изъ игроковъ беретъ палку и деревянный гвоздь, ставитъ его на свободномъ мѣстѣ площадки и ударомъ палки старается вбить его, какъ можно, больше въ землю. Если промахнулся, а это довольно легко, потому что гвоздь деревянный, довольно тонкій, то теряетъ право до слѣдующей очереди; если же нѣтъ, то вынимаетъ вбитый гвоздь, замѣчаетъ вбитую въ землю часть гвоздя и на столько придвигаетъ свой колышекъ къ главному, центральному, по проведенной линіи. Послѣ этого, снова начинаетъ игру и продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока не дастъ промаха. Тоже дѣлаютъ и другіе участвующіе въ игрѣ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока частные ко-

лышки не будутъ на указанномъ основаніи придвинуты къ главному.

Всегда почти бываетъ, что останется одна жертва, которая не успѣла съ другими придвинуть своего колышка къ главному. Такой игрокъ подвергается наказанію: мѣряютъ ладонью свободное пространство между его колышкомъ и главнымъ, и смотрятъ, сколько разъ въ этомъ пространствѣ можетъ заключиться кисть руки—это значитъ, *сколько пальцевъ;* если кисть руки заключается два или три раза, значитъ—колышекъ этого игрока отстоитъ отъ главнаго на 10, 15 пальцевъ. Тогда берутъ палку, ею отмѣриваютъ отъ главнаго колышка пространство по числу *пальцевъ;* тамъ вбиваютъ палку, проигравшему завязываютъ глаза, даютъ въ руки палку и заставляютъ искать вбитой. Конечно, не совсѣмъ то легко выполнить задачу съ завязанными глазами, а тутъ еще надъ несчастною жертвою потѣшаются всѣми мѣрами. Если палка найдена, игра начинается снова, или оканчивается, по желанію играющихъ.

Коза. Эта игра похожа нѣсколько на другую — *Козелъ.* (описанную выше). Берутъ палку, вбиваютъ ее въ землю и къ палкѣ привязываютъ снурокъ, длиною сажени въ двѣ и больше. Кругомъ палки складываютъ кафтаны, шапки. Одинъ изъ играющихъ, по жребію, беретъ за конецъ веревки и начинаетъ бѣгать кругомъ палки—стережетъ положенныя вещи. Въ это время остальные стараются расхватать ихъ. Бѣгающій, въ свою очередь, старается кого нибудь ударить рукою или ногою. Если это удалось, то получившій ударъ замѣняетъ его и начинаетъ бѣгать кругомъ палки. Если же нѣтъ, а сложенное около палки будетъ расхватано до трехъ разъ, тогда *сторожеваго* (бѣгающаго) подвергаютъ наказанію. *Козу* (вбитая палка) вынимаютъ изъ земли, обвертываютъ снуркомъ и прячутъ, что бы не видѣлъ *сторожевой.* Всѣ игравшіе берутъ свои шапки, ударяютъ ими проигравшаго съ словами: *а да казы*, *а да казы.* Это продолжается до тѣхъ поръ, пока виновный не пайдетъ *казы.* Если онъ найдетъ, то всѣ преслѣдовавшіе его, что есть мочи, должны убѣгать, потому что найденную козу онъ бросаетъ по ногамъ убѣгающихъ. Этимъ игра и кончается.

Крупникъ. Вбиваютъ палку и стараются уложить на нее шапки желающихъ играть. Послѣ этого по порядку начинаютъ прыгать черезъ одѣтую палку, стараясь не сбросить съ нея ни одной шапки. Если кто не выполнитъ этого, того подвергаютъ наказанію. Всѣ играющіе становятся въ ряды, одинъ напротивъ другого, образуя собою живую аллею. Одинъ изъ игроковъ беретъ виновнаго и ведетъ его по этому ряду, при чемъ остальные ударяютъ его шапками. Это называется *простроемъ* (наказаніемъ черезъ строй).

Кацѣлка. Становится 4 или 5 человѣкъ на разстояніи другъ отъ друга какихъ нибудь 20 саженъ и, взявъ кольцо, отпиленное отъ толстаго бревна, бросаютъ его такъ, что бы оно катилось по землѣ въ противоположный конецъ; стоящіе тамъ игроки стараются задержать его палками; поймавши кольцо, они бросаютъ его обратно. Все дѣло тутъ въ томъ, чтобы кольцо бросить, по возможности, шибче, что бы противная партія, немогла задержать его, а напротивъ, принуждена была бы догонять его и, такимъ образомъ, осталась бы выбитою изъ своей позиціи. По той мѣрѣ, какъ одна сторона, увлекаемая неудержимымъ бѣгомъ кольца, подвигается вверхъ, другая старается завладѣть ея прежнимъ мѣстомъ или по крайней мѣрѣ приблизиться къ нему. Здѣсь верхъ торжества. Въ эту игру большею частью играютъ въ лѣтнія вечера на улицѣ.

Дѣти. Игра, принадлежащая дѣвочкамъ-пастушкамъ. Собравшіяся дѣвочки отдѣляютъ изъ среды себя меньшихъ своихъ подругъ и садятъ ихъ на землѣ въ кружокъ. При каждой малой дѣвочкѣ становится другая, побольше ея ростомъ. Послѣ этого одна изъ большихъ дѣвочекъ отправляется *покупать дѣтей.* Покупщица, подошедши къ своей подругѣ, спрашиваетъ ее: — «ци продажно дзиця?» — «Продажно», отвѣчаетъ та. — «Што табѣ даць?» — «Крупъ крупеницы, соли соленицы и маковку дзицяци на забавку.» — При этомъ обѣ торгующіяся дѣвочки бѣгутъ вокругъ остальныхъ въ двѣ противоположныя стороны. Которая изъ нихъ прежде прибѣжитъ къ продававшемуся было дитяти, той оно и достанется. Оставшаяся идетъ за покупкой дальше.

Кромѣ этихъ, болѣе или менѣе общихъ игръ съ разными варіаціями, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ распространены еще, такъ называемыя, *черта*, *лапта*, *свайка*, *мэта*, *борьба*, *чехарда*, *жгутъ*, *пытка*, *малая куча*, *кругъ*, *городки*, *кегли* и нѣкоторыя другія.

Надоѣли игры рѣзвящимся пастухамъ, и они, собравшись гдѣ нибудь подъ кустомъ, начинаютъ взаимно обмѣниваться слышаннымъ дома объясненіемъ различныхъ явленій и исторіей о нѣкоторыхъ предметахъ. «А знаете ли, братцы, спрашиваетъ одинъ, болѣе опытный, у своихъ товарищей, откуда взялся картофель у насъ и табакъ? Одна еврейка родила двухъ щенковъ и зарыла ихъ въ землю; черезъ нѣсколько времени надъ могилой одного щенка выросъ картофель, надъ могилой другого табакъ.» Вслѣдствіе этого, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до послѣдняго времени крестьяне считаютъ картофель и табакъ самими гадкими растеніями. А вотъ другой объясняетъ, для чего ячмень нужно два раза молотить. Когда Богъ сотворилъ всѣ растенія, слышите вы здѣсь, то повелѣлъ всѣмъ имъ явиться для осмотра; всѣ растенія исполнили волю Творца не медля, а ячмень опоздалъ и при этомъ съ испугу повелъ еще себя неприлично. Въ наказаніе за это Богъ осудилъ его на двойное мученіе сравнительно съ другими хлѣбами. Тутъ вы можете услышать еще любопытныя объясненія разнаго рода метаморфозъ, по крестьянскому воззрѣнію. Разсказываютъ, напр., какъ человѣкъ превратился въ медвѣдя, кукушку, аиста. Вскорѣ послѣ сотворенія міра, Богъ ходилъ по землѣ и разсматривалъ свое созданіе; тогда одинъ якобы человѣкъ желалъ испугать Бога, вывернулъ шубу шерстью вверхъ, надѣлъ ее и въ такомъ видѣ вышелъ къ Богу на встрѣчу. Богъ, считая это слишкомъ неприличною шуткой, сдѣлалъ шалуну такъ, что вывернутая шуба приросла къ его кожѣ, и такимъ образомъ этотъ человѣкъ сдѣлался медвѣдемъ—родоначальникомъ всѣхъ остальныхъ. О кукушкѣ сохраняется такого рода преданіе. Почти въ то самое время, какъ Богъ своимъ всемогуществомъ превращалъ человѣка въ медвѣдя, одна дѣвушка, желая нечаянно напугать Бога, вдругъ выскочила изъ за куста и произнесла: куку! Въ нака-

заніе за такой поступокъ Богъ обратилъ ее въ птицу и осудилъ на вѣчное *кукованіе* въ память слѣдующимъ поколѣніямъ. Касательно аиста передаютъ слѣдующее. Когда Богъ сотворилъ всѣхъ пресмыкающихся, то скоро замѣтилъ, что онѣ производятъ немало вреда и безпорядковъ въ его твореніи; тогда онъ, собравши ихъ въ огромный мѣшокъ, отдалъ одному человѣку—занести все это и бросить въ огромную, огненную рѣку и потомъ, не оглядываясь, быстро возвратиться домой. Человѣкъ съ этою ношей пошелъ по назначенію. Выбросивши всѣхъ гадовъ въ рѣку, посланецъ поспѣшилъ домой; но тутъ же не выдержалъ и оглянулся назадъ. Въ ту же минуту всѣ пресмыкающіеся выползли изъ рѣки. Разсердился на него за ослушаніе Богъ и превратилъ его въ аиста и въ наказаніе назначилъ ему собирать по болотамъ и ѣсть гадовъ. Такъ явился аистъ.

Тутъ же сообщаются и взаимно передаются и другія разнаго рода баснословныя преданія; разсказываются сказки то о жаръ-птицѣ, то о двѣнадцати разбойникахъ, то о трехъ братьяхъ, изъ которыхъ одинъ дурачекъ—счастливецъ, то о закладѣ между человѣкомъ и діаволомъ; слышатся даже имена Бовы Королевича и Еруслана Лазаревича. Кромѣ игръ и разсказовъ, пастухи занимаются и дѣломъ: приготовляютъ лыка для лаптей, плетутъ лапти на зиму и себѣ и другимъ, плетутъ корзинки, соломенные шляпы... Такъ проходитъ эта чисто скитальческая, подвижная жизнь пастуха. Съ раннимъ утромъ поднимается онъ каждый Божій день и гонитъ свое стадо на пригодныя пастбища. Въ началѣ, когда начинаютъ гонять скотъ, (съ перваго Апрѣля) часто холодъ заставляетъ возвращаться домой заблаговременно. Со дня Пятидесятницы, скотъ начинаютъ гонять на *повдзень* (полудень). Около 12 часовъ, скотъ пригоняютъ домой, потому что въ это время — слишкомъ жарко и скотъ не пасется, а бѣгаетъ, стараясь укрыться отъ насѣкомыхъ. Время, когда скотъ нужно гнать домой, опредѣляется тѣнью человѣка; если человѣкъ перешагнетъ свою тѣнь, значитъ—скотъ пора гнать домой. (Пастухъ становится и замѣчаетъ точку, гдѣ оканчивается его тѣнь и потомъ шагаетъ; какая простая, раціональная мѣра; къ сожалѣнію, она возможна только въ ясный

день). Пригнавши скотъ домой, его запираютъ въ хлѣвахъ; а пастухъ, пообѣдавши, или ложится отдохнуть, или занимается какою нибудь работой, по своему усмотрѣнію. Снова выгоняютъ скотъ на паству, когда *свернетъ съ полдня*, т. е. тѣнь обратится на востокъ; пригоняютъ скотъ на ночь, при закатѣ солнца. Въ день Св. Пятидесятницы и Іоанна Крестителя пригоняютъ скотъ домой съ вѣнками на рогахъ у коровъ. Въ день Іоанна Крестителя, сверхъ того, провинчиваютъ у коровъ въ рогу дырочки и впускаютъ туда живое серебро. Это дѣлается съ тою цѣлію, чтобы вѣдьмы не могли отнимать у коровъ молоко. Въ день Св. Петра и Павла каждая хозяйка обязана дать своему пастуху сыръ. Въ обыкновенное время она даетъ ему не рѣдко пирогъ, иногда съ замазаннымъ даже внутри яйцомъ. *На полдень* перестаютъ гонять скотъ около Преображенія Господня. Осенью, когда становится холодно, пастухи разводятъ близь лѣса огонь и грѣются. Когда наступятъ морозы и земля замерзнетъ такъ, что скотъ не можетъ проломить ее, тогда выгоняютъ *на руню* (на всходы ржи); перестаютъ гонять стада, когда снѣгъ покроетъ землю.

Особенно чтимые пастухами праздники—это *большая и малая Пречиста* (Успеніе и Рождество Пресвятыя Богородицы) и Покровъ Пресв. Богор. Въ эти дни всѣ пастухи стараются непремѣнно побывать въ церкви и потомъ, если можно, *на кермашъ* (ярмарка). Покупаютъ яблоки, пряники. Обыкновенно въ этотъ день хозяинъ даетъ пастуху нѣсколько копѣекъ денегъ.

Еще большимъ почотомъ и вниманіемъ пастуховъ пользуется день Св. Георгія. На него смотрятъ они, какъ на покровителя скота и объ этомъ сохраняется у нихъ такого рода преданіе. Однажды Богъ созвалъ всѣхъ животныхъ подъ большой дубъ (гдѣ то на концѣ свѣта, по выраженію крестьянъ); тутъ вмѣстѣ съ Богомъ были и всѣ святые, за исключеніемъ одного Георгія Великомученика, который не успѣлъ явиться къ этому торжеству, за дальностію пути. Сзади за святыми стоялъ нечистый духъ. Въ этомъ собраніи Богъ назначалъ каждому классу сотворенныхъ существъ особую пищу, какая кому нравится. Діаволъ выпросилъ для себя у Бога овесъ, желая такимъ обра-

зомъ быть господиномъ надъ лошадьми. Въ это самое время подоспѣлъ и Св. Георгій и сталъ просить у Бога и ему дать что нибудь изъ твореній. Богъ далъ Св. Георгію *осотъ* (растѣніе). Св. Георгій сталъ просить у Бога чего нибудь получше. Богъ замѣтилъ ему: если отнимешь у діавола, то будетъ твой овесъ. Св. Георгій, не теряя ни минуты, поспѣшилъ опередить діавола и засѣлъ не подалеку отъ той норы, которою черти пробираются изъ ада на этотъ свѣтъ и обратно. Діаволъ, чтобы не забыть, что назначилъ ему Богъ, постоянно твердилъ: овесъ, овесъ, овесъ.... А тутъ Св. Георгій выскочилъ изъ за куста и крикнулъ нечаянно: ага!... Чертъ перепугался, началъ трястись, плевать. Тьфу, забылъ даже, что говорилъ! Ты повторялъ *осотъ*, подсказалъ ему Св. Георгій. Діаволъ сталъ твердить: *осотъ*, вмѣсто *овесъ*, и отправился въ свое царство. Св. Георгій поспѣшилъ къ Богу и былъ назначенъ покровителемъ скота и въ свое вѣденіе получилъ овесъ. Потому то пастухи считаютъ большимъ несчастіемъ—не побывать въ этотъ день въ церкви, а крестьяне вообще считаютъ грѣхомъ—не наварить *овсянаго* киселя. Подобный взглядъ на Св. Георгія выражается и въ народныхъ пѣсняхъ.

И здѣсъ уже, и по другому народному преданію, въ день Св. Георгія впервые якобы является роса; Св. Юрій да *вросився*, говорится тамъ; тоже самое мы видѣли и въ нищенской пѣсни: «а пасижъ, Боже, скацинку на Юрьевыхъ росахъ....»

Кромѣ *паствы скота*, приходится еще ѣздить *на ночлегъ*, (т. е. ночью пасть лошадей и передъ разсвѣтомъ—воловъ). Но это дѣло большею частію приходится исполнять, такъ называемымъ, *подручникамъ*. Подручникъ — это недавній пастухъ, только что оставившій гонять скотъ, возросшій, окрѣпшій въ силахъ и потому способный на болѣе тяжелыя въ хозяйствѣ работы. Подручникъ идетъ уже косить сѣно, пахать поле; вообще онъ — правая рука хозяина. Но главное занятіе подручника ѣздить на ночлегъ. Намъ не разъ приходилось видѣть, съ какою радостію и весельемъ подручники отправляются на свое дѣло. Ежедневно толпа человѣкъ въ 50 несется въ перегонъ на своихъ лошадкахъ по деревнѣ съ дикимъ шумомъ и

гамомъ на опредѣленное уже мѣсто. Здѣсь попадаются и мальчики (лѣтъ 12) и даже женщины; но главную силу этого общества составляютъ *подручники*. Начинаютъ ѣздить на ночлегъ около Св. Георгія. Въ первый разъ выѣзжаютъ при слѣдующихъ обрядахъ. *Ночлежникъ* садится на лошадь; хозяинъ беретъ Богоявленскую воду, освященную вербу; окропляетъ вербою и, осѣнивъ ночлежника и лошадь крестнымъ знаменіемъ, передаетъ ихъ въ волю Божію. На ночлегѣ уже непремѣнно разведутъ огонь; весною грѣются, а осенью при немъ пекутъ картофель, бобы, горохъ... Рѣдко берутся эти матеріалы изъ дому; большею частію ночлежники на мѣстѣ отправляются на чужую ниву и тамъ набираютъ ихъ столько, сколько вздумается. Впрочемъ, крестьяне сами сознаютъ нечестность такого поступка. Вотъ какой разсказъ существуетъ у нихъ по сему случаю. Однажды вмѣстѣ съ молодыми людьми выѣхалъ на ночлегъ и старикъ–хозяинъ, любившій воспользоваться чужимъ добромъ. Вотъ онъ и говоритъ сотоварищамъ: съѣздите, ребята, да накопайте картофеля, нарвите стручковъ, бобу, гороху; и я съѣмъ и вы. *Ночлежники* нѣкоторое время не соглашались; но, въ слѣдствіе усильной просьбы старика, отправились на его поле, да и накопали тамъ картофелю. Старикъ похвалилъ ихъ за доставку хорошаго картофеля, но каково было потомъ его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что заставилъ другихъ полакомиться на свой счетъ, да еще и благодарилъ ихъ за это. Старикъ, наученный только послѣднимъ опытомъ, болѣе никогда уже не посылалъ другихъ красть картофель. Случается иногда, что подобныхъ молодцевъ поймаютъ на мѣстѣ преступленія; тогда имъ приходится поплатиться или своими боками, или *рублевиками*. *Ночлегъ* стараются проводить въ мѣстахъ подальше отъ *шкоды*, т. е. отъ засѣянныхъ полей и луговъ, куда забравшись, лошади могли бы причинить вредъ или *шкоду*. Чтобы лошади не заходили далеко, ихъ обыкновенно путаютъ. Ѣздить на ночлегъ обыкновенно перестаютъ, когда выпадетъ снѣгъ.

Кончилось лѣто, настала уже суровая осень, а тутъ и почтенная зимушка. Скотъ загнанъ въ хлѣвъ и только по вре-

менамъ его выгоняютъ на водопой. Что же дѣлать теперь *пастухамъ* и даже *подручникамъ?* Конечно, много работы въ хозяйствѣ; *за свой вѣкъ ея не передѣлаешь*, говорятъ крестьяне. Но во всякомъ случаѣ, вся тяжесть ея лежитъ въ рукахъ хозяина; остальной челяди-молодежи остается довольно и свободнаго времени. И вотъ, при свѣтѣ лучины, воспоминаютъ они свою недавнюю, привольную, луговую жизнь, съ ея весельемъ и играми и теперь стараются возобновить ихъ, особенно въ праздничные длинные вечера. Собравшись въ одинъ домъ, мальчики и дѣвочки играютъ въ *ящара*. Избираютъ изъ среды себя одного, садятъ его по рединѣ комнаты на скамейкѣ, сами берутся за руки и начинаютъ плясать кругомъ сидящаго, который называется ящаромъ. При этомъ подъ пляску поютъ слѣдующую пѣсню: «сядзи, сядзи, ящаръ, гей, намъ, гей! на золоце креслѣ, гей, намъ, гей! выберъ сабѣ панну, гей, намъ, гей! которую хочешь, гей, намъ, гей!» Ящаръ обыкновенно ничего не отвѣчаетъ и не выбираетъ себѣ *панны*. Игравшіе потомъ снова начинаютъ плясать, пѣть пѣсню и тутъ-же сами называютъ для него молодую *панну*. При этомъ останавливаются и молодая *панна* должна дать за себя выкупъ *ящару*, платокъ или поясъ. Потомъ опять пляшутъ кругомъ ящара, поютъ указанную пѣсню, называя по очереди каждаго изъ играющихъ, который посему долженъ давать за себя выкупъ *ящару*. Когда очередь обойдетъ всѣхъ, то садятъ ящара на возвышенное мѣсто; тутъ при немъ находятся и всѣ полученныя имъ выкупы, которые съ этихъ поръ называются *вѣнками*. Всѣ игравшіе по очереди приходятъ къ ящару и просятъ у него выдачи имъ *вѣнковъ*. Просящій о возвратѣ вѣнка сначала идетъ къ порогу и оттуда уже подходитъ къ ящару съ поклономъ и говоритъ: «а ящару паночекъ? отдай же мой вѣночекъ, что я вила, что я плела, ручки, ножки пригарунила и вѣночка не знасила!» Рѣчь всегда должна быть въ женскомъ родѣ, хотя бы просилъ и мальчикъ. Говорящій не долженъ смѣяться, хотя бы ящаръ выдѣлывалъ разнаго рода гримасы. Засмѣявшійся проситель теряетъ право на полученіе *вѣнка* до слѣдующей очереди. Раздачей вѣнковъ кончается игра.

Рѣдьку рвать. (отличная отъ вышесказанной; это зимняя игра). Главную роль играютъ въ ней слѣдующія лица: *баба*, *посланникъ*, и, такъ называемыя, *рѣдьки*. *Баба* (кто нибудь изъ игроковъ) берется за столбъ, или за другой какой предметъ; за нее берется другой, за этого третій и т. д. *Посланникъ*, стоящій по срединѣ комнаты, говоритъ:—«Стукъ, стукъ!» *Баба:*—а кто тамъ? *Посланникъ:* «я самъ панъ.»—«А по што?» «По рѣдьку.»—«А на што?»—«Звалилася пани съ печи, отбила грудзи, плечи, привела сына Марцина, дочку Акулину, зажадала горькой рѣдки.»—«Рви съ конца, не подорви коренца, не попсуй молодой нацинки.»—Посланникъ отдергиваетъ съ конца *одну рѣдьку* и отводитъ въ сторону. Теперь опять начинается вышеописанная исторія. Въ заключеніе *баба* спрашиваетъ *у посланника:* «а гдѣ тую (рѣдьку) подзѣу?» *Посланникъ:* «ѣхавъ черезъ папова мостище, адорвали собаки каню хвостище, бивъ, бивъ смаляную пугу побивъ, а рѣпту тамъ покинувъ.»— Это значитъ, что во время борьбы его съ собаками, онъ потерялъ рѣдьку. Баба говоритъ опять: «рви съ конца» и проч. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока останется одна баба. Когда послѣ разговора съ *бабой*, *посланникъ* получитъ позволеніе рвать рѣдьку, т. е. самую уже *бабу*, то для этого онъ приглашаетъ въ помощь себѣ всѣ вырванныя *рѣдьки*. Вырвавши и *бабу*, посланникъ садитъ ее на скамью и въ благодарность за рѣдьку, проситъ ее въ баню.—«Бабка, бабка проше въ баню (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорится: у лазню.)—«А якіе дрова», спрашиваетъ баба? Посланникъ говоритъ: «яловыя или альховыя.»—Но бабка не соглашается идти въ баню, отопленную такими дровами. Посланникъ какъ будто догадывается и объявляетъ бабкѣ, что баня-то на самомъ дѣлѣ вытоплена дровами березовыми. Послѣ этого бабка охотно принимаетъ предложеніе и, еще какъ бы подозрѣвая посланника, спрашиваетъ: будетъ ли ей спокойно въ банѣ? Отвѣтъ получаетъ утвердительный. Баба приходитъ въ баню, которая есть ничто иное, какъ въ той же комнатѣ поставленая скамейка; на ней положенъ камень вмѣсто мыла, вѣникъ, которымъ выметаютъ соръ изъ хаты, чтобы попариться, помело для обтиранія и грабли вмѣсто

гребня. Здѣсь же посланникомъ посажены прежнія рѣдьки съ наименованіями *собакъ*, *гусей*, *индюковъ* и проч. Когда бабка расположится въ банѣ и начнетъ, повидимому, париться, мыться и потомъ зачесываться, посаженныя тутъ собаки, гуси и проч., выскакиваютъ и тормошатъ *бабу*. Посланникъ повидимому обороняетъ ее, а на самомъ дѣлѣ, помогаетъ только тормошить. Наконецъ, посланнику удается отогнать нападающихъ и баба разражается тутъ надъ нимъ всевозможными ругательствами за такой пріемъ. Прогнанные снова нападаютъ на бабку и та по добру по здорову торопится убѣжать отъ нихъ, защищаемая посланникомъ. Этимъ игра оканчивается.

Золото дѣлать. Собирается молодежъ въ одинъ домъ и садится на лавку. Двое изъ игроковъ выступаютъ на средину; одинъ становится возлѣ сидящихъ, а другой съ кольцемъ отходитъ къ порогу и, тотчасъ же возвращаясь оттуда къ сидящимъ, говоритъ *съ кута* (угла) *иду*, *золото нясу*, *ня золото курчане згадай*, *пане*, *у кого*. При этихъ словахъ онъ оставляетъ у кого нибудь изъ сидящихъ въ рукахъ кольцо; но чтобы замаскировать игру, онъ поочереди прикасается своими руками къ рукамъ всѣхъ играющихъ. Если стоящій отгадаетъ, у кого кольцо, то самъ беретъ его и идетъ *золото дѣлать*, т. е. раздавать кольцо; если же не отгадаетъ, то остается отгадывать до слѣдующаго раза; а тотъ, у кого было кольцо, идетъ золото дѣлать; дѣлившій садится на эго мѣстѣ.

Для дѣвушекъ единственное утѣшеніе въ это время, это вечерни, или вечерницы. Они собираются въ одно мѣсто, усаживаются кругомъ лучиника, (мѣсто гдѣ горитъ лучина) и принимаются за пряжу; но на самомъ дѣлѣ тутъ они болтаютъ о всякой всячинѣ, загадываютъ загадки, заявляютъ о своихъ сердечныхъ помыслахъ, желаніяхъ, освѣдомляются о хорошихъ женихахъ, поютъ пѣсни, сказываютъ сказки. Въ одной деревнѣ, часто слышится на вечерницахъ, собирались дѣвки на посидѣлки; между ними была одна, очень смѣлая; она ударилась объ закладъ съ другими, своими подругами, что пойдетъ на кладбище, откопаетъ мертвеца, сниметъ съ него рубашку, и принесетъ имъ въ комнату. Сказано — сдѣлано. Она пошла на

кладбище, и, къ счастію даже откапывать не нужно было; мертвецъ стоялъ *на прикладѣ* (памятникъ). Она подошла къ нему, сняла рубаху и возвратилась домой. Когда пришла въ собраніе, то за ней сейчасъ же явился и мертвецъ, съ котораго она сняла рубаху. Ставши подъ окномъ, онъ сталъ кричать: отдай мою рубаху. Дѣвушка испугалась и стала просить подругъ возвратить ему рубаху. Подружки согласились было на эту просьбу. Но мертвецъ замѣтилъ: «кто снялъ съ меня рубаху, тотъ долженъ и отдать ее мнѣ». Напрасно испуганная дѣвушка подавала ему рубашку *на рожнѣ* черезъ окошко; «гдѣ сняла съ меня рубашку, говорилъ мертвецъ, тамъ должна и надѣть ее на меня; иначе, я тебя удушу.» Дѣвушка думала не послушать требованія; но мертвецъ каждый день являлся къ ней и, вслучаѣ неисполненія просьбы, грозилъ бѣдой. Нечего было дѣлать. Собравшись съ силами, причастившись Св. Таинъ, дѣвушка съ духовенствомъ пошла на кладбище. Когда она явилась, то гробъ, гдѣ былъ мертвецъ, открылся; онъ самъ вышелъ оттуда, и, когда дѣвушка стала надѣвать на него рубаху, онъ ухватился за нее такъ крѣпко, что при всемъ усиліи, нельзя было оторвать ее, и принуждены были засыпать ее вмѣстѣ съ мертвецомъ. Изъ этого разсказа слушающіе извлекаютъ то нравоученіе, что не должно быть смѣлымъ и, въ слѣдствіе этого, сами боятся показать даже носъ на дворъ.

Иногда на *вечерницахъ* дѣвушки устрояютъ чучелу на подобіе стараго дѣда. Съ этою чучелой онѣ отправляются подъ окно того дома, гдѣ есть хорошій парень; если парень сидитъ недалеко отъ окошка, то онѣ потихоньку отворяютъ окно и такъ ловко ударяютъ по лицу парня этою чучелой, что у него не разъ задрожатъ всѣ жилки отъ такого нечаяннаго подарка. Тогда онѣ съ хохотомъ отправляются во свояси. Иногда на вечерницы дѣвки приглашаютъ къ себѣ и парней—*подручниковъ*, устроиютъ музыку, открываютъ игры, танцы... Здѣсь подручники больше всего знакомятся съ дѣвушками-невѣстами и выбираютъ для себя будущихъ женъ: (Нэ ходы, Грицю, на вэчэрныци...). Но объ этомъ въ слѣдующей статьѣ.— *Юліянъ Крачковскій.*

ДВА ПИСЬМА ИЗЪ СѢВЕРОЗАПАДНАГО КРАЯ.

Августъ 1867 г.

1.

.....Ты желаешь знать о нашихъ дѣлахъ. Съ удовольствіемъ исполняю твое желаніе. Тебѣ извѣстно, что я хорошо знакомъ съ многими изъ здѣшнихъ мировыхъ посредниковъ и имѣлъ достаточно случаевъ близко вглядѣться въ ихъ дѣятельность, а служебныя мои разъѣзды, заставляя меня останавливаться въ волостныхъ правленіяхъ, дали мнѣ возможность ознакомиться съ распоряженіями посредниковъ, съ крестьянскимъ управленіемъ и съ развитіемъ волостныхъ судовъ и школъ. Я уже кое что писалъ тебѣ объ этомъ, теперь разскажу изъ послѣдней моей поѣздки.

Во время пребыванія моего въ заштатномъ г. Кнышинѣ, (гродн. губ.), я каждый день посѣщалъ приходскаго священника. Этотъ почтеннѣйшій и достойнѣйшій пастырь сообщилъ мнѣ много интереснаго о крестьянахъ и ихъ управленіи. Недавно мы ѣздили съ нимъ въ деревню *Крипно*. Остановились мы въ волостномъ управленіи, въ комнатѣ, назначенной для пріема начальства. Комната невелика, но производитъ пріятное впечатлѣніе своею безукоризненною чистотою, нероскошною, но щеголеватою мебелью. Волостной старшина показалъ мнѣ комнату присутствія. Это длинная зала, хорошо оштукатуренная, съ некрашенымъ, но чистымъ поломъ; она раздѣляется на двѣ неравныя части легкою, низкою рѣшеткою. Въ меньшемъ отдѣленіи на стѣнѣ висятъ портреты Ихъ Величествъ, циркуляры, списки должностныхъ лицъ и вѣдомости о денежныхъ

сборахъ. По срединѣ большой столъ, покрытый тонкимъ зеленымъ сукномъ, на столѣ всѣ письменныя принадлежности, счеты и Положеніе 19 февраля. Осмотрѣвъ все, я обратился къ старшинѣ съ вопросомъ: отчего въ графѣ о недоимкахъ ничего не показано, и получилъ отвѣтъ, что у нихъ недоимокъ небываетъ, что по милости Царя, крестьянамъ теперь легко платить. Волостной писарь предложилъ мнѣ ознакомиться съ книгами волостнаго правленія. Ихъ много. Я заглянулъ въ каждую. Всѣ за шнуромъ, печатью и скрѣпою посредника. Счетоводство ведется согласно счетному уставу. Меня заинтересовала книга постановленій волостнаго суда. Стоитъ только заглянуть въ эту книгу, чтобы понять всю великость, всю благотворность реформы 19 февраля. Въ книгѣ рѣшеній волостнаго правленія меня удивили слѣдующія слова: *слушали постановленіе Крипнянскаго строительнаго комитета.* Это что такое? откуда взялся здѣсь строительный комитетъ? старшина объяснилъ мнѣ, что нужно было производить много построекъ, крестьяне же очень недовѣрчивы, постоянно подозрѣваютъ должностныхъ лицъ въ излишней тратѣ денегъ и матеріаловъ и распускаются по этому случаю въ народѣ ложные слухи, то для отвращенія этого, крестьяне выбрали изъ каждаго сельскаго общества по одному депутату. Эти депутаты составили строительный комитетъ, который изъ своей среды выбралъ себѣ предсѣдателя и теперь никакая постройка и починка не производится безъ постановленія комитета, дѣйствія коего повѣряются и утверждаются или кассируются волостнымъ правленіемъ. Также составленъ комитетъ *попечительный*, на обязанности котораго лежитъ забота о сиротахъ. Сироты призрѣваются въ особомъ зданіи. Прочитавъ постановленія того и другого комитета, я заглянулъ въ сиротскій домъ и въ школу. Дѣти-сироты, отъ 6 до 12-лѣтняго возраста, только что возвратились изъ бани. Деревянный хорошо выстроенный въ русскомъ стилѣ домъ состоитъ изъ квартиры смотрительницы, спальни для дѣвочекъ, спальни для мальчиковъ, общей столовой, въ которой дѣвочки занимаются рукодѣльемъ и большой кухни. На верху одна комната для больныхъ дѣтей, другая кажется для увѣчныхъ старцевъ; помѣще-

ніе удобное и содержится въ порядкѣ. Кровати дѣтей складныя—деревянныя, просто, дешево и хорошо. Надъ каждой кроватью черная дещечка съ именемъ и фамиліею сироты. Смотрительница разсказала мнѣ весь уставъ. Все дѣлается по росписанію, составленному посредникомъ. Время распредѣлено по часамъ, пища по днямъ. Гигіеническія условія строго соблюдаются. Дѣти выдержаны очень хорошо и хорошо говорятъ по русски. Дѣвочки учатся вязать чулки, шить бѣлье и платье и занимаются всѣми работами, необходимыми въ крестьянскомъ быту. Дѣвочки по очереди дежурятъ въ кухнѣ съ цѣлію выучиться готовить кушанье. Мальчики занимаются чисткою двора, пилкою дровъ, обработкою огорода и проч. Всѣ дѣти учатся грамотѣ и пѣнью; онѣ очень любятъ пѣть нашъ народный гимнъ и *Спаси Господи*. Ужинъ дѣтей былъ очень вкусенъ. Школа довольно просторная, но немного низка. Учениковъ по списку болѣе 120; но такъ какъ въ лѣтнее время ученіе не производится, то они были распущены по домамъ. Затѣмъ мы отправились въ баню—и тутъ порядокъ, просторъ и удобство. Послѣ бани писарь предложилъ намъ чай. Я съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе, чтобы имѣть возможность потолковать съ старшиною и писаремъ. Кстати, прибылъ сюда старшина изъ сосѣдней волости того же участка. Оригинальная и почтенная личность. Оба старшины заслуживаютъ уваженія. Они со многимъ ознакомили меня и подробно разсказывали объ устройствѣ и содержаніи сиротскихъ домовъ и школъ, объясняя какого стоило труда имъ и мировому посреднику все это уладить. Сиротскіе дома содержатся преимущественно на штрафныя деньги. Нужно было смотрѣть на священника, съ какою любовію онъ отзывался объ этихъ учрежденіяхъ и доказывалъ полезный результатъ ихъ даже въ настоящее время. Я полагалъ, что все это устроено священникомъ, но оказалось, что онъ не могъ принимать въ этомъ дѣлѣ участія, потому что жилъ въ отдаленной деревнѣ и недавно переселился въ Кнышинъ. Изъ всѣхъ разсказовъ я вывелъ между прочимъ слѣдующія заключенія: личность и имущество крестьянъ ограждены, но есть и крестьяне и помѣщики, недовольные волостнымъ судомъ и

мировымъ посредникомъ, потому что не дозволяется противуза-конныхъ дѣйствій. Порубки почти прекращены, но уничтожить преднамѣренныя потравы нѣтъ возможности; многіе крестьяне на всѣ учрежденія, видимо полезныя, смотрятъ пока еще съ недовѣріемъ и чѣмъ болѣе дѣлается для нихъ хорошаго, тѣмъ болѣе они подозрѣваютъ, что начальство нарочно ихъ завлекаетъ, чтобы потомъ удобнѣе было ихъ обмануть (къ этому систематически подготовляли ихъ передъ возстаніемъ); крестьяне, даже извѣстные своею зажиточностью, постоянно предъ каждымъ постороннимъ человѣкомъ жалуются на свою бѣдность, говоря, что у нихъ прежде было болѣе земли—тогда какъ въ дѣйствительности ни у кого не уменьшенъ, напротивъ у многихъ увеличенъ земельный надѣлъ. При мнѣ одинъ крестьянинъ жаловался на такой недостатокъ сѣнокосовъ, что нечѣмъ кормить скотъ, тогда какъ онъ вмѣстѣ съ прочими своими односеленцами постоянно въ значительномъ количествѣ продаетъ сѣно и откормленную скотину. *Бѣдованіе* (жалоба на недостатки) крестьянъ происходитъ въ тѣхъ видахъ, чтобы начальство не узнало про ихъ зажиточность и не увеличило бы налога.

Каждый царскій день всѣ должностныя лица крестьянскаго управленія, а съ ними и дѣти, обучающіеся въ школахъ, бываютъ на молебствіи въ православной церкви. Это распоряженіе мироваго посредника имѣло и ту цѣль, чтобы смягчить нетерпимость римскихъ католиковъ относительно православной церкви и познакомить ихъ съ нашимъ церковнымъ служеніемъ. Цѣль вполнѣ достигнута и нѣкоторые изъ католиковъ приняли православіе.

Изъ Кнышина я отправился въ заштатный же г. Гоніондзы, верстъ за 40, перемѣнивъ по дорогѣ лошадей. Оба подводчика оказались людьми нѣсколько мнѣ знакомыми. Зная общую ихъ слабость къ куренію, я угощалъ ихъ папиросами и тѣмъ развязалъ имъ языкъ. Первый подводчикъ разсказывалъ мнѣ про ихъ настоящее управленіе и энергически доказывалъ, что нынче несравненно лучше прежняго. Главную роль въ его доказательствахъ играло слѣдующее обстоятельство. Крестьяне сами хозяева въ своемъ дѣлѣ. Все дѣлается по приговорамъ, въ ко-

торыхъ крестьяне никѣмъ не стѣсняются. Сборъ, расходы и учеты денегъ производятъ сами крестьяне тоже по приговорамъ. Нужно тебѣ замѣтить, что я ѣхалъ по мѣстностямъ, принадлежащимъ Кнышинскому имѣнію. Это имѣніе очень большое, раздѣлено на множество мелкихъ фольварковъ и находится въ ленномъ владѣніи графовъ Красинскихъ, постоянно живущихъ въ Варшавѣ. Всѣ фольварки были отданы въ содержаніе разнымъ шляхтичамъ, а корчмы и мельницы съ небольшимъ количествомъ земли—евреямъ. Можешь себѣ представить, какой сбродъ представляли собою временные владѣльцы частей этого имѣнія. Крестьяне прежде состояли въ управленіи леннаго владѣльца, затѣмъ поступили въ вѣдѣніе министерства государ. имуществъ, а въ половинѣ 1864 года переданы въ мировыя учрежденія. При послѣдней передачѣ крестьяне (шесть тысячъ душъ) взбунтовались: «Не хотимъ быть собственниками, хотимъ остаться казенными», говорили они. Почему, отчего—дѣло темное. Говорятъ, много было возни, но дѣло хорошо уладилось мировымъ посредникомъ, рисковавшимъ своею жизнію.—«Вотъ теперь ты хвалишь управленіе, а для чего же вы бунтовались?»—«Не споминайте этого, ваше в. б., смущали насъ недобрые люди, говорили, что опять будетъ панщина и много худаго говорили.» —«Ктожъ говорилъ?»—«Да разные люди.»—Понятно, что такіе слухи распускали арендаторы фольварковъ, мельницъ и корчемъ, потому что арендуемыя ими земли предназначены были отдать въ надѣлъ тѣмъ крестьянамъ, которые не имѣли опредѣленнаго количества земли. Второй возница оказался влюбленнымъ въ волостной судъ; онъ принадлежалъ той волости, въ раіонѣ которой я ѣхалъ. Его разсказы о судѣ, судьяхъ и судебныхъ процессахъ сопровождались многими подробностями и пересыпались множествомъ именъ подсудимыхъ, какъ будто я всѣхъ ихъ зналъ. Особенно налегалось въ разсказѣ на судью К., который отцу родному не спуститъ. Его очень боятся, особенно шляхта. Вотъ та часть разсказа, которая характеризуетъ судей и шляхту. Какъ только казенные крестьяне перешли въ вѣдѣніе мировыхъ учрежденій, что очень непріятно было шляхтѣ, приписавшейся къ казеннымъ крестьянамъ и считавшей себя выше крестьянъ

собственниковъ (хлоповъ), одинъ изъ зажиточныхъ бывшихъ шляхтичей былъ привлеченъ къ суду. Судьи, въ томъ числѣ и К. производили подробный опросъ тяжущимся, по окончаніи чего подсудимый, бывшій шляхтичъ, спросилъ у судей, для чего они такъ подробно распрашиваютъ и ссорящихся и свидѣтелей, неужели они своимъ хлопскимъ судомъ будутъ судить его, шляхтича? На это судья отвѣчалъ: «когда мы засѣдаемъ въ судѣ, тогда мы не хлопы, а царскіе судьи, ни хлопскаго, ни панскаго суда нѣтъ, а есть царскій судъ, судящій вотъ по этому, царскому закону» при этомъ судья поднялъ положеніе 19 февраля. —«Какъ же вы меня накажете за мою вину?»—«Какъ постановятъ судьи, можно взыскать съ тебя денежный штрафъ или наказать розгами.»—«Какъ, меня, шляхтича, хлопы будутъ сѣчь! да я сто рублей заплачу, а не позволю себя безчестить.»—«Мы взыскиваемъ штрафъ неболѣе 3-хъ рублей, денегъ твоихъ никто изъ насъ не возьметъ, отъ насъ откупиться нельзя, сказалъ К.» – Виновный былъ приговоренъ къ наказанію 10-ю ударами розогъ. Этотъ разсказъ подтверждали мнѣ многіе, а волостной старшина сказалъ, что съ той поры бывшая шляхта стала повиноваться сельскимъ властямъ и изъ боязни суда ведетъ себя приличнѣе.

Изъ Гоніондза я поѣхалъ въ Ясвилы. Деревни, расположенныя по р. Бобру, имѣютъ постоянныя и тѣсныя сношенія съ жителями царства и недостаточно надежны въ политическомъ отношеніи, прочія же деревни очень преданы правительству. Когда было обнародовано, что Богъ спасъ жизнь Государя отъ рукп злодѣя, то крестьяне 3-го участка, недовольствуясь общимъ молебствіемъ въ костелахъ, послали депутацію къ мировому посреднику просить позволенія отслужить еще молебствіе въ каждой волости особо, съ тѣмъ, чтобы при этомъ присутствовалъ посредникъ. Желаніе крестьянъ было исполнено немедлено. Когда же по окончаніи молебствія въ Ясвилской волости, мировой посредникъ, провозглашая тостъ за Государя, сказалъ рѣчь, въ которой объяснилъ крестьянамъ, а ихъ было болѣе двухъ тысячь, всю великость милосердія Божія, спасшаго своего помазанника, любовь Царя къ своимъ подданнымъ и бла-

годѣянія, оказываемыя имъ народу, — крестьяне прослезились. Посреднику одинъ крестьянинъ сказалъ на его рѣчь такъ: «Господинъ мировой посредникъ! мы познаемъ Бога только тогда, когда изучимъ его святой законъ. Царя мы не знали, законъ Его отъ насъ скрывали. Вы показали намъ этотъ законъ, мы теперь узнали, что законъ Царя писанъ для нашего счастія, это святой законъ и мы полюбили нашего Отца-Царя какъ Бога.» Студенты (такъ называютъ здѣсь дѣтей, обучающихся въ школѣ) пропѣли народный гимнъ, воздухъ огласился дружнымъ ура, заиграла музыка, стали пить пиво, плясать и пировали до слѣдующаго утра. Во все время пированья слышалось въ отдѣльныхъ кружкахъ «Царь благодѣтель» и «ура». Такое торжество было во всѣхъ волостяхъ 3-го участка.

Въ Ясвилы я пріѣхалъ часу въ 11-мъ утра, остановился въ волостномъ правленіи, въ комнатѣ для пріема начальства. Тоже самое устройство и тотъ же порядокъ въ дѣлахъ, что и въ Крипно. Постановленія суда даютъ вѣрныя понятія о нравахъ, обычаяхъ семейной жизни и порокахъ крестьянъ. Постановленія по дѣламъ *о куницѣ*, *о гусиныхъ лапахъ* и о семейной ссорѣ одного крестьянина, жена котораго не желаетъ исполнять супружескихъ обязанностей, могутъ заинтересовать каждаго. Въ ожиданіи прибытія вызванныхъ мною лицъ, я знакомился съ волостнымъ правленіемъ, а писарь и староста разсказывали мнѣ, какъ крестьяне прятали своихъ дѣтей и сиротъ, чтобы не отдавать ихъ въ школу и въ сиротскій домъ, потому что былъ распущенъ слухъ, будто дѣтей будутъ приводить въ православіе и всѣхъ отправятъ въ Москву, гдѣ очень нуждаются въ дѣтяхъ и особенно въ дѣвочкахъ; но дѣти тихонько отъ родителей бѣгали въ школу, гдѣ въ началѣ было только 5 учениковъ, теперь же ихъ болѣе ста. Я отправился въ школу. Двѣ огромныя, свѣтлыя и высокія комнаты заняты учениками и ученицами. Всѣ уже хорошо говорятъ по русски, многіе порядочно читаютъ, пишутъ, дѣлаютъ сложеніе и вычитаніе на доскѣ и на счетахъ, знаютъ нѣсколько молитвъ и басень. Дѣти скоро выучиваются читать и писать по подвижной азбукѣ. Въ нижнемъ этажѣ дома помѣщается квартира смотрительницы,

обширная кухня и столовая, служащая и рукодѣльною для дѣтей, въ верхнемъ — спальни и лазаретная комната. Смотрительница—коренная русская. Во всѣхъ комнатахъ и въ кухнѣ такъ чисто, свѣтло, удобно, что не вышелъ бы изъ этого дома. Дѣти сѣли обѣдать. Я воспользовался приглашеніемъ попробовать кушанья и отлично пообѣдалъ съ дѣтьми. Сюда и только въ сиротскіе дома занесенъ русскій квасъ. Дѣти очень любятъ его и баню. Тебѣ уже извѣстно, что здѣсь по деревнямъ нѣтъ бань, крестьяне никогда не моются и потому страдаютъ накожными и другими болѣзнями. Примѣръ надъ дѣтьми привлекъ и крестьянъ къ бани. Обучающіеся въ школѣ и особенно сироты выдержаны превосходно: смѣлы, разговорчивы, вѣжливы. Любовь къ Царю развита чрезвычайно сильно. Посредника и смотрительницу очень любятъ. Дѣвочки хорошо работаютъ, есть предположеніе обучать мальчиковъ-сиротъ ремесламъ. Сироты видимо довольны своимъ положеніемъ. Ночевалъ я очень комфортабельно въ волостномъ правленіи, а вечерній чай пилъ въ гостяхъ у сиротъ. Та же дежурная дѣвочка, которая распоряжалась обѣдомъ и несмотря на свой 12-ти лѣтній возрастъ, распоряжалась отлично, пришла ко мнѣ съ приглашеніемъ на чай. Это была признательность дѣтей за мой ничтожный подарокъ. Возвратясь въ мою комнату, я нашелъ на письменномъ столѣ хорошенькій букетъ полевыхъ цвѣтовъ, поставленный въ глиняную кружку, это тоже дѣло сиротокъ. Нельзя не отгадать, что обѣ волости въ вѣдѣніи одного и того же посредника. Говорятъ, что и въ третьей волости тоже самое, но я тамъ не былъ. По дорогѣ въ м. Супрасль, замѣчательное древнимъ православнымъ монастыремъ и превосходнымъ храмомъ, я перемѣнилъ лошадей въ дер. Красное, 1-го участка, остановясь въ волостномъ правленіи. Дѣла правленія въ отличномъ порядкѣ; но домъ старъ и неудобенъ. Оканчивается постройка новаго хорошаго дома для правленія и школы, въ настоящее же время дѣти учатся въ одной изъ комнатъ правленія. Въ Супраслѣ школа при монастырѣ, она устроена посредникомъ при пособіи отъ учебнаго округа. Кромѣ успѣшнаго обученія грамотѣ, тамъ составленъ отличный хоръ пѣвчихъ изъ крестьян-

скихъ мальчиковъ. Изъ Супрасли я совершенно случайно, по приглашенію мироваго посредника 2-го участка, заѣхалъ въ дер. Зеленое, тамъ волостное правленіе, а затѣмъ отправились въ волостную школу. Вездѣ надлежащій порядокъ. Мировые посредники обращаютъ особенное вниманіе на распространеніе и развитіе народныхъ школъ, а дирекція пародныхъ училищъ много помогаетъ присылкою хорошихъ книгъ. Въ 3-мъ участкѣ я замѣтилъ много книгъ подаренныхъ Н. А. Зубковымъ. Тамъ, кромѣ губернскихъ вѣдомостей, выписывается журналъ «Мирскій Вѣстникъ». Вотъ тебѣ и факты. По нимъ суди хороши или дурны здѣшніе посредники, занимаются они дѣломъ или нѣтъ и полезна ли ихъ дѣятельность. Ты скажешь, что я вывожу на сцену только Бѣлостокскій уѣздъ. Нѣтъ; я считаю излишнимъ повторять то, что я писалъ тебѣ на счетъ посредниковъ сокольскаго, гродненскаго, волковыскаго и брестскаго уѣздовъ, пересмотри мои письма и ты сознаешся, что стремленія и дѣятельность посредниковъ нашей губерніи одинаковы. Да вотъ еще забылъ. Кнышинскій священникъ говорилъ мнѣ, что въ 3-мъ участкѣ крестьяне по предложенію посредника выбрали въ каждой деревнѣ пожарнаго сторожа, возложивъ на его обязанность присмотръ за исправностью пожарныхъ иструментовъ, печей и дымовыхъ трубъ, при чемъ онъ долженъ слѣдить, чтобы чердаки были чисты, въ печахъ и на печахъ не сушили льна и пеньки (здѣсь нѣтъ ригъ и сушилень), не ходили бы ночью безъ фонаря и въ извѣстныхъ мѣстахъ не курили трубокъ и папиросъ. Посредникъ во время своего объѣзда непремѣнно осмотритъ чердаки той деревни, чрезъ которую проѣзжаетъ Результатъ такого распоряженія тотъ, что въ теченіи 2-хъ лѣтъ въ участкѣ не было пожара. Если къ описанному мною я припомню тебѣ о той заботливости, съ какою посредники дѣйствовали для возвращенія въ православіе совратившихся въ католицизмъ и прибавлю о постоянномъ преслѣдованіи ими порубокъ и потравъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ о ихъ терпѣніи, съ которымъ они объясняютъ, а грамотнымъ тяжущимся показываютъ, тѣ статьи закона и циркуляры начальства, на основаніи которыхъ они рѣшаютъ споры, то мнѣ кажется, что я ска-

залъ все главное для характеристики здѣшнихъ посредниковъ. Но любезный другъ, для того, чтобы понять, какъ много сдѣлали здѣсь посредники и какого труда стоило имъ эта работа, необходимо ознакомиться съ тою средою, въ которой они работали и съ тѣми элементами, съ которыми у нихъ постоянная борьба и которые парализируютъ ихъ дѣйствія. Описывать это грустно и непріятно, а я нехочу теперь портить моего хорошаго, настроенія и потому откладываю до слѣдующаго письма.

2.

Сфера, въ которой дѣйствуютъ здѣшніе посредники, состоитъ изъ нѣсколькихъ, плотно прилегающихъ другъ къ другу слоевъ. Ихъ много, я опишу тебѣ только основныя, это—ксендзы, помѣщики, шляхта, фабриканты, евреи и крестьяне.

Все христіанское населеніе трепетало передъ ксендзами. Они деспотически распоряжались семейными дѣлами своихъ прихожанъ, развивали политическія страсти и сильно карали не внемлющихъ ихъ антихристіанскому ученію. Безбрачіе ксендзовъ много способствуетъ къ тому, что женщины дѣлаются ревностными адептами ихъ ученія. Мужчины покорны волѣ женщинъ, какъ избранницъ ксендзовъ, которые поселили въ народѣ фанатическую ненависть ко всему русскому и къ православнымъ священникамъ, въ которыхъ въ 1861—62 годахъ крестьянскіе дѣти бросали каменьями и грязью. Православные крестьяне, живущіе среди католическаго населенія и претерпѣвая гоненіе, или совершенно обращались въ католицизмъ, или бросали православные храмы и постоянно ходили въ костелы и тѣмъ избавлялись отъ гоненій.

Помѣщики обходились съ крестьянами, какъ съ рабочимъ скотомъ. Законъ не дѣйствовалъ, онъ былъ въ рукахъ мѣстныхъ жителей, представлявшихъ собою высшія и низшія правительственныя инстанціи здѣшняго края. Развилось полное плантаторство, а съ нимъ и всѣ пороки рабства. Продолжи-

тельность времени врѣзала въ крестьянахъ эти пороки глубокими чертами и вмѣстѣ съ ученіемъ ксендзовъ выработала особенность ихъ характера и семейнаго быта. За весьма ничтожнымъ исключеніемъ, почти всѣ помѣщики были враждебны правительству и на все русское смотрѣли съ отвращеніемъ и ненавистью. Мнѣ случалось слышать какъ называли Пушкина дуракомъ, а стихи его хорошими потому, что ихъ исправлялъ Мицкевичъ (?!). Фамиліи князя Суворова не могутъ слышать равнодушно и не могутъ простить генераллиссимусу побѣдъ въ Польшѣ. Повѣрочныя коммисіи еще не приступали къ дѣлу, а уже помѣщики разсказывали про членовъ коммисій какъ о полчищахъ Чингисъ-хана. Помѣщикъ М. говорилъ, что онъ будетъ вполнѣ доволенъ, если выкупная ссуда по его имѣнію будетъ простираться до такой-то цифры. Пріѣхала коммисія, предъявила выкупной актъ, по которому выкупная ссуда превышала желаемую цифру. И чтоже? М. подалъ жалобу на низкую оцѣнку. Это потому, какъ онъ выразился, что по принятому ими принципу необходимо официально заявлять неудовольствіе на правительственныя распоряженія. Нарушеніе инвентарнаго положенія, обезземеленіе крестьянъ и произвольное распоряженіе крестьянскими запасными магазинами было дѣломъ общимъ. Удовлетвореніе законнымъ порядкомъ крестьянъ на отнятую у нихъ землю и на растрату общественнаго хлѣба породило со стороны помѣщиковъ вопль на правительство и ябеды на посредниковъ. Къ устройству народныхъ школъ и сиротскихъ домовъ нѣкоторые помѣщики отнеслись съ полнымъ равнодушіемъ, а нѣкоторые съ недоброжелательствомъ. Нѣмцы фабриканты въ обхожденіи съ русскими грубы. Высокомѣрная, большею частью почти нищая, по своему тунеядству, шляхта, пробиваясь легкимъ, непроизводительнымъ трудомъ, враждебно смотритъ на крестьянъ и на всѣ правительственныя распоряженія. Мировые посредники, старшины, старосты и волостной судъ ей ненавистны. Она любитъ смуты и всѣми средствами содѣйствуетъ имъ, въ видахъ обогащенія безъ труда. Во время послѣдней войны Пруссіи съ Австріею, шляхта была увѣрена, что воюютъ за освобожденіе Польши и не платила податей. При-

писка ихъ къ крестьянскимъ обществамъ принесетъ благотворные результаты. Объ евреяхъ говорится, что они служатъ *и нашимъ и вашимъ*, держатся стороны сильнаго (въ извѣстный моментъ).. Мы не столько можемъ на нихъ расчитывать, сколько они сами расчитываютъ на всѣхъ и на все. Весь край въ рукахъ евреевъ. Съ ними не можетъ быть конкуренціи— ихъ масса задавитъ конкурентовъ, примѣровъ тому множество. Куда ни взгляни, вездѣ еврей: управляющій, заводчикъ, пропинаторъ, арендаторъ, торговецъ, ремесленникъ, факторъ, ростовщикъ, извозчикъ. Заманивая къ себѣ въ корчму и опаивая крестьянъ одуряющимъ пивомъ, возбуждаютъ между крестьянами ссоры, процессы. Крестьянинъ ничего не можетъ продать никому, кромѣ еврея, и платитъ ему въ годъ до 150 процентовъ на 100. У евреевъ нѣтъ желанія говорить по русски, они упорно держатся своего жаргона. Я говорю о массѣ, къ несчастію края, здѣсь слишкомъ много евреевъ. Вредное вліяніе ихъ на экономическое положеніе страны и на нравственность жителей требуетъ особаго серьезнаго трактата.

Все вышесказанное въ соединеніи съ чрезвычайно развившимся взяточничествомъ прежнихъ чиновниковъ польскаго происхожденія должно было гибельно дѣйствовать на нравы крестьянъ. Само собою разумѣется, что крестьяне должны были сдѣлаться лѣнивыми, подозрительными. Хозяинъ самъ долженъ будить своихъ батраковъ, они не встанутъ сразу, нужно раза два-три придти къ нимъ. На общественныя работы собираются крестьяне также не охотно и рѣдко явятся на требованіе начальства въ опредѣленное время. Вообще до поступленія къ русскимъ мировымъ посредникамъ крестьяне очень недовѣрчиво смотрѣли на русское правительсто. Въ 1864 году, когда крестьяне Кнышинскаго имѣнія поступали въ вѣдѣніе мировыхъ учрежденій, то женщины нападали на вновь назначенныхъ сельскихъ старостъ. Нынѣ крестьяне видимо довольны воспитаніемъ своихъ дѣтей въ школѣ и обхожденіемъ съ ними. Матеріальный бытъ крестьянъ въ удовлетворительномъ положеніи, многіе изъ нихъ имѣютъ порядочныя деньги, постоянно зарытыя въ землѣ и тщательно скрываемыя даже отъ членовъ свое-

го семейства. Крестьянинъ никому и ни при какихъ условіяхъ недастъ денегъ зъ займы; но еврею не откажетъ и непремѣнно останется обманутымъ. Странно, что постоянные обманы евреевъ, не уничтожаютъ довѣрчивости крестьянъ къ евреямъ. Такова сила привычки и нравственнаго гнета. Вотъ какіе элементы нашли посредники и должны были бороться и побороли уже многое. Учебное начальство и посредники обратили вниманіе на воспитаніе новаго поколѣнія въ народныхъ школахъ и сиротскихъ домахъ. Дѣти и теперь уже оказываютъ нѣкоторое вліяніе на смягченіе нравовъ своихъ отцовъ. Но какъ бы то ни было, не смотря на всѣ затрудненія и препятствія, торжество правды, нравственности, торжество русскаго дѣла здѣсь неминуемо, очевидно для каждаго русскаго человѣка—и въ этомъ то сознаніи почерпается вся сила на трудъ и борьбу.

ЗАМѢТКИ О ЛАТЫШАХЪ
трехъ инфляндскихъ уѣздовъ Витебской губерніи.

Латыши въ Витебской губерніи.

Число всѣхъ латышей въ Россіи—два милліона, живутъ они въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и отчасти Витебской: Латышей, живущихъ въ Витебской губерніи, считается приблизительно до 160,000 душъ *). Въ Витебской губерніи жителей римскаго вѣроисповѣданія числится вообще до 220,000 человѣкъ; изъ нихъ, на три инфляндскіе уѣзда: Динабургскій, Рѣжицкій и Люцинскій приходится 175,000 человѣкъ; латышей римскаго вѣроисповѣданія въ этихъ трехъ уѣздахъ числится по крайней мѣрѣ 150,000, остальные 10,000 латышей принадлежатъ къ лютеранскому исповѣданію и живутъ въ динабургскомъ уѣздѣ. Помѣщики и шляхта въ поименованныхъ трехъ уѣздахъ, почти всѣ безъ исключенія римскіе католики, поляки или сильно окатоличенные и потому признающіе себя поляками. Изъ этого видно, что гнѣздо католичества въ Витебской губерніи находится въ инфляндскихъ уѣздахъ, ибо въ остальныхъ 9-ти уѣздахъ римскихъ католиковъ не болѣе 43,000.

Несчастна была участь этихъ 150,000 латышей до самаго освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Латыши были

---

*) По атласу народонаселенія Западно-Русскаго края, по вѣроисповѣданіямъ, изданнаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ 1861 году, показано въ Витебской губерніи латышей православныхъ 461, римскихъ католиковъ 156,116 и протестантовъ 10,158. Слѣдуетъ замѣтить, что съ того времени число православныхъ латышей увеличилось обращеніемъ многихъ изъ нихъ въ православіе.—*В. К.*

полными рабами своихъ помѣщиковъ и терпѣли большія угнетенія и нужду. Хотя крестьяне и имѣли свои, указанные имъ помѣщикомъ, участки земли, которые они старались обрабатывать въ свободное отъ барщины время, однако и то, что произрастало на ихъ участкѣ, отнималось помѣщикомъ въ осеннее время; счастливъ былъ тотъ, кому удавалось что нибудь спрятать. Изъ этого правила отбирать у крестьянъ осенью весь ихъ хлѣбъ, исключеніе составляли только немногіе помѣщики. Такимъ образомъ при наступленіи зимы почти ни у одного крестьянина не было своего хлѣба и крестьяне должны были существовать тѣмъ, что угодно было помѣщику выдѣлить имъ. Свидѣтельствовать объ этомъ могутъ собратья витебскихъ латышей, живущіе въ Лифляндіи, на границѣ Витебской губерніи, къ которымъ витебскіе латыши убѣгали толпами, охотно соглашаясь заниматься у нихъ безплатно самою тяжелою работой, лишь бы только получить пропитаніе. Но не всѣ могли убѣгать тайкомъ въ сосѣднюю губернію; помѣщики посылали обыкновенно людей ловить такихъ бѣглецовъ, и что ожидало ихъ при возвращеніи, видно изъ того, что нѣкоторые охотнѣе рѣшались умереть, нежели возвратиться къ своему помѣщику. Не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, одна довольно молодая женщина перебѣжала чрезъ границу губерніи и нашла убѣжище у одного крестьянина Лифляндской губерніи; она прожила тамъ два мѣсяца, оказалась скромной женщиной и отличной работницей и считала себя въ безопасности. Напрасно; помѣщикъ послалъ четырехъ людей своихъ, приказалъ имъ, во чтобы ни-стало отыскать и привести бѣглянку назадъ. Узнавши въ Лифляндской губерніи, что она находится у крестьянина, двое изъ посланныхъ отправились къ нему на домъ, а двое другихъ обошли деревню и стали караулить дорогу, чтобы несчастная работница не могла отъ нихъ убѣжать. При появленіи первыхъ двухъ, работница тотчасъ узнала ихъ, страшно поблѣднѣла и бросилась бѣжать; за нею погнались посланные; вскорѣ показались и другіе двое бывшіе въ засадѣ. Не видя спасенія, работница побѣжа къ рѣкѣ «Педецъ», на берегу которой стояла

усадьба и бросилась въ прорубь. Это было зимой. Трупа ея никто не нашелъ.

Рѣчка «Педецъ» составляетъ на протяженіи 20 верстъ границу между Лифляндской и Витебской губерніями, впадаетъ въ рѣку Эвстъ, а послѣдняя вливается въ Западную Двину ниже Крейцбурга почти на границѣ губерніи. Этотъ случай есть одинъ изъ многихъ подобныхъ; его хорошо помнятъ старые люди этого края. Надо сказать, что всѣ четыре латыша, посланные помѣщикомъ ловить женщину, свидѣтельствовали, что она не была ни воровка, ни преступница, но убѣжала только потому, что немогла болѣе переносить притѣсненій. Польскіе помѣщики довели несчастныхъ латышей до ужаснаго состоянія. Такъ напр. одна мать, не имѣя средствъ дать пропитаніе для маленькихъ своихъ дѣтей, утопила 8-ми-лѣтнюю дочь.

Латыши, имѣвшіе несчастіе находиться подъ гнетомъ польскаго панства, гордящагося своимъ образованіемъ и своею гуманностію, были до того бѣдны, что многіе не имѣли даже теплой одежды; зимой при 25 градусахъ мороза, они носили бѣлый (скорѣе грязно-сѣрый) грубый кафтанъ, сдѣланный изъ хряща. Такой кафтанъ былъ ничто иное, какъ мѣшокъ, къ которому пришивались рукава; у пояса, сзади, мѣшокъ сбирался двумя складками. Первый попавшійся старый мѣшокъ очень легко передѣлать въ такой кафтанъ, какой носили въ то время всѣ работники помѣщиковъ и большая часть крестьянъ.

Не считаю нужнымъ распространяться, какъ о фактѣ общеизвѣстномъ, о тѣлесныхъ наказаніяхъ латышей: помѣщики били ихъ всѣхъ и многихъ даже убивали. Смѣло можно утверждать, что, по крайней мѣрѣ, пятая часть латышей умирала не естественной смертью, но вслѣдствіе тяжелыхъ наказаній, или отъ голода и холода.

Понятно, что латышъ долженъ былъ завидовать дикимъ звѣрямъ, какъ это ясно выражается въ тѣхъ немногихъ латышскихъ пѣсняхъ, которыя остались отъ времени ихъ крѣпостнаго состоянія. Нѣтъ ни одной веселой латышской пѣсни, такой пѣсни, которая бы выражала что нибудь другое, кромѣ жалобы или грусти; замѣчательно однако, что латышъ, будучи

доведенъ до послѣдняго униженія и не ожидая ничего, кромѣ страданія для себя и для своихъ дѣтей, рѣдко рѣшался освободиться отъ своего мучителя.

Былъ случай, что нѣмцы сильно заспорили на счетъ образованія латышей въ Лифляндіи и Курляндіи; нѣкоторые признавали необходимымъ насильно ихъ удержать на низкой степени развитія, говоря, что только тогда ими можно будетъ управлять. Другіе, напротивъ, желали дать латышамъ образованіе, говоря, что этого требуетъ цивилизація и долгъ человѣка. Послѣдніе, какъ видно, взяли верхъ: для народа устроены училища и латыши допущены въ Дерптскій университетъ. У ксендзовъ и у римскихъ католиковъ помѣщиковъ не могъ быть поднятъ такой вопросъ: у нихъ былъ принципъ держать латышей во тьмѣ. Отъ того, до 1861 года не было заведено римскими католиками ни одного народнаго училища для латышей собственно; ни одинъ ксендзъ не занимался обученіемъ народа; не написано и не издано ни одной книжки для народа, кромѣ молитвенника и нѣсколькихъ книгъ религіознаго содержанія.

Но много, много измѣнилось положеніе несчастныхъ латышей съ 1861 года. Благодаря Государю—Освободителю, латыши избавлены отъ гнета польскихъ помѣщиковъ, но вліяніе ксендзовъ еще продолжаетъ тяготѣть надъ ними. Имѣя большую поддержку со стороны помѣщиковъ, ксендзы прежде привыкли хорошо жить, но такъ какъ поддержка эта теперь значительно ослабѣла, то ксендзы стараются всѣми силами, чтобы латыши вознаградили ихъ за такую потерю. Ксендзы отягощаютъ народъ большими поборами, несмотря на то, что многимъ костеламъ принадлежатъ обширныя поля и сѣнокосы, приносящіе хорошій доходъ.

Въ Инфляндскихъ уѣздахъ на счетъ поборовъ, взимаемыхъ ксендзами съ крестьянъ, въ видѣ платы за требы, нѣтъ никакихъ правилъ или постановленій; за свадьбу или крестины ксендзъ требуетъ сколько ему угодно; онъ ни за что не станетъ вѣнчать, пока латышъ не принесетъ требуемой имъ суммы. Это показываютъ сами латыши римскіе католики. Лѣтомъ 1866 года въ Маріенгаузенѣ, гдѣ многіе латыши уже приняли пра-

вославіе, я зашелъ къ ксендзу, желая узнать, сколько у него осталось прихожанъ. Въ костельной книгѣ значилось, что у него болѣе прихожанъ, нежели всѣхъ жителей въ приходѣ, между тѣмъ, вновь обратившихся въ православіе тогда уже было въ Маріенгаузенскомъ приходѣ до 1200 душъ. Имѣя вѣрныя свѣдѣнія о цифрѣ населенія отъ мѣстнаго волостнаго правленія, я не могъ не выразить своего удивленія, но мнѣ дано простое и вѣрное объясненіе: «присоединившихся къ православію, сказалъ ксендзъ, я не могу, безъ позволенія своей консисторіи, исключить изъ костельной книги, но всѣхъ новорожденныхъ я записываю въ нее.» Понятно, что число прихожанъ показывалось гораздо больше дѣйствительнаго съ тою цѣлью, чтобы имѣть основаніе строить по больше костеловъ и назначать по больше ксендзовъ. Пока еще сидѣлъ я у ксендза, къ нему зашли два крестьянина латыша просить его на похороны. Мать одного изъ этихъ латышей умерла въ ночь съ четверга на пятницу; они просили, чтобы похороны были въ воскресенье; но ксендзъ не соглашался, говоря, что онъ въ воскресенье, уставши на службѣ, не можетъ хоронить и назначилъ субботу. Но такъ какъ это было въ Маѣ мѣсяцѣ, во время сильныхъ работъ, то крестьянамъ не хотѣлось терять субботы и они стали упрашивать ксендза похоронить въ воскресенье. Наконецъ ксендзъ согласился и сталъ требовать денегъ. Со стороны я замѣтилъ, что крестьянинъ уже приготовился къ этому раньше и вынулъ изъ кошелька всѣ деньги: ихъ было, какъ послѣ оказалось, три бумажки, по рублю. Одинъ рубль латышъ спряталъ въ лѣвой рукѣ, чтобы спасти его отъ гибели и на запросъ ксендза подалъ ему правой рукой двѣ бумажки. Ксендзъ развернулъ бумажки, но находя только два рубля, началъ требовать отъ него пять рублей. Латышъ божился, что вовсе не имѣетъ столько денегъ и видя, что это не помогаетъ, подалъ ксендзу третій и послѣдній свой рубль, но ксендзъ не соглашался. Тогда начались просьбы и убѣжденія со стороны латыша и онъ высчиталъ при этомъ, что въ продолженіе года онъ уплатилъ ксендзу 27 руб. сер.

Я нисколько не ошибаюсь, полагая что присутствіе чужаго

человѣка, въ особенности, когда ксендзъ узналъ, что этотъ чужой понимаетъ ихъ латышскую рѣчь, заставило его наконецъ согласиться. Люди, знающіе положеніе крестьянъ въ этихъ уѣздахъ, должны согласиться, что платить за свадьбу, напр. 10 руб., за похороны 5 руб. и за крестины отъ 3 до 5 руб. для крестьянина весьма тяжело и почти невозможно. При томъ эта цѣна не «maximum»: крестьянинъ побогаче долженъ платить по крайней мѣрѣ, вдвое противъ этого.

Безбрачная жизнь нравится ксендзамъ и не удивительно. Но я считаю неудобнымъ распространяться объ этомъ предметѣ, скажу только, что отъ безбрачія ксендзовъ не поднимается уровень нравственности народа. Ксендзы не навидятъ народныя училища, объ устройствѣ которыхъ заботится правительство; они уговариваютъ латышей не посылать дѣтей своихъ въ школу, ибо хорошо знаютъ, что съ образованіемъ народа, они утратятъ свою власть надъ латышами и преуменшатся ихъ блага земныя, коими теперь они такъ изобильно пользуются. Въ одной волости описываемыхъ уѣздовъ латыши построили училище, но ни зачто не хотѣли посылать туда дѣтей своихъ, хотя ксендзъ въ костелѣ и совѣтовалъ латышамъ дѣлать это; мировой посредникъ, открывъ источникъ этого недовѣрія, отправился прямо къ ксендзу и объявилъ ему, что если еще въ продолженіи мѣсяца не будетъ учениковъ въ училищѣ, то онъ, мировой посредникъ, доведетъ до свѣдѣнія начальства, со всѣми нужными доказательствами, о томъ лицѣ, которое противудѣйствуетъ школѣ. Не прошло двухъ недѣль и училище было полно учениковъ. Дѣло было очень просто: ксендзъ въ костелѣ совѣтовалъ крестьянамъ посылать дѣтей, но на исповѣди уговаривалъ каждаго не дѣлать этого.

Какъ уже сказано выше, матеріальная жизнь латышей совершенно измѣнилась съ 1861 года; положеніе ихъ и средства съ тѣхъ поръ постоянно улучшаются. Живой народъ, съ характеромъ, при теперешнемъ его положеніи, скоро бы поправился, но отъ латыша нельзя этого ожидать или требовать: помѣщикамъ съ помощью ксендзовъ удалось задержать жизненныя силы

латышей; отъ страшныхъ тяжестей прежняго времени, многіе изъ латышей отупѣли, такъ что иной едва ли теперь понимаетъ свое положеніе. Но кто дошелъ разъ до сознанія своего теперешняго положенія, у того радость не имѣетъ предѣловъ; онъ совершенно измѣняется, опять является у него энергія, характеръ и любовь къ труду; такой латышъ хорошо понимаетъ всѣ старанія правительства объ улучшеніи его быта и не вѣритъ болѣе толкамъ людей неблагонамѣренныхъ. Отъ малыхъ дѣтей такого сознанія ожидать конечно нельзя, у старыхъ оно тоже очень рѣдко, а болѣе всего оно появляется у латышей мало потерпѣвшихъ отъ помѣщиковъ римскихъ католиковъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ молодые латыши отъ 18 до 30 лѣтъ. Отъ этихъ-то молодыхъ латышей и началось движеніе въ Маріенгаузенѣ, Эти-то латыши понимаютъ значеніе школы и охотно посылаютъ туда своихъ дѣтей. Мальчики отъ 9—13 лѣтъ посѣщали училище болѣе по принужденію волостнаго правленія, но отъ 16 до 24 лѣтъ,—всѣ это дѣлали по своему желанію; многіе лѣтомъ поступаютъ въ бурлаки, а зимой учатся въ школѣ. Разъ пришелъ къ учителю народнаго училища, русскому священнику, молодой латышъ и просилъ принять его въ число учениковъ; на замѣчаніе священника, что онъ для школы слишкомъ великъ и что пора ему жениться, латышъ сознался, что уже женатъ и имѣетъ двоихъ дѣтей. Этихъ-то латышей ксендзы теперь болѣе всего боятся!

Относительно своихъ жилищъ и хозяйственныхъ строеній латыши Витебской губерніи представляютъ переходъ отъ разбросанныхъ, живущихъ по одиночкѣ, латышей крестьянъ Лифляндской губерніи къ русскимъ крестьянамъ, которые живутъ въ болѣе сгруппированныхъ селеніяхъ. Чѣмъ ближе къ Лифляндіи, тѣмъ болѣе крестьянъ, живущихъ разбросанно, чѣмъ дальше оттуда, тѣмъ болѣе соединяются они въ селеніе. Въ этихъ трехъ уѣздахъ можно также видѣть и совершенно русскія села, но жители ихъ большею частью—раскольники. Только у латышей зажиточныхъ, въ особенности у крейцбургскихъ, есть хорошо устроенные дома съ трубой и окнами изъ стекла; у бѣдныхъ же крестьянъ избы обыкновенно съ русской печкой, и

съ небольшими отверстіями вмѣсто оконъ, которыя закрываются доской, и открываются, когда понадобится пропустить свѣтъ. Въ этихъ же избахъ осенью латыши сушатъ хлѣбъ. Внутренность латышской избы почти всегда одинакова: въ углу большая русская печка, сдѣланная изъ камней и глины и очень рѣдко изъ кирпича; кругомъ, около стѣнъ, длинныя, узкія лавки, потомъ одна или двѣ деревянныя простыя кровати. Кромѣ лавокъ, для сидѣнья употребляются также обрубки бревна; чтобы поставить такой обрубокъ на другое мѣсто, стоитъ только повалить его на бокъ и покатить; для переноски онъ довольно тяжелъ.

У нѣкоторыхъ латышей Люцинскаго уѣзда я нашелъ дома, очень похожіе на жилища русскихъ крестьянъ: у нихъ входъ не прямо въ избу, но сперва въ сѣни, а оттуда въ самый домъ. Строить сѣни не во вкусѣ латышей, а перенято ими уже отъ русскихъ. Увидавъ такой домъ, никто не ошибется, предположивъ, что въ близости живутъ русскіе крестьяне, у которыхъ избы всегда состоятъ изъ двухъ ровныхъ частей: въ одной живутъ люди, въ другой помѣщается скотъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этихъ трехъ уѣздовъ мнѣ случилось также видѣть настоящія латышскіе кухни. Устройство такой кухни очень просто: деревья длиной отъ 2—3 сажень, сложены стоймя въ кругъ и образуютъ цилиндръ, имѣющій съ боку маленькое отверстіе, служащее дверью. Въ срединѣ, на полу, сложены дрова, горитъ огонь, а надъ нимъ виситъ котелъ, прикрѣпленный въ верху. На одежду здѣшнихъ латышей я уже указалъ: это простой кафтанъ, который носятъ не только мужчины, но и большая часть женщинъ. Зимой такой же кафтанъ, съ тѣмъ же грязно-сѣрымъ цвѣтомъ, но теплый, обувь зимой и лѣтомъ — лапти, съ тою только разницею, что лѣтомъ они тоньше и легче, употребляются также лапти кожанныя, неплетенныя, а каждый состоитъ изъ куска кожи. Латыши называютъ эту обувь—*посталасъ.*

Латыши любятъ носить бороду и нѣкоторые брѣются только тогда, когда должны идти къ исповѣди въ костелъ, потому что ксендзы страшно преслѣдуютъ бороды. Борода у латыша—

знакъ любви къ русскимъ. Старики пользуются у латышей большимъ уваженіемъ. Дѣло, пользу котораго латышъ не совсѣмъ понимаетъ, едва ли удастся заставить его исполнить даже самыми строгими мѣрами. Но сказалъ какой нибудь старикъ, латышъ, пользующійся общимъ уваженіемъ, что слѣдуетъ сдѣлать то-то и то-то, и тогда безъ всякихъ возраженій сдѣлаютъ такъ, какъ сказалъ старикъ и всѣ пойдутъ за нимъ. Но какъ уже упомянулъ, новыя обстоятельства сильно потрясли значеніе стариковъ.

Молодые латыши, видя пассивное положеніе стариковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не вытерпѣли, но стали дѣйствовать самостоятельно и вышли изъ подъ власти стариковъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что латыши характера упрямаго; когда латышъ считаетъ себя правымъ, то ни за что не уступитъ другому. Пріобрѣсти довѣріе латышей весьма трудно; но разъ получившій это довѣріе всегда будетъ имъ пользоваться у нихъ.

Раздѣленіе полей между собой у латышей трехъ Инфляндскихъ уѣздовъ очень неудобно и непрактично, оно всегда будетъ мѣшать развитію у нихъ земледѣлія. Они не имѣютъ отдѣльныхъ участковъ, какъ латыши въ Лифляндіи или русскіе крестьяне, но каждое поле раздѣлено на узкія полосы. Такимъ образомъ на маленькомъ полѣ величиной съ полдесятины найдется до 20 хозяйствъ. Полосы эти различной длины, но ширина обыкновенно отъ двухъ до трехъ саженъ. Не говоря о неудобствахъ обработки такой полосы, ибо пахать можно только въ одну сторону, границы отнимаютъ много земли. Если поле неровно, то старательный крестьянинъ не можетъ удобрять свою часть, ибо удобреніе отъ навоза пойдетъ подъ гору на сосѣднюю полосу. Если поле низкое и необходимы канавы, требуется общее согласіе, чего не всегда можно достигнуть, а копать канавы одному неудобно и трудно. Первоначальная причина такого раздѣленія заключалась въ томъ, чтобы всѣ имѣли земли по-ровну, но неудобства такого дѣленія оказываются огромныя и во многихъ мѣстахъ латыши уже выражаютъ желаніе замѣнить такое дробное дѣленіе болѣе цѣльными участками. Это дѣленіе иногда доходитъ до безобразія; случается, что братья

добровольно дѣлятъ такую узкую полосу еще на двѣ, тогда ширина каждой бываетъ въ одну сажень. Хотя такого рода дѣлежъ, совершенный послѣ 1863 года, считается не законнымъ, но все таки происходитъ на практикѣ. Часто можно видѣть узкую полосу, засѣянную вдоль, по одной половинѣ горохомъ, по другой ячменемъ.

У латышей, живущихъ ближе къ Лифляндіи, телѣги настоящія латышскія т. е. совершенно горизонтальныя, переднія и заднія колеса равно высоки; напротивъ, чѣмъ дальше отъ Лифляндіи, или ближе къ раскольникамъ, тѣмъ болѣе въ употребленіи русскія телѣги т. е. заднія колеса выше переднихъ.

Хотя латышъ характера вообще не веселаго, но увеселенія очень любитъ, такъ что каждый пиръ у латышей бываетъ очень шумный. Національный ихъ напитокъ пиво, приготовляемое изъ ячменя. На большой праздникъ каждый сколько-нибудь состоятельный латышъ, непремѣнно имѣетъ, кромѣ порядочной бочки такого обыкновеннаго пива, еще боченокъ другаго очень крѣпкаго пива, смѣшаннаго съ медомъ и лучше устоявшагося. Напитокъ этотъ вкусенъ и развеселяетъ латыша скорѣе обыкновенной водки.

Свадьба у латышей очень похожа на русскую свадьбу. Молодой латышъ, выбравши себѣ невѣсту, отправляетъ къ ней и ея родителямъ своихъ свахъ, по крайней мѣрѣ двухъ. Если предложеніе принято, то вскорѣ отправляются туда эти первыя свахи въ сопровожденіи многихъ другихъ и самаго жениха; послѣдній обыкновенно ѣдетъ верхомъ. Главное украшеніе у жениха — это его *гуртъ* или поясъ, который долженъ имѣть непремѣнно каждый женихъ, хотя бы онъ и не носилъ его прежде. Всѣ эти провожатыя жениха называются свахами *прецeнпѣки* и должны имѣть съ собой одну или нѣсколько бутылокъ водки или вина, смотря по состоянію. Ѣдутъ они съ колокольчиками и украшенными дугами. Прибывшій на мѣсто угощаетъ родителей невѣсты и другихъ гостей приглашенныхъ туда. Родители невѣсты ни за что не станутъ первые угощать этихъ свахъ; но получивши угощеніе, родители невѣсты отвѣчаютъ тѣмъ же и обрученіе совершилось. Послѣ вѣнца женихъ опять отправ-

ляетъ своихъ гостей за невѣстой, но самъ остается дома. Вскорѣ послѣ прибытія невѣсты являются къ жениху и родныя ея; они и родственники жениха въ продолженіи цѣлой свадьбы составляютъ два отдѣльныя лагеря, которые стараются насмѣхаться на счетъ противниковъ, женщины пѣснями, мужчины различными шутками. Родственники невѣсты должны первые оставить свадьбу и уѣзжаютъ обыкновенно всѣ вмѣстѣ. При томъ они строго должны караулить свои телѣги и лошадей, ибо родственники жениха всѣми силами стараются какимъ бы то нибыло образомъ подставить имъ ногу т. е. портить ихъ телѣги, упряжь и пугать лошадей при отъѣздѣ. Часто случается, что латышъ, усѣвшійся съ женой въ телѣгу, пуститъ свою нетерпѣливую лошадь, лошадь побѣжитъ, а телѣга остается на мѣстѣ. Такая удачная шутка развеселяетъ всѣхъ. Богатая невѣста латышка одаряетъ не только свахъ, но и тѣхъ, которые пріѣзжаютъ за ней послѣ вѣнца; подарки эти обыкновенно состоятъ изъ перчатокъ и гурты, послѣдніе обвязываются чрезъ плечо и служатъ украшеніемъ во время поѣзда.

Слава Богу и Царю Освободителю! Латыши совершенно освобождены отъ помѣщиковъ, имѣютъ свои участки земли и уже много поправились; но многіе изъ нихъ были такъ подавлены, что еще весьма медленно получаютъ сознаніе своего положенія. Одна только часть латышей, такъ называемые батраки, которые до сихъ поръ не получили ни клочка земли, еще находятся въ очень печальномъ положеніи, и очень жалуются на свое положеніе. Со многими изъ нихъ я имѣлъ случай говорить во время своей поѣздки и всѣ они сердечно желаютъ сдѣлаться истинно русскими людьми. Отчего бы не дать имъ казенной или конфискованной земли въ здѣшнемъ краѣ? Эта значительная масса народа, обязанная своимъ обезпеченнымъ существованіемъ правительству, была бы всегда надежною опорою русскихъ интересовъ. Не могу умолчать объ одномъ обстоятельствѣ, которое сильно препятствуетъ латышамъ поправиться въ экономическомъ отношеніи. Это—евреи, наполняющіе Инфляндскіе уѣзды, какъ вообще и весь Сѣверо-Западный край.

Почти всѣ корчмы этихъ трехъ уѣздовъ въ рукахъ евреевъ; по свидѣтельству многихъ латышей, евреи страшно ихъ разоряютъ. Хотя закономъ запрещено принимать въ корчмѣ хлѣбъ или платье, но еврей съумѣетъ обойти законъ и принимаетъ рѣшительно все, (цѣну, конечно, онъ самъ назначаетъ). Многіе изъ евреевъ арендуютъ имѣнія, даютъ также бѣднымъ латышамъ деньги въ долгъ, за громадные проценты. Весьма часто нужда заставляетъ латышей соглашаться, когда еврей того потребуетъ, вмѣсто процентовъ, платить работою; въ такомъ случаѣ день работы составляетъ процентъ отъ одного рубля, иногда латышъ обязывается, по требованію еврея, работать за цѣлый долгъ, по слѣдующему разсчету, какъ увѣряли меня многіе латыши: 15 коп. сер. въ сутки съ лошадью, безъ лошади 10 коп. это ужасно!

Народныя училища.

Народныя училища въ Инфляндскихъ уѣздахъ существуютъ весьма недавно. Путешествуя въ лѣтнее время, когда ученія въ школахъ не было, я не могъ видѣть ихъ въ дѣйствіи, но видѣлъ учениковъ, родителей и ихъ наставниковъ и, сколько могу судить, успѣхи школъ вообще удовлетворительны. По распоряженію начальства, въ Инфляндскихъ уѣздахъ народныя училища строятся не при костелахъ, а въ отдаленіи отъ нихъ и если волостное правленіе находится въ мѣстечкѣ, близь костела, то училище непремѣнно отнесено куда нибудь на поле или въ лѣсъ. Но такъ какъ костелы устроены въ самомъ центрѣ народонаселенія, въ срединѣ села или мѣстечка, то запрещеніемъ строить училища близь костеловъ — училища нѣкоторымъ образомъ удалены отъ такихъ мѣстъ, гдѣ бываетъ стеченіе народа. Мѣра эта римскимъ католикамъ, особенно ксендзамъ очень нравится, потому что согласуется съ ихъ желаніемъ. Въ третьей части моихъ замѣтокъ я буду имѣть случай ука-

зать тоже самое относительно православныхъ церквей, которыя, благодаря стараніямъ римскихъ католиковъ, по большей части, построены въ отдаленности отъ народа, на голыхъ поляхъ, напр. Ново-Слобода, Вертолова и Илзенбергъ. Человѣкъ, сознавая свою силу, не боится своего врага, не прячется отъ него, напротивъ отыскиваетъ его. Полагаю, нельзя отрицать, что такъ или иначе народнымъ русскимъ училищамъ въ этихъ уѣздахъ придется бороться съ латинствомъ, не зачѣмъ по этому удалять отъ костеловъ, напротивъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ ихъ строить по возможности близко къ костеламъ, слѣдуетъ всегда выбирать важнѣйшіе пункты народонаселенія или стеченія народа; не прятаться отъ костеловъ, но отыскивать ихъ. Причина, побуждающая строить народныя училища не при костелахъ, вѣроятно, основана на томъ соображеніи, чтобы ксендзы не могли вредить училищамъ; но развѣ отдаленіемъ училища устраняется вліяніе ксендза? Открыто же ни одинъ ксендзъ до сихъ поръ не вмѣшивался и не станетъ вмѣшиваться въ дѣла училища, все это дѣлается тайно. Ясно, что удаленіемъ училища отъ селеній, ничего не выигривается, напротивъ много проигрывается. Пріѣзжая въ костелъ и волостное правленіе, латыши чаще бы заходили въ училище, чаще слышали бы русскій языкъ и привыкли бы къ русскому человѣку—учителю. Повторю еще разъ, что нужно строить училища по возможности близко къ костеламъ. Но чтобы училища могли исполнять возложенную на нихъ задачу, они должны быть независимы, въ особенности учитель отъ ксендзовъ и другихъ римскихъ католиковъ. Конечно, ксендзы никогда не станутъ вредить училищу, сами, прямо; они дѣйствуютъ черезъ другихъ; въ лицѣ волостныхъ писарей, римскимъ католиковъ, которыхъ, къ несчастію, въ Инфляндскихъ уѣздахъ, еще довольно, въ лицѣ братчиковъ и другихъ изъ своихъ прихожанъ они всегда найдутъ послушныя для своихъ цѣлей орудія. Есть волости, въ которыхъ писарь рим.-католикъ совершенно управляетъ крестьянами и по вліянію котораго для устройства училища рѣшительно ничего не сдѣлано. Такъ напр. въ одной деревнѣ (Л. уѣзда) писарь научалъ крестьянъ р.-католиковъ, которые составляютъ наибольшую часть волости, вся-

чески избѣгать устройства училища. Когда мировой посредникъ приказалъ волостному правленію заняться этимъ дѣломъ, послѣдовали отговорки, что нѣтъ лѣса, не изъ чего строить. Лѣсъ былъ отпущенъ правительствомъ и нужно было ожидать, что волость приступитъ къ постройкѣ училища,—напрасно: писарь научилъ крестьянъ просить, вмѣсто лѣса, денегъ на постройку училища; дѣло затянулось и при мнѣ оно еще не было кончено. Въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ писаря римскіе католики, положеніе русскаго учителя, незнакомаго ни съ языкомъ крестьянъ, ни съ мѣстными, направленными противъ русскаго дѣла интригами, весьма тяжело. Крайне необходимо волостныхъ писарей, римскихъ католиковъ, замѣнить русскими, православными. Возраженія, что нельзя найти нужное число подготовленныхъ людей мы считаемъ неосновательными. Люди есть, способные, трудолюбивые, — необходимо только, на первыхъ порахъ, познакомить ихъ съ новымъ для нихъ дѣломъ, наставить, а въ случаѣ нужды, и поддержать.

Многое при этомъ можетъ сдѣлать мировой посредникъ. Немогу не упомянуть о мировомъ посредникѣ Люцинскаго уѣзда 1-го участка. Это истинный ревнитель русскаго дѣла, какіе именно и нужны для Инфляндскихъ уѣздовъ. У этого мироваго посредника крестьяне сами заботятся объ устройствѣ народныхъ училищъ, которыя находятся въ весьма удовлетворительномъ состояніи. Дай Богъ поболѣе такихъ почтенныхъ дѣятелей!

Для процвѣтанія народныхъ училищъ прежде всего, безъ сомнѣнія, требуются усердные, способные къ своему дѣлу учители; но въ Инфляндскихъ уѣздахъ, кромѣ всѣхъ другихъ качествъ, необходимыхъ для каждаго хорошаго народнаго наставника, требуется еще, чтобы они владѣли латышскимъ языкомъ. Безъ знанія латышскаго языка можно обойтись только въ тѣхъ волостяхъ, которыя находятся на границѣ Псковской губерніи или граничатъ съ другими уѣздами Витебской губерніи, гдѣ крестьяне уже понимаютъ русскую рѣчь. Въ большей части латышскихъ народныхъ школъ учители, незнающіе латышскаго языка, мало приносятъ пользы, по крайней мѣрѣ въ первые года, пока

они не научатся объясняться по латышски. Какъ имъ сблизиться съ народомъ, когда они не въ состоянiи объясняться съ нимъ? Желательно было бы, чтобы на первое время были назначаемы учителями народныхъ училищъ природные православные латыши, кончившiе курсъ въ Рижской духовной семинарiи. Такiе люди тѣмъ болѣе нужны, что въ Инфляндскихъ уѣздахъ очень мало православныхъ священниковъ (въ Рѣжицкомъ уѣздѣ только одинъ, въ Ильзенбергѣ), и тѣ латыши, которые желали бы принять православiе, по неволѣ остаются во власти ксендзовъ, потому что нѣтъ православныхъ священниковъ.

Пройдетъ еще много времени пока народныя училища прiобрѣтутъ здѣсь то значенiе, какое они должны имѣть и долго имъ еще придется бороться съ ксендзами и ихъ сподручниками. Если со стороны правительства не будетъ обращено особеннаго вниманiя на Инфляндскiе уѣзды, то эти три уѣзда навсегда могутъ остаться гнѣздомъ латинства и польская интрига въ нихъ даже усилится, потому что ксендзы въ послѣднее возстанiе убѣдились, что полагаться на одну шляхту и помѣщиковъ нельзя и увидѣли, что главная сила заключается въ народѣ, а народъ въ этихъ уѣздахъ пока еще находится въ рукахъ ксендзовъ.

Одною изъ особенныхъ мѣръ для этихъ трехъ уѣздовъ было бы устройство образцовыхъ народныхъ училищъ на казенный счетъ. По одному училищу для каждаго уѣзда было бы достаточно. Каждое изъ этихъ училищъ должно быть двухклассное и должно имѣть двухъ учителей, людей образованныхъ и дѣльныхъ. Учители же, имѣя достаточное жалованье, могли бы зимой заниматься ученьемъ, а лѣтомъ посѣщали бы своихъ учениковъ по деревнямъ, знакомились и сближались бы съ народомъ. Изъ этихъ училищъ впослѣдствiи явились бы учители народныхъ училищъ и волостные писари—люди православные, проникнутые русскимъ духомъ. Вообще устройство такихъ училищъ было бы, по мнѣнiю православныхъ священниковъ этихъ уѣздовъ, весьма важно *).

---

*) Мы весьма сочувствуемъ мысли автора, но выполненiе ея потребуетъ значительныхъ ежегодныхъ издержекъ; обременять же правитель-

Православіе между латышами трехъ Инфляндскихъ уѣздовъ.

Шесть лѣтъ тому назадъ казалось, что православіе погибло между латышами, но послѣ послѣдняго польскаго мятежа православные латыши снова воспрянули и подняли голову, ибо теперь они болѣе не боятся уже ни тайныхъ, ни открытыхъ преслѣдованій со стороны ксендзовъ и римскихъ католиковъ. Зная ихъ прежнее положеніе, какъ то не вѣрится, что все это могло совершиться въ Витебской, коренной русской губерніи. Нельзя не удивляться терпѣнію православныхъ и смѣлости дѣйствій ксендзовъ и римскихъ католиковъ.

Однажды, лѣтъ восемь тому назадъ, приходитъ къ православному священнику Брадійпской церкви, Люцинскаго уѣзда, молодая латышка римско-католическаго исповѣданія и изъявляетъ желаніе принять православіе. Священникъ исполнилъ ея просьбу; вскорѣ послѣ того латышка вышла замужъ за православнаго. Узнавши объ этомъ ксендзъ страшно разсердился и рѣшился для примѣра другимъ строго наказать такую преступницу. Для этой цѣли ксендзъ пригласилъ становаго и аренда-

---

ство новыми расходами было бы по всей вѣроятности весьма затруднительно. Мы полагаемъ, что мысль автора будетъ выполнена, если Инфляндскіе уѣзды послѣдуютъ тому прекрасному примѣру, какой уже данъ въ Гродненской губерніи, въ уѣздахъ Волковыскомъ, Пружанскомъ и Слонимскомъ, именно: въ уѣздныхъ городахъ Волковыскѣ, Пружанахъ и Слонимѣ, стараніями членовъ мировыхъ учрежденій опредѣлены и обучаются крестьянскіе мальчики, на счетъ волостей, въ Волковыскѣ 34, въ Пружанахъ 33 и въ Слонимѣ 43. По выслушаніи курса въ уѣздныхъ училищахъ, эти мальчики могутъ занять мѣста наставниковъ въ народныхъ училищахъ или волостныхъ писарей (См. Циркуляръ по управленію Виленскимъ учебнымъ округомъ 1867 года отдѣлъ 2-й № 4). Отъ чего бы не сдѣлать того же и въ Инфляндскихъ уѣздахъ? Въ гг. Рѣжицѣ и Люцинѣ, находятся такія же 2-хъ классныя уѣздныя училища, какъ и въ означенныхъ городахъ Гродненской губерніи, съ такимъ же практическимъ, законченнымъ курсомъ и съ русскимъ составомъ преподавателей.— *В. К.*

тора того имѣнія — какого-то нѣмца и вмѣстѣ, общимъ совѣтомъ, они рѣшили собрать прихожанъ при костелѣ и въ ихъ присутствіи наказать латышку, принявшую православіе, на паперти костела. Назначенъ былъ день для такой инквизиціи, принесено порядочное количество розогъ, явился становой и арендаторъ нѣмецъ, собрались римскіе католики и отправили нѣсколько крестьянъ въ домъ преступницы съ приказаніемъ привести ее. Кто-то изъ знакомыхъ латышки далъ ей знать объ угрожавшей ей опасности; она успѣла убѣжать чрезъ лѣсъ къ православному священнику. Посланные явились и туда и требовали отъ жены священника (священника въ то время не было дома), чтобы она выдала латышку. Послѣ отказа со стороны жены священника, посланные объявили, что если латышку не выдадутъ, такъ они возьмутъ ее силой, но къ счастію, къ эту минуту прибылъ самъ священникъ и посланные должны были удалиться. Вскорѣ явился мужъ латышки и оба они умоляли священника защитить ихъ отъ гоненій ксендза. Священникъ совѣтовалъ имъ подать прошеніе и обѣщалъ препроводить это прошеніе съ своимъ рапортомъ, куда слѣдуетъ. Они такъ и сдѣлали. Латышка, принявшая православіе, все таки была наказана, хотя и не публично, но другимъ образомъ.

Нельзя не удивляться смѣлости ксендзовъ и помѣщиковъ римскихъ католиковъ, съ какой они преслѣдовали православныхъ крестьянъ. Православные крестьяне Люцинскаго уѣзда разсказываютъ, что въ православные праздники, когда у римскимъ католиковъ приходился постъ, ксендзами и помѣщиками посылались ихъ прислужники по домамъ православныхъ крестьянъ съ приказомъ разбивать у послѣднихъ всѣ горшки, въ которыхъ найдутся скоромныя кушанья.

Одинъ помѣщикъ Люцинскаго уѣзда Б. былъ такой ревнитель латинства, что приказывалъ своимъ крестьянамъ римскимъ католикамъ связывать православныхъ по три или по четыре человѣка вмѣстѣ и гнать ихъ въ римско-католическіе праздники въ костелъ. Много терпѣли православные отъ католиковъ, жаловаться было не кому: помѣщики и чиновники были всегда за одно съ ксендзами.

Какъ видно, ксендзамъ очень трудно отвыкнуть отъ прежняго образа дѣйствій съ православными, ибо и въ недавнее еще время случались удивительныя дѣла. Такъ, года три тому назадъ, въ Дагдѣ, Динабургскаго уѣзда, случилась, какъ это свидѣтельствуютъ православные той волости и одинъ писарь, который въ то время служилъ тамъ, слѣдующая исторія: когда домъ для волостнаго правленія былъ построенъ, писарь (православный) хотѣлъ пригласить священника для освященія дома; но старшина (р. католикъ) обругалъ его и запретилъ звать священника. Старшина пригласилъ ксендза; собрались крестьяне, между ними нѣсколько православныхъ, является ксендзъ и совершается освященіе. Писарь протестовалъ противъ такого дѣйствія и пригласилъ священника для освященія дома. Старшина и другіе римскіе католики даже жаловались мировому посреднику на писаря и успѣли его удалить. Вообще положеніе православія, положеніе церквей и служителей церкви въ этихъ трехъ уѣздахъ было самое бѣдственное. Прихожане ихъ разбросаны—священникъ долженъ держать лошадь, чтобы посѣщать ихъ, а средства у него недостаточны, у иного только 150 руб. сереб. въ годъ и болѣе ничего.

На цѣлый Рѣжицкій уѣздъ только одна православная церковь въ Ильзенбергѣ и та близка къ разрушенію. Колокольни нѣтъ, колокола помѣщаются предъ дверями церкви вышиной на одну сажень, отъ земли. Неудивительно, что въ этомъ православномъ приходѣ, къ которому принадлежатъ до 700 душъ, нѣкоторые прихожаніе переходятъ въ расколъ. Въ Люцинскомъ уѣздѣ 7 православныхъ приходовъ, изъ нихъ Маріенгаузенскій, благодаря стараніямъ мѣстнаго мироваго посредника и священника Попова, знающаго латышскій языкъ, значительно поднялся; Михалово и Лявдеръ держится, но за то страшно бѣдствуютъ остальные: Ново-слобода, Старая-слобода, Вертолово и Брадаижъ. Вертолово даже не имѣло много лѣтъ собственной церкви; теперешній священникъ жилъ въ своемъ приходѣ 5-ть лѣтъ безъ церкви, теперь наконецъ построили деревянную церковь на самой границѣ прихода.

Въ Новой-слободѣ церковь девять лѣтъ тому назадъ сгорѣла

и до нынѣшняго дня еще не построена. Во время своей поѣздки чрезъ Люцинскій уѣздъ 6, начальникъ края приказалъ докончить постройку этой деревянной церкви; но не смотря на это приказаніе, работы вскорѣ послѣ того опять остановились и болѣе не продолжаются. Гдѣ искать причины такой медленности? Полагаю, что подобныя явленія не имѣли бы мѣста, если бы постройкою православныхъ церквей занимались русскіе подрядчики, а не поляки. А сравните эту православную церковь съ ближайшимъ къ ней костеломъ. Православная церковь (пока только строится) на самомъ краю своего прихода, одна часть православныхъ живетъ вокругъ костела, другая и самая большая, чтобы попасть въ свою церковь, должна ѣхать мимо костела. Костелъ *) же построенъ 5 верстъ за предѣлы своего прихода, въ самомъ центрѣ православнаго народонаселенія. Для ясности стоитъ только сравнить деревни, окружающія костелъ. Бриги — въ срединѣ находится костелъ—имѣетъ 20 домовъ, изъ нихъ только четыре дома занимаютъ римскіе католики, 16 остальныхъ домовъ принадлежатъ православнымъ. Дер. Нивники въ одной верстѣ отъ Бриги—14 домовъ, одинъ домъ рим. католика, 13-ть домовъ православныхъ; д. Заболоцкій въ 1-й верстѣ отъ Бриги—13-ть домовъ, всѣ православные. Д. Рутки—2 версты отъ Бриги — 15 домовъ, 9 домовъ православныхъ, 5 домовъ смѣшанныхъ и только 1 домъ рим. католика. Д. Ронцени—11 домовъ, 3 дома рим. католиковъ, 2 дома православныхъ и въ 6 домахъ живутъ люди, которые издавна по церковнымъ книгамъ показаны православными, но потомъ, благодаря смѣлымъ дѣйствіямъ ксендза, присоединены къ костелу. Въ Врадайжѣ давно уже построена православная церковь; въ прежнее время, вокругъ церкви было кладбище для православныхъ, но неизвѣстно, какимъ образомъ земля вокругъ этой церкви сдѣлалась собственностью ксендза. Въ Динабургскомъ уѣздѣ православные приходы: Малиновка, Ужвалтъ, Граверы и Креславка; но всѣ эти приходы имѣютъ очень мало прихожанъ, большая

*) Костелъ этотъ закрытъ.

часть раскольники. Приготовляясь къ мятежу, поляки серьезно заботились, чтобы вытѣснить православныхъ изъ этого края. Въ раскольникахъ они искали союзниковъ противъ православныхъ и когда не могли обратить православныхъ въ латинство, то старались сдѣлать ихъ раскольниками, и это имъ отчасти удалось, хотя раскольники въ послѣдствіи ни мало не оправдали ихъ надеждъ. Удивительныя хитрости употребляли римскіе католики для уменьшенія православныхъ этихъ уѣздовъ.

Еще слѣдуетъ указать, какія средства ксендзы употребляютъ для привлеченія православныхъ въ костелъ. Ксендзъ и нѣкоторые изъ его прихожанъ, разумѣется, наученные ксендзомъ, уговариваютъ православныхъ, что въ костелѣ лучше можно молиться Богу, что тамъ органъ, общее пѣніе и много святыхъ. Такъ въ нѣкоторыхъ костелахъ находятся православныя чудотворныя иконы, (дѣйствительно-ли эти иконы православныя или нѣтъ, не могу рѣшить, но православные и раскольники въ этихъ уѣздахъ положительно всѣ тому вѣрятъ, и вслѣдствіе того считаютъ обязанностію посѣщать такіе костелы и тамъ молиться). Мнѣ встрѣтился даже православный священникъ, жена котораго во время болѣзни своего мужа дала обѣтъ сходить пѣшкомъ въ довольно отдаленный костелъ для поклоненія находящейся тамъ чудотворной православной иконѣ и дѣйствительно совершила это путешествіе.

Изъ такихъ костеловъ пользуются извѣстностію въ народѣ слѣдующія: Аглонъ (монастырь), динабургскаго уѣзда и Залмуйжа, люцинскаго уѣзда. Въ Аглонѣ находится православная чудотворная икона; 15 августа, въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, въ этотъ костелъ собирается до 6,000 богомольцевъ, а изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, половина православныхъ и раскольниковъ. Во время своей поѣздки я изъ любопытства зашелъ въ Аглонѣ въ костелъ, чтобы увидѣть эту чудотворную икону. Это было въ 10 часовъ утра, у дверей встрѣтилъ меня, какъ я послѣ узналъ, пріоръ; я сказалъ, что проѣзжая чрезъ этотъ край, желаю посмотрѣть на чудотворную икону и попросилъ его показать мнѣ костелъ. Пріоръ очень внимательно осмотрѣлъ меня, но такъ какъ на мнѣ было платье частнаго человѣка, а

сапоги имѣли даже форму тѣхъ, какіе носили повстанцы— (шилъ мнѣ ихъ сапожникъ-полякъ для разъѣзда по деревнямъ и далъ имъ знаменитую форму, о чемъ я узналъ только впослѣдствіи отъ жандармовъ), при томъ не совсѣмъ чистый выговоръ мой по русски—все это, должно быть, было причиною, что пріоръ принялъ меня ласково и самъ водилъ по костелу; онъ показалъ мнѣ чудотворную икону; къ несчастію, она была закрыта и по объясненію пріора открывалась только во время обѣдни. При входѣ въ костелъ пріоръ говорилъ по польски, но послѣ моего отвѣта, что я по польски не понимаю, все время говорилъ по русски. Не знаю, что заставило его послѣ осмотра чудотворной иконы второй разъ перемѣнить разговоръ на польскій языкъ; но когда я опять серіозно отвѣчалъ, что не понимаю польскаго языка, онъ ни слова не говоря, повернулся и ушелъ.

....Ознакомясь ближе съ Инфляндскими уѣздами, каждый согласится, что обрусеніе этихъ уѣздовъ, при обиліи чуждыхъ здѣсь элементовъ, представляетъ весьма важныя затрудненія. Теперешнимъ священникамъ трудно успѣть въ распространеніи православія между латышами. Всѣ они сами сознаются, что безъ знанія латышскаго языка они не въ состояніи сблизиться съ народомъ, незнающимъ русской рѣчи. Изъ всѣхъ священниковъ только Маріенгаузенскій (изъ Лифляндіи) отлично знаетъ по латышски и вслѣдствіе того уже много сдѣлалъ для распространенія православія между латышами (Михайловскій священникъ также знаетъ нѣсколько латышскій языкъ). Необходимо по этимъ уѣздамъ назначать священниковъ, знающихъ по латышски. Такихъ священниковъ можно найти въ Лифляндіи; притомъ священники изъ Лифляндіи люди опытные, они научились бороться противъ нѣмцевъ, а священникъ, устоявшій противъ нѣмца, навѣрно справится съ ксендзомъ.

А—ръ.

ВИЛЬНА ВЪ НАЧАЛѢ XVI СТОЛѢТІЯ

(по Брауну и другимъ источникамъ.)

Въ Виленской публичной библіотекѣ находится, между прочимъ, значительное собраніе географическихъ атласовъ и ландкартъ. Видное мѣсто среди нихъ занимаетъ Атласъ и описаніе городовъ *Брауна*,— изданіе, составляющее библіографическую рѣдкость. Въ Виленской библіотекѣ есть два изданія этого капитальнаго труда. Перваго изданія имѣются томы: I, II и III; втораго,—томы: II, III и IV. Три тома перваго изданія заключаются въ одной книгѣ, второе изданіе—въ двухъ книгахъ, всѣ онѣ in fol. На выходномъ листѣ перваго тома *), въ срединѣ, означено заглавіе «Civitates Orbis terrarum», внизу: «Tomus primus». Мѣсто и время печатанія, какъ обыкновенно принято было въ изданіяхъ XV и XVI вѣка, обозначено въ концѣ сочиненія: «Coloniæ Agrippinæ apud Petrum a Brachel, Sumptibus auctorum. Anno reparatæ Salutis humanæ MDXXIII, (1523), Mense Martii».

---

*) На этомъ выходномъ листѣ находится рисунокъ весьма тщательной отдѣлки, вырѣзанный на мѣди. Рисунокъ представляетъ четырехъ-угольный пьедесталъ на широкомъ основаніи; посрединѣ пьедестала написано означенное выше заглавіе; на верху пьедестала изображена полная женщина съ обнаженною высокою грудью и обнаженными до локтя руками, въ правой рукѣ она держитъ ватерпасъ, а въ лѣвой циркуль и треугольникъ; подъ ея ногами, на пьедесталѣ, надпись: „Ornament. orb. terr.“ (Ornamentum orbis terrarum). По обѣимъ сторонамъ пьедестала, съ одного съ нимъ основанія, возвышаются двѣ четырехъ-стороннія колонны съ орнаментами, на верху которыхъ лежитъ по шару, на одномъ шарѣ написано:

Изъ привиллегіи нѣмецкаго императора Максимиліана II, выданной въ 1576 г. и приложенной къ 1-му тому, видно, что изданіе цѣлаго сочиненія принадлежитъ Георгію Брауну и Франциску Гогенбергію. Браунъ былъ Кельнскій житель и принадлежалъ къ духовному сословію. Въ предисловіи къ III-му тому онъ дѣлаетъ такого рода замѣчаніе: «можетъ быть, найдутся люди, которые будутъ упрекать насъ за этотъ трудъ, за способъ изслѣдованій, основанный на наукахъ, которымъ мы посвятили себя; но пусть припомнятъ, что Іеронимъ, Исидоръ, Беда, Орозій... и многіе друг., бывшіе также духовнаго званія, избрали предметомъ своихъ занятій исторію; я думаю, ихъ никто не станетъ укорять за это.» Францискъ Гогенбергій былъ искусный и знаменитый рисовальщикъ и картографъ, его мастерскою рукою сдѣланы почти всѣ карты для атласа Ортелія, онъ же изготовилъ планы городовъ для атласа Брауна и вообще помогалъ ему въ этомъ изданіи.

Томъ II-й атласа озаглавленъ такъ: «De præcipuis totius universi urbibus liber secundus», тоже съ великолѣпнымъ рисункомъ *). Предисловіе къ этому тому помѣчено 1575 го-

„Posterit", на другомъ: „consultum." При одной колоннѣ стоитъ молодой человѣкъ въ сандаліяхъ, на головѣ у него глубоко надѣтый шлемъ съ развѣвающимися перьями, откуда выглядываетъ сова; въ правой рукѣ онъ держитъ длинное копье, а въ лѣвой щитъ съ изображеніемъ человѣческой головы, около шеи которой обвилась змѣя; у его ногъ сидитъ сова, а подъ ногами надпись: „Arcium inventrix." У лѣвой колонны стоитъ пожилыхъ лѣтъ мужчина, полуодѣтый, босой, съ открытою головою, мускулистый; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ лошадиную челюсть, у ногъ его виднѣется большой пукъ злаковъ, подъ ногами надпись: „oppidorum avctor." Главное основаніе, на которомъ стоятъ колонны и пьедесталъ, украшено миніатюрами, изображающими первобытное состояніе и занятія людей.

*) На заглавномъ листѣ II тома изображена на пьедесталѣ „Cybella sive Vesta," какъ показываетъ надпись, въ правой рукѣ она держитъ два колоса, а лѣвою придерживаетъ лежащій на колѣнѣ кругъ, она помѣщается на сѣдалищѣ, висящемъ на канатахъ, прикрѣпленныхъ къ шеѣ двухъ львовъ; по правую сторону Сивиллы женщина съ крестомъ и съ книгою, а на книгѣ голубь, это — „Religio"; по лѣвую сторону—другая женщина

домъ. Время печатанія неизвѣстно. Въ концѣ II тома на 47 листѣ помѣщена Москва, за нею на л. 48 Гродна (Grodna), потомъ Римъ, Мантуа и проч.

III-й томъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Urbium præcipuarum totius mundi liber tertium.» Тоже съ рисункомъ *). Послѣ предисловія читаемъ: «Coloniæ Agrippinæ MDLXXXI» (1581 г.)

Второе изданіе не имѣетъ выходныхъ листовъ; на предисловіи ко II-му тому помѣченъ годъ 1575 также, какъ и при первомъ изданіи, но мѣсто печатанія обозначено: Кельнъ и Антверпенъ. Послѣ предисловія къ III тому напечатано: Coloniæ Agrippinae. MDCVI (1606). Томъ IV не имѣетъ выходнаго листа, не видно и года его выхода въ свѣтъ. Второе изданіе отличается отъ перваго тѣмъ, что во 2-мъ карты раскрашены, а въ 1-мъ не раскрашены, текстъ же и рисунки, сколько мы могли замѣтить изъ сличенія того и другаго изданія, одинаковы.

Атласъ Брауна составляетъ, какъ уже сказано, библіографическую рѣдкость: редакторъ такъ называемыхъ «Вizерунковъ» Игнатій Шидловскій напрасно отыскивалъ этотъ атласъ довольно продолжительное время. Въ библіотекѣ Виленскаго университета атласъ Брауна былъ, но безъ плана (карты) города Вильны; наконецъ Шидловскому удалось найти этотъ атласъ въ

съ книгою, свиткомъ и ключами въ правой рукѣ, а въ лѣвой держитъ трость, надпись показываетъ, что это „Politia". Миніатюры на основаніи пьедестала изображаютъ состояніе людей уже въ большей противъ перваго степени ихъ развитія.

*) По срединѣ страницы на пьедесталѣ стоитъ женщина съ устремленнымъ кверху взоромъ, въ правой рукѣ она держитъ мечъ, а въ лѣвой вѣсы; у ногъ ея надпись „Justitia" (правосудіе), выше, надъ ея головою, изображена баранья голова, изо рта которой спадаютъ къ ногамъ юстиціи гирлянды цвѣтовъ. Съ обѣихъ сторонъ ея изображены женщины: съ правой стороны „Pax" (миръ), держитъ жезлъ обвитый двумя крылатыми змѣями, на головѣ у этой фигуры сидитъ филинъ. Пониже представлена другая женщина съ рогомъ изобилія, изъ котораго свѣшиваются гирлянды цвѣтовъ, при ней надпись: „Opulentia" (богатство), еще ниже третья женщина съ смиреннымъ взоромъ, она опирается на заступъ, при ней надпись „commu-

Щорсахъ, въ библіотекѣ Адама Литавора Хрептовича *). На атласѣ, принадлежащемъ виленской публичной библіотекѣ, на внутренней сторонѣ крышки I тома, написано: P.P. (т. е. Patrum) Bernard. (Bernardinorum) Vilnen. (Vilnensium). На другомъ изданіи, тоже на внутренней сторонѣ крышки III тома написано: «Dono oblatus ab ill. (illustrissimo) domino Makourecky Castellano Slonimensi in Bibiiothecam Patrum ords. (ordinis) Minorum observantium Cntus (conventus) Slonimensis». Атласъ Брауна содержитъ въ себѣ подробныя и весьма интересныя описанія городовъ—топографическія и этнографическія: на одной сторонѣ полулиста помѣщается описаніе на латинскомъ языкѣ, на оборотѣ, на цѣлой сторонѣ листа, изображенъ городъ **); рисунокъ показываетъ вообще мѣстность города, рѣки, мосты, улицы и самыя зданія какъ общественныя, такъ и частныя. Зданія болѣе замѣчательныя намѣчены цифрами, а внизу плана, на старонѣмецкомъ языкѣ, напечатаны названія зданій. Изданіе это заключаетъ въ себѣ весьма большое собраніе городовъ, составленное съ особенною тщательностію. Всѣхъ плановъ городовъ въ атласѣ Брауна, въ 4-хъ томахъ, считается 234 листа; въ 1-мъ томѣ 58 листовъ съ планами, во 2-мъ—59, въ 3-мъ 59, въ 4-мъ — 58. Въ предисловіи ко II-му тому издатель говоритъ: «можетъ быть, въ своемъ изданіи мы опустили нѣкоторые города; пусть на насъ за это не посѣтуютъ, пусть знаютъ, что если мы какого либо города не помѣстили въ своемъ изданіи, это произошло не отъ невнимательности нашей и не отъ того,

---

nitas" (общность). Съ лѣвой стороны, сверху изображена женщина, которая держитъ въ одной чашѣ нѣсколько сосудовъ, при ней надпись: „concordia" (согласіе). Ниже ея стоитъ женщина съ какимъ-то четырехъугольникомъ подъ мышкой, при ней надпись „obedientia" (повиновеніе). Еще пониже женщина вся въ цвѣтахъ съ подписью „securitas" (попеченіе). Внизу, при основаніи, на которомъ стоитъ пьедесталъ, изображены двѣ фигуры, держащія цвѣты, а между ними миніатюра. Весь этотъ рисунокъ убранъ цвѣтами. Всѣ вообще рисунки изящно отдѣланы.

*) Wizerunki томъ $^{24}/_{60}$ стр. 1, 2. Слич. томъ $^{22}/_{58}$ стр. 64, 75, примѣч. 1.

**) Менѣе обширные города изображены на одномъ листѣ по два.

что мы жалѣли расходовъ на изданіе, нѣтъ; мы не помѣщали того, чего не знали. Пусть пришлютъ намъ свѣдѣнія о городѣ, нами опущенномъ, и мы помѣстимъ его или въ этомъ, а если угодно, то и въ I–мъ томѣ, или въ слѣдующемъ III–мъ.

Въ самомъ концѣ III т. помѣщена Вильна (карта 59); планъ или карта ея занимаетъ цѣлую сторону большаго листа, здѣсь изображены улицы, рѣки, сады, частныя и общественныя зданія, городской колодезь, лавки, множество домовъ и нѣсколько людей въ тогдашнихъ костюмахъ. На планѣ отмѣчены цифрами съ поясненіемъ внизу слѣдующія зданія:

1. Das hoche Slochs.
2. Das Slochs.
3. Die Jonge Königinne haus.
4. Die Slochs Kirche.
5. S. Barbara Kirch.
6. Der Schatzmeister haus.
7. Der König Stall.
8. Der Lucerne.
9. Das Deutsch haus.
10. Das Trabanten haus.
11. Die Wersope.
12. Die Bernardiner Clost.
13. Die Cancelrie.
14. S. Johan Kirche.
15. Das Wyeweten haus.
16. Das Bischops haus.
17. Der Grichen Kirche.
18. Das Rathaus.
19. Das Moscoviten hoff.
20 Die Schwartze munche.
21. Das hospital.
22. Die Keur Kaste.
23 Die Slotgosse.
24. S. Johan gosse.
25. Der Kletken.
26. Kletkens dor.
27. Die dir garde.
28. Uber wasser. *)

---

*) 1. Высокій Замокъ.
2. Замокъ.
3. Дворецъ молодой королевы.
4. Замковая церковь.
5. Церковь Св. Варвары.
6. Домъ подскарбія.
7. Королевскія конюшни.
8. Люцерна.
9. Нѣмецкій домъ.
10. Домъ тѣлохранителей.
11. Версупа.
12. Бернардинскій монастырь.
13. Канцелярія.
14. Костелъ Св. Яна.
15. Воеводскій домъ.
16. Домъ бискупа.
17. Греческая церковь.
18. Ратуша.
19. Дворъ Московитовъ.
20. Черные монахи.
21. Гошпиталь.
22. Монетный дворъ.
23. Замковая улица.
24. Св. Яна улица.
25. Клетки.
26. Ворота къ клеткамъ.
27. Садъ.
28. Зарѣчье.

На верху плана находится надпись: Wilna Litvaniae Metropolis. Планъ этотъ въ послѣдствіи нѣсколько разъ былъ перепечатанъ въ уменьшенномъ видѣ; такъ во 1-хъ онъ находится въ сочиненіи Андрея Целлярія «Regni Poloniae, magnique ducatus Litvaniae.... novissima descriptio. Amstelodami. Anno 1659», и занимаетъ одну сторону 1/6 части листа; на верху плана стоитъ надпись «Wilna», на томъ мѣстѣ, гдѣ изображена рѣка, напечатано: «Wilde flu.» (т. е. fluvium); больше нѣтъ никакихъ надписей, ни объясненій. Во 2-хъ, издатель «Визерунковъ» Игнатій Шидловскій говоритъ *), что въ атласѣ Янсонія 1649 г. находилась подобная карта Вильны. Въ 3-хъ, нѣмецкій географъ Габріель Боденеръ (Bodenehr) во второй половинѣ XVII вѣка издалъ копію съ плана Вильны Брауна, уменьшивши его въ четыре раза, подъ заглавіемъ: «Wilna, oder Wilda, die Haupt-Stadt in Litthanen», съ очень краткимъ на поляхъ описаніемъ и съ изъясненіемъ нумеровъ. Въ 4-хъ, въ 1822 году ксендзъ Станиславъ Черскій, учитель виленской гимназіи, издалъ копію плана Вильны Боденера подъ заглавіемъ: «Видъ древней Вильны съ краткимъ объясненіемъ.» Въ 5-хъ, очень сходный съ Брауновымъ планъ Вильны находится при I-мъ томѣ сочиненія Крашевскаго «Wilno», только въ уменьшенномъ видѣ и съ нѣкоторыми произвольными поясненіями.

Въ объясненіяхъ къ плану Вильны Брауна подъ № 5, какъ выше сказано, находится церковь Св. Варвары, между тѣмъ на планѣ Вильны совсѣмъ нѣтъ цифры 5; потому нельзя съ достовѣрностію сказать, какое именно зданіе на планѣ нужно считать церковію Св. Варвары. Можно полагать, что церковь эта находилась въ пространствѣ, занимаемомъ нѣкогда зданіями нижняго замка, гдѣ нынѣ ботаническій садъ и площадь каѳедральнаго костела, такъ какъ всѣ №№ отъ 2 до 10 обозначаютъ зданія, находившіяся именно въ этой чертѣ. Крашевскій на своей копіи съ атласа Брауна, или можетъ быть съ атласа Черскаго, обозначилъ 5 тамъ, гдѣ у Брауна на планѣ

*) Томъ 24/60 стр. 3, примѣч.

стоитъ 6; такимъ образомъ (казначейскій) подскарбія домъ сталъ у Крашевскаго церковью Св. Варвары.

№ 17. Греческая церковь, т. е. православная. Крашевскій говоритъ, что это церковь Пятенка, т. е. Пятницкая. Объясненіе Крашевскаго ошибочно, потому что греческая церковь, что подъ № 17, на планѣ стоитъ на правой сторонѣ большой улицы, если идти отъ костела Св. Яна къ ратушѣ и не далеко отъ ратуши, Между тѣмъ извѣстно, что Пятницкая церковь находилась на противоположной сторонѣ, именно тамъ, гдѣ она и теперь находится. Церковь № 17, по всей вѣроятности, Воскресенская, которую изслѣдователи старины именно тамъ и указываютъ— на углу теперешней Стеклянной улицы, выходящемъ на ратушную площадь.

№ 20. Черные монахи—по всей вѣроятности, указывается на Свято-Троицкій монастырь. *)

№ 8 Люцерна—это большая, двухъ-этажная башня на западной сторонѣ нижняго замка. Кажется, это та башня, которая извѣстна была подъ именемъ «круглой замковой башни» (turris arcis rotunda), подъ этимъ именемъ она не разъ упоминается въ памятникахъ XVI вѣка, не смотря на то, что она была восьмигранная; она же носила таинственно-страшное имя башни пана Твардовскаго, извѣстнаго чернокнижника и чародѣя; въ этой башнѣ онъ занимался, будто бы, чародѣйствомъ и вызываніемъ тѣней умершихъ, между прочимъ, вызывалъ тѣнь королевы Варвары для слабоумнаго мужа ея Сигизмунда Августа. Почему она названа люцерной — фонаремъ, на это нѣтъ указаній въ памятникахъ; полагаютъ, что она такъ названа потому, что въ верхнемъ этажѣ ея были со всѣхъ сторонъ окна, отъ чего она похожа была на фонарь, а можетъ быть и отъ того, что она освѣщалась ночью и на самомъ дѣлѣ была фонаремъ. **)

---

*) № 20 на планѣ не обозначенъ, потому нельзя съ совершенною рѣшительностію указать, какое именно зданіе на планѣ вмѣщало въ себѣ чернецовъ.

**) Wizer. tom $^{24}/_{60}$ стр. 36—40.

№ 25. Клетки, т. е. небольшія купеческія лавки. Въ копіи у Боденера вмѣсто kletken, напечатано, вѣроятно по ошибкѣ, klerken. Ксендзъ Черскій въ планѣ Вильны это мѣсто назвалъ семинаріею рим.-кат. (Kleriken), а Крашевскій, который отличался удивительною легкостію соображенія, замѣтя, что семинарія находится по плану совсѣмъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, не стѣсняясь, перенесъ № 25 въ другое мѣсто на планѣ и въ объясненіи тоже написалъ «семинарія»; но при этомъ произошла маленькая ошибка въ слѣдующемъ: на планѣ Крашевскаго помѣчено, что этотъ планъ составленъ около 1550 г., а римско-кат. семинарія, какъ извѣстно, основана въ 1582 г... Замѣтивши что значитъ «kletken», мы не можемъ, подобно Черскому и Крашевскому, «Kletkens dor» № 26 считать Клецкими воротами, потому, что въ стѣнѣ окружавшей Вильну, древніе памятники не упоминаютъ о существованіи Клецкихъ воротъ. Поэтому названіе «Kletkens» произвольно, кажется, дано городскимъ воротамъ отъ слова kletken. Такъ названные ворота извѣстны были подъ именемъ «Вилейскихъ», какъ можно судить по указанію мѣста ихъ на планѣ Вильны. № 28—«Зарѣчье»—на планѣ показываетъ не на то мѣсто, которое теперь извѣстно подъ названіемъ Зарѣчья; а вѣрнѣе на то, гдѣ теперь «Снипишки».

Кромѣ того, въ концѣ улицы, ведущей отъ ратуши на востокъ, мимо русскаго гостиннаго двора, на планѣ написано «Die Deutsche dor» т. е. нѣмецкія ворота. Ворота эти прежде назывались Кревскими, потомъ Мѣдникскими, а потомъ, какъ и до сихъ поръ, называются Острыми. Почему у Брауна онѣ названы нѣмецкими—неизвѣстно. Вообще планъ Вильны нельзя считать безукоризненнымъ, особенно замѣчается недостатокъ геометрической точности въ расположеніи улицъ и въ соотношеніи между зданіями, замѣчается недостатокъ на планѣ важныхъ зданій города, какъ напр. церковь Св. Николая, церковь Св. Троицы, Митрополитальный соборъ Пречистыя или Успенія Божіей Матери, не сомнѣнно тогда существовавшія, не обозначены, равно и нѣкоторыя другія церкви, бывшія въ то время въ Вильнѣ. Но слѣдуетъ замѣтить, что особенно рельефно изображенъ нижній замокъ, онъ снятъ съ возвышенности съ замѣтною

тщательностію. Для любителей и изслѣдователей старины это тѣмъ болѣе важно, что зданія нижняго замка нынѣ, какъ извѣстно, уже не существуютъ и ихъ можно видѣть только на этомъ планѣ.

Кромѣ плановъ городовъ, въ атласѣ Брауна, какъ выше замѣчено, находится предъ каждымъ изображеніемъ города и его описаніе, въ которомъ излагаются свѣдѣнія географическія и этнографическія, касающіяся не только города, но и цѣлаго государства, къ которому принадлежитъ городъ. Между многими очерками этого рода ближе всего къ намъ, разумѣется, описаніе Вильны, тѣмъ болѣе, что описаніе это одно изъ подробнѣйшихъ и интереснѣйшихъ. Въ немъ изображается топографія Литвы и столицы ея города Вильны, описаніе городскихъ улицъ, построекъ: храмовъ, дворцовъ, домовъ, домашней утвари и вообще цѣлой внутренности помѣщенія виленцевъ, говорится объ ихъ пищѣ, одеждѣ, обуви, сообщаются этнографическія свѣдѣнія о жителяхъ Вильны (нравы ихъ изображаются мрачными чертами), описывается религіозное настроеніе жителей, религіозные ихъ обычаи и нѣкоторые обряды. Словомъ, обиліе и разнообразіе любопытныхъ свѣдѣній о Вильнѣ въ этомъ очеркѣ стоитъ вниманія.

Время составленія этого описанія можно опредѣлить, соображая историческія данныя и обстоятельства, изложенныя въ описаніи, и сопоставляя ихъ одни съ другими. Въ описаніи говорится о существовавшей въ то время въ Вильнѣ религіозной свободѣ, о дозволеніи послѣдователямъ разныхъ исповѣданій каждому слѣдовать своей вѣрѣ; извѣстно, что римскіе католики вообще отличались чрезмѣрною нетерпимостію къ послѣдователямъ другихъ вѣроисповѣданій; а если была въ Вильнѣ вѣротерпимость въ прежнія времена, со времени появленія разныхъ сектъ, такъ это только отчасти во времена Сигизмунда стараго или I-го и въ первые годы правленія Литвою сына его Сигизмунда Августа, пока іезуиты не овладѣли слабымъ симъ государемъ. Въ описаніи ничего не упоминается о іезуитахъ въ Вильнѣ, стало быть, ихъ еще не было въ то время здѣсь. Исторія свидѣтельствуетъ,

что iезуиты призваны въ Вильну въ 1569 г., по этому нужно полагать, что описанiе составлено до 1569 года, иначе въ немъ непремѣнно упоминалось бы объ iезуитахъ; составитель описанiя, такъ подробно все изложившiй, не могъ умолчать о такихъ дѣятеляхъ, какъ iезуиты. Въ описанiи говорится объ отличной отдѣлкѣ комнатъ въ дворцѣ нижняго замка. Извѣстно изъ свидѣтельствъ историческихъ, что отдѣлка нижняго замка окончена при Сигизмундѣ Августѣ *), въ первой половинѣ XVI вѣка. Къ этому времени и должно отнести составленiе описанiя Вильны, помѣщенное у Брауна.

Чтобы составить понятiе о томъ, насколько достовѣрны свѣдѣнiя о Вильнѣ, сообщаемыя въ описанiи Брауна, мы обратимъ вниманiе на одно мѣсто въ его предисловiи къ III-му тому атласа, гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «что касается историческихъ свѣдѣнiй о городахъ, то они заимствованы изъ древнихъ и новыхъ, достойныхъ полнѣйшаго вѣроятiя, сочиненiй, изъ сочиненiй извѣстныхъ, ученѣйшихъ мужей и наконецъ изъ собственнаго нашего наблюденiя.» Далѣе говорится, что онъ пользовался знаменитѣйшею и драгоцѣннѣйшею библiотекою нѣкоего Франциска Думсторссiя, собранною съ величайшимъ тщанiемъ и европейски извѣстною. Это внѣшнiе признаки серьезнаго значенiя и научнаго достоинства свѣдѣнiй, изложенныхъ въ атласѣ Брауна. Чтобы точнѣе оцѣнить свѣдѣнiя о Вильнѣ, изложенныя въ этомъ атласѣ, нужно сличить ихъ съ свѣдѣнiями, сообщаемыми о томъ же предметѣ другими писателями. Но прежде познакомимся съ тѣмъ, что говорится о Вильнѣ у Брауна.

ВИЛЬНА.

(переводъ съ латинскаго.)

«Вильна (Wilna) епископальный городъ великаго княжества Литовскаго, очень многолюдный и обширный. У мѣстныхъ жителей носитъ названiе Виленшки (Wilenszki) **) отъ

*) Wizer. tom 24/60 стр. 5.

**) У другихъ писателей это названiе пишется иначе, такъ напр.

рѣки того же имени, у нѣмцевъ по-просту называется die Wilde (Дикая). Означенная рѣка, получивши начало въ Литвѣ и соединившись съ Нѣманомъ, течетъ въ Пруское (Балтійское) море.

«Вильна огорожена стѣною и воротами, которыя никогда не запираются.

«Домы въ Вильнѣ вообще деревянные, тѣсные, отдѣльныхъ комнатъ, кухни, двора для скота при нихъ нѣтъ, хотя рабочаго скота и другихъ животныхъ есть много. Домы разбросаны и построены безъ порядка, исключая нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ городѣ улицъ, на которыхъ иностранцами, часто пріѣзжающими въ Вильну для торговли, построены отличныя, каменныя зданія. Зданіями этими украшаются улицы: нѣмецкая и дворцовая.

«Изъ княжескихъ дворцовъ въ Вильнѣ одинъ очень обширный, замѣчательный чистою отдѣлкою комнатъ; другой на горѣ замѣчателенъ башнями. При подошвѣ горы находится арсеналъ, въ которомъ можно видѣть не мало всякаго рода боевыхъ снарядовъ, хотя по всей Литвѣ нѣтъ ни одного рудника и не добывается ни какихъ металловъ.

«Въ Вильнѣ много храмовъ каменныхъ, а нѣкоторые деревянные. Послѣдователямъ различныхъ исповѣданій позволяется держаться каждому своего вѣроисповѣданія. Весьма хорошъ бернардинскій монастырь изъ тесанаго камня, отличающійся изящною архитектурой. Также весьма хорошъ дворъ русскихъ, на которомъ они складываютъ свои товары, привезенные изъ Московіи, именно: мѣха волчьи, лисьи, попреимуществу бѣлыхъ лисицъ, куницъ, соболей, горностаевъ, леопардовъ и другіе благородные мѣха того же рода.

«На городскихъ улицахъ въ разныхъ мѣстахъ есть водные источники для общественнаго употребленія горожанъ, всѣ они

въ атласѣ Меркатора говорится такъ: Wilna indigenis Wilensi. (Atlas minor Gerardi Mercatoris. Amsterdami 1634, стр. 128) У Целларія читаемъ такъ: Quam (Wilnam) indigenae Wiletzki aut Wilenski... vocant. (Regni Poloniae magnique ducatus Litvaniae... novissima descriptio... Amstelodami 1659. Въ VI 12 дол. л., стр. 274).

вытекаютъ изъ одного главнаго источника подлѣ нѣмецкихъ воротъ.

«Отдѣльныхъ городскихъ предмѣстій, съ особыми названіями, какія бываютъ при городахъ хорошо устроенныхъ, Вильна не имѣетъ; она окружена однимъ сплошнымъ предмѣстьемъ, которое состоитъ изъ множества маленькихъ хижинъ, не красиво выстроенныхъ; улицы идутъ безъ порядка, какъ попало, какъ бы по грубой прихоти варваровъ. Съ разныхъ мѣстъ переносятъ сюда хижины и ставятъ въ безпорядкѣ, какъ попало; хижины эти отдѣлки грубой, срублены изъ сосноваго дерева.

«За воротами, которыя принадлежатъ королевскому замку, въ разстояніи полумили отъ Вильны, король Сигизмундъ для прогулокъ и отдыха отъ городскихъ занятій устроилъ королевскій домъ, впрочемъ весь деревянный съ рощицею и звѣринцемъ *). Въ этомъ звѣринцѣ содержатся всякаго рода звѣри, содержаніе ихъ стоитъ большихъ расходовъ. Мѣсто это въ просторѣчіи называется Версупа (Wersupa) т. е. близь водъ, съ которыми оно смежно.

«Виленскій народъ и тѣ, которые живутъ въ избенкахъ на предмѣстьи, грубы, необразованы, ни свободными науками, ни искусствами не занимаются и понятія объ этомъ не имѣютъ, занимаются убійствами, глупы, праздны и вялы, свободою не пользуются ни какой, но совершенные рабы; дворяне считаютъ ихъ за невольниковъ и, дивное дѣло, живя такимъ образомъ, повидимому, еще наслаждаются жизнію. Господъ своихъ очень любятъ, бываютъ имъ болѣе вѣрны и послушны въ такомъ случаѣ, когда господа хорошенько выругаютъ ихъ и крѣпко прибьютъ; а отъ тѣхъ господъ, которые ихъ не больно бьютъ, они убѣгаютъ, какъ отъ такихъ, которые не производятъ на нихъ вліянія добрыми обычаями, или какъ отъ такихъ, которые не благосклонны къ нимъ.

«Вина хотя не имѣютъ, а стаканами забавляются, медъ и пиво овладѣли ими. Отъ частаго употребленія вина-горѣлки, луку

---

*) Звѣринецъ устроенъ, какъ полагаютъ, Сигизмундомъ I-мъ. Крашевск. Вильно. стр. 289, томъ I.

и чесноку, въ курныхъ, постоянно наполненныхъ дымомъ домахъ своихъ (потому что домы ихъ совершенно безъ трубъ) они теряютъ зрѣніе, такъ что нигдѣ нѣтъ столько слѣпыхъ, какъ въ этомъ городѣ.

«Ни одного украшенія, ни одной дорогой вещицы въ домахъ у нихъ нѣтъ. Родители съ дѣтьми, съ рабочимъ скотомъ и другими животными располагаются вмѣстѣ въ одной теплой, грязной избѣ, при очагѣ; въ избѣ ужасная вонь и смрадъ; тутъ же жена родильница лежитъ на жосткой скамьѣ, а на третій или на четвертый день послѣ родовъ она уже должна отправлять весьма тяжелыя работы дома и внѣ дома.

«Никто въ цѣломъ городѣ не имѣетъ мягкой кровати, да и за порокъ считается мягко лежать. Много, много если болѣе богатые имѣютъ скамью, покрытую медвѣжьею шкурой. У самыхъ аристократовъ обстановка не лучше этой, тѣмъ только даютъ знать о своемъ благородномъ происхожденіи, что выходятъ въ болѣе дорогой одеждѣ, увѣшанные и разукрашенные серебромъ и золотомъ. Горожане любятъ одѣвать своихъ женъ въ одежды яркихъ цвѣтовъ. У всѣхъ деревенскихъ жителей такой же самый дешевый вкусъ къ такимъ же цвѣтамъ.

«Въ этомъ обширномъ городѣ нѣтъ ни одной гостинницы, нѣтъ никакого пріюта для бѣдныхъ гдѣ бы они могли воспользоваться милосердіемъ ближнихъ.

«Медомъ и виномъ–горѣлкою, или грубымъ пивомъ опьяненные, жители ссорятся, бранятся, жестоко дерутся между собою; если убьютъ чужестранца, то это не считается уголовнымъ преступленіемъ, платятъ за это только 16 талеровъ пени; а если убьютъ литовца и убійцѣ удастся убѣжать, то родственники и знакомые намащаютъ благовоніями трупъ убитаго, чтобы онъ могъ сохраниться и оставляютъ непогребеннымъ на тотъ конецъ, чтобы, если убѣжавшаго убійцу удастся схватить, представить бездушное тѣло убитаго, въ противномъ случаѣ убійца не подвергается смертной казни за свое злодѣяніе. Если слу-

чится похоронить убитаго прежде поимки убійцы, въ такомъ случаѣ убійство не считается уголовнымъ преступленіемъ и даже большой денежный штрафъ за него не налагается; а преступникъ наказывается только розгами.

«На предмѣстіи живутъ по большей части Татары, земледѣльцы, извощики, переносчики тяжестей; услугами ихъ зимою пользуются купцы, которыхъ они только зимою перевозятъ въ повозкахъ въ сосѣднія мѣста. Въѣздъ и выѣздъ изъ этого города (Вильны) возможенъ не иначе, какъ зимою, отъ того, что вся Литва затоплена болотами и озерами и заросла боромъ; зимою же, когда болота и озера покроются толстымъ льдомъ и когда нападетъ снѣгъ, она становится проходимою, впрочемъ не по торнымъ и пробитымъ дорогамъ, ихъ нѣтъ, а кто сколько можетъ различить путь по звѣздамъ.

«Рабочій скотъ, трудами котораго пользуются жители, отличается такою же жестокостію, какъ и извощики. Жители питаются хлѣбомъ чернымъ, невкуснымъ и чеснокомъ, вообще пищею самою дешевою; для сидѣнія выбираютъ скамью или камень и садятся на пыльномъ мѣстѣ.

«Животныхъ покрывалами не накрываютъ; утомленныя и покрытыя снѣгомъ, они прогоняются въ лѣсъ и тамъ копытами отрываютъ себѣ пищу, скрытую подъ снѣгомъ, прокладываютъ себѣ дорогу и выходъ.

«Извощики-татары отличаются вѣрностію вообще въ отношеніи къ купцамъ и даже къ иностранцамъ. Если не представятъ господамъ своимъ, у которыхъ они состоятъ въ услуженіи (quorum servi sunt), свидѣтельства о своей вѣрности и честности за подписью тѣхъ, которыхъ повезли, то ихъ всенепремѣнно ожидаетъ висѣлица (?).

«Религію въ этомъ городѣ исповѣдуютъ особенную-удивительную. Литургію въ храмахъ слушаютъ съ большимъ благоговѣніемъ: священникъ, совершающій святыя тайны, находится за распростертою завѣсою, которая его закрываетъ, и когда эта завѣса отодвигается, удивительно сказать, съ какимъ благоговѣніемъ предстоящіе не только въ грудь, но и въ лицо сокру-

шенно ударяютъ себя *). Тѣ, которые въ предшествующую ночь воспользовались брачными удовольствіями, законно или вопреки закону, на слѣдующій день по религіозному чувству не вступаютъ въ храмъ, но предстоя внѣ, на паперти, созерцаютъ жертвоприносящаго въ отверстіе, сдѣланное въ стѣнѣ. И этотъ обычай исполняютъ съ такою строгостію, что въ религіи ихъ можно узнать нескромныхъ юношей и лишенныхъ невинности дѣвицъ.

«Въ другое время, часто совершаютъ молитвенныя стоянія и крестные ходы съ иконами святыхъ, преимущественно носятъ иконы св. Павла и Николая, которыхъ они особенно почитаютъ и поклоняются имъ, а собирающійся во множествѣ народъ въ этихъ процессіяхъ песетъ на головѣ обувь свою или пару башмаковъ; этимъ онъ хочетъ показать самую глубокую свою рабскую подчиненность господамъ своимъ.

«Простой народъ имѣетъ обувь дешевую, а тѣ, которые побогаче, украшенную золотомъ и шелкомъ. Когда отъ жестокаго рабства, въ которомъ они (простой народъ) впрочемъ не считаютъ себя бѣдствующими, избавляетъ ихъ смерть: то хорошо одѣтые и снабженные деньгами, какъ бы въ путь—дорогу, предаются погребенію съ письмами отъ знакомыхъ и отъ тѣхъ съ которыми хорошо жили, писанными къ Петру Апостолу. Въ письмахъ этихъ ихъ рекомендуютъ Петру, какъ небесному привратнику, чтобы удобнѣе открыть умершимъ своимъ близкимъ доступъ къ небеснымъ радостямъ. Хотя они просвѣщены христіанскою религіею, но еще держатся этихъ и многихъ другихъ предразсудковъ; по этому неудивительно, если они въ прежнія времена поклонялись и почитали за пенатовъ—боговъ: змѣй, солнце, молотки (?) и огонь.»

---

*) Здѣсь, безъ сомнѣнія, говорится о томъ благоговѣніи, съ какимъ предстоящіе осѣняютъ себя *крестнымъ знаменіемъ*, когда отодвигается завѣса, что въ церкви при царскихъ вратахъ; эта завѣса очевидно указываетъ на то, что здѣсь говорится о литургіи, совершаемой въ православномъ храмѣ.

Въ этомъ описаніи обращаетъ на себя особенное вниманіе: 1, то мѣсто, гдѣ говорится о религіи жителей Вильны. Издатель атласа, самъ римскій католикъ, говоритъ, что въ Вильнѣ исповѣдуютъ религію особенную, удивительную, значитъ не ту, которую исповѣдывалъ онъ, иначе онъ не сказалъ бы «исповѣдуютъ религію особенную», и не называлъ бы ее «удивительною.» Мы уже имѣли случай замѣтить, что въ описаніи говорится о православныхъ храмахъ и слѣдовательно о православныхъ богомольцахъ въ нихъ. Равнымъ образомъ не многія, но весьма ясныя указанія изъ описанія крестныхъ ходовъ, даютъ понять, что, говоря объ этомъ, авторъ имѣетъ въ виду православныхъ жителей Вильны: въ крестныхъ ходахъ, свидѣтельствуетъ онъ, они носятъ иконы св. Павла и Николая, которыхъ особенно почитаютъ. Извѣстно, что римскіе католики изъ апостоловъ болѣе другихъ почитаютъ св. Петра, а не Павла. Исторія свидѣтельствуетъ, что православные жители Вильны особенно почитали Св. Николая Мурликійскаго: самая древняя православная церковь въ Вильнѣ, воздвигнутая во имя святаго Николая, а потомъ и другая во имя того же святителя, служатъ памятникомъ особаго почитанія православными св. Николая Мурликійскаго; его православные считали покровителемъ Вильны, тогда какъ римскіе католики королевича Казиміра. Нельзя не обратить вниманія, что составитель описанія, говоря о томъ, что въ Вильнѣ существуютъ послѣдователи разныхъ религій, описываетъ религіозные обычаи православныхъ, оставляя безъ вниманія послѣдователей другихъ исповѣданій, конечно, потому, что сіи послѣдніе составляли незначительное меньшинство между православными жителями Вильны. Напротивъ православные составляли большинство, какъ можно заключать изъ самаго описанія ихъ религіозныхъ молебствій и изъ того, что на эти молебствія они собирались во множествѣ. Что касается писемъ, которыя даютъ умершему родственники и пріятели его, по выраженію составителя описанія, будто бы, къ апостолу Петру, то этимъ авторъ не намѣренно свидѣтельствуетъ о себѣ, что онъ римскій католикъ: по его понятію, если умершему кладутъ въ гробъ рукопись, то это ничто иное, какъ рекомендательное

письмо къ апостолу Петру, чтобы онъ пропустилъ въ рай, такъ какъ, опять только по понятію римско-католика, апостолъ Петръ исправляетъ должность небеснаго привратника при входѣ въ рай. Существующій доселѣ въ православной церкви обычай—класть съ умершимъ въ гробъ «вѣнчикъ» и «разрѣшительную молитву» ясно, кажется, даетъ понять, что составитель описанія замѣтилъ у православныхъ существовавшій, можетъ быть, еще въ то время подобный обычай, только не понялъ его значенія и объяснилъ его по своему. Извѣстно, что разрѣшительная молитва, которую кладутъ въ гробъ умершему, въ просторѣчіи называется «рукописаніе», не смотря на то, что она не рукописная, а печатная. Это названіе указываетъ на древность обычая класть покойнику въ гробъ разрѣшительную молитву.

2, Нельзя не обратить вниманія на чрезвычайно мрачныя черты, которыми изображается у Брауна состояніе простаго народа, низшаго класса жителей, населявшихъ предмѣстье Вильны. По свидѣтельству хроникъ и историковъ XVI вѣка, простой народъ литовцы жили дѣйствительно бѣдно, избы строили себѣ низенькія, деревянныя, изъ круглыхъ, очищенныхъ отъ коры бревенъ, крыли ихъ соломой, драницей и древесною корою. Избы ихъ были курныя, дымъ выходилъ чрезъ двери или въ узкое окошко, отъ этого внутренность избы была закопчена. Но для выпуска изъ избы дыму отъ лучины, употреблявшейся для освѣщенія, устроивалась труба изъ лубка, обмазаннаго глиной. Польскій историкъ XVI вѣка Гваньини, описывая жилища Жмудиновъ, говоритъ: «простой народъ живетъ въ хатахъ малыхъ, низкихъ и продолговатыхъ, въ нихъ и вечеромъ и утромъ посрединѣ горитъ огонь такимъ способомъ: посреди избы виситъ отъ потолка труба, сдѣланная изъ лубу, обложеннаго глиной, при трубѣ виситъ желѣзо, сдѣланное на подобіе рѣшетки, въ эту рѣшетку вкладываютъ одну за другою лучину для непрерывнаго освѣщенія хаты. Подъ рѣшеткой ставится корытцо съ водою, въ которое сверху падаютъ угли» [1]).

---

[1]) Obraz Litwy Ярошевича. Т. I. стр. 87. Сравн. Учебно-историч.

Литовцы и Жмудины устроивали свои хаты одинаково. При хатахъ у литовцевъ строились загоны для скота, а иногда скотъ помѣщался вмѣстѣ съ людьми въ одномъ жилищѣ. Такого рода жилища извѣстны подъ именемъ «нумовъ», которые на Жмуди сохранились и доселѣ. О нихъ упоминаетъ Михелонъ, писавшій въ началѣ XVI в. *). Но обстоятельное описаніе ихъ находимъ въ статьѣ Діонисія Пашкевича. Мы коснемся этихъ нумовъ потому, что въ описаніи ихъ говорится объ образѣ жизни Жмудиновъ, изображается внутренняя обстановка ихъ жилища; а извѣстно, что Литовцы жили также, какъ Жмудины. «Въ княжествѣ Жмудскомъ», говоритъ Пашкевичъ, «во всѣхъ трехъ его уѣздахъ: Россіенскомъ, Шавельскомъ и Тельшевскомъ, особенно же около границъ Курляндіи и Пруссіи нашелъ я нѣсколько тысячъ (?) нумовъ: это строеніе отъ 10—15 саженей длиною, отъ 5—6 шириною, устроенное изъ круглыхъ бревенъ, крыша его утверждена на столбахъ, выстлана сперва еловой корой для безопасности отъ огня, а сверху покрыта соломой. Оконъ нѣтъ, или иногда одно окно, двери съ обоихъ концовъ нума: изъ нихъ одна не такъ широкая для выхода людямъ, другая шире, для загона скота и вывоза навоза; надъ дверьми небольшія оконца для выхода дыма и для свѣта, закрываемыя изнутри. По срединѣ нума выкопана широкая яма для огнища, имѣющая форму квадрата или круга, шириной въ три или четыре локтя въ разрѣзѣ и въ локоть глубиною. Въ этой ямѣ разводится огонь изъ сухихъ березовыхъ или ольховыхъ дровъ. По краямъ огнища накладены камни, заступающіе мѣсто лавокъ для живущихъ, которые въ холодное время расположившись около огня, производятъ здѣсь всѣ работы. Но какъ лѣтомъ жарко и чтобы не было также опасности отъ огня, вокругъ огнища, отступя три или четыре локтя, дѣлается въ формѣ четырехъ-угольника стѣна изъ бревенъ, досокъ или просто изъ

сборникъ по Русской Исторіи Добрякова. т. I. отд. I. С-Пб. 1865 стр. 92—93.

*) De Moribus Litvanorum.... Epitome fragm. v. p. 23. Basileae 1615 an.

плетня, но не выше, какъ въ полтора локтя, или уже много въ два, чтобы люди, работающіе и ходящіе вкругъ огня, могли видѣть скотъ, который стоитъ кругомъ, близъ стѣнъ строенія; пространство между огнемъ и мѣстомъ, гдѣ стоитъ скотъ, содержится въ чистотѣ, часто метется. Навѣсъ крыши всегда значительно выдается для того, что подъ нимъ складываются хозяйскія орудія: телѣги, сохи, бороны, а къ стѣнѣ нума иногда приставляются малые, трехстѣнные хлѣвки для свиней и домашней птицы. Однимъ словомъ, въ одномъ нумѣ часто помѣщалось все хозяйство.» [1]).

Андрей Целлярій въ сочиненіи своемъ подъ заглавіемъ: «Новѣйшее описаніе царства Польскаго и великаго княжества Литовскаго», говоритъ, что «домики въ Вильнѣ, особенно на предмѣстьи дешевые, низкіе, деревянные, крытые соломою или драницею. Родители, дѣти и слуги находятся вмѣстѣ со скотомъ» [2]). Сожительство съ животными и курныя, дымныя хаты, равно какъ и особаго роду пища литовцевъ, не у одного Брауна считаются причиною вредно дѣйствовавшею на ихъ зрѣніе. Целлярій говоритъ, что «въ Вильнѣ не мало есть слѣпыхъ, причину слѣпоты приписываютъ курнымъ избамъ, также употребленію луку и чесноку, равно какъ грубаго пива и горѣлки» [3]). Вообще въ пищѣ литовцы были очень не взыскательны. Гваньини говоритъ, что литовцы употребляли хлѣбъ самый простой и грубый, на половину съ мякиной [4]).

Простой народъ находился въ безусловной зависимости отъ пановъ, обращеніе ихъ съ подданными своими было вообще грубое и жестокое; разсердившись на мужика, панъ отбиралъ у него все, что можно было взять, такъ что у мужика не оставалось ни скота, ни хлѣба, ни пищи, ни одежды. Объ этомъ

---

[1]) Варшавскій дневникъ 1829 годъ. Январь, № 44. Слич. цитован. Сборникъ Добрякова стр. 93.

[2]) Regni Poloniae magnique ducatus Litvaniae novissima descriptio стр. 281.— [3]) Тамъ же.

[4]) Chron. Sarm. evrop. Толков. Пашковск. Кн. V. ч. III. стр. 28—29.

находимъ свидѣтельство у Гваньини: «простой народъ на Жмуди и Литвѣ«, говоритъ онъ [1]) «терпитъ большое преслѣдованіе отъ богатѣйшихъ: когда панъ разгнѣвается за что нибудь на подданнаго, оберетъ его, изобьетъ, иногда отберетъ у него всѣ съѣстные припасы, такъ что мужичокъ съ женою, съ дѣтьми не имѣетъ въ ротъ что положить. Крестьяне каждый день отправляютъ тяжелую работу. Когда крестьянину нужно пойти зачѣмъ нибудь къ пану, то безъ подарка и не приступай; а если и дойдетъ до пана, то панъ отсылаетъ его къ управляющему и всюду дай у пановъ, потому что у нихъ каждое слово золото. Пять дней работаютъ на пана, а шестой—понедѣльникъ на себя, никогда и въ воскресенье праздные не бываютъ: въ деревнѣ совсѣмъ не празднуютъ, работаютъ, что случится: пашутъ, жнутъ, молотятъ, сѣютъ, боронуютъ, косятъ и всякаго рода другія отправляютъ работы. Если спросить кого нибудь, для чего онъ въ праздникъ работаетъ, онъ отвѣтитъ: а развѣ въ праздникъ не нужно ѣсть?»

Отъ такого грубаго обращенія, отъ такого безсудія, угнетенія и бѣдности, народъ не отличался мягкимъ характеромъ, не имѣлъ отъ кого научиться хорошему обращенію и добрымъ нравамъ. Андрей Целлярій говоритъ: «Литовскій народъ глупъ, жестокъ и лѣнивъ» [2]). Мартинъ Зейллеръ въ описаніи Польши и Литвы, [3]) изд. 1647 г., говоритъ: «простой литовскій народъ глупъ и лѣнивъ, господъ своихъ любитъ только тогда, когда они его больше бьютъ.» Эта же пародоксальная мысль находится и у Андрея Целлярія. [4]). Писатель первый высказавшій ее и потомъ за нимъ повторявшіе доказали тѣмъ, что они не возвышались въ гуманности и благородствѣ обращенія надъ тѣми, которые жестоко обращались съ своими подчиненными,

---

[1]) Тамъ же. Смотр. также: Geographiae universae tum veteris, tum novae absolutissimum opus.... Actore Jo. Aut. Magino Patavino... Venetiis an. 1596 стр. 153.

[2]) Цитован. прежде сочин. стр. 280.

[3]) Micler. том. II, стр. 11.

[4]) Цитов. прежде. сочин. стр. 280.

что они не знали другихъ средствъ обращенія съ простымъ народомъ, для удержанія его въ покорности, кромѣ побоевъ.

3, Наконецъ скажемъ нѣсколько словъ о русскомъ гостиномъ дворѣ (Das Moscoviten Hoff). На этомъ дворѣ, по завѣренію древнихъ историческихъ свидѣтельствъ, производилась весьма обширная торговля самыми разнообразными и драгоцѣнными мѣхами между русскими и иностранными купцами.

Русскій гостиный дворъ основанъ въ Вильнѣ еще въ XIII столѣтіи. Въ 1366 году дворъ этотъ былъ истребленъ пожаромъ. Но торговая дѣятельность русскихъ въ Вильнѣ была на столько значительна, что не могла прекратиться отъ этого несчастія, затрачены вновь деньги и въ 1375 г. готовъ былъ новый великолѣпный русскій, гостиный дворъ *). Кромѣ общаго, русскаго торговаго двора въ Вильнѣ, былъ еще гостиный дворъ купцовъ Новгородскихъ и ихъ склады товаровъ; предпріимчивые Новогородскіе купцы вели значительные торговые обороты съ литовцами и такъ вовлекли ихъ въ торговлю, что главныя сношенія торговыя литовцы имѣли съ новгородцами. Но еще болѣе усилилась торговая дѣятельность русскихъ и вообще виленскихъ купцовъ, когда въ 1380 году была очищена и сдѣлана судоходною рѣка Вилія. Въ XV и XVI стол. русскіе купцы въ Вильнѣ и иностранцы сплавляли по рѣкѣ Виліи свои товары и видно, что эти обороты были выгодны: въ 1589 году Вилія была вновь очищена средствами виленскихъ купцовъ, въ 1606 году еще разъ сдѣлана была очистка ея на счетъ правительства. Въ XVI стол. торговля русскихъ въ Вильнѣ описывается иностранцами какъ самая дѣятельная и весьма значительная, гостинный дворъ русскій непремѣнно обращалъ на себя вниманіе; такъ нѣмецкій писатель XVI вѣка Вюиллихій, въ коммен-

*) Русскій гостиный дворъ находился близъ Свято-троицкаго монастыря, на одной съ нимъ сторонѣ. Отъ монастыря отдѣляла его улица, которая теперь не существуетъ, (она шла параллельно теперешнему милліонному переулку, котораго тогда не было.) Гостиный дворъ занималъ, приблизительно, то мѣсто, гдѣ теперь домъ Янучкова, милліонный переулокъ и далѣе по линіи къ ратушѣ.

таріяхъ своихъ на Корнелія Тацита, говоритъ, что, въ бытность свою въ Вильнѣ, онъ видѣлъ русскій торговый дворъ—огромное, великолѣпное зданіе, нарочно для этого выстроенное, въ которомъ каждый день, *кромѣ воскресенья*, продаются мѣха различной величины и достоинства, на разныя цѣны. Нѣмецъ весьма пораженъ былъ этимъ и сознался, что онъ не можетъ надивиться богатству и разнообразію мѣховъ на русскомъ гостиномъ дворѣ. Правда, говоритъ онъ, подобные мѣха можно видѣть въ Люблинѣ, въ Познани, въ Краковѣ, въ Данцигѣ, въ Кенигсбергѣ, въ Торуни, но не иначе, какъ только на извѣстныхъ ярмаркахъ. Онъ полагаетъ, что, безъ сомнѣнія, для торговли съ русскими, стали селиться въ Вильнѣ нѣмцы и заняли цѣлую улицу, которая называется нѣмецкою *).

И такъ, изъ сличенія описанія Вильны, помѣщеннаго у Брауна, съ другими писателями о томъ же предметѣ, оказывается, что свѣдѣнія, изложенныя въ немъ въ общихъ и главныхъ чертахъ, согласны съ тѣмъ, что говорятъ о Вильнѣ другіе иностранные писатели того же времени. Слѣдовательно описаніе это имѣетъ значеніе, какъ свидѣтельство иностранца, который однако близко былъ знакомъ съ тѣмъ, что описывалъ.

С. Преображенскій.

---

*) In Cornelii Taciti, equitis Romani, Germaniam commentaria. Autore D. Jodoco Wuillichio Reselliano. Francoforti ad Wiadrum. An. 1551. Въ 8. p. 5.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ЕВРЕЙСКИХЪ СИНАГОГАХЪ И МОЛИТВЕННЫХЪ ДОМАХЪ ВЪ РОССИИ И О ПРИЧИНАХЪ ИХЪ РАЗМНОЖЕНІЯ.

О Синагогѣ.

Синагога, по еврейски «Бетъ Гакнестъ» (Соборъ). Въ третьемъ вѣкѣ до христіанской эры въ еврейскихъ общинахъ уже существовали синагоги, которыя служили сборнымъ пунктомъ, для обсужденія общественныхъ вопросовъ и для публичныхъ чтеній.

Съ теченіемъ времени, въ синагогѣ стали помѣщать училища, для дѣтей и взрослыхъ, вслѣдствіе чего она получила названіе: «Бетеамедрошъ» (школа).

Внѣшній видъ синагоги.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ древнія синагоги иногда отличались красотою постройки, какъ Александрійская, Толедская, Багдатская и проч., но между тысячами синагогъ, существующими въ Россіи и Царствѣ польскомъ, почти ни одна не способна красою своею привлечь къ себѣ общее вниманіе. Относительно ихъ архитектуры одинъ славянскій поэтъ говоритъ: «архитектура синагоги и корчмы литовской одинакова. Она не есть изобрѣтеніе славянскаго ума, ее принесли къ намъ евреи изъ Палестины; это ихъ наслѣдство отъ тирскихъ мудрецовъ.» И дѣйствительно, видъ безобразно-покрытаго четыреугольнаго корпуса синагоги, окруженнаго обыкновенно какими-то длинными и узенькими чуланчиками, съ видомъ литовской корчмы одинаковую наводитъ скуку. Узенькіе эти чуланы, или

корридорчики, вотъ для чего нужны: талмудъ изгналъ еврейскую женщину изъ духовнаго міра; завѣты и обряды для нея почти необязательны. А по примѣру талмуда, и домъ молитвы — синагога — ее тоже гонитъ вонъ; присутствіе женщины въ синагогѣ не терпимо. И вотъ, бѣдныя русскія шуламитки (Іерусалимлянки), потомки славныхъ пророчицъ, героинь и женщинъ-поэтовъ: Маріами, Деборы, Анны и проч., благодаря азіатскому упрямству своихъ мужей, должны до нынѣ получать свою духовную пищу за стѣною синагоги, въ корридорчикахъ.

Фасадомъ своимъ синагога всегда обращена къ западу.

Внутренній видъ синагоги.

На срединѣ восточной стѣны устроенъ Кивотъ-хранилище Торотъ, свитковъ, принадлежащихъ синагогѣ. По срединѣ синагоги поднимается Бима (эстрада), которая своими четырьмя незатѣйливыми колоннами поддерживаетъ обыкновенно сводъ или потолокъ зданія. Эстрада служитъ мѣстомъ для чтенія пятикнижія и пророковъ. Передъ Кивотомъ находится площадка, на которую нужно подняться по нѣсколькимъ ступенямъ—это амвонъ, съ котораго по синагогѣ раздается слово проповѣдника. Внизу возлѣ амвона, направо, стоитъ амодъ (налой), при которомъ канторъ или частное лицо, заступающее его мѣсто, совершаетъ общественное моленіе. Еще правѣе, недалеко отъ амода, на пьедесталѣ, состоящемъ изъ четыреугольнаго полузакрытаго ящика, наполненнаго пескомъ, красуется большой семивѣтвенный подсвѣчникъ, изъ желтой мѣди, который, вмѣстѣ съ паукообразными люстрами, опущенными на шнурахъ изъ свода, составляетъ главное украшеніе храма. Остальное пространство синагоги загромождено скамейками, перегороженными на мѣста, и малыми налойчиками. Тора (свитокъ) украшается иногда серебрянною короною съ колокольчиками, серебрянными пластинками, на которыхъ можно прочесть имена ихъ жертвователей и проч. Кивотъ, большой налой и эстрада бываютъ иногда украшены деревянными рѣзными фигурами, при чемъ левъ, леопардъ, олень и орелъ являются символомъ,

говорящимъ, что, къ исполненію приказаній Іеговы, человѣкъ долженъ стремиться со смѣлостью леопарда, съ легкостью орла и проч. Стѣны синагоги тоже иногда щеголяютъ фресками стряпни еврея самоучки, которыя представляютъ: Авраама, готовящагося принести Исаака въ жертву, Сампсона, раздирающаго льва, Левіаѳана, въ видѣ щуки, большимъ кольцомъ лежащей, съ хвостомъ въ зубахъ; по срединѣ этого кольца обыкновенно изображенъ Іерусалимъ, построенный прямо на морѣ *). Встрѣчаются иногда на стѣнахъ и шаръ-габаръ (бегемотъ), и дикій пѣтухъ и проч.

Синагогальная утварь.

Священнѣйшимъ предметомъ синагоги есть Тора (свитокъ закона), состоящій изъ пятикнижія, написаннаго на пергаментѣ, по извѣстнымъ правиламъ. Свитокъ—это, такъ сказать, душа синагоги и безъ него синагога теряетъ значеніе святыни или дома молитвы. Прочіе предметы синагогальной утвари, о которыхъ будемъ говорить, или не облечены духовною санкціею, хотя они и употребляются при синагогальныхъ обрядахъ, или облечены ею въ меньшей степени, такъ что не составляютъ необходимой принадлежности синагоги. Сюда принадлежатъ: 1, «Хомешъ Мгилотъ» (пять книгъ изъ Ветхаго Завѣта), а именно: пѣснь пѣсней, эклезіастъ, эсѳирь, руѳь и плачъ Іереміи; 2, «Невіимъ», нѣкоторыя главы изъ пророковъ **); 3, «Кисешелъ эліогу» (тронъ Ильи пророка). Этотъ тронъ состоитъ изъ обыкновеннаго небольшаго дивана, на которомъ возсѣдаетъ лицо, держащее на колѣняхъ младенца, во время совершенія надъ нимъ процесса обрѣзанія, если таковой совершается въ синагогѣ; и 4, «Хупа» балдахинъ, состоящій изъ четырехъ простыхъ окрашенныхъ коловъ и холстины, подъ которымъ совершается брачный обрядъ. Вотъ главныя черты внѣшняго и внутренняго вида синагоги.

---

*) Этой картинѣ, на которой море окружено левіаѳаномъ, какъ обручемъ, евреи обязаны легендою, угрожающею міру уничтоженіемъ, если онъ грѣхами своими заставитъ левіаѳана выпустить хвостъ изъ пасти.

**) Книги эти тоже написаны на пергаментѣ.

Бетъ-гамедрошъ.

Надо замѣтить, что синагога служитъ главнымъ сборнымъ пунктомъ для общественнаго моленія, можно сказать, только во время праздниковъ: «Рошъ гашана» (новаго года) и «Іомъ Кипуръ» (суднаго дня), всего на три дня въ продолженіи цѣлаго года, и въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ], именно: когда въ городъ является какой нибудь знаменитый канторъ, привлекающій публику своимъ пѣніемъ, или проповѣдникъ, пріобрѣвшій славу своимъ краснорѣчіемъ, или когда какое нибудь правительственное лицо заявляетъ желаніе присутствовать при молитвѣ, по случаю какого-либо торжества и т. п. Но безъ подобныхъ, такъ сказать, экстренныхъ случаевъ, главная синагога въ остальное время года имѣетъ весьма незначительное число посѣтителей. Въ зимнее же время главная синагога, какъ зданіе холодное, во многихъ мѣстахъ совсѣмъ закрыта.

Настоящимъ главнымъ центромъ общественнаго моленія въ продолженіи цѣлаго года составляетъ другое, меньшее по размѣру, теплое зданіе, это «Бетъ-гамедрошъ.» Это зданіе есть вмѣстѣ и главное мѣсто для различнаго публичнаго чтенія и служитъ главною талмудическою школою и сборнымъ пунктомъ для обсужденія кагальныхъ интересовъ.

Бетъ-гамедрошъ выстраивается всегда рядомъ съ главною синагогою или въ сосѣдствѣ съ нею. Внѣшній видъ Бетъ-гамедроша мало отличается отъ обыкновенныхъ еврейскихъ жилыхъ домовъ, а внутренняя его обстановка разнится отъ внутренняго вида главной синагоги присутствіемъ печей, длинныхъ столовъ, шкафовъ для мѣстной и братской библіотекъ, а также заразительнымъ воздухомъ и безпорядкомъ. Послѣдними отличительными чертами Бетъ-гамедрошъ обязанъ обитающимъ въ немъ бездомнымъ ешиботникамъ (ученикамъ талмуда) и другимъ бѣднякамъ. Кромѣ Бетъ-гакнесетъ и Бетъ-гамедрошъ, у евреевъ существуютъ еще частные молитвенные дома подъ названіями: Клаузъ, Штибель и Миніонъ.

Подобныхъ частныхъ моленъ вездѣ громадное число, по причинамъ, съ которыми мы познакомимся ниже.

Синагогальный или школьный дворъ.

Подъ именемъ «синагогальнаго или школьнаго двора» въ городахъ и мѣстечкахъ жительства евреевъ въ Россіи и Царствѣ польскомъ, слѣдуетъ понимать небольшое пространство, обыкновенно въ такъ называемомъ еврейскомъ кварталѣ города, на которомъ выстроены слѣдующія еврейскія общественныя зданія: 1, главная синагога, 2, Бетъ-гамедрошъ (заведенія, о которыхъ мы говорили), 3, общественныя еврейскія бани, съ миквою, (купель, въ которой еврейки совершаютъ свое обрядовое омовеніе послѣ періодовъ менструаціи, родовъ и проч.) и 4, общественныя отхожія мѣста, представляющія собою большое зданіе.

Вокругъ этого главнаго центра часто сгруппировано множество частныхъ молитвенныхъ домовъ, клаузовъ и проч., которые, подобно Бетъ-гамедрошу, служатъ помѣщеніями для различныхъ народно-еврейскихъ и талмудическихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ множество евреевъ, различнаго возраста и состоянія, жертвуютъ своими нравственными и физическими силами и временемъ безполезному изученію духовныхъ и гражданскихъ талмудическихъ законовъ и гдѣ всякій бездомный скиталецъ и бродяга, которыми такъ изобилуетъ еврейскій міръ, находитъ для себя безопасный и безсрочный пріютъ.

Кромѣ сего на школьномъ дворѣ существуетъ всегда *кагальная изба*, съ своими грозными и деспотическими распоряженіями, съ вѣчно шумною и грубою бранью со стороны безграничной кагальной власти и съ тяжкимъ оглушительнымъ стономъ со стороны задавленной несчастной еврейской массы, которою кагалъ до сихъ поръ управляетъ.

При подобныхъ высокихъ качествахъ неудивительно, что изба кагальная избираетъ для себя всегда самый незамѣтный уголокъ въ описанномъ нами школьномъ дворѣ. Для нея обыкновенно выстраивается небольшой придѣлъ при главной синагогѣ или Бетъ-гамедрошѣ, но всегда, такъ сказать, въ тѣни. Тутъ же въ сосѣдствѣ непремѣнно долженъ находиться остатокъ древняго синедріона, живущій до сихъ поръ подъ покровительствомъ кагальной республики и составляющій судебный

ея отдѣлъ. Это «Бетъ-динъ» со своимъ раввиномъ во главѣ, тутъ же имѣющимъ помѣщеніе для себя съ семействомъ.

Во многихъ мѣстахъ па школьномъ дворѣ находится еще «Гекдешъ» безобразный пріютъ для тѣхъ отчаянныхъ бездомныхъ бродягъ, присутствіемъ которыхъ стѣсняется даже неразборчивый Бетъ-гамедрошъ, клаузъ и проч.

Вотъ внѣшняя картина кагальной республики, съ духомъ которой исторія еще не знакома и которая живетъ властью не своею, а на прокатъ взятою у тѣхъ, которымъ она неустанно противодѣйствуетъ, какъ вѣчнымъ якобы непримиримымъ своимъ врагамъ (господствующіе законы и мѣстные представители власти). Это картина того отдѣльнаго міра, въ которомъ общественная и частная жизнь отправляется по особымъ не изслѣдованнымъ еще началамъ—это та открытая и недоступная крѣпость необоримаго талмудическаго царства.

Молитвенные дома.

По синагогальному уставу, каждый еврей обязанъ молиться три раза въ день. Установленныя для этой цѣли молитвы суть: Тефилатъ-Шахритъ (утренняя), [1]), Тефилатъ-Минха (вечерняя) и Тефилатъ-Майривъ (всенощная). Читать эти молитвы въ полномъ ихъ составѣ можетъ только *цибуръ*, общество, состоящее не менѣе, какъ изъ десяти совершеннолѣтнихъ мужчинъ (тринадцати-лѣтняго возраста). Іохида же, т. е. одно лицо, творящее эти молитвы про себя, должно пропускать въ нихъ тѣ мѣста, которыя составляютъ, такъ сказать, самую суть молитвы а именно: *Кадешъ*, *Бархy*, *Кедуша* и самое важное *Керіатъ-Гатора* (чтеніе пятикнижія [2]). Такимъ образомъ преимущество общественной молитвы передъ частною очевидно.

Всякому еврею, чтобы вполнѣ удовлетворить религіознымъ чувствамъ полною молитвою, необходимо три раза въ день посѣщать молитвенный домъ, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ сбе-

---

[1]) По субботамъ, праздникамъ и новолуніямъ къ утренней добавляется (Мусафъ).

[2]) Шулханъ-Арухъ, Орахъ-Хаимъ §§ 55—138.

речь и время, каждый изъ нихъ старается имѣть молитвенный домъ какъ можно ближе, — вотъ первая, но, надо замѣтить, не самая важная изъ причинъ, по которымъ еврейскій міръ такъ изобилуетъ молитвенными домами и молельнями. Несравненно болѣе споспѣшествуютъ размноженію молитвенныхъ домовъ и моленъ у евреевъ слѣдующія черты изъ духовной ихъ жизни.

Мѣста въ общественныхъ молитвенныхъ домахъ у евреевъ, безъ исключенія, раздѣлены на высшія для патриціевъ и низшія для плебеевъ. Надмѣнность еврейскихъ патриціевъ, которая во время оно вызвала противъ себя упрекъ Спасителя: «также любятъ первыя мѣста на пиршествахъ и въ синагогахъ, и чтобы имъ кланялись въ народныхъ сборищахъ и чтобы люди звали ихъ: учитель! учитель!» (Ев. отъ Матѳея XXIII ст. 6—7), не сокрушилась и даже не ослабѣла въ продолженіи 2000-лѣтъ; и замѣчательно, этотъ порокъ въ настоящее время нигдѣ не проявляется такъ наглядно, какъ въ молитвенномъ домѣ и при исполненіи обрядовъ.

Знать каждаго еврейскаго общества, состоящая изъ его талмудической и денежной аристократіи, и до сихъ поръ никому не уступаетъ первыя мѣста въ молитвенномъ домѣ. Самый высшій слой этой знати занимаетъ вездѣ первый рядъ мѣстъ у восточной стѣны. Этотъ наслѣдственный порокъ такъ глубоко вкоренился въ нѣдра народной почвы, что отъ него, къ сожалѣнію, не освобождаются даже евреи съ современнымъ воспитаніемъ [1]). Можно не обинуясь сказать, что, при выборѣ для себя молитвеннаго дома, еврей высшаго слоя, какого бы онъ ни былъ направленія, прогрессивнаго или консервативнаго, заботится только, чтобы мѣсто, которое онъ въ немъ займетъ, вполнѣ удовлетворяло его честолюбію, самолюбію и проч. Появленіе плебея между аристократами считалось бы оскверненіемъ ихъ священнаго знамени и оскорбило бы честь его носителей. По той же самой причинѣ не-

[1]) Такъ называемые реформированные молитвенные дома остались вполнѣ вѣрными этому порядку.

мыслимо и появленіе истаго аристократа, который только дорожитъ своимъ значеніемъ и положеніемъ въ обществѣ,—въ рядахъ плебеевъ. Это было бы явнымъ пренебреженіемъ чести своего сословія, которое легко вооружило бы тотъ общественный еврейскій духъ, съ которымъ частное лицо неохотно вступаетъ въ борьбу. Этимъ обстоятельствамъ еврейскіе города обязаны множествомъ своихъ частныхъ молитвенныхъ домовъ. Невозможность пріобрѣсти мѣсто, соотвѣтствующее требованіямъ честолюбія еврейскаго аристократа, побуждаетъ его къ сооруженію новаго молитвеннаго дома на свое имя,—вслѣдствіе чего почти во всѣхъ еврейскихъ городахъ намножилось громадное число молитвенныхъ домовъ, нарѣченныхъ именами частныхъ лицъ. Сооруженіе же подобныхъ молитвенныхъ домовъ ремесленниками: портными, сапожниками, столярами и проч.—отдѣльно, возникаетъ по одной и той же причинѣ. Понятно, что ремесленнику, на котораго еврейская знать смотритъ свысока, почти нѣтъ доступа къ восточной стѣнѣ, въ тѣхъ общественныхъ молитвенныхъ домахъ, въ которыхъ поднято аристократическое знамя. Ни богатство, ни даже особенная приверженность къ талмудическимъ обрядамъ, не проложатъ дороги къ замкнутымъ фалангамъ меюхосимъ (принадлежащіе къ знатной фамиліи). Мало того, что ремесленника оскорбляетъ отведенное для него въ обществѣ аристократовъ низшее мѣсто, его явно унижаютъ даже при исполненіи нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

При подобныхъ публичныхъ оскорбленіяхъ, съ которыми трудно примириться, неудивительно, что состоятельные ремесленники отдѣляются отъ общественныхъ молитвенныхъ домовъ и сооружаютъ для своего сословія отдѣльные молитвенные дома, гдѣ они сами уже, посреди своихъ бѣднѣйшихъ собратій, нѣкоторымъ образомъ пользуются аристократическими правами. И вотъ, при неуловимой для посторонняго глаза чертѣ еврейской общественной жизни, оказывается, что появленіе молитвенныхъ домовъ не всегда выражаетъ духовную потребность общественной жизни.

Обрядъ «Алга».

Теперь обратимся къ обряду *алга*, о которомъ нельзя умолчать при занимающемъ насъ вопросѣ. Обрядъ этотъ, который установленъ Эздрою [1]), а по мнѣнію другихъ, даже самимъ Моисеемъ [2]), заключается въ чтеніи Пятикнижія и Пророковъ при общественной молитвѣ [3]). Чтеніе это совершается не ежедневно, а по понедѣльникамъ, четвергамъ и субботамъ [4]). За нарушеніе правила касательно срока, Эздра же угрожаетъ слѣдующими словами: «кто въ продолженіе трехъ дней не занимался чтеніемъ закона, на того нападутъ враги» [5]). Кромѣ сего, чтеніе Пятикнижія и Пророковъ вошло въ составъ общественной молитвы въ праздники, новолунія и посты. Исполненіе этого обряда возложено синагогою на всѣ сословія. Онъ наравнѣ обязателенъ: для Когена (священника), для Леви [6]) (его помощника) и для Израеля (Израильтянина).— Чтеніе это совершается не иначе, какъ по Торѣ — свитку, написанному на пергаментѣ, по извѣстнымъ правиламъ талмуда, и составляющему, какъ мы выше говорили, священнѣйшій предметъ синагоги.

Приступаютъ къ совершенію этого обряда слѣдующимъ образомъ: по окончаніи чтенія *Шгмина-Эсрей* (главная часть молитвы), частное лицо вынимаетъ изъ Кивота свитокъ [7]) и передаетъ его кантору или заступающему его мѣсто. Канторъ, принявъ тору съ почтительнымъ благоговѣніемъ, произноситъ коротенькую молитву и совершаетъ торжественный ходъ на

---

[1]) Колбо, уставъ о чтеніи Пятикнижія, гл. 20.

[2]) Талмудъ, трактатъ Мегила стр. 21.

[3]) Орахъ-Хаимъ § 135.

[4]) Тамъ же.

[5]) Колбо, гл. 20.

[6]) У евреевъ до сихъ поръ существуетъ древнее духовенство ааронидовъ и левитовъ См. Вил. вѣстн. 1866 г. №№ 149, 151 и 173.

[7]) Вынимать свитокъ изъ Кивота, вставлять оный обратно, свивать и одѣвать его называется Мицвотъ (обѣты).

эстраду, при чемъ народъ окружаетъ его и прикладывается къ свитку. На эстрадѣ кантора со свиткомъ встрѣчаютъ Сеганъ или Габай (староста) или Шамешъ (служка). Положивъ свитокъ на столъ эстрады, канторъ, по указанію габая, громко и нараспѣвъ призываетъ, по имени и отчеству, того, кто удостоился первымъ приступить къ чтенію. На этотъ зовъ приглашенное лицо поднимается съ своего мѣста и отправляется на эстраду. Приложившись къ торѣ, приглашенный громко произноситъ молитву: «Благословляйте Iегову благословеннаго! Благословенъ будь Iегова благословенный во вѣки вѣковъ! Благословенъ еси ты Iегова, Царь вселенной, который избралъ насъ изъ всѣхъ народовъ и далъ намъ свой законъ. Благословенъ еси ты, Iегова-законодатель.» Народъ отвѣчаетъ «аминь» и тутъ начинается чтеніе [1]). По окончаніи онаго, приглашенный опять громко произноситъ: «Благословенъ еси ты, Iегова, Боже нашъ, Царь вселенной, который далъ намъ законъ истинный. Благословенъ еси ты, Iегова, давшій законъ.»

Вотъ въ чемъ заключается обрядъ *аліа*; приглашенный къ чтенію закона, значитъ, получаетъ алію, т. е. онъ удостоивается взойти на Синайскую гору, которую эстрада представляетъ въ молитвенномъ домѣ и читать законъ, дарованный Богомъ избранному Израилю.

О важности и обязательности этого обряда для вѣрующаго еврея, кажется, излишне было бы распространяться. Дѣло говоритъ тутъ само за себя. Установленъ онъ, какъ мы выше видѣли, Эздрою или Моисеемъ, значитъ, авторитетами, посланными, свыше; содержаніе его есть слово Божіе; совершается онъ надъ главною святынею евреевъ, торою, публично, торжественно и сопровождается Мишебейрахомъ (благословленіемъ, которое канторъ громко произноситъ получившимъ *аліа*, присутствующимъ и не присутствующимъ лицамъ изъ ихъ фамиліи

[1]) Такъ какъ читать вполнѣ правильно и еще съ правильнымъ напѣвомъ по свитку, писанному безъ пунктуаціи и знаковъ препинанія, рѣдко кто умѣетъ, то при каждомъ порядочномъ молитвенномъ домѣ состоитъ особый Баалъ-корея, ученый чтецъ, который читаетъ въ слухъ, а лице приглашенное повторяетъ каждое слово въ тихомолку.

и друзьямъ, на которыхъ они указываютъ), — все это ясно говоритъ о святости этаго акта и о высокомъ мѣстѣ, которое онъ долженъ занять и занимаетъ въ жизни еврея.

При таковыхъ условіяхъ, прикрѣпляющихъ алію, такъ сказать, къ самымъ чувствительнымъ нервамъ еврейскаго народнаго духа, и при выше приведенномъ изреченіи, угрожающемъ нападеніемъ враговъ за трехдневное оставленіе торы, которое талмудъ вложилъ въ уста пророка Эздры, аліа не могла не сдѣлаться насущною духовною пищею для каждаго еврея и онъ, помня объ ней, не можетъ не стараться какъ можно чаще ее получать. Отсюда понятно, почему талмудическій уставъ о Керіатъ-Гаторѣ (чтеніе Пятпкнижія) больше распространяется о гражданской сторонѣ, чѣмъ о духовной этаго обряда т. е., опредѣляя число аліотъ для каждаго случая, при которомъ онѣ производятся и права претендентовъ на полученіе оныхъ, подробно говоритъ только объ обязанностяхъ для раздающихъ эти дары, а не о потребности и обязательности въ ихъ полученіи. Повторяемъ, что сила, напоминающая еврею о потребности аліа и побуждающая его къ полученію оной, истекаетъ уже, какъ мы видѣли, изъ самаго обряда, и свѣтлаго и утѣшительнаго содержанія онаго для еврея, изъ торжественной обстановки, при которой она совершается, а еще болѣе изъ угрозы Эздры за оставленіе торы на три дня. Послѣднее обстоятельство даетъ коментаторскому духу талмудическаго піетизма такой просторъ, что у Зоара аліа обратилась въ стрѣлу, которою можно поражать самую смерть, [1]) а что ею смѣло можно бороться со всѣми невидимыми, окружающими человѣка враждебными силами, объ этомъ и говорить нечего.

При такой обстановкѣ понятно, что талмудъ, при составленіи правилъ о Керіатъ-Гаторѣ, считалъ излишнимъ заниматься уясненіемъ для жаждущихъ потребности воды или принужденіемъ ихъ къ утоленію оной, въ то время, когда они стоятъ у источника, и заботился только какъ слѣдуетъ о

---

[1]) Зоаръ, отдѣлъ Шелахъ-Леха 262 стр. 2.

томъ, чтобы устремившіеся къ источнику не повредили и не задавили другъ друга. Для этой цѣли, т. е. для устраненія столкновеній, которыя дѣйствительно часто случаются между ищущими алiа, существуютъ слѣдующія правила: въ субботу, когда читается одинъ, а иногда два изъ 54 отдѣловъ, на которые раздѣлено пятикнижіе, въ чтеніи участвуютъ 7, а вмѣстѣ съ Мафтиромъ (чтецомъ гл. изъ пророковъ) 8 человѣкъ. Въ субботу при вечернемъ молитвословіи, по понедѣльникамъ и четвергамъ читается только 1/7 часть субботняго отдѣла, при чемъ участвуютъ три человѣка. Въ дни праздниковъ, новолунія, постовъ и проч. участвуютъ 4, 5 и 6 человѣкъ [1]).

О правахъ на полученіе аліа.

Первая аліа принадлежитъ Когену (потомку Аарона), вторая Левиту, остальныя идутъ въ удѣлъ народу [2]): Въ отсутствіе Когена, Леви беретъ первую алію. Въ отсутствіи Леви, Когенъ беретъ первыя двѣ, свою и Леви. Таковое право выражаетъ преимущество духовенства. Въ отсутствіи же Когена и Леви ихъ аліотъ дѣлаются достояніемъ другихъ лицъ недуховнаго званія, присутствующихъ при молитвѣ [3]). Для раздачи аліотъ, принадлежащихъ народу, существуетъ слѣдующій порядокъ: 1. Наси (князь), 2. Талмудъ хахамъ (ученый талмудистъ), и 3. Парнесъ (представитель общественнаго управленія) берутъ самыя высшія аліотъ, которыми считаются Шелиши и Шиши, (3-я и 6-я), прочія идутъ въ удѣлъ остальнымъ [4]). Хіюбимъ, т. е. лицами, которымъ всѣ должны уступать алію, считаются слѣдующія: 1, Баръ-Мицва, т. е. лицо достигающее полнолѣтія, 2, женихъ въ субботу передъ свадьбою и послѣ оной, 3, мужъ родильницы, 4, отправляющій годовщину (панихиду) по родителяхъ, 5, окончившій первую недѣлю траура и проч. и проч. [5]).

---

[1]) Колбо гл. 20.

[2]) Этотъ порядокъ введенъ, «мипней дарке шаломъ», т. е. для примиренія всѣхъ сословій. Орахъ-Хаимъ гл. 135.

[3]) Орахъ-Хаимъ гл. 135.

[4]) Колбо гл. 20.

[5]) Для подробнаго изученія правилъ, которыхъ синагога должна при-

При существующемъ уставѣ о Керіатъ Гаторѣ число законныхъ аліотъ въ продолженіи мѣсяца въ каждомъ молитвенномъ домѣ можетъ дойти до 75, не болѣе. При чрезвычайной многочисленности еврейскихъ молитвенныхъ домовъ можно было бы подумать, что эта цифра весьма достаточна и вполнѣ способна удовлетворить потребности въ аліотъ во всѣхъ отношеніяхъ; однако же на дѣлѣ выходитъ не такъ. Число законныхъ аліотъ оказывается вездѣ далеко недостаточнымъ, вслѣдствіе чего, для полнаго удовлетворенія потребности въ нихъ, разрѣшено дѣлать добавочныя аліотъ. Таковыя добавочныя аліотъ имѣютъ свое мѣсто между 6-ю и 7-ю аліотъ при субботнемъ чтеніи торы [1]), идутъ въ удѣлъ низшему классу и называются плебейскими.

При такомъ значеніи аліотъ въ еврейской жизни, нельзя не согласиться, что алія есть одна изъ важнѣйшихъ причинъ, по которымъ молитвенные дома у евреевъ размножаются.

Въ заключеніе нашего обозрѣнія обряда алія мы должны обратить вниманіе еще на одно весьма важное обстоятельство, а именно: аліотъ, подобно мѣстамъ синагоги, тоже раздѣлены, какъ мы видѣли, на аристократическія и плебейскія, при чемъ желаніе уйти отъ позора, при полученіи плебейской аліи, или пользоваться правами аристократа тоже не рѣдко служитъ побудительною причиною къ постройкѣ своего собственнаго молитвеннаго дома и весьма часто къ устройству молельни въ своей квартирѣ. [2])

Для полнаго разъясненія занимающаго насъ вопроса, намъ необходимо еще познакомиться съ уставомъ о траурѣ у евреевъ. Въ жизни каждаго еврея непремѣнно встрѣчаются цѣлыя недѣли, въ которыя его квартира обращается въ молельню и цѣлые годы, въ которые синагога возлагаетъ на него обязанность не только аккуратно, три раза въ день, являться

держиваться при раздачѣ аліотъ, можетъ служить книга Колбо гл. 20 и туръ Орахъ-Хаимъ гл. 135.

1) Подробно объ этомъ см. «Еврейскія братства» Брафмана. Вильна 1868 г.

2) Тамъ же.

къ общественной молитвѣ, но и быть въ ней баалъ-тефилою т. е. заступающимъ мѣсто кантора, а религіозное чувство, совѣсть и любовь къ старому отцу или матери, семейныя связи и наконецъ общественное мнѣніе, которое при существованіи кагала не можетъ не быть опаснымъ для частнаго человѣка, все вмѣстѣ требуетъ отъ него точнаго и строгаго исполненія этой обязанности. Смерть каждаго еврея или еврейки, безъ различія возраста, подвергаетъ ближайшихъ членовъ семейства до третьяго колѣна по прямой и побочной линіямъ, обряду «шива» т. е. семидневному трауру. Отправляющій трауръ въ продолженіи цѣлой недѣли долженъ отказаться отъ всѣхъ житейскихъ удовольствій и занятій и заботиться только о спасеніи души усопшаго.

Для этой цѣли взрослымъ мужчинамъ необходимо нужно быть представителемъ общественной молитвы т. е. быть въ ней канторомъ, а малолѣтнимъ и неспособнымъ къ исполненію этой обязанности—читать, по крайней мѣрѣ, при общественной молитвѣ душеспасительный *Кадешъ*. Безъ исполненія этаго священнаго долга со стороны ближайшихъ родственниковъ, душѣ умершаго, по вѣрованіямъ евреевъ, почти нѣтъ спасенія. Но такъ какъ, въ продолженіи семидневнаго траура, отправляющему оный запрещено оставлять квартиру, то, для чтенія общественной молитвы и кадеша, молельщики собираются къ нему три раза въ день, при чемъ квартира его неминуемо обращается въ молельню. У бѣдныхъ, по истеченіи семидневнаго траура, эта молельня закрывается, у состоятельныхъ же она существуетъ мѣсяцъ, цѣлый годъ, а нерѣдко остается на всегда. Обязанность исполненія общественной молитвы и чтенія кадеша, о которой мы сейчасъ говорили, прекращаясь для другихъ членовъ семейства съ истеченіемъ траурной недѣли, для сыновей покойнаго остается во всей своей силѣ на 11 мѣсяцевъ. При такомъ порядкѣ вещей, весьма понятно, что, для свободнаго и аккуратнаго исполненія сказанной обязанности сыновьями, необходимо на цѣлый годъ образовать молельню у себя въ квартирѣ. Это единственное средство для устраненія препятствія къ исполненію долга со стороны дру-

гихъ претендентовъ. И каждому еврею, который только неугнетенъ крайнею нищетою, трудно не прибѣгать къ средству, въ которомъ онъ самъ и среда, въ которой онъ живетъ, видятъ единственный и вѣрнѣйшій залогъ вѣчнаго блаженства и спасеніе души своихъ родителей. При такихъ требованіяхъ синагоги, само собою разумѣется, что число моленъ, остающихся послѣ недѣльнаго траура, неминуемо всегда весьма значительно. Но сколько именно изъ общаго числа подобныхъ импровизированныхъ моленъ закрывается съ истеченіемъ траурной недѣли и сколько ихъ остается на дальнѣйшій срокъ, опредѣлить трудно; вѣренъ только тотъ важный фактъ, что благодаря синагогальному уставу о трaурѣ, каждый смертный случай непремѣнно пораждаетъ нѣсколько моленъ, смотря по числу членовъ семейства умершаго и по числу занимаемыхъ ими отдѣльныхъ квартиръ. При многочисленности еврейскихъ семействъ, можно было бы принять, что каждый смертный случай рождаетъ три и четыре молельни, но если за среднее число примемъ только двѣ, то на основаніи статистическаго закона, считающаго у насъ 15 смертныхъ случаевъ на каждую тысячу душъ, въ средѣ 45,000 евреевъ города Вильны ежегодно образуется minimum 1,350 временныхъ моленъ.

И наконецъ при обозрѣніи причинъ, по которымъ Іудейство изобилуетъ молельнями, не можетъ не обратить на себя наше вниманіе уставъ объ Ируве-Техуминъ т. е. уставъ, по которому еврею въ субботніе дни запрещено дѣлать болѣе 2,000 шаговъ по одному направленію, слѣдовательно еврей, живущій въ деревнѣ, не можетъ не стараться о томъ, чтобы въ его субботнемъ раіонѣ существовала молельня.

Я. Брафманъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ издателя. стр.
Предисловіе къ запискамъ Добрынина . . . . I — XXIII.
Изъ записокъ Добрынина, русскаго чиновника, служившаго въ сѣверозападномъ краѣ въ концѣ минувшаго и въ началѣ нынѣшняго стол. . . . . 1.
Воспоминанія сельскаго священника о послѣднемъ польскомъ мятежѣ, свящ. *К. В. М.....скаго* . . . . 64.
Село Спорово, *Э. Ставровича* . . . . 88.
Воспоминанія сельскаго священника о послѣднемъ ксендзовско-польскомъ мятежѣ 1863 г. въ сѣверозападномъ краѣ Россіи, въ в-скомъ уѣздѣ, в-ской губерніи, *св. М. И—аго* . . . 98.
Лабори (Этнографическій очеркъ) *Ө. Ставровича* . . . . . . 119.
О православныхъ церквахъ въ городѣ Кобринѣ (Историческій очеркъ) *Ивана Котовича* . . . . 145.
Очерки быта западно-русскаго крестьянина, *Юліана Крачковскаго* 160.
Два письма изъ сѣверозападнаго края . . . . 210.
Замѣтки о латышахъ трехъ инфляндскихъ уѣздовъ Витебской губерніи. *А—ра* . . . . 223.
Вильна въ началѣ XVI столѣтія (по Брауну и другимъ источникамъ) *С. Преображенскаго* . . . . 244.
Нѣсколько словъ о еврейскихъ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ въ Россіи и о причинахъ ихъ размноженія *Я. Брафмана* 266.

